

КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

75

Январь
Февраль
Март

● 93

Слушай-ка! Скоро или не скоро
Снова услышишь ты на полках
песню фарфора!
Надо дожидаться только,
чтобы полночь пробило
И молчаливая толпа заговорила...

Новелла
Матвеева.

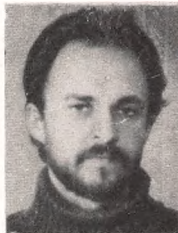
В последующие дни мне предстояло
открыть маленькую ухоженную страну,
погруженную в сытое равнодушие ко всему,
в том числе и к истории своей, ко всему,
что не касалось
домашнего очага,
семейного
благополучия,
своего кормного корыта.

Виктор
Астафьев.

Самоопределение Церкви в современности —
неизбежно ставит вопрос об "общественном
измерении" Православия и о современной
оценке позиции и практики Церкви в про-
шлом, с одной стороны и об отношении рели-
гиозного сознания к новоевропейскому секу-
лярному обществу и государству, с другой.

Александр Кырлежев
Константин Троицкий.

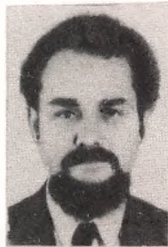

"Красное колесо" — огромное исто-
рическое повествование о потере
добродетели. Потеряны те четыре
средневековых
добродетели, на
которых зиждет-
ся мир: спра-
ведливость, бла-
горазумие, воз-
держание и му-
жество.

Жорж
Нива.

Мы можем честно и прямо сказать, что теперь
мы не христианский народ, что небесное нам не
нужно более и мы хотим просто и честно жить
на земле, следуя закону раз-
умного эгоизма. Такое слово
будет словом правды, хотя в
каком-то тайнике сердца чуть
слышный голос будет шеп-
тать нам, что без Бога и на
земле мы не будем счастли-
вы, что без вечного и времен-
ное теряют смысл.

Андрей
Зубов.

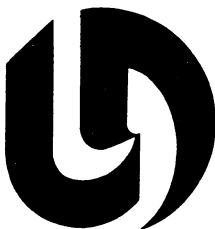

Ⓚ

КОНТИНЕНТ – CONTINENT

Совместное издание

Редакции журнала «Континент»,
Ассоциации друзей журнала «Континент»
(Париж, Президент Ассоциации и основатель-учредитель
журнала «Континент» **ВЛАДИМИР МАКСИМОВ**),
Издательства «Московский рабочий»

**ИНКОМ
БАНК**

Журнал издается при содействии ИНКОМБАНКа

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит четыре раза в год

МОСКВА – ПАРИЖ

январь
Февраль
март

93

75

Главный редактор: Игорь Виноградов
Зам. главного редактора: Игорь Тарасевич
Ответственный секретарь: Сергей Юров
Зав. редакцией: Вячеслав Лютыи
Зав. отделом распространения: Эля Басманова

Редакционная коллегия:

Василий Аксенов • Виктор Астафьев • Ценко Барев •
Николас Бетелл • Александр Блок • Иосиф Бродский •
Владимир Буковский • Армандо Вальядарес •
Галина Вишневская • Георгий Владимов • Ежи Гедрой •
Густав Герлинг-Грудзинский • Пауль Гома •
Милован Джилас • Пьер Дэкс • Вячеслав Иванов •
Эжен Ионеско • Фазиль Искандер • Оливье Клеман •
Роберт Конквест • Наум Коржавин • Эдуард Кузнецов •
Николаус Лобковиц • Эдуард Лозанский •
Эрнст Неизвестный • Жорж Нива • Амос Оз •
Булат Окуджава • Ярослав Пеленский •
Норман Подгорец • Андрей Седых •
Виктор Спарре • Витторио Страда • Юзеф Чапский •
Карл-Густав Штрэм • Юлиу Эдлис •

Корреспонденты «Континента»

Италия

Сергей Рапетти
Sergio Rapetti
via C. Najech 10
20129, Milano, Italia

США

Эдуард Лозанский
Edward D. Lozansky
3001 Veazey Terrace, N. W.
Washington, D. C. 20008 USA

Япония

Госуке Утимура
Higashi-Yamato, Hikariga-oka 10-7
189 Tokyo, Japan

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются, и в переписку по этому поводу редакция не вступает.

Рукописи, присылаемые на дом работникам редакции, не рассматриваются. При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент» обязательна.

Название журнала «Континент» © В. Е. Максимова

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Блажеевский <i>Бег на месте. Стихотворения</i>	7
Владимир Максимов <i>Где тебя ждут, ангел?</i> Встречи в 2 актах, 6 картинах	23
Новелла Матвеева <i>Озимые. Стихотворения</i>	60
Александр Покровский <i>Атомник Иванов. Рассказы</i>	66
Семен Липкин <i>Новый январь. Стихотворения</i>	89
Николай Коняев <i>Накануне, или сны незабытые. Рассказы</i>	94
Виктор Астафьев <i>Из цикла "Затеси"</i>	111

РОССИЯ

Андрей Зубов <i>Пути России</i>	124
--	-----

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

<i>Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И.Солженицына</i>	160
--	-----

РЕЛИГИЯ

Митрополит Сурожский Антоний
Божественная литургия – местопребывание Духа.
Слово в соборе Парижской Богоматери
26 октября 1975 года 230

Александр Кырлежев, Константин Троицкий
Современное Российское православие
Статья первая.
Типология религиозного сознания 241

ГНОЗИС

Шимон Маркиш
Наперевес с чем? 263

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Игорь Виноградов
Солженицын-художник 273

Жорж Нива
Поэма о "разброде добродетелей" 286

Евгений Ермолин
Место человека во Вселенной
Обзор российской журнальной прозы
1992 года 296

Разное 325

БЕГ НА МЕСТЕ

Из цикла

«СЕМИДЕСЯТЫЕ»

I.

А жил я в доме возле Бронной,
Среди пропойц, среди калек.
Окно в простенок, дверь к уборной
И рупь с полтиной за ночлег.

Большим домам сей дом игрушечный,
Старомосковский, не чета.
В нем пахла едко, по-старушечьи,
Пронзительная нищета.

Я жил затравленно, как беженец,
Летело время кувырком,
Хозяйка в дверь стучала бешено
Худым стервозным кулаком.

Евгений
БЛАЖЕЕВСКИЙ

— родился в 1947 году в Кировабаде (ныне Гянджа). Окончил Московский полиграфический институт. Автор книги стихов «Тетрадь» (1984).

Судьба печальная и зыбкая
Была картиной и рассказом,
Когда она, как мать над зыбкою,
Спала, склонясь над унитазом,

Или металась в коридорчике,
Рукою шарила обои,
По сыну плакала, по дочери,
Сбежавшая с офорта Гойи.

Но чаще грызли опасения
И ночью просыпался зверь.
Кричала: – «Сбегай к елисееву
За водкой!...» и ломилась в дверь.

Я в это время окаянное,
Средь горя и макулатуры,
Не спал. В окне галдели пьяные,
Тянуло гарью из Шатуры.

И я, любивший разглагольствовать
И ставить многое на вид,
Тогда почувствовал, о Господи,
Что эта грязь во мне болит.

Что я, чужою раной раненный,
Не обвинитель, не судья.
Страданий страшные окраины,
Косая кромка бытия...

1973

2.

Как обозвать тот год, когда в пивных
Я находил забвенье и отраду,
За столиком на лавках приставных,
Вдыхая жизни крепкую отраву?..

Еще не зная, что и почему,
В квартире у татарина Джангира
Я пил вино в махорочном дыму
Жестокого расхристанного мира,

Где в подворотне властвовал кулак
И головы звенели от затрещин,
Где мутный бар напоминал бардак
И пахло рыбой от веселых женщин.

Как обозвать тебя, безумный год
Москвы, уже исчезнувшей в овраге
Глухих времен, где шелудивый кот
Читал свои доклады по бумаге.

И ожидал тюрьмы да Колымы,
В Рязани не тоскуя по Вермонту,
Писатель, будораживший умы.
И слух гулял, как ветерок по понту:

Что выручил коллега по перу,
Что рукопись увез прозаик с Рейна...

О год, ушедший в черную дыру
Дымящейся Шатуры и портвейна!

Как обозвать тебя, как обласкать?..
Немытый, словно кружка в общепите,
Ты был прекрасен!.. Если обыскать
Словарь, то не найду другой эпитет.

Ты был прекрасен!.. Хоть в чужом доме
Я ночевал и пиво пил в подвале,
Но молодость была и потому
Со мною времена не совпадали.

1988

ФРАГМЕНТЫ ДИАЛОГА С АНТОНИНОЙ ВАСИЛЬЕВНОЙ

Лаврентий Берия мужчиной сильным был.
Он за ночь брал меня раз шесть...
Конечно,
Зимой я ела вишню и черешню
И на моем окне
Представь, дружок,
Всегда стояла белая сирень...

Но он преступник был!
Как вы могли...

Да так,
Я проходила мимо дома Чехова,
Когда «Победа» черная подъехала
И вылезший полковник предложил
Проехать с ним в НКВД...
О, Боже,
Спаси и сохрани!
А за углом
Был дом другой
И я ревмя редела,
Когда меня доставили во двор.

Но расторопно-вежливый полковник
Помог любезно выйти из машины,
По лестнице провел проходом узким
И в комнате оставил у бильярда
Наедине со страхом ледяным.

Прошло минут пятнадцать.
Я пришла
В себя,
Когда раскрылась дверь внезапно
И сам Лаврентий вышел из-за шторы
И сразу успокоил,
Предложив
Сыграть в «американку» на бильярде...

Как это страшно...

Поначалу страшно,
Но я разделась сразу.
В этом доме
Красавицы порою исчезали,
А у меня малютка-дочь...

Да и к тому же это был мужчина:
В любое время деньги и машина,
Какая благодать,
Какой размах!...
Я отдавалась, как страна грузину.
Шампанское рекой,
Зимой корзины
Сирени белой!..
Он меня любил.

Но он сажал, расстреливал, пытал!..

А как бы ты с врагами поступал?

Не знаешь...
И поймешь меня едва ли.
А он ходил в батистовом белье,
Мы веселились,
Пили «Цинандали»
И шел тогда пятидесятый год...

1978

***

Сегодня проносятся бесы
Над мокрою мостовой.
Мой город, без интереса
Расстанемся мы с тобой.

Метель окружает, свищет
С пронзительною тоской.
Незримое пепелище
Козицкий...Страстной...Тверской...

Несбыточность кажется жалкой:
Так в десять, в пятнадцать так
Пытаются зажигалкой
Рассеять вселенский мрак.

Но тут появляются гости,
Бутылка на пьяном столе
С наклейкой, где кожа да кости,
Ведьма летит на метле.

Но гости уже, как потери,
О коих не стоит жалеть.
Прощайте, друзья из артели,
Желающей голос иметь.

Прощайте, поэты Корейки!..
Вперед протянув пятерню,
Тяжелые бедра еврейки
Устало к себе притяну.

Родная, о прошлом ни звука...
К чему канитель и возня,
Когда нас разводит разлука,
Тоску под лопатки вонзя!

Мне холодно в этом просторе,
Где пусто – зови, не зови –
И ложью попрали простое
Понятье добра и любви.

Мне холодно в шумной толкучке,
Где роком больна молодежь,
Где ты до горячки, до ручки
Вдоль сточной канавы дойдешь,

Где нам, захлебнувшись минутой,
Не выжить в строке и в мазке.
О, бесы, что рыщут в продутой
И полубездомной Москве!..

1973

ДРУГУ

По улице Архипова пройду
В морозный полдень
Мимо синагоги
Сквозь шумную еврейскую толпу,
Сквозь разговоры об отъезде скором,
И на меня, прохожего,
Повеет
Чужою верой
И чужим презреньем.

И будет солнце в медленном дыму
Клониться над исхоженной Солянкой,
Над миром подворотен и квартир,
В которых пьют «Кавказ» и «Солнцедар»
По случаю зарплаты и субботы.

И будет воздух холодом звенеть,
И кучка эмигрантов в круговерти
Толкаться,
Выяснять
И целоваться,
И будет дворник с видом безучастным
Долбить кайлом,
Лопатую скрести.

И ты мне будешь объяснять причину
Отъезда своего

И говорить
О праве человека на свободу
Души и слова,
Веры и судьбы.

И будем мы стоять на остановке,
Где гражданин в распахнутом пальто,
Такой типичный в этой обстановке,
Зашлепает лиловыми губами,
Но только кислый пар,
И ни гугу.

И ты меня обнимешь на прощанье,
А я увижу рельсы,
По которым
Уедешь ты
Искать и тосковать.

Ох, это будет горькая дорога!..
И где-нибудь,
В каком-нибудь Нью-Йорке
Загнутся рельсы,
Как носы полозьев...

Свободы нет,
Но есть еще любовь
Хотя бы к этим сумеркам московским,
Хотя бы к этой милой русской речи,
Хотя бы к этой Родине несчастной.
Да,
Есть любовь.
Последняя любовь.

1976

ЧИТАЯ СТАТЬЮ О ГЕНЕРАЛЕ М. Д. СКОБЕЛЕВЕ

Я в памяти события перебрал.
Точнее, не события, а наметки
Неясные, как легкий след подметки:

Где вестовой прошел, где генерал,
Где проходил Желябов, где пустой
И ветренный, но симпатичный денди?..
Одно лишь ясно: вот ходили дети,
Вот Федор Достоевский и Толстой.

А вот спешит Кибальчич проходным
Сквозным двором, неся в пакете порох...
Следы... следы...
Журналов жухлый ворох
Ворочаю порой по выходным.

А вот еще один неясный след
Героя Плевны и других сражений,
Что в ресторане был без сожалений
Отравлен кем-то...
Заглянул – ослеп.

История немыслимо темна,
Настолько безвозвратна, что не надо
В подвалах затоваренного склада
Искать архивы, путать имена...

1978

ВОСПОМИНАНИЕ О МЕТЕЛИ

Мокрый снег. За привокзальным садом
Темнота, и невозможно жить,
Словно кто-то за спиной – с насадом –
Обрубил связующую нить.

Мертвый час. Не присмолить окурка,
Мерзнут руки, промерзает взгляд...
Вдоль пустынных улиц Оренбурга
Я бреду, как двести лет назад.

Что-то волчье есть в моей дороге —
В темноте да на ветру сквозном!..
И шинель, облапившая ноги,
Хлопает ноябрьским сукном.

Хлопают дверьми амбары, клетки.
Путь лежит безжалостен и прям.
Но в домах посапывают дети,
Женщины придвинулись к мужьям.

Но, уйдя в скорлупы да в тулупы,
Жизнь течет в бушующей ночи.
Корабельно подвывают трубы,
Рассекают стужу кирпичи.

И приятно мне сквозь проклятуший,
Бьющий по лицу колючий снег
Видеть этот медленно плывущий
Теплый человеческий ковчег...

1982

УРАЛ

Вороны прославляют Каргалу,
Вороны каркают, последний слог глотая.
Исщипан воздух весь, похожий на золу,
Бежит волчицей степь, петляя и плутая.

Весенний день оглох от гомона ворон,
Стоит, облокотясь, у заводской конторы.
И если поглядеть, то с четырех сторон
Свинчаткою небес окружены просторы.

Но если подышать всей грудью, то на миг
Почувствуешь размах, не знающий опоры.
Вот почему сюда бежали напрямик
Солдаты, кузнецы, раскольники и воры.

Здесь нету суеты заласканных земель,
Здесь все наперечет, здесь «только» или «кроме».
Как исповедь души, вобравшей вешний хмель,
На сотни русских верст разбросанные комья

Передо мной лежат в суровой нагоде,
Но что-то в них живет мучительно и свято.
Такая нагота присутствует в Христе,
Распятая земля воистину распята...

1978

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Как хорошо в рождественскую ночь
Лежать в обнимку с милым существом,
Которое смогло тебе помочь,
Все беды отодвинув «на потом».

Как хорошо не числиться, хоть миг,
В составе городского поголовья,
Захлопнуть время – худшую из книг –
И нежный воск зажечь у изголовья.

И что бы там ни ожидало нас,
Но не пройдет сквозь временное сито
Со шлаком жизни просветленный час,
В котором и единственно, и слитно:
Жены уснувшей тихое тепло,
Шажки минут и беглый запах елки...

А за стеной морозно и темно
И кажется, что где-то воют волки.

1978

***

Теперь, когда надо проститься
По совести и по уму,
Не надо обратно проситься
В свою голубую тюрьму.

Не надо надеяться втайне
На лунный серебряный свет.
Осталось одно очертанье,
Названья которому нет.

Осталось горенье заката,
Далекого моря прибой,
Осталась глухая утрата
Того, что случилось с тобой.

Того, что могло бы случиться,
Того, что в себе износил...
Но нету, увы, очевидца
Слепому горению сил.

А молодость-штучка, Лолита,
Кивнув равнодушно душе,
Сошла, как выходит из лифта
Чужой
На чужом
Этаже...

1986

***

Лагерь и питомников дети,
В обворованной сбродом стране
Мы должны на голодной диете
Пребывать и ходить по струне.

Это нам , появившимся сдуру,
Говорят: «Поднатужся, стерпи...»

Чтоб квадратную номенклатуру
В паланкине носить по степи.

А за это в окрестностях рая
Обещают богатую рожь...
Я с котомкой стою у сарая
И словами меня не проймешь!

1990

ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

В шашлычной шипящее мясо,
Тяжелый избыток тепла.
И липнет к ладони пластмасса
Невытертого стола.

Окурок, свидетельство пьянки,
Вчерашней в горчицницу врос.
Но ранние официантки
Уже начинают разнос.

Торопят меню из каретки,
Спеша протирают полы
И конусом ставят салфетки,
Когда сервируют столы.

Меж тем посетитель фронтально
Сидит от прохода левой
И знает, что жизнь моментальна,
Бездумна, как пух тополей.
Легка от ступни до затылка
Блаженно опустошена...

К руке прикипела бутылка
И хочется выпить вина.

И он вспоминает, как силою
Желанья

завлек ее,
Кустодиевски красивую
В запущенное жилье.

Туда, где в диване вспоротом
Томилаь трава морская
И злым сыромятным воротом
Душила тоска мужская.
Туда, где немисливо пятиться
И страсть устранила намека,
Когда заголяла платьице,
Слепя белизною ног.
Когда опрокинула плечи,
Когда запрокинула взгляд...

Казалось, в Замоскворечье
Он любит сто лет назад.
Казалось, что в комнате душной
Сквозь этот ленивый стон,
Услышится стук колотушный
И колокольный звон...

Красавица влажно дышала
И думал он, как в дыму,
Что не миновать централа
И Первого марта ему...
Что после,
Под пыльною каской
Рукой зажимая висок,
Он встретится с пулей китайской
И рухнет лицом на Восток.
Что в спину земная ось ему
Вопьется,
а вдоль бровей,
Как пьяный по зимнему озеру,
По глазу пройдет муравей...

В толкучке трагедий и залпов,
В нелепом смещении дней
Безумие бреда!.. Но запах,
Идуший от кожи твоей,

Но шорох Страстного бульвара,
Но жажда ночной наготы...

...Вошла симпатичная пара,
Неся в целлофане цветы.
Сидит посетитель фронтально
К окну от прохода левей
И знает, что жизнь моментальна,
Бездумна, как пух тополей,
Легка от ступни до затылка
Блаженно опустошена...
К руке прикипела бутылка,
И хочется выпить вина.

1976

***

Бег на месте любит судьба, сама
Расставляя часы над истерзанным ухом.
От ночного топтания можно сойти с ума,
Если вдруг обладаешь хорошим слухом.
И часы подбегают к постели, держа
На китайском подносе письмо анонима...
Я и сам понимаю, и без дележа
На секунды, что жизнь бесконечно гонима
По скрипучему кругу слепых лошадей,
Но не будет в скитаниях точки последней.
И не надо пугать одиноких людей,
Забегая вперед и толкаясь в передней!..

1991

ПОСТСКРИПТУМ

Я обернулся. Жизнь моя
Напоминает скомканный платок,
Потерянный проходим возле урны.

Не надо врать и становиться на котурны,
На них не перейти бушующий поток
И не спасти сомнительное «Я».
Что делать, если суть искажена
И трудно мне на переходе этом
Из мрака в темноту... До новой жизни
(она случится, но в другой Отчизне)
Довольствоваться буду слабым светом
И степью, что ветрами сожжена.
Я появился в первый раз давно –
В Ирландии в тринадцатом столетье.
И, видно, потому люблю камин,
Пустое море, скалы и кармин
Заката, и глухое лихолетье
Средневековья... Мне другого не дано.
Но все же я хочу родиться вновь
Не на угрюмом Севере, а, скажем,
В далекой и прекрасной Аргентине,
Где танго и цветы, как на картине,
И где душа, с ее суровым стажем,
Согреется и обновится кровь.
Кричу: – «До новой встречи, господа!..»
И чувствую волна кадык подперла
И вертится безумная рулетка,
И ставки душ повышены, и ветка
Маршрута обозначена, и горло
Приятно холодит летейская вода.

1989

ГДЕ ТЕБЯ ЖДУТ, АНГЕЛ?

Встречи в 2 актах, 6 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергей Горышев – художник.
Наталья Горышева – его жена.
Бабка Настя – пенсионерка.
Родион – ее внук.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Жаркий солнечный день. Двор деревенского дома, огороженный ветхим штакетником. Двумя окнами и крыльцом дом выходит во двор. На подоконнике одного из окон, экраном к нам работающий телевизор, но с отключенным звуком. Слева дерево, под которым стол – со вкопанными по обе стороны скамьями. К дереву прибит рукомойник. На скособоченном крыльце, в исподней рубахе, ватных штанах и калошах на босу ногу, сильно навеселе сидит Родя. Лениво растя-

живая обвисшую у него с колен трехрядку, он складывает: «На пыльных дорожках далеких планет остаются наши следы...»

В проеме калитки, с рюкзаком и походным этюдником за плечами появляется Сергей.

Сергей. Здравствуйте.

Родя (*резко меняет музыкальную тему*). «Здравствуй, здравствуй, город мой родной, здравствуй, здравствуй, город над Невой...»

Сергей. Горышев Сергей. Художник. Из Москвы.

Родя. Маршала Малиновского знаешь?

Сергей. Слышал.

Родя. Я ему тезка.

Сергей. Родион, значит?

Родя. Грамотный.

Сергей. Вот и познакомились.

Родя. Всухую?

Сергей. Не пью.

Родя. Я тоже.

Сергей. Приятно поговорить с трезвым человеком.

Родя. Подначиваешь?

Сергей. Себе дороже.

Родя. Малюешь?

Сергей. Малюю помаленьку.

Родя. Ну, ну. (*Орет во все горло под гармошку*). «Художник, художник, художник молодой, нарисуй мне девушку с пахучей резедой...» (*Также внезапно останавливается*.) Хату ищешь?

Сергей. Заметно?

Родя. Не ты первый.

Сергей. Что посоветуешь?

Родя. Разуй глаза, мужик, во всей деревне кроме меня и Банаси моей ни живой души, выбирай избу и заваливай.

Сергей. Неудобно вроде, без хозяев.

Родя. Раз такой честный, ищи через справочную. (*Снова растягивает трехрядку*.) «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский союз...» Чеши назад в столицу нашей родины, там найдешь.

Сергей (*неуверенно*). Может, у тебя?

Родя. Гони бутылку.

Сергей. Так ты не пьющий?

Родя. Деньгами не берем.

Сергей. Правда, взял я одну с собой, как сувенир. (Снимает с плеча рюкзак, развязывает его, достает бутылку.) Значит, поладили?

Родя (встряхивая гармошкой). «Выпьем за родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем...» (Отставляет гармонь в сторону, выуживает из кармана штанов стакан, смотрит сквозь него на свет, вытирает изнутри пальцем. Затем берет у Сергея бутылку, зубами срывает с нее крышку, наполняет стакан до краев, протягивает гостю.) Со свиданьем!

Сергей. Ей-Богу, не пью.

Родя. Не пьет у кого нет или кому не подносят.

Сергей. И то и другое в наличии, а пить не хочется. Как говорится, не в коня корм.

Родя. Народ осудит. (С наслаждением, в растяжку пьет.) За родину, за Сталина не выпить, народ не поймет. У народа, мужик, глаз-ватерпас, все насквозь видит, особенно, если тара стеклянная, хотя, по правде говоря, железную тоже не пропустит, что бензин, что тормозную жидкость, главное, лишь бы по быстрому память снять. Народ, мужик, огромная сила. Живи с народом, мужик, никогда не просохнешь.

Сергей. Да ты поэт, Родион.

Родя. Это смотря сколько засосать. У нас вон в «Сельхозтехнике» бухгалтер уже после третьей в рифму складывает, а я пока до такой кондиции дойду, мне не меньше полведра надо.

Сергей. Значит, все-таки пьешь?

Родя (Обиженно). Слушай, мужик, сухой закон – это у меня железно, только если люди за родину-мать и за батю Сталина на амбразуры бросались и на расстрел шли, то что же я лишнего стакана испугаюсь?

Сергей. Ценю. (Оценивающе оглядывает дом.) Ты что же, в этом дворце один обитаешь?

Родя. С Банасей.

Сергей. Не пойму.

Родя. Бабку я так свою с детства зову, а так она бабка Настя. Тетка заводная, не соскучишься.

Сергей. А сам-то не скучаешь?

Родя. Мне некогда. Я тут от «Сельхозтехники» кукую, за весь колхоз мантулить приходится, а толку ноль целых, хер десятых, что ни посею, все под снег идет, убирать все равно некому. Рабочей силы всей: я да Банася. *(Опять берется за гармонь.)* «По деревне я хожу и ничем не дорожу, мне голову ломают, я оглоблю привяжу...» *(Берет бутылку, взбалтывает, и, запрокинув голову, вытягивает в себя содержимое.)* Ладно, мужик, заваливай, устраивайся, я к Банасе загляну, может, у нее стакан-другой обломится, она у меня запасливая. *(Встает и, растягивая гармошку, идет со двора.)* «На деревне провожание поют, провожают дядю Митрия в Сохнут. Просят девки дядю Митю под кадрили: «Пригласи нас, дядя Митя, в Израиль, пригласи нас в Израиль...»

Уходит.

Сергей *(один)*. От чего уехал, к тому и приехал. Круг, что называется, замкнулся. Пьянь по России идет вселенская, когда только остановимся? Да и остановимся ли? Свою страну пропьем, за соседей примемся, а там и до других континентов очередь дойдет. Алкаши всех стран, соединяйтесь!

Во двор заглядывает бабка Настя. Она в теннисной каскетке, в майке с изображением Микки Мауса, в джинсах и китайских сандалиях.

Бабка Настя. Ба, смотри-ка, гости! Откудова будете? Туристы или по иконам? Так, прямо скажу, припоздали, тут мазуриков по этой части промышляло, тьма, все до соринки по сусекам вывели. *(Вглядывается в гостя.)* Где-то, парень, я тебя видела, вроде? Уж больно личность мне твоя знакомая... Погоди, погоди...

Сергей. Не напрягайся, мать, по телевизору, наверно, видела, я там передачу о художниках вел, «Мир в красках» называется. Картинки разные показывал.

Бабка Настя *(восхищенно)*. Точно! Вот это гостя Бог послал! Смотрела я тебя, парень, смотрела, ничего не ска-

жешь, речист, умеешь зубы заговаривать, видно, много по тебе девок сохнет, по ночам убивается, знамо дело, меня, старую, и то достал. Чего это тебя в этакую глушь ехать надоумило? Какими посулами заманило? Или опять же по работе своей промышляешь?

Сергей. Нет, мать, совсем осесть хочу, жилье ищу. Вот с Родионом твоим договорился вроде.

Бабка Настя. И чего ты тут не видел, сюда не то что человека, собаку путную не заманишь.

Сергей. Надоело, мать, лапшу людям на уши вешать, хочу делом заняться. И самим собой тоже.

Бабка Настя. А что, дома делов нету?

Сергей. Суета, мать, суета.

Бабка Настя. А ты не суетись.

Сергей. Затягивает.

Бабка Настя. С жиру вы, городские, беситесь. Вас бы в наше стойло, не то запели бы. Жила б я в городе, беды не знала: ни тебе за водой ходить, ни тебе печь топить, ни тебе в огороде горбатиться. Знай себе, пенсию складывай.

Сергей. По очередям с утра до ночи мотаться тоже не большое удовольствие. Вся жизнь — в толчее, в давке, в ругани. И все друг другу, будто заклятые враги.

Бабка Настя. Тоже мне — напугал! Чего не постоять, коли есть за чем, оно и веселее: промежь собой словцом перекинешься, слов наберешься, на людей посмотришь, себя покажешь. Тут вот стой — не стой, ничего не выстоишь, на полках шаром покати, спичек, и тех нету. А что толкаются да шумят, беды много! Умей отбрехаться и сдачи дать, если руки-ноги целы-здоровы.

Сергей. Что ж ты так, мать, ведь здесь, наверное, родилась, девчонкой бегала, любовь, надо думать, была, друзья, подруги, дом родительский, могилы родичей, неужели не жалко? Неужели от всего этого вот так запросто отмахнуться можно?

Бабка Настя. Чего мне тут жалеть, парень? Видала я эту канитель в гробу, в белых тапочках. Вспомнить тошно, не жизнь, а маята одна: с малолетства окромя жмыха да картохи ничего досыта не едывала, вся любовь моя — обрюхатил и след простыл, не успела вырастить, она мне в подоле

своего принесла, по сию пору обихаживаю. Погодки, те все по свету разбрелись или на погосте, а дом, вот он — мой дом, глаза б мои на него не глядели, запалить, и то лень.

Сергей. Правду, мать, говорят: везде хорошо, где нас нету. Меня к земле тянет, а тебя прочь от нее. Так сказать, естественный обмен веществ. Может, это и к лучшему. Может, научимся чему-нибудь друг у друга. Может, прозреем наконец.

Бабка Настя. Чему ты тут научишься, парень! Самогон хлестать или плододовыгодную? С кольем по пьянке друг за дружкой тягаться? На тракторах перегонки устраивать? Ты вон, я гляжу, мужик еще молодой, в самой, можно сказать, силе, а тут девок и тех на всю округу двух хромых с одной горбатой не наберется. Будешь своей бобылкой по садам груши обивать да простыни зазря дырявить.

Сергей. Я женат, мать.

Бабка Настя. Дома оставил? Или прячешь? Покажи добрым людям, авось не сглазим.

Сергей. Мы с ней по дороге разделились: она в соседнюю деревню пошла, а я сюда.

Бабка Настя (*испуганно всплескивает руками.*) Это что, в Свиридово, что ли? Да кто же это ее надоумил туда переться! Там такая нынче шайка-лейка богует, что не приведи Господи! Все иконы по домам обобрали, церкви выгребли, теперь, говорят, за кресты на погостах взялись, тоже, говорят, нынче больших денег стоят. Пьют с утра до ночи почем зря, безобразничают. Намедни магазин в Сычевке спалили, водку выуживали. Ничего не боятся, их, шальных, милиция и та за версту обходит, а начальство у них все купленное. Насчет баб, ни одну не пропустят, лютые. Беги, парень, выручай жену, разом снасильничают. Лови потом ветра в поле, они все на колесах.

Сергей. Жена у меня, мать, личность особенная, сумеет за себя постоять, мастер спорта. По каратэ, между прочим. К ней за здорово живешь не подступишься, запросто раскидает.

Бабка Настя. Они ей такое каратэ сочинят, век не отдышится. Говорю тебе, парень, налаживайся, пока не поздно. Пьянь эта свиридовская шутики шутить не любит.

Сергей. Не пугай, мать, не в лесу живем.

Бабка Настя. И-и, малый, в лесу нынче, что в санатории, ты с людьми поживи. Куда накладней будет.

И словно подтверждая ее страхи, вдалеке возникает стрекот мотоциклов, размытые расстоянием крики и затем несколько одиночных выстрелов.

Сергей (*встревоженно прислушивается*). Дерутся, что ли? Или что-нибудь случилось?

Бабка Настя. В Свиридово озоруют. Ой, не задерживайся, парень, не топчись на месте, уведут жену. (*Подходит к изгороди, в два ловких движения выламывает из нее кол, протягивает ему*). На вот, бери, парень, их с голыми руками не возьмешь. У них там всякой всячины, как в казарме, что резать, что застрелить.

Сергей (*берет у нее кол, раздумчиво взвешивает его на руке*). Погоди, мать, не горячись, может, еще и не пригодится. В таком деле главное — без паники.

Делает шаг к выходу, но в это время навстречу ему выходит Наталья с бессильно обвисшим на ее плече Родей. На другом ее плече болтается пузатый рюкзак и родина гармошка. Сам Родя весь в синяках и кровоподтеках, одну ногу еле волочит. Наталья растерзана и возбуждена.

Наталья. Подонки, вчетвером на одну бабу! Если бы не этот рыцарь Алкашидзе, меня бы сейчас по частям собирали, черт меня дернул туда сунуться. (*К мужу.*) Помоги же, Сергей!

Сергей (*бросается к ней, подхватывает Родю*). Негодяи!

Бабка Настя (*стаскивая с Натальи рюкзак и гармошку*). Ничего, девка, в народе говорят: была бы кость — мясо наростя.

Родя (*вдруг оживает, выпрямляется*). «На палубу вышел, сознания уж нет, в глазах у него помутилось...»

Падает навзничь.

Бабка Настя. Ничего не скажешь, хорош!

Занавес

Картина вторая

Обстановка та же. Знойный полдень. Весь в примочках, с забинтованной головой Родя лежит на поставленной во дворе раскладушке лицом к телевизору. Наталья, в купальнике, с книжкой, растянулась чуть поодаль на расстеленном на траве халате.

Наталья. Так и смотришь?

Родя. А как?

Наталья. Без звука.

Родя. Делать все равно нечего.

Наталья. Послушал бы, что сообщают.

Родя. А зачем?

Наталья. Что, не интересно?

Родя. Нам тот районный чмур, что привез, так и сказал. Вот вам, говорит, дорогие господа, друзья, товарищи, гуманитарная помощь от западных империалистов, а что, говорит, звука нету, то это, говорит, даже лучше, не придется лапшу с ушей чистить. *(Со вздохом.)* Пускай мельтешит, с похмелья облегчает.

Наталья. С похмелья, Родя, облегчает только гильотина.

Родя. Чего?

Наталья *(проводит ребром ладони по шее)*. Топор.

Родя. Годится.

Наталья. Скажите, Родя, только по честному, не страшно было одному против четверых?

Родя. Я после третьего стакана мужик духовитый, а тверезый, думаю, не взшел бы.

Наталья. Бросил бы, Родя, женщину на поругание? Не верю, Родя, совесть бы тебя замучила.

Родя. От вашей сестры не убавится. Мы в Афгане, помню, одну духманиху целым взводом гоняли, а ей хоть бы что, отряхнулась, плюнула и пошла себе своей дорогой.

Наталья. Совесть не мучает?

Родя. Говорю тебе, я после третьей на что хошь взойду: семь бед — один ответ.

Наталья. Обидно, Родя, что не из-за меня. Моя женская гордость, прямо скажем, уязвлена.

Родя. На что ты мне? Я на них зуб имею. Мне они давно свет застыят, укоротить пора.

Наталья. Не укоротили бы они тебя, вон какие мордороты, как говорится, с похмелья не обкакаешь.

Родя. По роже и оглобля. У меня еще и мелкашка с дробовиком впридачу. Пусть только сунутся, свистну ребят с усадьбы, мигом козлам холку обломаем. Жили без них, не тужили, развели тут козлятник, понимаешь; вонючий. Беспредел, понимаешь.

Наталья. Но ведь и убить могут, Родя.

Родя. Убить и в церкви могут, а тут мы еще посмотрим – кто кого? У них еще убивалка на меня не выросла.

Наталья. Эх, Родя, горячая ты голова!

Родя (*хмуро*). Похмельная. Мне бы сейчас полстакана на поправку, цены б тебе не было.

Наталья. Где ж его взять, Родя?

Родя. Баба завсегда извернется.

Наталья. Ума не приложу.

Родя. Ты вот что, сбегай-ка к Банасе, третий дом отсюда, у нее чего-нибудь завсегда в заначке. Мне все одно чего, особо не привередничай, мне лишь бы крепче мочи.

Наталья (*Поднимается, набрасывает на себя халат*). Ой, Родя, толкаешь ты меня на преступление!

Идет к выходу, но здесь навстречу ей во двор вкатывается бабка Настя.

Бабка Настя. Беда, девка, беда! Встречаю сейчас Нюрку с почты, а она мне: беги, говорит, упреди Родьку, свиридовские уркачи к вечеру сюда налаживаются, решить его грозятся, а за одно, говорит, и москвичам достанется. Валяйте-ка вы отсюда, ребята, по добру, по здорову от греха подальше, а то неровен час, беды не оберетесь, а жаловаться у нас тут некому, до Бога высоко, а до властей далеко.

Наталья (*в сердцах*). Да никуда я не свалю, пусть застрелятся, сильнее кошки зверя нет! Моих кулаков не хватит, у меня муж есть, вы тоже с руками и ногами, самолюбие есть у вас или нет, чем это они вас так запугали, неужели мы с четырьмя лбами не справимся?

В течение их разговора Родя все более напрягается. Затем, преодолевая собственную тяжесть, встает, и в конце концов садится на раскладушке.

Родя (*торжественно стекленея*). Так. Взвод, слушай мою команду. Приказ сгруппироваться и рассредоточиться! «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...» Командовать парадом буду я. (*К бабке Насте.*) Банася, помоги-ка. (*Она бросается к нему, помогает ему встать.*) Проверим боезапас, смажем стволы, почистим обмундирование! (Опираясь на плечо бабки Насти, идет к дому.) Стоять на стреме, не сходить с места, ждать моей команды. Душманы не пройдут! Будем стоять насмерть до последнего патрона. (*Запевает.*) «"Штыком и гранатой пробьемся, ребята", – сказал партизан Железняк...» Но пасаран!

Скрывается в доме.

Наталья. Начинается. Вот тебе, дорогуша, возвращение к естественной жизни по Жан-Жаку Руссо, сермяжная, посконная, домотканная правда земли, прелести плэнера и так далее, со всеми остановками. Родина во всей ее красе! (*Идет к калитке.*) Ну, где этот мой Антей малохолдный? (*Подойдя к изгороди, кричит через сложенные рупором ладони.*) Сергей!

Тут же из-за изгороди появляется фигура Сергея с кистью в руке.

Сергей. Зачем так громко, я – тут. (*Приближается к ней.*) Понимаешь, я сейчас пытался сделать набросок, но сколько не подступал, не получается. Я ничего не могу закрепить в статике, каждый миг все меняется: листья, трава, небо, даже освещение. На холсте успеваешь закрепить уже не реальность, а воспоминание о ней. Отсюда, по-моему, и уход в абстракцию, попытка остановить мгновение через общение. Но я не думаю, что это решение задачи. Искать надо, искать, истина где-то посредине. Понимаешь, я хотел тебе показать...

Наталья. Где нам до тебя, небожителя, нам в такие эмпиреи не по чину! Рожденный ползать, летать не моги.

Нам, гагарам, недоступно. Только пока ты для себя секреты искусства открываешь, твой богоспасаемый народ крови жаждет.

Сергей. В смысле?

Наталья. В смысле мести за поруганную честь насильников. Нашу пейзажную фазенду собираются брать штурмом. С народом нынче шутки плохи, спуску не даст.

Сергей. О чем ты говоришь?

Наталья. О чем ты слышишь: нас собираются штурмовать. Операция уже назначена – в ночь или завтра утром. Как говорили классики революции, сегодня еще рано, а завтра будет поздно. Искатели сокровищ и приключений из соседней деревни объявили нам джихад или, выражаясь на элементарном русском, священную войну. Предупреждаю, вооружены до зубов и на мотоциклах.

Сергей. Не будем преувеличивать.

Наталья. Не будем. Будем рассуждать трезво: четыре здоровенных лба против двух, далеко не первой свежести баб и одного полубоеспособного мужика. Разумеется, я имею в виду не тебя, ты вообще не в счет, так сказать, балласт.

Сергей (*обиженно*). Это почему же?

Наталья. Ты сам знаешь, почему.

Сергей. Они не посмеют.

Наталья. Еще как посмеют! Или ты считаешь, что стоит тебе обратиться к ним со словами братской любви, как они бросятся к тебе на шею и вы сольетесь в экстазе братской любви? Они, конечно, сольются, но не с тобой – и по очереди.

Сергей. Это недоразумение, я пойду к ним сам, чего нам с ними делить, есть же у них в конце концов голова на плечах, не враги же люди сами себе!

Наталья. Люди! Ты бы их видел, этих людей. У них, по-моему, и человеческого-то осталось лишь то, что между ног, а остальное – плазма с миазмами, наваждение из бредовых снов. Где ты их видел на этой земле, людей? Нету их, а тех, кто остался, пора в Красную книгу заносить, потому что скоро все равно исчезнут. Говорила я тебе, нечего дурью мучаться, бессмысленно искать нынче медвежьих углы для душевного очищения. Тоже мне, раз мечтался: к тетке, в глушь, в Саратов! Тетки повымерли или в эмиграцию под-

ались, глушь стронцием провоняла, а над Саратовым хоть Красный фонарь вывешивай!

Сергей. Хватит! Я не хочу больше этого слышать! Наслушался – тошнит! Вас – российских интеллигентов только могила исправит: болтуны, прожектеры, мечтатели! Вы бы давно в России земной рай построили по Платонову. Слушали: двадцатипятилетний план построения всеобщего счастья. Постановили: выполнение к пятнице. Еще вчера вы обучали народ мировой революции, только тогда вы на одних натравливали, а теперь на других. То «вперед к коммунизму», а сегодня с той же скоростью к капитализму. И все жалуется чуть не двести лет, что народ вам не тот попался. А вы не задумались над тем, что, может быть, не народ вам, а вы народу не те попались. Смотрите, как бы он об этом не догадался. Тогда вам для обитания не другую страну, другую планету искать придется. Вот так-то, мать моя.

Наталья. Нашелся мне народник! Вспомни лучше свою историю: кровь вперемешку с дерьмом и вечная нищета, а гонору, будто своим существованием весь мир осчастливили. Вами же о себе и сказано: «Страна рабов, страна господ».

Сергей. Давай уж, выкладывай весь ваш малый джентльменский набор либеральных пошлостей для командировочных иностранцев: «Черт меня дернул родиться в России с моим умом и талантом!», «Не дай Бог, русский бунт, бессмысленный и беспощадный», «Россия – тюрьма народов» и далее по тексту. У вас ведь ни одной своей мысли, не люди – цитаты ходячие. Так вот, мать моя, Лермонтов в своем «Герое» утверждал, что все черкесы воры, а Вольтер сравнивал французов с обезьянами. Может быть, возьмем на вооружение? Или в строку только то, что о России? Запомни, Пассионария из Бескудниково, в истории человечества вообще не было ни одного мягкого и великодушного бунта, на то он и бунт, с умом и талантом родиться нигде не советую, а «тюрьмой народов» Россию сделали ваши прогрессивные предшественники.

Наталья. Знаю, знаю, у тебя этих доводов полным-полна коробочка, но ты оглянись вокруг себя, какие тебе еще нужны доказательства, какие факты?

Сергей. А это такие, как ты, до этого довели. Чего уж

теперь все на «комуняк» и плохой народ валить? Ведь не Родя с бабкой Настей складывали оды комунякам, писали для них статьи и книги, ставили спектакли и сочиняли музыку. Ваш брат – интеллигент. И я не худших имею в виду, тем по их талантам сам Бог велел, я о лучших говорю. Вспомни Пастернака, Зощенко, Шостаковича. Мандельштам, и тот оскоромился. Вы его – народ этот в те поры в «коммунистическое далеко» силком тащили, а теперь тем же манером в обратную сторону. И вам наплевать, в какую кровавую копеечку это ему влетит. А вы опять в стороне останетесь и приметесь снова ныть, что вас не поняли. Только не простится вам на этот раз, ох, не простится, спросят с вас все долги и по всем векселям, не кричите тогда, что вас обманули. Нет, вы хотели быть обманутыми, потому что это приносило вам хороший доход. Опомнитесь же, наконец!

Наталья. А еще христианином себя считаешь!

Сергей. При чем тут это?

Наталья. Не суди и не судим будешь.

Сергей. Не передергивай. Христос завещал верующим в Него обличать фарисеев и книжников и призывать Божью кару на их лукавые головы. (*Кивает в сторону телевизора.*) Вон, смотри, красавчик: физиономия в экран не вмещается, жирный, лоснящийся, самодовольный, даже причмокивает от оптимизма. Папа и дедушка Россию прикладами в коммуны заталкивали, а внучек долгами к частной собственности. Впрочем, с одинаковыми результатами. Нищие давно Кремль со всех сторон обжили, семиклассницы дружными рядами на панель ринулись, на улицу даже пенсионеры без кастета не выходят, «все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, как никогда». Тьфу, благо хоть звука нет, а то ведь поневоле за вилы схватишься. (*Направляется к выходу.*) Ладно, подискутировали и довольно, хорошенького понемножку, все равно ни о чем не договоримся. Пойду-ка лучше к соседям, попытаюсь утихомирить. Нормальный русский язык они, надеюсь, понимать не разучились.

Наталья (*заступает ему дорогу*). Одного я тебя не пушу.

Сергей. Там не хватает только тебя.

Наталья. Ты туда не пойдешь.

Сергей. Я еще не у тебя в подчинении.

Наталья. Они разберут тебя на запасные части и перешлют мне их малой скоростью.

Сергей. Думаю, до этого не дойдет.

Наталья. Ты думаешь, а я знаю.

Сергей (*отстраняя ее с пути*). Разумнее предупредить худшее, я скоро вернусь.

Наталья (*повисает на нем*). Не пушу!

С винтовкой в одной руке, а другой опираясь на плечо бабки Насти, на крыльце дома появляется пьяный Родя. Бабка Настя с дробовиком за спиной, перепоясана охотничьим патронташем.

Родя (*пошатываясь*). Взвод, слушай мою команду! Занять круговую оборону, без приказа не стрелять. Выставить дозоры. Следить за местностью. При появлении врага подпустить на максимально близкое расстояние и от живота веером. Пленных не брать. Враг не пройдет! Но пасаран! Смерть московским душманам!

Занавес

Картина третья

Обстановка та же. Вечереет. Родя – мелкашка поперек живота – лежит на раскладушке. Перепоясанная охотничьим патронташем бабка Настя с дробовиком наперевес маячит у калитки. Наталья взволнованно кружит по двору.

Родя. Переживаешь?

Наталья. У нас дети, Родя.

Родя. Много?

Наталья. Один. Девочка.

Родя. Обойдется.

Наталья. А если нет?

Родя. Не бери в голову.

Наталья. Не надо было мне его отпускать. Ходи вот,

грызи теперь локти себе.

Родя. Все равно ушел бы, он у тебя хорошо по фазе сдвинут, такого не удержишь.

Наталья. В том-то и беда.

Родя. Таких не бьют.

Наталья. Надо мне было бы с ним пойти.

Родя. Пустой номер: они бы его на привязь, а тебя в четыре смычка. Вот и вся кадриль.

Наталья. Ты сам говоришь, от меня не убавится, а дурака бы от приключений спасла.

Родя. Вас, я гляжу, обоих по одной фазе сдвинуло, он смурной, а ты еще смурнее.

Наталья. Потому, видно, и сошлись.

Родя. Давно?

Наталья. Скоро медную справлять, десять лет почти. Так давно, что даже не верится.

Родя. И чего людям в ярмо нейметя?

Наталья. Сам что, не пробовал?

Родя. Один раз пробовал и зарекся, недели за глаза хватило, до сих пор икаю.

Наталья. Значит, не любил.

Родя. Мне это все до лампочки. Тело на тело – хорошее дело. Вот и вся любовь.

Наталья. Сколько тебе?

Родя. Двадцать пять разменял. Как срок – на всю катушку. Только мне за вредность здешней жизни один к двум надо считать. Выходит, полсотни намотал.

Наталья. Порядком.

Родя. Смотря для чего. Если для посадки, то есть запас, а если для выданья, то припозднился.

Наталья. Насчет посадки ты прав, никогда не поздно, но для любви, Родя, самый раз.

Родя. Я, помню, еще в школе рацпредложение в Москву запустил: прямо в роддоме давать каждому советскому человеку четвертак без лишения прав. Он и отсидит от звонка до звонка и еще молодой.

Наталья. Ну и что, ответили?

Родя. Банасю в сельсовет вызывали, холку намылили, а она мне, я потом с неделю ел встоячку.

Наталья. Ну а все-таки, была, Родя, любовь или не было? Неужели никогда не было?

Родя. Было – не было, чего толковать! Если было, то забыл, если не было, не помню. Ты лучше про это дело у Банаси спроси, у нее память, как у Буденного. *(В сторону бабки Насти.)* Слышь, Банася!

Бабка Настя *(оборачивается к нему)*. Прочухался, молодец?

Родя. Вот человек интересуется, была у тебя любовь или как? Только как на духу, Банася.

Бабка Настя. Мели, Емеля, твоя неделя. Видимо, еще не прочухался, как следывает.

Родя. Чтой-то ты сегодня, Банася, как неродная. К тебе человек со всем вниманием, а ты грубишь. Нехорошо, Банася.

Бабка Настя. Ну, чего все чудишь, Родька, чего чудишь? Не совестно бабку подначивать?

Родя. А если без булды, Банася, было дело?

Бабка Настя. Тебе бы только охальничать, бесстыдник! *(Вдруг дрогнувшим голосом.)* В молодых летах у кого не бывало? Только давно это было, ох, как давно!..

Откуда-то из далекого далека, может быть, даже из другого времени дотягивается до нас девичий голос под перебор трехрядки: «Проводи меня домой тропкой небороненой, дроля мой, дроля мой, на сердце уроненный...» Сгущается вокруг бабки Насти темнота.

Бабка Настя *(на глазах у нас она преобразится: разглаживаются морщины, расправляется фигура, молодеет голос.)* «Дорогой Коля, ненаглядная моя кровиночка. Куда ж ты подевался, родимый мой? Я вчера тебя весь вечер и полночь ждала, все глазыньки проглядела, проплакала, а ты не пришел. Неужели так я тебе обрыдла, что нет у тебя часу и словечка пожалеть меня, несчастную? Вспомни, Колюня, как в лес за реку ходили, какие ты со мной разговоры разговаривал, какие посулы сулил. Мне без тебя все одно жизни нету: или руки на себя наложу, или завербуюсь на стройку в Тулу, а то на самый Крайний север подамся. Пожалеешь, Коля, поздно будет, пробрасаешься. Прости

меня, дуру глупую, не сердись, Колюня, это у меня от обиды вырвалось, не имей на меня сердца, а Надьке этой Свиридовской я глаза все одно выцарапаю, чтоб на чужое не зарилась. Намедни песню по радио слышала: «Что ж ты, Коля, Николай, делаешь с Катюшей...» Это про тебя, только надо петь «с Настюшей». Остаюсь навеки твоя, жду ответа, как соловей лета. Настасья Гурова»...

И снова откуда-то из-за горизонта доносятся до нас переливы гармошки и тот же голос: «Я любила тебя, миленький, любить буду всегда, пока в морюшке, до доньшка не высохнет вода...». За спиной у бабки Насти обозначается фигура Сергея.

Сергей (*входя, бодро*). Привет всем. Только зря время убил.

Наталья (*бросается к нему*). Наконец-то!

Сергей. Всю деревню обыскал, ни души, только одни пустые бутылки да горы мусора.

Родя. Говорил, обойдется.

Наталья. Чует мое сердце, не к добру это. Прорежутся они, ой как еще прорежутся! У этой публики память долгая, они своего никогда не упустят.

Сергей. Говорю тебе, никого там, ни души. Видно где-нибудь теперь в другом месте промышляют.

Наталья. Все равно вернуться, не оставят они нас в покое, зачем искушать судьбу?

Сергей. Прекрати, наконец, эту истерику!

Бабка Настя (*примирительно*). Ну, ну, охолонитесь, чего хорохориться? Я вот сама туда сбегаю, вокруг пошарю, с людьми перекинусь, допытаюсь, куда они, голубчики, делись? (*Ставит дробовик к изгороди, снимает с себя патронташ.*) Одна нога здесь, другая там.

Исчезает в сумерках.

Родя (*вслед ей*). Она у меня заводная, Банася, от нее нигде не спрячешься, сквозь землю углядит.

Наталья. Боже мой, Боже мой, ну, зачем нам эти приключения, будто нам их в Москве не хватало!

Сергей. У страха глаза велики. Возьми себя в руки,

успокойся, завтра утром твои химеры тебе самой покажутся ничтожными и смешными, не принимай этого так близко к сердцу.

Наталья. Нет уж, довольно, завтра утром ноги моей здесь не будет, я дождусь только первой попутки.

Сергей (*сухо*). Не держу.

Наталья. Ты хорошо устроился, мой муженек: мне тянуть домашнюю лямку, а тебе искать золотое сечение в искусстве. Только я тоже не такая дура, чтобы вечно в этой упряжке упираться. Я тоже человек! Неужели я сама доли своей не найду?

Сергей. Подумай, что ты говоришь!

Наталья. Я жить хочу, понимаешь, жить, а не доживать у кастрюль и сковородок, будь они прокляты!

Сергей (*еще суше*). Кто тебе мешает, живи.

Наталья. Ты!

Сергей. Вот как? Извини, мне это в голову не приходило, мы могли бы выяснить отношения гораздо раньше.

Наталья. Ты давно уже слышишь только самого себя. И живешь тоже лишь для себя.

Сергей. А я думал – наоборот.

Наталья. Как видишь, с некоторых пор мы вообще перестали слышать друг друга.

Сергей. Когда-то ты так не считала.

Наталья (*остывая*). Когда-то... Когда это было! Десяти лет не прошло, а кажется, что вечность...

В наступающей темноте проступает перспектива парковой аллеи, по которой, взявшись за руки, под мелодию «Осенних листьев» идут Сергей и Наталья.

Наталья. Давай пойдём, куда глаза глядят.

Сергей. Не боишься?

Наталья. С тобой я ничего не боюсь.

Сергей. Не пожалеешь?

Наталья. Никогда.

Сергей. Не упрекнешь?

Наталья (*с нарастающей силой*). Никогда.

Сергей. Не устанешь?

Наталья (*еще сильнее*). Никогда!

Они прижимаются друг к другу, кружась в вальсе под мелодию «Осенних листьев». И деревья во тьме кружатся вместе с ними.

Сергей. Помнишь?

Наталья. Зачем?

Сергей. Забыла?

Наталья. Почти.

Сергей. И не жалеешь?

Наталья. Поздно.

Сергей. Прости.

Наталья. Взаимно...

Они с мучительным усилием буквально отдираются друг от друга и расходятся в стороны. В возникающем свете прорисовывается прежняя обстановка.

Сергей (*поворачиваясь к дому*). Пойду спать, я уже ног под собой не чувствую.

Уходит в дом.

Наталья (*к Роде*). Слышал?

Родя. Милые ругаются, только тешутся.

Наталья. Больше не могу.

Родя. По себе знаю.

Наталья. Значит, все-таки было, Родя?

В их разговор исподволь вплетается отдаленный звон колоколов.

Родя. А я что, не человек, что ли? Вспомню, как ножом по сердцу... Мы вместе с ней в школьной самодеятельности выступали, сцену из «Бориса Годунова» играли. Знаешь?

Гаснет свет. На заднике с кадра телевизионного экрана проступает силуэт средневековой Москвы. Изображение движется под отдаленный колокольный звон.

Наталья (*словно в трансе*). «Царевич!»

Родя (*в тон ей, неожиданно хорошо поставленным голосом*). «Она!.. Вся кровь во мне остановилась».

Наталья. «Димитрий! Вы?»

Родя. «Волшебный, сладкий голос! Ты ль наконец? Тебя ли вижу я, одну со мной, под сенью тихой ночи? Как медленно катился скучный день! Как медленно заря вечерня гасла! Как долго ждал во мраке я ночном!»

Наталья. «Часы бегут, и дорого мне время – я здесь тебе назначила свиданье не для того, чтоб слушать нежны речи любовника. Слова не нужны. Верю, чтолюбишь ты; но слушай: я решила с твоей судьбой, и бурной и неверной соединить судьбу мою; то вправе я требовать, Димитрий, одного: я требую, чтоб ты души своей мне тайные открыл теперь надежды, намеренья и даже опасенья – чтоб об руку с тобой могла я смело пуститься в жизнь не с детской слепотой, не как раба желаний легких мужа, наложница безмолвная твоя – но как тебя достойная супруга, помощница московского царя».

Родя. «О, дай забыть хоть на единый час моей судьбы заботы и тревоги! Забудь сама, что видишь пред собой царевича. Марина! Зри во мне любовника, избранного тобою, счастливого твоим единым взором. О, выслушай моления любви, дай высказать все то, чем сердце полно»...

Угасает телевизионный экран. Зажигается свет, возвращая наших героев к действительности.

Родя. Только все по другому вышло.

Наталья. Бросил или сама ушла?

Родя. Увели.

Наталья. Кто ж не побоялся?

Родя. Был тут у нас один залетный, без пяти минут артист. Он с нами эти стишки и репетировал. Я в Афган, а он под маской крокодила лапши ей на уши навешал и увел. Позарилась, видно, на евоные посулы, только, я слышал, они ей боком вышли, поматросил и бросил, она теперь где-то по вербовкам перебивается. *(Приподнимается на раскладушке.)* Эх, встретить бы мне этого козла где-нибудь в светлом месте, я бы устроил ему Алабаму.

Во тьме звучит отдаленный выстрел. Затем приглушенный стрекот мотоциклетных моторов. По

беззвездному небу принимаются шарить отсветы фар. Оттуда же доносится пьяный женский голос: «Подружка моя, я тебе советую, никому ты не давай, залепи газетою...» И следом за этим рок — из транзистора, пущенного на полную силу.

Наталья (в отчаяньи). Говорила я!

Родя (прислушивается) Спокойно. Баб привезли. Гуляют. Значит, до утра боевое окружение снимаем, не сунутся, не до того им, всю ночь гужеваться будут.

Наталья. Не сегодня, так завтра явятся.

Родя. До завтра еще дожить. Иди лучше ложись, солдат спит — служба идет, сон все спишет.

Наталья. Страшно мне, Родя. (Подсаживается к нему на раскладушку.) Не до сна мне. (Гладит его по голове.) Спи, Родя, я рядом посижу, мне так легче. Спи. (Тихонько запевает.) «Я на подвиг тебя провожала, над страной гремела гроза. Я тебя провожала, но слезы сдержала и были сухими глаза...»

В квадрате телевизора на заднике мелькают кадры кинохроники Гражданской войны. Раскладушка во дворе в наступающей темноте превращается в госпитальную койку, а халат на Наталье в красноармейскую шинель внакидку.

Родя. Водички бы...

Наталья. «За правое дело, достойно и смело, иди, не боясь ничего. Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его...» (Приникает к Роде, целует его). «Перевяжет подруга горячие раны его...».

Песня заполняет пространство.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Картина четвертая

Обстановка та же. Такое же, как и вчера солнечное утро. Из дома, потягиваясь, выходит Сергей.

Сергей (*в сторону Роде*). Что ж ты спишь, мужичек, уже день на дворе. Подъем!

Родя. Голова трещит.

Сергей. Что, не осталось после вчерашнего?

Родя. Пускай ее комуняки допивают.

Сергей. Слова не мальчика, но мужа.

Родя (*с трудом поднимается, садится на край раскладушки*). Главное в нашем деле – сгруппироваться. (*Встает.*) Страна зовет, Родя. (*Идет к умывальнику, полощется под ним, поворачивается к Сергею.*) Не в службу, а в дружбу, раскочегарь пузатого, чифирьку соорудим на опохмелку. Чтоб белый свет на четыре копыта встал.

Сергей (*кричит в дом через плечо*). Натали, включи, пожалуйста, чайник! (*Роде.*) Мутит?

Родя. Ну.

Сергей. За удовольствие надо платить.

Родя. Всегда готов.

Сергей. Чего хорошего?

Родя. У тебя лучше есть?

Сергей. Не пить.

Родя. Это и верблюд умеет.

Сергей. Пропьете страну.

Родя. Уже пропили. Теперь гуманитарную помощь пропиваем, а там, глядишь, и за помогающих возьмемся.

Сергей. А что потом?

Родя. А это вам, москвичам, думать, у вас голова большая и харчи калорийные.

Сергей. Своей головы нету, значит?

Родя. Говорю тебе, пропили. Мы пили, а вы подливали, пока было чего, а как не стало, так вы нам перестройку

заместо выпивки, а заместо опохмелки – гласность.

Сергей. Все-то мы виноватых ищем, а работать когда начнем? Или опять добрый дядя выручит?

Родя (*наливаясь похмельной яростью*). А вы, я смотрю, там в Москве день и ночь пашете, аж дым идет. Ты вот на ферму сходи попаши или на покос, я погляжу, чего ты там напашешь. Это тебе не кисточкой или языком махать, быстро на горбу мозоль вырастет. То одну нам чернуху раскидывали, теперь другую взяли, козлы. Моя бы воля, всех бы я вас по городам – от живота веером.

Сергей (*с горечью*). Вот-вот, без этого мы с вами и жить-то уже разучились, все проблемы решаем одним и тем же способом: от живота веером. Семьдесят с лишним только и делаем, что стреляем, а как жили в убогости, так и живем. Может, без стрельбы-то давно бы из нее выбрались? Или уже никогда не получится?

Родя (*в истерике*). С вами, что ли?

Сергей. Мы по справедливости хотим.

Родя. По справедливости? Знаем мы вашу справедливость! Твое – мое и мое – мое, сначала ты меня повезешь, потом я на тебе поеду, ты меня подушкой, а я тебя безмеником. Так что ли?

Сергей. Я чужого хлеба никогда не ел.

Родя. А откуда он у тебя, свой-то? Ты что, его сеял, жал, молот или пек? Век картинки малевал, по ящику дуракам зубы заговаривал, на большой ломоть с огромным маслом, а получается, что ты и есть у нас главный работяга. Вот что я тебе скажу: таких говорков нынче до Питера раком не переставишь и все нас на трудовой подвиг зовут, а вы лучше сами этого киселя похлебайте, тогда и будет по справедливости. (*Наступает на него.*) Вот ты зачем сюда привалил? Скажи мне, зачем?

Сергей (*тоже распаяясь*). Это уж мне знать, куда приваливать. Каждому свое, у меня одно дело, у тебя – другое.

Родя. Во-во, ты с кисточкой, а я с метелкой. (*Берет его за грудки.*) Слушай ты, козел из Марьиной Рощи...

На крыльцо со стиральной доской вместо подноса, на котором в окружении стаканов клубится паром чайник, выходит Наталья.

Наталья (*мгновенно оценив ситуацию*). Мальчики, за стол!

Преодолевая смущение, мужчины расходятся, усаживаются за стол. Наталья хлопочет вокруг них.

Сергей (*уныло*). Что называется, встретились – поговорили.

Наталья. Пейте чай, успокаивает.

Родя (*хмуро*). Чай не водка – много не выпьешь.

Наталья. Дешевле сахар будет.

Родя. Мне погуще, я на больничном.

Наталья. Героям Афгана без очереди.

Родя (*прихлебывает из стакана*). На погост.

Наталья. Не торопись, успеешь еще.

Родя. Шустряков много развелось, обойдут.

Наталья. Уступи, от тебя не убудет.

Родя. Я что, со всей душой.

Наталья. Молоток.

Родя (*поднимается*). Наше вам за цифирек. Встретимся на баррикадах. Враг – он не дремлет: проверю дозоры, обойду посты, персонально войду в форму. Ждите писем.

Поднимается, уходит.

Наталья. Пообщался с народом?

Сергей. Родя еще не весь народ.

Наталья. Более чем.

Сергей. Тебе так кажется.

Наталья (*тяжело усмехаясь*). Если бы.

Сергей. Уверю тебя.

Наталья. Ты лучше разуверь.

Сергей. Поживи – увидишь.

Наталья. Уже разглядела.

Сергей. Рано или поздно мы пойдем друг друга.

Наталья. Когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся. Блажен, кто верует.

Сергей. Надо только найти с ними общий язык.

Наталья. Пока ты ищешь, я давношла.

Сергей. Ты что имеешь в виду?

Наталья. Прежде всего себя.

Сергей (*вглядываясь в нее*). Уже успела?

Наталья. Жизнь коротка.

Сергей (*укоризненно*). Зачем?

Наталья. Сам говоришь: ближе к народу.

Сергей. Ты — дрянь.

Наталья. Ну, ударь меня, что ли! Неужели тебя и на это не хватит? Неужели в тебе даже самолюбия не осталось?

Сергей. Шлюха!

Замахивается на нее, но тут же бессильно опускает руку, и, устало ссутулившись, идет к дому, скрывается в нем. Наталья издевательски хохочет ему вслед. Во двор врывается бабка Настя.

Бабка Настя. Ой, девка, плохо дело! Всю округу обшарила, никого не обошла, всех послушала. По всему выходит, не отступят черти Свиридовские, как пить дать, явятся. Нюрка с почты у них вчера гуляла, при ней по пьяни судили загнуть тебе, девка, салазки. Налаживайтесь вы отсюда, до могилы жалеть будешь, дурость свою замаливать. Им чужую кровь лить, что свою воду пить, не жалко.

Наталья. Ты меня не пугай, мать, я пуганая. Ты лучше моего благоверного постращай, может, он протрезвеет наконец от своей дурацкой блажи, а я хоть сейчас соберусь. Видала я эту пейзажную идиллию, как и ты, в гробу, в белых тапочках. (*Наливает ей из чайника.*) Иди-ка, мать, похлебай чайку после трудов праведных.

Бабка Настя (*усаживается за стол*). Благодарствуй. Это мы со всем удовольствием, если сахарок есть. Мы его — сахарок этот, только по престольным праздникам и видим.

Наталья. К чаю нет, а на самогон хватает. Чего уж приbedняться, пить меньше надо.

Бабка Настя (*обиженно*). Ты, что ли, нас поила?

Наталья. Похмелять приходилось.

Бабка Настя. Все шутки шутишь, девка, не придется ли слезы лить. Говорю тебе, налаживайся отсюда, костей не соберешь. Послушай меня, старую, я тебе плохого не присоветую. Жалею я тебя, молодая еще, тебе жить и жить.

Наталья. Ой, смотрю, мать, не за себя ли ты хлоп-

чешь. *(Вглядывается в нее.)* Скажи честно?

Бабка Настя *(пряча глаза.)* Чего ж мне тебя бояться! *(Вдруг с исступленной страстностью.)* Боюсь! Всех я вас, городских, боюсь! Заели вы нам век, все соки из нас выпили, жилы вытянули. Сколько себя помню, на вас горбатила, все вам, в вашу утробу ненасытную, а себе одни обсевки да жмых с лебедой. Вот и разбегается народ, куда глаза глядят, только бы от этой каторги. Глянь нынче по округе: одне старики да две бабы на полтора мужика, остальные по земле растеклись, легкой доли промышляют. Боюсь я вас, еще как боюсь, хуже чумы и недорода боюсь. Нигде от вас не схорониться, везде достанете, последнее заберете, а мы тоже люди, нам тоже жить по-людски хочется! Заели вы нашу долю, заели!

Наталья *(кричит).* Я-то здесь при чем?

Бабка Настя. Не одна ты, все вы!.. Вспомнишь, какой век прожила, выть хочется...

Вокруг нее гаснет свет. В темноте перекатывается гул людского собрания. Вдалеке возникает мелодия «Священной войны».

Бабка Настя. Граждане судьи! Я же не виноватая, что мы с им нерасписанные остались. Он в город подался, устроился там, хотел меня выписать, а тут война. Ушел он на фронт и сгинул, ни письма, ни извещения, а ребенок вот, в наличности, можете сами посмотреть. Куда я только ни ходила, кому я только ни писала, все без толку, ни ответа, ни привета. Присоветовали добрые люди в суд подать, вот я и подала. Если положено пособие на ребенка фронтового солдата, то присудите, а на нет и суда нет, обойдусь. А свидетелей у меня, почитай, вся деревня, вот они все тут сидят...

За ее спиной слышен одобрительный гул людских голосов.

Бабка Настя *(поет чистым девичьим голосом).* «На реке стоит туман, стелет тонко-тонко. Вся любовь твоя обман окромя робенка...»

Возвращается прежняя обстановка.

Наталья. Выходит, я всем должна, а мне никто. Вот история: займы не брала, а вернуть требуют.

Бабка Настя (*в отчаянии*). Ты сама посуди: мужика сманули, дочь сманули, если Родьку сманят, чего мне останется? Одна я, совсем одна, некому глаза закрыть будет.

На крыльцо, в защитной форме и берете десантника с мелкашкой в одной и с бутылкой в другой руке, с гранатой и ракетницей на поясе выходит уже изрядно подвыпивший Родя.

Родя. Что за крик, а драки нету! Банася, доложи обстановку. Только в уставном порядке: коротко и четко.

Бабка Настя. Худо, Родя, худо.

Родя. Так. Спокойно. Спокойненько. Взвод, слушай мою команду. Приказываю: занять круговую оборону, следить за происками врага, пресекать вылазки, патронов не жалеть, стрелять вразброс от – живота веером. Пленных на мыло. Враг будет разбит, победа будет за нами. Ура-а-а!

Вдалеке, плавно разрастаясь, набирает силу колокольный звон.

Картина пятая.

Обстановка та же. Вечереет. У калитки, по-прежнему перепоясанная охотничьим патронташем и с дробовиком наперевес бабка Настя вглядывается в наступающие сумерки. Словно ребенка прижимая к себе мелкашку, Родя прохаживается по двору. За столом под деревом друг против друга сидят Наталья и Сергей.

Наталья. Как в мышеловке. Нет ничего унижительнее: ждать взаперти своей участи.

Сергей. Ты драматизируешь ситуацию.

Наталья. Мое правило: предпочитаю готовиться к худшему.

Сергей. Зачем?

Наталья. Чтобы потом ни о чем не сожалеть.

Сергей. Удобная позиция.

Наталья. Советую.

Сергей. В моем случае было так же?

Наталья. Абсолютно.

Сергей. Тогда у тебя нет причин жаловаться на жизнь.

Наталья. Жизнь?

Сергей. Десять лет вместе.

Наталья. Да, почти десять лет, правда, не жизни, а выяснения отношений. Это, милый, начинает надоедать.

Сергей. Ты мне это уже дала понять.

Наталья. Птичий грех.

Сергей. Далеко пойдешь.

Наталья. С твоей, между прочим, помощью.

Сергей (*угрожающе поднимаясь*). Замолчи, наконец. Не испытывай моего терпения.

Наталья (*тоже поднимается*). Ну, ударь же, ударь, в конце концов, соберись с духом, я тебя, может быть, после этого уважать начну.

Сергей было замахивается, но рука его, описав дугу, вдруг мягко опускается ей на плечо. Она порывисто припадает к нему и они сливаются в одно целое.

Темнота смыкается над ними.

Родя (*садится на ступеньку крыльца, прикладывает к бутылке*). Что там в перископе карячится, Банася, какая видимость, какой обзор местности, что на позициях врага?

Бабка Настя. Притаилися, Родя, притаилися.

Родя (*вновь прихлебывает из бутылки*). Продолжать наблюдение, держать противника на мушке, не спускать глаз, за неисполнение под трибунал, проверю лично.

Роняет голову на колени, засыпает.

Бабка Настя (*глядя на него, принимается тихонько напевать*). «Баю, баюшки, баю, не ложися на краю, а то с краю упадешь и головку расшибешь...» Ох, Родька, и крикун ты был сызмала, откудава только у тебя горла хватало, аж посинеешь бывало от ору, пена по губам, а чтоб помолчать,

ни-ни, гордый! Бросила мать твоя тебя на бабкины харчи, а сама по вербовкам, как по рукам пошла, за все время даже не вспомнила жив ли ты, здоров ли? Сгинула в одночасье, будто и не было вовсе. Не мне ее судить, безотцовщину, я сама больше всех виноватая. Озорником рос, шkodником вырос. Если где на деревне поруха какая, знали загодя, родькина работа, а где ж мне за тобой усмотреть, когда я с утра до ночи заместо лошади. Сколько я слез пролила, сколько опорок сносила, пока тебя подняла, обиходила, в армию проводила, не приведи Господи! Родинька, внучек, кровиночка моя, не бросай ты меня на старости лет, бабушку свою непутевую, что мне на свете без тебя останется, только, прости Господи, руки на себя наложить. Не бросай, Родя-я-я!..

Клубящаяся тьма размывает ее силуэт. На заднике загорается экран телевизора. В кадре – бальный зал во дворце. В ритме старинного minuэта плавно движутся пары. Постепенно из затемнения выявляются фигуры наших героев в старинных костюмах. Первыми выступают Наталья и Родя, за ними Сергей и бабушка Настя. И, Боже мой, как они прекрасны в эту минуту. Вскоре, в ритме того же minuэта они растворяются в темноте. Возвращается та же обстановка.

Наталья (*отрываясь от Сергея*). Чокнутый! Тебе было мало десяти лет. Не надоело?

Сергей. Мне никогда не надоест.

Наталья. До первой ругани.

Сергей. А мы когда-нибудь не ругались?

Наталья. Вот-вот, поругаемся и в постель.

Сергей. Не опшляй.

Наталья. Смотрите, какие мы деликатные! Мы любим эту работу, но говорить о ней стесняемся.

Сергей. Прекрати!

Наталья. Ой, боюсь!

Он шутливо бросается к ней, она увертывается. Они принимают гоняться друг за другом вокруг стола.

Бабушка Настя (*встревоженно вглядывается в про-*

странство перед собой). Кажись, Родька, прорезаются. Вставай давай!

Издаലെка, по нарастающей влывает во двор мотоциклетный гул.

Родя (*вскакивает*). По коням! Ходили мы походами. Рассыпайся цепью, окапывайся по рядам! Без команды не стрелять! Взыскиваю персонально. (*Спешит к изгороди, на ходу бросая Сергею заранее заготовленный кол*). Держи!

Сергей (*подхватывает брошенный ему кол*). А что я с ним делать буду? В атаку, что ли, идти?

Родя (*деловито*). Подстрахуешь первый эшелон. Если нас с Банасей сомнут, вступишь в рукопашную. (*Выхватывает из-за пояса ракетницу, стреляет.*) Банася, дай первый предупредительный, а потом беглым – по колесам.

В вечереющем небе фейерверком рассыпается пущенная Родей ракета.

Бабка Настя (*в сумерки перед собой*). Осади назад! (*Стреляет в воздух.*) Осади, говорю!

На короткий момент гул моторов стихает, но вскоре возобновляется вновь.

Родя (*прицеливается*). Банася, слушай мою команду! По бандформированиям Москвы – беглый огонь!

Оба стреляют. Гул моторов опять затихает.

Бабка Настя (*стреляет*). Это заместо опохмелки.

Моторы оживают вновь.

Родя. Так. Значит, решили Родиона Гурова на понт взять? Ах, козлы вонючие! Сейчас я вас буду делать по классу мастеров. (*Сдергивает с пояса гранату, зубами выдергивает из нее чеку, поднимает над головой.*) Но пасаран! Кому повезет, ползи в аптеку, остальные в свинцовый ящик на казенный счет! (*Бросается к изгороди, на ходу ногой валит ее перед собой, исчезает.*) Держись, козлы!

Раздается взрыв, а затем в наступившей тишине возникает отдаленная мелодия «Орленка».

Бабка Настя. Родька, леший, чего вздумал! Родя-я-я!

Слышны выстрелы, истошные крики. Мелодия «Орленка» набирает мощь.

Наталья. Господи!..

Сгущается тьма, из которой постепенно выявляется фигура Роды, стоящего на коленях и одетого то ли в хитон, то ли в маскхалат.

Родя. Где я?

Голос сверху. Здравствуй, Родя.

Родя. Кто это?

Голос сверху. Это я, Родя.

Родя. Кто – ты ?

Голос сверху. С кого ты начался.

Родя. А кто его знает, с кого.

Голос сверху. С меня, Родя.

Родя. Говори, я послушаю.

Голос сверху. Не все сразу, Родя.

Родя. Я подожду.

Голос сверху. Грешил ли ты, Родя?

Родя. А что это – грех?

Голос сверху. Зло.

Родя. Если по пьянке.

Голос сверху. А с умыслом?

Родя. Ни в одном глазу.

Голос сверху. По честному, Родя.

Родя. Век свободы не видать, гражданин начальник!

Голос сверху. Я тебе верю, Родя.

Родя. Как в сберкассе, гражданин начальник.

Голос сверху. Иди теперь, отдыхай, Родя, а грехи твои бабка Настя давно отмолила.

Родя. Я за ней сбегая.

Голос сверху. Это уже невозможно, Родя.

Родя. А как же я без нее? Без нее мне никак нельзя. А ей без меня как? Гражданин начальник!

Голос сверху. Такая любовь?

Из далекого далека звучит колыбельная.

Родя. Ведь она ж меня... Так она ж меня... Гражданин начальник!

Голос сверху (*дрогнув*). Хорошо, Родя, будет тебе Банася. Иди.

Наступает тьма. Перед нами на черном фоне возникает серпантин белой светящейся лестницы, по которой движется тоже светящаяся фигура Родя. Это его восходящее движение сопровождается мелодия «Орленка». Затем снова загорается свет, возвращается та же обстановка.

Бабка Настя. Родя-я-я, родимый! Родя-я-я!..

Устремляется за калитку.

Наталья. Не могу больше, не могу!

Сергей. Подожди, подожди, возьми себя в руки, мы еще ничего не знаем, может быть, все еще не так страшно, как кажется.

Наталья (*в исступлении*). Меня уже тошнит от тебя, от твоих речей, от твоего ханжества. Его убили, понимаешь ты, убили! Из-за меня убили! Не ты, муженек мой, суженый мой, интеллигент занюханный, соль земли русской, совесть нации, а пенек этот деревенский, Родя – Алкашидзе. Он умных книжек не читал, о высоких материях не слышал, о народе не печалился, а просто встал и пошел. Пошел, потому что совесть его алкашная не позволяла ему чужую бабу в беде бросить. Ему не народ, ему отдельный человек дороже. Эх, ты!

Сергей (*тихо*). Вот и ты наконец что-то поняла. (*Вдруг еле слышно затягивает.*) «В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла, своему родному сыну передачу принесла...» (*Песня начинает набирать силу.*) «Передайте передачу, а то люди говорят, что по тюрьмам заключенных сильно голодом морят...» (*Вступает хор.*) «Усмехнулся надзиратель и сказал он ей в ответ: "Твое сына расстреляли и в живых его уж нет..."» (*Поет во весь голос.*) «Тут заплакала

старушка, от ворот тюрьмы пошла и никто про то не знает, что в душе она несла...»

Хор разрастается. На заднике экраном к нам расширяется телевизор. В кадре очередная «презентация»: беззвучно пьют, жуют, улыбаются.

Наталья (*в сторону экрана*). Будьте вы прокляты!...
Будьте вы прокляты!... Будьте вы прокляты!...

Хор заполняет пространство.

Занавес.

Картина шестая.

Обстановка та же. Раннее утро. В обезлюдевший двор входит растрепанная и как бы сразу одряхлевшая бабка Настя.

Бабка Настя (*сотрясаясь от озноба*). Холодно, даже холодно... Согреться бы... Чайку бы сейчас... Чайку... Да и лягу себе, глядишь, маленько согреюсь.

С чемоданом в руках и рюкзаком за плечами на крыльце появляется Наталья.

Наталья. Как там, Банася, что?

Бабка Настя. Собралась?

Наталья. С утра машин больше.

Бабка Настя. Может, на похороны останешься?

Наталья. Ему не полегчает.

Бабка Настя. Одной-то мне какво?

Наталья. А свиридовские что?

Бабка Настя. Двое с им в леднике лежат, а двое в больнице, милиция сторожит. А чего сторожить, ищи теперь виноватых.

Наталья. Пускай сидят, негодяи.

Бабка Настя. Молодые.

Наталья. Больше времени в запасе, может, чему-то

научатся.

Бабка Настя. Жалко.

Наталья. Всех не пережалеешь.

Бабка Настя. Всех-то и жалко.

Наталья. Ладно, пойду, а то утренние пропущу, тогда случайных придется ждать или пешком топать.

Бабка Настя. Смотри.

Наталья (*подойдя к ней, ставит чемоданы на землю, одной рукой прижимает ее к плечу, целует в голову*). Прости, Банася, какая есть.

Бабка Настя. Чего уж, все мы, бабы, такие.

Наталья (*отстраняется от нее, идет к выходу*).

Будь.

Уходит.

Бабка Настя (*тихо вслед ей*). Христос с тобой, красивая.

На крыльцо с гармонью под мышкой и с бутылкой в руке, явно вполъяна, выходит Сергей.

Сергей. Со свиданьем, мать.

Бабка Настя. Зря ты это, пареньь.

Сергей. Вспомнил молодость.

Бабка Настя. Пил?

Сергей. По черному, мать.

Бабка Настя. Погулял и хватит.

Сергей. Тормоза сгорели.

Бабка Настя. Повремени.

Сергей. Душа горит.

Бабка Настя. На поминках допьешь.

Сергей. До них дожить надо.

Бабка Настя. А что с тобой делается?

Сергей. Жить не хочется, мать.

Бабка Настя. Не нашего хотенья дело.

Сергей. Моя воля.

Бабка Настя. Твоя воля, срок – не твой.

Сергей. Это почему же?

Бабка Настя. Не доспел еще.

Сергей (с вызовом). А Родя дospel?

Бабка Настя (упавшим голосом). Еще летось. Потом только так ходил – доживал, мучался.

Сергей. Может и я так?

Бабка Настя. Пить будешь – доспеешь.

Сергей. Тогда сам Бог велел! (Приникает к бутылке). Доспеть жажду! (Бросает бутылку в сторону изгороди). И чем быстрее, тем лучше.

Бабка Настя. Дурацкое дело нехитро. (Пересекает двор, садится за стол). Ох, нейдется мне что-то, в груди щемит и в ногах жар. Совсем обезножила бабка.

Голова ее падает на стол, руки безжизненно опускаются вдоль колен. Во дворе сгущается тьма. Затем вокруг головы Бабки Насти, трепетно пульсируя, зарождается трепетный свет.

Голос сверху. Хорошо тебе, Банася?

Бабка Настя. Слов нет сказать.

Голос сверху. Догадываешься, где ты?

Бабка Настя. Откудова? Может, во сне?

Голос сверху. В том, что навечно.

Бабка Настя. Не по чину, батюшка, я в грехах, как в репье.

Голос сверху. Сколько же у тебя грехов, Банася?

Бабка Настя. Считать – не пересчитать, писать – не переписать, замаливать – свечей не хватит.

Голос сверху. Это моя забота.

Бабка Настя. Не соблазни ли, батюшка?

Голос сверху. По грехам твоим и прощение.

Бабка Настя. Благодарствуй, батюшка.

Голос сверху. Проси, чего хочешь.

Бабка Настя. Внука бы повидать.

Голос сверху. Будь по твоему...

Свет гаснет. Снова на аспидном фоне засвечивается серпантин иллюминированной дороги. По ней, весь в белом, поднимается Родя, а за ним тоже белым силуэтом спешит бабка Настя. Зажигается свет.

Сергей (*пошатываясь, приближается к ней*). Что это ты, мать?.. Заболела, что ли?.. Давай-ка я тебя в избе уложу... Сон, знаешь, все лечит, лучше всякого доктора. (*Подходит к ней, берет за руку, тут же отпускает ее: рука словно плоть, безжизненно обвисает.*) И ты? (*Возвращается на крыльцо, опускается на ступеньку, машинально берет в руки гармонь, растягивает меха, складывает в пространство перед собой.*) «Сидит Ваня на печи, курит валяный сапог...»

Роняет голову на грудь. Трехрядка, взрыднув, скатывается с его мертвеющих колен на землю, а затем и он сам боком, беспamięтно заваливается на доски крыльца. Гаснет свет. В темноте слышен перестук железнодорожного состава, протяжный паровозный гудок, мелодия поющих рельсов. У ночного окна поезда, глядя в бегущую мимо ночь, сидит Наталья.

Наталья (*в слезах*). Прощай, Сережа, прощай моя радость, прощай! Наверное, вина на мне, видно, не хватило на тебя моего сердца, видно, не такая как я, нужна была тебе в этой жизни, а в другой, не знаю, встретимся ли? Но если встретимся, я не стану просить у тебя прощения, я любила тебя как могла и как умела. Тебе весь свет обнять хотелось, а у меня и для одного рук не хватило. Ты вправе презирать меня, но я всего лишь обыкновенная женщина, с меня нельзя столько спрашивать, я просто хочу жить. Понимаешь ли ты, жить!

Шум идущего поезда стихает. На черном фоне задника загорается экран телевизора.

Ведущий. Президент России Борис Николаевич Ельцин в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС заявил, что никогда еще Москва не была такой красивой и благоустроенной, как сейчас. Он, по его мнению, как бывшее первое лицо города, может судить об этом лучше других...

Сергей (*холодеющими губами*). «Сидит Ваня на печи, курит валяный сапог...»

Окончательно затихает.

Снова гаснет свет. Возникает уже знакомый нам серпантин светящейся дороги. По ней, в линию друг за другом движутся, взявшись за руки, Родя и бабка Настя. Стоя у самого подножья дороги, им вслед смотрит Сергей. Звучит музыка, в которой, в причудливой смеси сливаются мелодии русской частушки, а также песен: «Орленок», «Я на подвиг тебя провожала», «В воскресенье мать-старушка» и снова «Орленок» в сопровождении мощного колокольного звона.

Конец.

1992.

Кажется, за день позастоялись:
Их реверансы, их улыбки не состоялись,
И не оттаяли они, и не засмеялись
Эти унылые Пастушка и Трубочист!

Ну-ка, солонки!
Ну-ка, масленки!
Хмурый кофейник, щипчики тонки, ложечки звонки,
Ну-ка, вы, чашки, — поздние пташки чаепитий,
Ну-ка, — свидетель важных событий, певчий фарфор, —

Ну-ка, давайте
Все оживайте!
Топотом звонким ручки-ножки разогревайте,
Чтобы поплыли вместе с вами в кукольном вальсе
Эти упрямые Пастушка и Трубочист!

Ах, неизвестно: скоро ли снова
Так же часы пробьют среди молчанья ночного;
Скоро ли вновь, послушные детки чайных сервизов, —
Две статуэтки бросят вызов
Грозной судьбе...

ОТРОЧЕСТВО

Потускнела ночь перед зарею,
Как линяющий павлин,
Стала тоньше, меньше и нежнее
Ночь. И легче синева.
И открылось, что не бродят под ветвями
Птицы в форме мандолин,
Хоть и скатывает ветер с листьев бедных
Междометья и слова.

Стало видно в удирающем тумане,
Что не тропики вокруг,

– Хочешь ли, – спросит, – на бриге моем
В дальние дали умчимся вдвоем?
– Нет, – я скажу и рукой заслонюсь в ответ, –
К ярко-прекрасным таким парусам
Трудно привыкнуть усталым глазам:
– Слишком, – отвечу, – слепит меня яркий свет.

Яркие краски мне снова солгут.
Я только сумраку верить могу, –
В темных углах меня победила мгла...
Он поведет, улыбаясь, плечом,
Скажет: – Не надо грустить ни о чем.
Странная, странная, – ты ведь меня ждала!

Значит, отставка ненастью и мгле!
Как на руках, на своем корабле
Я пронесу тебя над Проливом Бурь!
Радости, счастью, удаче поверь,
Яркого блеска не бойся теперь,
Только глаза для начала чуть-чуть зажмурь...

ОЗИМЫЕ

Слыхали мы, что за горами
Из речек воду пьют с лица,
Но их сравненье с зеркалами
Не выверено до конца:

Ведь вещи мира с их бессмертьем,
С их гордостью, с их милосердьем
Глядятся в зеркало волны
Не с одинаковым усердьем, –
Не напрямик отражены.

Учет невидимый скворешен,
Берез, телят на борозде
(Быв с бесхозяйственностью смешан)
На суше – мерой света взвешен,
Но снова спутан – на воде, –

В той безоглядной слободе,
Где рассыпное отраженье
Ореха и листа его –
Наполовину – сбереженье,
Наполовину – мотовство...

Но в час, когда вода – без плутней,
На отразившемся лугу
Все
даже как-то сухопутней,
Целее кажется, уютней,
Надежней, чем на берегу!

Все как-то крупно там и штучно:
И дуб широк и стадо тучно,
Ландшафт не смят, не всполошен
И каждый кустик отражен.

Но запись точную озимых
Не отразит зеркальный сгиб
И многие
В неотразимых
Так и останутся из них.

...На суше – это значит дома.
В прозрачно-рыжем блеске гряд
Озимые – до окоема! –
Неотразимые лежат.

Должно быть, ветра тормошенья
И вздохи воздуха, видать,
Для них отрадней торможенья,
Что отраженья могут дать.

Но продолжает мир вертеться,
Как тот, кто все не приискал –
С какого боку поглядеться
В поверхность ветренных зеркал.

Янв. 1989

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Я безотчетно зла. А Вы добры сердечно
Простой, негаданной-нежданной добротой.
Я – «достоевщиною» (да и то – не той!)
Чутка. Вы чуткостью. Я только вслед и встречно,

Вы – вечно. Я, забыв о том, как скоротечна
Жизнь окружающих с их загнанной мечтой,
Была запальчива, заносчива, беспечна,
То дурью, то «умом», со всей его тщетой,

Нередко маялась... Но при таком несходстве, –
При низости моей, при Вашем благородстве
Высоком – для чего мечтается сейчас

Мне Вашу веру, мэтр, принять без оговорок?
Пример Наставника – зачем б а л б е с а м дорог,
Бельмеса в знаниях не смыслящим как раз?!

26 окт. 1992

АТОМНИК ИВАНОВ

1. МОЛОДОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Мы повезем молодос пополнение на Северный флот. Мы получили его в учебном отряде – в Кронштадской учебке. Принимали трое суток и закончили только сейчас. Теперь на плац, строиться.

- По роту! В колонну по-четыре!.. Становись!
- Первая рота, становись!
- Вторая рота!..
- Третья рота!..

Пошли. Длиннющая черная колонна. Она похожа на гусеницу. Мы идем на паром.

Кронштадтский паром. В него помещаются четыреста пятьдесят человек стоймя. Сейчас их у нас примерно столько же. Через два часа в Ломоносове к нам присоединяются остальные. Всего будет тысяча. У нас эшелон.

Морозно. Когда мы приехали в Кронштадт, нас встретила теплынь, весна – залив в каше.

Сейчас холодный, требовательный ветер. Холод вползает внутрь. Мороз – это очень больно.

- Товарищи офицеры могут зайти в каюты!

Злые барашки пляшут по воде. Хорошо, что одели людей в шинели и шапки. Сами-то мы в пальто.

**Александр
ПОКРОВСКИЙ**

– родился в 1959 году в Баку. Окончил Каспийское высшее военно-техническое училище. Печатался в периодических изданиях Санкт-Петербурга.

– Уплотниться! Должна войти «Волга»!

Раз «должна», значит войдет. Это «Волга» командующего. За рулем – мичман. Он смотрит через лобовое стекло на людей, как на стадо.

– Уплотниться! Принять влево! Плотнее встать! Кому сказано! Уплотнились, но плохо – «Волга» не входит.

– Я сейчас кого-то буду уплотнять! Сейчас я вас уплотню!

Перед высоким каптри люди расступались волнами и сжимались, сжимались. Это не наш каптри, он из учебки, командир роты. Их здесь несколько – провожают эшелон.

Очень холодно. Даже товарищам офицерам, что забрались в каюты. Матросы просто прилипли друг к другу. Они будут стоять на ветру почти час.

Человек быстро привыкает к скотству. Нормальные человеческие отношения воспринимаются, как слабость.

Через час паром подошел к пирсу. Приехали.

– Сгружаться!

Люди выдавливаются на причал.

– В колонну по-четыре...

–Первая рота, в колонну по-четыре, становись!

– Вторая рота...

– Третья рота...

Сразу все смешалось, потерялось, заорало...

– Стой! Принять вправо! Разберитесь по взводам! Как вы здесь стоите?! Каждому встать в свою роту! Проверить людей!..

– Куда?! Стой, я сказал!

– Равня-яйсь! Я сказал: «равняйсь»! Отставить! Равняйсь! Одновременный поворот головы. Смир-но! В затылок чище выравняться! Я должен видеть только одну голову. Вольно! Походным... шагом... ма-рш!

Человеческая громада. Неужели мы ей управляем? Вперед по грязи...

Мы идем больше часа. Слева показался замок. Это замок Меньшикова. Вокруг вековые ели.

Мы погрузились в вагоны в Ломоносово-2. Гиблое место. Вокруг болота, сарай, заборы, дачи. Пришли на место в 21 час.

– Стой! Нале-во! Внимание, товарищи! Сейчас 21-00, через 15 минут подадут эшелон. С мест не сходить. Можно курить. Сорокопудов – старший. Я пойду, посмотрю, что там...

– Коля, Коля, где схема? Коля, где схема?

Комендант, старший лейтенант, бубнит в трубку. В помещении набилось – не продохнуть.

– Товарищи, невозможно работать.

Тетку, сидящую рядом с комендантом, никто не слушает.

– Коля, где схема? Что? В 22-00? Это точно? У меня же люди, Коля...

Люди. Вагонов не было ни в 22, ни в 24, ни в 2 ночи. Стоим в болоте. Чавкает под ногами. По кочкам – иней.

– Внимание! Можно принять форму шесть. Опустите уши. Уши шапок опустить!

Кто-то разжег костры. В огонь летят заборы. Их ребра долго не распадаются. Ветер крутит золу. Тупое желание согреться. Ноги промокли и одеревенели...

– Коля, где схема? Что? Уже вышла?

В дежурке шевеление.

– Нет? А когда? Коля, они скоро замерзнут. Коля, скажи там... Они заборы разобрали. К трем часам? Это точно?

Комендант звонил каждые 20 минут. Схемы нет – вагоны не готовы.

Вагоны... Так было всегда. Еще в русско-японскую... Верится в наши Вооруженные силы по большой крови.

Стоим в болоте уже пять часов.

В дежурке – битком. Закутанные офицеры. Счастливицы сидят. Кто-то долго кашляет.

– Коля, Коля, где схема?

– Ползет твоя схема, ползет, как вошь... Скажи ему спасибо, этому Коле... Пусть он ее засунет себе в ...

Фуражка полетела на стол. Тетка оскорбилась:

– А можно повежливее?

– Можно. У вас дети есть? Вот когда они попадут в армию, то начнут свою службу с такого же скотства. «Повежливей». Где вагоны? Пять часов на морозе, в болоте. Где вагоны, я спрашиваю?

– Я за них не отвечаю.

– А за что вы отвечаете? Для чего вы здесь сидите? Кто у вас за что отвечает? Кричите в телефоны, обрывайте трубки, поднимайте с коек, вытряхивайте. Был бы у меня спирт. Ведро спирта. Я добыл бы вагоны. Или автомат. Перестрелял бы вас всех на железной дороге к едрене матери. И привез бы сюда вашу схему. Лучшие вагоны бы прицепили. Тысяча людей замерзает в болоте.

– Но офицеры-то здесь...

– А вы не расстраивайтесь, я зашел на вас посмотреть. Моя воля выгнал бы вас на мороз... Проветрились бы...

Люди жались друг к другу и к кострам. Офицеров уже не замечали. Впервые увидел, как у человека замерзают глаза – они становятся неподвижными.

– Товарищ капитан третьего ранга, а поедем скоро?

– Скоро, ребята, скоро, потерпите.

Проклятое пальто. Шинель бы. Уже четыре утра. Когда же это кончится.

– Ва!-го!-ны!!!

Из темноты быстро надвигалось что-то огромное. Состав. Вагоны. Наконец-то.

– Стой!!!

Вагоны останавливаются с лязгом. Люди бросаются, карабкаются, толкают, лезут, давят, сейчас передавят друг друга.

– Смир-на!!! На-зад!!! Я ска-зал назад!!! Построиться! Я кому сказал – становись! Равняйся! Сми-рна!!! Вот так. Вольно! Спокойно, ребята. Справа...в колонну по-одному... к вагону... марш!

Вагоны не годны к перевозке. Они списаны – без света, без тепла, без воды, без электричества, без унитазов – вместо унитазов – дыры в полу. Матрасы, подушки, полки.

– Разбирать матрасы и подушки!

Дернуло. Кто-то упал с подушкой на пол, как подрубленный. Хорошо, что головой не задел об полку.

– Осторожно в проходах. Раскладываться. В каждом купе – по восемь человек. Верхние полки тоже занимать... Я же сказал по восемь, а не по шесть. Что непонятно? Чем слушаете – не известно. Ложиться и спать.

Падали и засыпали в шинелях. Поехали...

Утро. Где я? Затылок ломит. Стекло треснуто, вот и надуло через него. Питьевой воды нет. Где-то нацедили с ведро. Пахла она отвратительно. Носили ее по всему составу – кто хотел,пил. Паск ели всухомятку. Потом разжились водой на станции. Через сутки появилось тепло – умудрились растопить печку...

На Север приехали через двое суток. В товарном закутке сгружались в грязь. В одном вагоне не хватило подушки. Проводник канючил. Сам наверняка и украл.

– Да пошли ты его... Что, не знаешь куда?

– Да пошел ты, кура вареная.

Встречал нас какой-то каприз. Он уставился в мою двухдневную щетину.

– А у вас, товарищ капитан третьего ранга, что, времени не хватило побриться?

Я сдержался.

– Вагоны, товарищ капитан первого ранга, не оборудованы ни электричеством, ни водой.

– Вот когда я командовал противолодочным кораблем...

Я не дослушал, что же тогда стряслось во Вселенной, когда он командовал кораблем, повернулся и ушел.

– Это кто? – беспомощно оглянулся он на старпома.

– Да это... – долетело до меня.

– Равняйся! Смирно! Прямо, шагом, марш!

Огромная черная гусеница по зачавканной дороге поползла на Флот. Тысяча человек. Слава богу, довели живьем. Теперь сдать бы их побыстрей...

2. ГЕНА-ЯНЫЧАР

Гена-янычар...

Он был командиром атомной лодки атомохода.

Небольшого роста, толстенький, он все время прихрамывал. До конца жизни его мучил тромбофлебит. И еще у него была ишемическая болезнь сердца. Он задышался при недостатке кислорода.

– Химик, – говорил он мне, – у тебя не 20% во втором,

а 19-ть, я чувствую, врет твой газоанализатор.

Я проверял и – точно – газоанализатор врал.

Гена-янычар...

Это был артист своего дела. Маг и волшебник.

Сейчас все еще существует категория командиров, которые только в автономках видят смысл своей жизни.

Когда он заступал на вахту дежурным по дивизии, на разводе начинался цирк. Он инструктировал развод ровно столько, чтоб успеть изречь:

– Я прошел сложный путь от сперматозоида до капитана первого ранга и посему буду краток. Помните: чуть чего – за пицунду и на кукан!

Замов он терпеть не мог. И делал он это в лоб, открыто.

Как-то наш зам вошел в центральный и сказал:

– Вы знаете, товарищ командир, сейчас самый большой конкурс в политическое училище, по семнадцать человек на одно место.

– Конечно! – заерзал в кресле Янычар, – каждый хочет иметь свой кусок хлеба с маслом и ни хрена не делать.

После этого в центральном наступила вакуумная пауза, когда каждый молча и тихо занимался своим делом.

Гена-янычар...

Он чувствовал корабль каждой своей клеткой. Он даже угадывал начало аварийной тревоги – перед каждым возгоранием в электросети являлся в центральный пост. Это была мистика какая-то.

А плывал он лихо. Он менял по своему капризу проливы, глубины и скорости перехода, и мы – то крались вдоль береговой черты, то неслись напролом, на всех парах, в полосе шторма и под водой нас мотало так, как мотает только морской тральщик.

Он мог форсировать противолодочный рубеж на полном ходу, ночью, чуть ли не в надводном положении и ему все сходило.

Он рисковал, плывал «на глазок», по наитию, наощупь, в нарушение всего. В его решениях порой не было ни логики, ни смысла. Но он всегда выигрывал, и мы всегда приходили из автономки не обнаруженными, а для лодки это даже важней, чем удачная стрельба.

После похода, на разборе, за такие тактические фокусы

ему тут же ставили два шара и он обижался.

– Да идите вы... – говорил он своим однокашникам, которые давно стали орденоносными адмиралами.

После такого «разбора полетов» он всегда приходил на корабль, устало спускался вниз, предупреждал дежурного:

– Меня ни для кого нет, будить только в случае ядерного нападения, – запирался в каюте и в одиночку напивался.

Его извлекали из недр каюты, привлекали к какой-то ответственности, наказывали или только журили; прощали, в конце концов, и отправляли в море.

И море все списывало...

Он здорово ходил в море, Гена-Янычар...

3. ПИДЖАК

Его взяли на флот из торпедного института; из того самого института, где создаются наши военно-морские торпеды.

Его взяли и сделали из него офицера. На три года. Не знаю зачем.

Юный ученый-торпедист: вот такая огромная, в смысле мозгов, башка, очки с толстыми линзами, беспомощное лицо и взгляд потусторонний. Он был и в самом деле не от мира сего, он был от мира того, от мира науки.

Он читал электронные схемы, потом паял, опять читал и опять паял, вместо того, чтобы взять прибор и потрясти его, чтоб он заработал.

И профессия у него была секретная, а кроме нее он ничего не знал, ничего не любил и ни о чем не говорил.

И с женщинами ему не везло. Он не умел смешить женщину, а женщину нужно постоянно смешить, иначе она тебя бросит.

Женщины его бросали, и он ужасно расстраивался.

Когда на него надели форму, то она не нем сидела, как коза на заборе.

Форма на настоящем офицере сидит по-особенному.

Офицер как бы слит с формой; а слит он потому, что сам по себе офицер довольно необычное биологическое формирование.

Офицер служит. И служит так, как почти невозможно служить. Офицер даже во сне – служит.

Офицер берет в руки то, что руками обычно не берется и несет это «то» куда-то неизвестно куда; там он садится на то, что, ни в коем случае, не должно плавать, а должно тут же утонуть, и плывет на нем, плывет долго, годами плывет, потому как он – офицер флота.

Офицер ест, пьет, сидит, встает, идет – не как все люди.

Офицер страдает, мечтает, надеется и не задает при этом вопросов.

Офицер...

А это был не офицер. Но главная сложность состояла в том, что он не прошел училище, а это прекрасная школа. После этой прекрасной школы ничему не удивляешься, а он удивлялся.

Он удивлялся всему и задавал вопросы.

– А зачем это? – спрашивал он и ему объясняли.

– Неужели такое возможно? – говорил он, и ему говорили, что возможно.

– Как же так? – терялся он, и ему говорили: – А вот так.

– Не может быть! – восклицал он, и ему говорили, что может.

Словом, он был похож на ручную, белую крысу, которую взяли и временно бросили в садок к помоечным пасюкам.

Другими словами, это был гражданский пиджак; он был пиджак из тех пиджаков, которые после первого ядерного удара, после паники в обозе и взаимного уничтожения, придут, во всем разберутся и сразу же победят.

Ну, во время войны – понятно, а сейчас куда его деть? Куда деть на флоте молодого ученого с башкой, неприспособленного ни к чему? Что ему можно доверить?

Ему можно доверить дежурство по камбузу, патруль, канаву старшим копать, грузить старшим чего-нибудь не очень ценное и подметать веником.

Нет, пожалуй, камбуз нельзя ему доверить: у него там все свистнут и все люди разбегутся. Патруль? В патруль тоже

нельзя: там на одних рефлексх иногда приходится действовать, а у него рефлексов нет.

Нет! Только грузить и только подметать!

А канаву копать?

— А вот тут надо подумать. На сколько он у нас?

— На три года.

— Ох уж эти ученые, академики. Нет, на канаву нельзя. Там соображать надо. Нет, только грузить картошку и подметать. Все! Хватит ему на три-то года.

Жил он в гостинице с длинными коридорами и номерами-бойницами по обе стороны. При посещении этого пристанища почему-то вспоминался пивной ларек с липким прилавком, коммунальная кухня и лавка старьевщика, от нее веяло непроходящей тоской.

Его прозвали «квартирным Колей», потому что он приходил к кому-нибудь в гости, садился и начинал говорить, говорить, общаться начинал и его было потом не выгнать.

Через два с половиной года он снимал пенсне с линзами, тер себе то место, где был лоб и говорил вскоду:

— Я тупой.

Его все еще презирали, но уже утешали.

На сборищах он резво напивался и говорил, улыбаясь, кому попало:

— Я заезжал в отпуске в институт. Они мне предложили начальника отдела и тему на выбор.

— Представляете? — хватался он за окружающих.

Окружающие представляли, но смутно — никому не было до него дела. И тут он начинал хохотать в одиночку. Он хохотал, как безумный, задыхаясь и плача:

— Они...там...ох-хо-хо...дума...ют...ха-ха-ха, ой, мама...думают...что я...здесь...ой, не могу...вырос...над собой...ох...что я здесь...на флоте...обо...га...тился...хи-хи-хи...не могу...х-х-х...

Потом он резко делал серьезную рожу и говорил:

— Вообще-то после флота я на начальника отдела потяну. Раньше бы не потянул, а теперь я все могу.

— Я придумаю новую торпеду, — начинал он опять хохотать, — я знаю какую. Это что-то круглое должно быть, чтоб руками можно было катить, но не легкое, чтоб домой не

отволокли. Должно снега не бояться и ночевать под открытым небом. Чтоб только откопали – сразу же работало. Чтоб с крыши падало и не билось. Чтоб внутрь заливалась не горячая, не выпиваемая дрянь. Чтоб эта дрянь не нужна была для «Жигулей». Чтоб эта торпеда по команде тонула, по команде всплывала, чтоб бежала и поражала. Ждите, скоро пришло. А то и с проверкой приеду. Вот посмеемся!

– Да, и лопату, – тут он совсем загибался от смеха, – лопату... лопа... хх... ту... ей... хо-хо... ой, не могу... лопату... ей... при... де... ла... ю... сбо... ку... сбо... ку... при... со... ба... чу... ой, мама, – сипел он остатками воздуха, – и ме... т... лу... мет... лу... ей сза... ди... вотк... ну... поме... ло... встав... лю...

И все начинали смеяться вместе с ним.

4. АТОМНИК ИВАНОВ

Умер офицер, подводник и атомник Иванов. Да и черт бы, как говорится с ним, сдали бы по рублю и забыли, тем более, что родственников и особой мебели у него не обнаружилось и с женой, пожелавшей ему умереть у забора, он давно разошелся. Но умер он, во-первых, не оставив посмертной записки, мол, я – умер, вините этих и, во-вторых, он умер накануне своей пятнадцатой автономки. Так бы он лежал бы и лежал, и никому не был бы нужен, а тут подождали для приличия сутки и доложили по команде.

Вот тут-то все и началось. В квартиру к нему постоянно кто-то стучал, а остальной экипаж в свой трехдневный отдых искал его по сопкам и подвалам. Приятелей его расспросили – может, он застрял у какой-нибудь бабы. В общем, искали, искали, не нашли, не приходило в голову, что он лежит в своей собственной квартире и давно не дышит.

Наклеывалось дезертирство и политотдел затребовал на него характеристики; экипажная жизнь снова оживилась. В запарке характеристики ему дали как уголовнику; отмети-

ли в них, что к изучению идейно-теоретического наследия относится отвратительно, что вряд ли имеет хоть какой-нибудь конспект.

Долго думали, писать, что «политику он понимает правильно» и «делу» предан, или не писать, потом решили, что не стоит.

В копию его служебной карточки, для полноты его общественной физиономии вписали пять снятых и двадцать неснятых дисциплинарных взысканий; срочно слепили две копии суда чести офицерского состава, а заместитель командира, заметив, что у него еще есть в графе место, пропустил его по всем планам политико-воспитательной работы, как участника бесед о правовом воспитании воина.

Сдали все собранные документы в отдел кадров и, срочно прикомандировав вместо него какого-то беднягу прямо из патруля, ушли, от всей души пожелав ему угодить в тюрьму.

Отдел кадров, перепроверив оставленные документы, установил, что последняя аттестация у него положительная.

Аттестацию переделали. Сделали такую, из которой было видно, что он, конечно, может быть подводником, не без этого, но все-таки лучше уволить его в запас за дискредитацию высокого офицерского звания.

Прошло какое-то время и кому-то пришло в голову вскрыть его квартиру. Вскрыли и обнаружили бранные останки атомника Иванова – вот он, родной.

Флагманскому врачу работы прибавилось. Нужно было оформить кучу бумаг, а тут еще вскрытие показало, что на момент смерти он был совершенно здоров. В общем, списать умершего труднее, чем получить живого.

Медкнижку его так и не нашли, она хранилась на корабле и ушла с кораблем в автономку. Сдуру бросились ее восстанавливать по записям в журналах, но, так как журналы тоже не все отыскались, то все опомнились и решили, что обойдется и так.

Флагманский врач пристегнул к этому делу двух молодых, подающих большие надежды врачей, а сам в тот день, когда пристегнул, вздохнул с облегчением.

С помощью нашей удалой милиции удалось даже отыскать какую-то его двоюродную тетку Марию, которая жила, как выяснилось, в самой середине нашей необъятной карты,

в селе Малые Махаловки.

– Только сейчас приехать не могу, – сразу же зателеграфировала тетка, я одна, старая уже, у меня еще корова, как ее бросить, да и картошка подошла.

Из списанных с плавсостава подобрали надежного офицера, капитан-лейтенанта, и возложили на него похоронные обязанности.

Такие офицеры, списанные с плавсостава, у нас есть. Они строят подсобные хозяйства, дачи, роют рвы, канавы, собирают картошку в Белоруссии, бывают на целине в Казахстане, назначаются старшими на сене, проводят обваловку, руководят очисткой, раскладкой дерна, доводят все до ума, ремонтируют подъезды и вообще приносят много пользы.

А этого офицера списали даже дважды. В первый раз по какой-то одной статье – то ли с язвой, то ли с какими-то камнями а когда он оформил все документы на списание и, сдав их, каждый день ходил и столбился, то через месяц выяснилось, что документы он сдал не поймешь где и сдал он их не поймешь кому, и в том месте, где он их сдал, его никто не узнал.

– Что же вы так? – сказали ему тогда. Вот тогда-то его и перекосило, и с ним случилось что-то сложное, то ли латинское, то ли латино-американское и списался он тогда по совершенно другой статье. Словом, человек был надежный.

Надежный отправился на плавзавод добывать цинк. В этот цинк нужно было одеть гроб, который, вместе с несвоевременно усопшим Ивановым именовался бы «ценный груз двести».

Завод насчет цинка был в курсе, но на заводе его повернули: лимит по цинку был израсходован, а будущий цинк должны были подвезти в течение месяца.

– Вам же звонили! – вяло, как последний спартанец, отбивался «надежный».

– Времена прошли, – сказали ему на заводе.

– Куда ж его сейчас девать? – не унимался «надежный», потому что с самого детства привык никому и никогда не сдаваться.

– А где он у вас до сих пор лежал? – спросили увядшими голосами заводские лупоглазые хитрецы.

– Дома, не понимал «надежный».

– Вот пусть там и полежит, ничего страшного, сейчас уже холодно. Только окна, конечно, нужно будет открыть, – тут же приступили заводчане ко второму этапу сбережения усопшего, – а с батареей воду слить и батареи заглушить. В этом поможем. На батареях у нас какое сечение? Ду-20? Ну вот...

– Что «вот», – не понимал «надежно списанный», – в чем поможете?

– В этом, – удивились его сообразительности заводчане, – батареи заглушим, сварщика дадим.

– Ну нет, так дело не пойдет, – начал было списанный.

– Ну, мы тогда не знаем, – сразу закончили с ним заводчане и в ту же минуту про него забыли.

С тем, что «они не знают», списанный капитан тут же решил отправиться к начальству. По дороге он долго рублил воздух говорил всякие выражения.

–А-а-а, чтоб они подошли! – пожелал он им в заключение.

Капитан впервые столкнулся с цинковой проблемой, и через десять минут ходьбы он окончательно решил идти к начальству, у которого, он был в этом совершенно уверен и неоднократно убежден, череп толще, а нижняя челюсть увесистей.

– А я-то думал, что его давно похоронили, – оторвалось от бумаг начальство с черепом, за заботами успевшее забыть, что у него когда-то кто-то умер. – Деньги вам собранные отдали? Ну вот! Что же вы?

– А что вы сделали, чтоб этот цинк был? Почему не добились? Почему не настояли? – спрашивало начальство по-нарастающей. – Расписываетесь тут, стоите, в собственном бессилии!

– Нужно добиваться! – заорало наконец начальство. – А не демонстрировать здесь свои неспособности и беспомощность полнейшую! Рыть нужно! Рыть! Доросли тут до капитан-лейтенанта! Бог ты мой, какая тупость, какая тупость! Цинк ему ищи! Рот раскрой, положи – он закроет и проглотит. Так, что ли? Я! Здесь! Поставлен! Не для цинка!!! Понимаешь? Не для цинка!.. Идите. И не прикрывайте

мелкой суетливостью своего безделья! Цинк чтоб был! Доложите! Все!!!..

Витамины на флот поступают в жестяных банках, а надо бы в ведрах, а может, и в бочках...

Капитан пошел от начальства. По дороге он все время говорил три слова, из которых только одно было очень похоже на слово «провались».

Пропадал он двое суток, потом появился мятый, виноватый и принялся с жаром отрабатывать.

А медики тем временем, тихой сапой, по своим каналам справились насчет цинка, узнали, когда он будет, сказали: «Ладно, мы подождем», — и сразу же договорились насчет деревянного.

— Деревянный? — ухватились на заводе. — А цинковый уже не надо?

— Надо, — сказали наши всегда спокойные медики, — и цинковый и деревянный. Он у нас пока в морге полежит.

И положили. Когда же, наконец, появился цинк и из него сделали то, что хотели, впихнуть в него бережно сохраненного Иванова не удалось — чуточку не влез; ни в цинковый, ни в деревянный.

— Он что у вас там, вырос что ли? — злобно ворчали заводчане, уминая Иванова, который, если где и влезал в одном месте, то тут же вылезал в другом. Не хватало всех размеров сантиметров по двадцать.

— А кто снимал мерку? — спросил начальник завода, когда эта неувязочка всем порядком поднадоела. Оказалось, что мерку снимал матрос, который уже уволился в запас.

Начальник завода очень изобретательно облегчил душу и сказал:

— Чтоб в следующий раз мерку снимал офицер, — подумал и добавил, — капитан-лейтенант, а сейчас чтоб влез! Влез! Хоть всем заводом пихайте. Вы у меня пострадаете...за Отечество. Я вам сделаю соответствующее лицо...

После этого заводчане поделили силы: одни с чувством передали Иванову, чтоб он влез, и начали его запихивать с завидным вдохновением, другие принялись обхаживать медиков — ходили, как очарованные, и заглядывали им в глаза. Минут через пять они решили, что хватит облизывать и приступили:

— А может, мы отпилим где-нибудь там у него кусочек, а? Маленький такой, а? — голос их непрерывно зацветал мольбой. — Незаметненький такой, как вы считаете? Мы потом сами похороним. А может, у вас есть что-нибудь такое? Может, можно будет его полить чем-нибудь, растворить там чуть-чуть, а? Ему же все равно, как вы считаете?

— Не знаем, — сказали медики, покачали головами и уехали, оставив на заводе Иванова до вечера. Вечером он должен был быть отправлен. И билеты были — в общем — тоска.

Делай что хочешь, сказал начальник завода начальнику цеха, режь, ешь, но чтоб влез! Влез! Хочешь, сам ложись впереди и раздвигай! Хочешь — не ложись! Хочешь — мы тебя вместо него похороним. В общем, как хочешь!

Начальник цеха хотел, он очень хотел; он до того обессилел от того, что хотел, что был готов сам лечь и раздвигать.

Но вдруг все обошлось. На флоте, в конце концов, все обходится, все получается, делается само собой, не надо только суетиться...

В конце концов вышло пять решительных жлобов и, под массу бодрых выражений в три минуты запихали атомника Иванова в дерево и в цинк, как тесто в банку. Попрыгали сверху и умяли. Заткнули аккуратно гвоздиком те места, которые повылезли и запаяли. Делов-то...

А в это время в нашем тылу добывалась машина. Списанный капитан метался одинокий и слепой от горя. Он уже выяснил, что в эту минуту из восьмидесяти двух машин — тридцать два газика, а остальные, после целины, не на ходу, а на ходу один самосвал, да и тот — мусорный.

Заболевший от такой невезухи капитан был готов вести запаянного в цинк Иванова на мусорном самосвале.

— Да вы что? — сказали в тылу и не дали самосвал.

И все-таки он его довез, на попутках, щедро посыпая дорогу поллитрами. На вокзал приехали за двадцать минут до отхода поезда.

— Куда?! — рывкнула проводница и загородила проход.

У нас разрешение есть, задуревшим с дороги голосом прошептал капитан: он всю дорогу, в минус

двадцать, ехал сверху.

– Назад! – не унималась проводница. Я тебе дам «разрешение», а людей я куда дену?!

Она вытолкнула капитана вместе с ящиком назад. Капитан, совершенно обессиленный белым безмолвием, вытащил собранные на Иванова деньги и, стыдно сказать, угостил проводницу четвертным.

– Ну, ладно, – сжалилась она, – волоките, сейчас покажу куда.

Гроб заволокли, куда показали. Не успели тронуться с места, как появился бригадир.

– Где тут эти похоронщики? – бригадир смотрел так, будто заранее знал, кто где нагадил.

– Ты, что ли? – ткнул он пальцем в капитана, и у капитана сразу же забился пульс.

– Да? Документы давай.

Капитану нельзя было волноваться. Пальцы его наконец достали документы.

– Ну, так и знал, – вздохнул бригадир, – неправильно. На следующей слазь. Не забудь его прихватить. Проверю. Знаю я вас, был уже один такой, прохвост, намаялись

Показался еще один четвертной. Все-таки есть хорошие люди, есть: сейчас он на тебя наорал, набрызгал, а сейчас он уже хороший человек и ты его полюбил, испив до дна радость прощенья.

– Ты когда в следующий раз повезешь кого-нибудь, ты обязательно все правильно оформи, – обхватил капитана за плечи бригадир, – да, и смотри, он у нас сам понимаешь где едет, у нас иногда «жигули» раздевают, не то, что твоего родственника; цинк – это вещь; приедешь, его снимать а цинка – нет и давно уже один покойник голый едет. Было такое, – бесплатно дарю, бригадир хохотнул.

Капитан выбегал на каждой станции.

И началась дорога. Многим мы ей обязаны, дороге. Ты едешь и едут мимо тебя: мясо, масло, «а как у вас», дети, тещи, подарки, какие-то праздники, каникулы. О чем только люди ни говорят, чем только они ни живут; а ты, как с другой планеты, будто и не жил никогда...

Через двое суток ему стало казаться, что он давно уже

живет в вагоне, что он родился здесь, среди плача детского, мято-лежащих тел, бесконечных закусываний, чая и торчащих в проходе ног. Он отдался безразличию и теперь почти все время сидел у окна смотрящим вперед. А навстречу ему неслась Россия... Россия... огромная страна.

Капитану предстояла пересадка. Не будем ее описывать, а то все увеличится втрое. Скажем только громко: «Хорошо!». Хорошо, что люди пьют. А может, и не люди, а отдельные граждане, но все равно – хорошо. Сколько бы дел не было сделано, вот так слету, в один присест, если б они не пили; и наш капитан никогда бы не попал вовремя с оцинкованным Ивановым с вокзала на вокзал. Пускай они пьют. А если б они не пили, то стоило бы, наверное, для пользы дела, ее им привить – привычку пить. Наверное, стоило бы...

А вот и станция Малые Махаловки, похожая на тысячи наших пустынных беленьких станций. Не прошло и пяти суток.

Поезд встречали двое – тетка и бородач. Капитан каким-то внутренним чутьем почувствовал тетку Марию и конец своего путешествия, и наполнился, в который раз за дорогу, счастьем, подпрыгивающим ликованием.

– Вот! – через каких-нибудь пять минут воскликнул капитан и, израсходовав на улыбку весь имеемый сахар, указал на гроб, – сам!

Он чуть не добавил: «Красивый сам собой», но вовремя спохватился. Ему опять стало хорошо. Это «хорошо» накатывало на него волнами, и сейчас он был просто рад за себя, за Иванова, за окружающую среду, опять за себя, за тетку Марию, как будто привез ей не гроб, а кусок золота. И вообще, чем дальше от флота, тем больше он испытывал за него гордость; гордость за нашу боеготовность, ощущал прочные узы родства...

Что еще... документы, фотографии – вот!

– Слышь, милоч, – неуверенно засомневалась тетка Мария, – а вроде... это и не Мишка вовсе... Иванов-то ... я его маленьким помню, после не видала... позабыла уже, а волосики у него, вроде, черные были, да и курносый он, а этот какой-то лысый, что ли?

Дитя флота мгновенно съехало на землю. Капитана прошиб крупный пот, все вокруг промокло и стало гнусным.

– Да ты что, мать! – заорал он, вложив в этот крик все свои раны, отчаянье, цинк, бригадира, дорогу, черт-те что. – Мать! Это ж... не мальчик кудрявый, это ж... мужчина и потом он... эта... под водой, подводник он, мать, подводник, а там не то, что на себя, на лошадь не будешь похож!

– Ну тогда ладно... конечно... чего уж там... это я так, быстро согласилась, испугавшись его, тетка Мария и виновато уставилась под ноги.

Бородатый с ходу понял в чем затор.

– Вылитый Мишка, – он тоже испугался, что поминок не будет и этот сейчас подхватит гроб и поминай как звали, – вылитый. Я его, мерзавца, вот с такого возраста (он отмерил сантиметров двадцать) знаю. Вылитый.

– Ну вот! – вырвалось у капитана. К нему сразу вернулась ушедшая было куча здоровья. Да-а-а, ну ты, мать, даешь! Мишку не узнать, а? Да-а-а! – теперь ему опять стало хорошо, даже както молодецкато стало, раскудрись оно провались!

– Ну ладно, граждане, – махнул рукой куда-то в сторону капитан, – вам туда, а мне – обратно. Извините, если что...

– Ну нет, милый, ты чего эта? – бородач встал рядом. – Привез и давай мотаем? Вам, значит, туда, а нам отсюда, так что ли? А поминки? А народ? Не пустим! – он вдруг взял капитана под локоток. Рука у деда была деревянная, и капитан понял – точно, не пустят.

– Так... флот же тоже ждет... боевые корабл-и-и-и, – замямлил он.

– Подождет, не обломится, – обрубил бородач, – народ тебя ждет. А мы тебе справку заделаем... печать... вроде ты у нас приболел, что ли, – борода так захохотал, что какая-то впереди крадущаяся тетка с кошелкой присела, дернула головой, заверещала: «Милиция!» и мотанула куда-то совсем.

Действительно, все было готово. С Ивановым разделались в момент. Никто так и не вспомнил, был ли он черным или, может, сразу лысым. Праздничный стол раздался в осеннем великолепии. Это был какой-то ведерный край: в

середине стола стояла такая ужасная бутылка самогона, такой величины и прозрачности, что сквозь нее была полностью видна высоко поднятая табуретка.

За столом сидели старики и старушки, празднично убранные. На стариках так горели ордена и медали, что стояло сплошное сияние. У одного векового деда, с серебряной в пояс бородой, кроме всего прочего было еще четыре георгиевских креста.

Через двадцать минут за столом все были свои. Старики с интересом рассматривали мишкины медали за десять и пятнадцать лет безупречной службы. Они передавали их друг другу и каждый обязательно переворачивал и читал вслух.

Д-а-а-а. Нам такие не давали. Они теперь вон какие. Молодца, Мишка, молодца, не посрамил, д-а-а-а...

Вскоре капитан решил, что ему нужно что-то сказать, а то через пару минут, он так прикинул, сказать он уже ничего не сможет, через пару минут он уже сможет только закивать это дело. Он встал и сначала бессвязно, а потом все лучше и лучше начал говорить про флот, про море, про Мишку, которого совсем не знал, и чем больше он говорил, тем больше ему казалось, что он говорит не про Мишку, а про себя, про свою жизнь, про службу, про флотское братство, которое, гори оно ясным пламенем, все равно не сгорит, про Родину, про тех, кто ее сейчас защищает, и, в случае чего, не пожалеет жизни, про священные рубежи...

– ... Пусть у них все будет хорошо, – голос капитана звенел в наступившей тишине, – пусть они не горят, не тонут, пусть им всегда хватает воздуха; пусть они всегда всплывают; пусть их ждут на берегу дети, любят жены, их нельзя не любить, товарищи, их нельзя не любить! – и так у него получалось складно и гладко, и может быть, в первый раз в жизни его так слушали, может быть, в первый раз в жизни он говорил то, что думал, и у людей блестели на глазах слезы, может быть, в первый раз в жизни с ним такое происходило... У него вдруг перехватило горло, он запнулся, махнул рукой; все задвигались, а какая-то тетка, как и другие, наполовину не понявшая, но видевшая, что человек мается, схватила ладонью за щеку и забормотала:

– Ох, мамочки, бедные вы мои, бедные...

Пир шел горой. С капитаном все хотели поцеловаться. Особенно не удавалось вековому деду.

– Гришка! – прорывался он. – Язви ты, ты что, зараза, второй раз лезешь? А ну брысь!

Громадный Гришка, лет шестидесяти, смутился и пропустил старика.

– Ну вот, милый, ну... дай я тебя поцелую!

Потом пели морские песни: «Славное море – священный Байкал», «Варяга»; капитан тут же за столом обучил всех песне «Северный флот не подведет»...

Вскоре его отнесли на воздух, одели шапку и усадили на лавочке. Он сидел и плакал. Слезы текли по небритому еще с вагона лицу, собирались на подбородке и капали в жадный песок. Он говорил что-то и грозил в темноту видно, что-то привиделось или вспомнилось, что-то свое, известное ему одному.

Горе сменилось, теперь он хрипло смеялся, мотал худой головой и бил себя по колену; потом повторил раз двадцать: «Помереть на флоте – ни в жисть», упал с лавки, улыбнулся и заснул.

Его подобрали и отнесли в дом, чтоб не застудился.

Капитана отпустили через неделю. Он всучил-таки тетке Марии оставшиеся деньги, прибавив от себя. Тетка смущалась, махала руками, говорила, что не возьмет, что Бог ее за это накажет.

Его долго вспоминали, желали ему через Бога здоровья, счастья в личной жизни и много детей.

А вскоре после этого случая в дом к тетке Марии ворвался кто-то в огромной, черной шинели, схватил ее и затискал.

У тетки остановилось дыхание, она узнала Мишку, курного, черноволосого, как в детстве, когда однажды его видела.

Она вяло отпихнулась от него, села на случившийся табурет и замерла.

Она не слышала, что Мишка орал. Лицо ее как-то заострилось, она впервые почувствовала, как бьется ее сердце – бисерной ниточкой. Губы ее разжались, она вздохнула: «Бог наказал», – мягко упала с табурета на пол и умерла.

На деревне говорили: «Срок пришел», а вскрытие показало, что на момент смерти она была совершенно здорова.

Были поминки. Мишка, которому рассказали, что он вроде бы помер, напился и пел в углу; остальные пели «Варяга», «Славное море – священный Байкал» и «Северный флот не подведет».

5. ФРЕЙЛИНА ДВОРА

Лий-ти-нант! Вы у меня будете заглядывать в жерло каждому матросу!

Командир – лысоватый, седоватый, с глазами навыкате – уставился на только что представившегося ему, «по случаю дальнейшего прохождения», лейтенанта-медика – в парадной тужурке – только что прибывшего служить из Медицинской Академии.

Вокруг пирс, экипаж, лодка.

От такого приветствия лейтенант онемел. Столбовой интеллигент: прабабка – фрейлина двора; дедушка – академик вместе с Курчатовым; бабушка – академик вместе с Александровым; папа – академик вместе с мамой; тетка – профессор и действительный член, еще одна тетка – почетный член! И все пожизненно в Британском географическом обществе!

Хорошо, что командир ничего не знал про фрейлину двора, а то б не обошлось без командирских умозаключений относительно средств ее существования.

– Вы говно, лейтенант! – продекламировал командир. – Повторите!

Лейтенант как обухом по голове повторил.

– Вы говно, лейтенант, повторите!

Лейтенант опять повторил.

– И вы останетесь говном до тех пор, пока не сдадите на допуск к самостоятельному управлению отсеком. Пи-ро-го-вым вы не будете. Мне нужен офицер, а не клистирная труба! Командир отсека – а не давящий клопов медик! Вы научитесь ползать, лейтенант! Ни-ка-ких сходов на берег! Жену отправить в Ленинград. Жить на железе. На же-ле-зе!

Все! А теперь поздравляю вас со срочным погружением в задницу!

– Внимание личного состава! – обратился командир к строю. – В наши стройные ряды вливается еще один... обманутый на всю оставшуюся жизнь. Перед ва-ми на-ша ме-ди-ци-на!!!

Офицеры, мичмана и матросы изобразили гомерический хохот.

Командир еще что-то говорил, прерываемый хохотом масс, а лейтенант отключился. Он стоял и пробовал как-то улыбаться.

Под музыку можно грезить. Под музыку командирского голоса, вылетающего, как ни странно, из командирского рта, лейтенанту грезились поля навозные.

Молодой лейтенант на флоте беззащитен. Это моллюск, у которого не отросла раковина. Он или погибает, или она у него отрастает.

«Офицерская честь» – павший афоризм, а слова «человеческое достоинство» – вызывают у офицеров дикий хохот, так смеются пьяные проститутки, когда с ними вдруг говорят о любви.

Лейтенант-медик – рафинированный интеллигент – его шесть лет учили, все это происходило на «вы», интернатура, полный дом академиков – решил покончить с собой – пошел и наглотался таблеток. Еле откачали.

Командира вызвали к комдиву и на парткомиссию.

– Ты чего это... старый, облупленный, седоватый, облезлый, лупоглазый козел, лейтенантов истребляешь? Со всем нюх потерял? – сказал ему комдив.

То же самое, только в несколько более плоской форме, ему сказали на парткомиссии и вlepили выговор. Там же он узнал про чувство собственного достоинства у лейтенанта, про академиков, Британское географическое общество и фрейлину двора.

Командир вылетел с парткомиссии бешеный.

– Где этот наш недолизанный лейтенант? У них благородное происхождение! Дайте мне его, я его долижу!

И обстоятельства позволили ему долизать лейтенанта.

Ли-йти-нант, к такой-то матери, – сказал командир по

слогом, – имея бабушку, проститутку двора Ее Величества и Британских географических членов со связями в белой эмиграции, нужно быть полным и-ди-о-том, чтобы попасть на флот! Флот у нас рабоче-крестьянский! А подводный – тем более. И служить здесь должны рабоче-крестьяне. Великие дети здесь не служат. Срочные погружения не для элиты! Вас обидели? Запомните, лейтенант! Вам за все заплачено! Деньгами! Продано, лейтенант, продано. Обманули и продали. И нечего тут девочку изображать. Поздно. Офицер, как рабыня на помосте, может рыдать на весь базар – его никто не услышит. Так что ползать вы у меня будете!

Лейтенант пошел и повесился. Его успели снять и привести в чувство.

Командира вызвали и вставили ему стержень от земли до неба.

– А-а-а, – заорал командир, – х-х-х, так!!! – и помчался доставать лейтенанта.

– Почему вы не повесились, лейтенант? Я спрашиваю, почему? Вы же должны были повеситься? Я должен был прийти, а вы должны были уже висеть! Ах, мы не умеем, нас не научили, бабушки академики, сифилитики с кибернетиками. Не умеете вешаться – не сусольте шею! А уж если приспичило, то это надо делать не на моем экипаже, чтоб не портить мне показатели соцсоревнования и атмосферу охватившего нас внезапно всеобщего подъема! Вон отсюда!

Лейтенант прослужил на флоте ровно семь дней! Вмешалась прабабушка – фрейлина двора, со связями в белой эмиграции, Британское географическое общество, со всеми своими членами; напряглись академики и он улетел в Ленинград... к такой-то матери...

НОВЫЙ ЯНВАРЬ

***

Тяжело умирать, хорошо умереть,
Хорошо посмотреть
На последнюю ночь, на последний рассвет,
На ненужный предмет,

На стакан молока, на снежинки в окне,
На себя в глубине
Уходящей души и последних примет
Глупо прожитых лет.

Ранним утром зимой хорошо понимать,
Что не надо опять
Подниматься, вставать. Хорошо умереть,
Тяжело умирать.

1992

Семен
ЛИПКИН

– родился в 1911 году в Одессе. Автор около десяти поэтических сборников, изданных в России и за рубежом. Широко известен как переводчик памятников поэтической культуры многих народов мира.

ВЕЧЕР В ИЕРУСАЛИМЕ

Мавританский пошиб белокаменных зданий,
Многоярусный свет, изумивший природу,
Вавилонские львы и шумерские лани
Извергают из пасти фонтанную воду.

Верх становится низом, низина – нагорьем,
Вдохновенно тоскуют холмы по вершинам,
Мусульманский песок с лютеранским подворьем
Говорит, словно шейх с прихожанином чинным.

И такая заката сердечная милость,
И такая огней полнокровная алость,
Будто все, что считалось земным, отдалилось,
И приблизилось все, что небесным казалось.

1990

ЖУКОВСКИЙ

Какой тяжелый мрак, он давит, как чугунный,
И звездочки тяжка сургучная печать,
И странно говорит стихом Жуковский юный:
«С каким веселием я буду умирать».

Завидую ему: знал, что и за могилой
Он снова будет жить среди верховных сил,
Где собеседники – то ангел шестикрылый,
То маленькая та, которую любил.

Там слава не нужна, там нет садов Белева,
Там петербургские не блещут острова,

Но Пушкина и там пророчествует слово,
И тень ученика убитого жива.

1993

НОВЫЙ ЯНВАРЬ

Год настал, быть может, для меня последний,
Но еще не страшно встретиться с концом,
И еще рождаются во мне такие бредни,
Будто становлюсь я златокузнецом.

Будто я из солнца смастерил порфиру
И надел на голову сияющего дня,
И семья трех сосен, превратившись в лиру,
Все еще в окне зовет меня.

1993

ВЗГЛЯД СНИЗУ

Елене Макаровой

Чернодонные обрывы
Чуть видны впотьмах.
Низкорослые оливы
Встали на холмах.

Близким кажется отсюда
Беглый свет машин.
Твердым коржиком верблюда
Кормит бедуин.

Вечер виноградным гроздьям
Говорит, зачем
Верхний путь взметнулся к звездам,
В город Вифлеем.

1992

ПРОШЛОЕ

Всегда с тобою детские мечты
И отроческих весен разум зыбкий,
Всегда с тобой бессмысленные сшибки,
Рожденные соблазнами тщеты.

Всегда с тобою рабьей нищеты
Притворные, актерские улыбки,
Тяжелые, но жалкие ошибки
И хитрости беспомощной черты.

Они ушли – боль, радость, праздник, смута
И тот поэт, предупреждавший, будто
Все пожирает времени жерло.

Но ты не верь, что прошлое прошло,
Оно всегда с тобой, оно творится,
Чтобы когда-нибудь
возобновиться.

1992

РОССИЯ

Россия может быть безглазой и безухой,
Но сохранит она и зрение, и слух.
Россия может быть воровкой, потаскухой,
Но в мерзкой плоти будет светлый дух.

Россия может жить без храмов и молений,
Но сердце не отдаст содеянным богам.
Россию может враг поставить на колени,
Чтобы упасть, как прах, к ее ногам.

Россия может быть разбойной, дикой голью,
Но затаится в ней величие стыда.
Россия может быть больна предсмертной болью,
Но мертвою не будет никогда.

1992

НАКАНУНЕ, или СНЫ НЕПОЗАБЫТЫЕ

1. СОН В КОНЦЕ ЛЕТА

Кажется, что летом я жил в городке... Не знаю... Помню только мощеную бульжником площадь перед домом. Людей я почти не видел, а если и видел, то всегда издалека – едва заметные. они мелькали в переулках и пропадали...

Каждый день я куда-то уходил, а вечером, когда возвращался, меня встречали жены братьев. Вообще-то брат у меня один – кто еще там назывался братом – не знаю... Впрочем, никого из братьев в этом доме я все равно не встречал.

Жены братьев тоже были немного странными. Одна, когда видела меня, все время смеялась, а другую я видел только издалека. Да и не саму, а лишь ее черный, развевающийся на ветру плащ.

*Ночью снилось: сквозь закат
Улетевшая кибитка.
Ты проснулась вся в слезах
– в сад распахнута калитка...*

**Николай
КОНЯЕВ**

– родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Закончил Литературный институт. Автор книг: «Земля, которая помнит все» (1982), «Ненайденные клады» (1987), «Возле тихой воды» (1989), «Пригород» (1990), «Марсиане» (1991), «Роковая ошибка Сталина» (1992)

*И вдоль неба, вдалеке
По крутому склону
Кто-то черный шел к реке
Из пустого дома...*

– это не стихи, это тоже сон. Сон, снившийся мне каждую ночь в доме, где жили жены моих братьев.

Однажды вечером, когда я, как обычно, пересекал мощеную булыжником площадь, поднялся ветер и сразу – откуда? – возник слух, что это совсем и не ветер... И все чаще, все гуще замелькали вокруг черные плащи, а волнение росло, и уже совсем не оставалось времени...

– Это черт, это черт летит! – закричали тут где-то в отдалении, и я не выдержал, побежал к своему подъезду. Я еще на бегу засомневался – столько людей устремилось к заветной двери – сумею ли втиснуться, но в подъезде было как-то даже и пустовато. Лестничная клетка, оказывается, раздвинулась изнутри, и лестницу – не сразу и увидишь такую – как будто в каком-то цеху, почти незаметная, ползла пролетами по стенам гигантского помещения...

Но народ прибывал. Все ложились на плиточный пол, стараясь вжаться в него, сделаться незаметными... И никто не понимал, что не нужно прятаться здесь, что тут он в первую очередь искать будет. Я же понимал это совершенно отчетливо и потому побежал по лестнице наверх, торопясь укрыться в квартире.

На лестнице тоже сидели на ступеньках какие-то люди, и я лавировал, пробираясь между ними, и все они жалели меня и мешали идти вверх. И я объяснял, что живу там, наверху, но меня не слушали, только посмеивались в ответ. И тогда и возникло ощущение, что это заговор... Я еще боялся догадаться об этом, но костлявые старухи уже и не скрывали своих намерений, так крепко вцепились в мою одежду, что я с трудом сумел вырваться. А выше лежала парализованная старуха и надо было просто переступить через нее, но этот шаг дался мне с невысказанным трудом. И снова я словно ощутил как впились в меня костлявые и цепкие пальцы.

Кое-как я все-таки добрался до двери в квартиру, небольшая группа детей преградила мне путь и можно

было просто перепрыгнуть через них, и я так и сделал, но один ребенок, смеясь, поднял вверх лошадку и, зацепившись за детские пальчики, я рухнул на ступени лестницы и уже не смог подняться, потому что сил не было, потому что было уже поздно...

Проснулся. Утро. В открытое окно вместе со знобящим холодком несутся с улицы птичьи голоса. За столом – как вошел? – приятель сидит...Петя Кошель... Стучит на машинке.

Увидел, что я проснулся, и засмеялся.

– Что? – спросил. – Один убежать хотел?

Я ничего не ответил и Кошель куда-то исчез. Поднявшись, я вытянул из машинки листок бумаги.

*С ребенком в руках
подошел к окну.
Каток.
Мальчишки бегут по синему льду.
Как жаль, что сейчас зима.
Как жаль, что пруд подо льдом!
Где утопить ребенка?*

Одевшись, отправился к Кошелю.

– Это ты написал? – показал ему листок.

Я к тебе и не заходил сегодня... – ответил Кошель.

Вышел на улицу. Напротив общежития сквер – длинная аллея, вдоль которой с двух сторон мчатся автомобили. Еще осень. Вся аллея завалена листьями, а на одном дереве сидит попугай и кричит: «Дур-рак! Дурррак!»

Смотрел на птицу, пока не пошел снег и попугай не улетел. В Москве наступила зима. Попугая я больше не видел. Наверное, кошка его съела.

Вот такой сон в конце лета приснился. Вздохнул и вернулся в общагу. А там, в пишущую машинку, опять листок запровлен. На листке такие стихи:

*Когда непосильные крылья
Просил и молил у Бога –*

*Ах, знать бы, что правда – кривда...
Идти бы своей дорогой...
Но поздно! Отчаянным грузом
Свисают могучие перья.
И глупая кошка – муза –
Крадется в открытые двери...*

2. НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

С Михаилом Александровичем Шолоховым я виделся во сне два раза. Первый раз, когда переводил на кошачий язык «Поднятую целину».

Жил я тогда в Ленинграде у отца. В этой же квартире жила и сестра со своей семьей. Когда все ложились спать, я устраивался на кухне, убирал со стола грязные тарелки и принимался за работу. Иногда, отвлекаясь от перевода, пробовал писать стихи...

*В отцовской квартире не сын я, а шурин,
И жизнь дорожает, и юность прошла,
И ясно, что ненависть к городу-шуму
Мудрей, чем смиренность, была...*

Стихи неважненькие, но это перевод. В оригинале, на кошачьем языке, они звучали лучше.

Работу свою я завершил в срок и, поскольку тогда в Ленинграде еще немногие занимались переводами на кошачий язык, я надеялся в скором времени получить новый заказ. Однако вместо этого мне объявили, что Михаил Александрович просмотрел мой перевод, у него появились вопросы и он хотел бы встретиться.

К Шолохову я ездил не то в Кремль, не то в Вешенскую. И встреча наша началась с недоразумения. Увидев меня, Михаил Александрович сразу принялся лаяться. Он заявил, что просмотрел перевод и ничего в нем не понял.

– А на каком языке вы читали его? – озадаченно

спросил я. – На собачьем?

– Да!– сказал Шолохов. – А на каком языке по-вашему я должен читать?

– Ну, как же, Михаил Александрович... Я ведь на кошачий переводил ваш роман.

Вот так и прояснено было это недоразумение. Михаил Александрович угостил меня вешенской настойкой, а я объяснял ему некоторые тонкости кошачьего языка. Дело в том, что хотя он и похож на собачий, но тем не менее разница, особенно в грамматических конструкциях, весьма существенная. Это как в украинском и белорусском языках. Знаете, Михаил Александрович, это такой анекдот есть. На границе Белоруссии с Украиной два транспоранта. На одном: «Нехай живе...», а на другом, по другую сторону границы: «Хай живе...»

Вешенская настойка оказалась весьма воодушевляющей и после второй стопки я осмелился прочесть свое стихотворение, чтобы наглядно продемонстрировать разницу между двумя языками.

– И как же это по-собачьи будет? – спросил Шолохов.

– Не знаю... – честно признался я. – Это и по-человечески не звучит, а на собачий, по-моему, вообще невозможно перевести. Совсем другая психология у языка...

Михаил Александрович ничего не ответил на это. Обхватив руками голову, он запел какую-то казачью песню.

До сих пор не знаю, что это была за песня, сколько не искал ее потом по фольклорным сборникам, так и не сумел найти... Не знаю, что уж за песня была... Как не знаю и того, заплатили мне за перевод «Поднятой целины» на кошачий язык или нет...

3. КИТАЙСКИЙ ЧИНОВНИК

Кому не приходилось работать китайским чиновником, тот не знает и ничего не может знать о нашей жизни...

Я работал китайским чиновником на ракетном полигоне перед самым началом войны, которую назовут потом Великой, и я знаю, что я говорю...

Судя по обилию людей в генеральских погонах, средств

на наш Центр запуска баллистических ракет не жалели, но трехлитровых банок, что необходимы для запуска, разумеется, не хватало. И не понятно, кому пришла счастливая мысль, но мы нашли выход, заключив договор с домохозяйками. Суть его заключалась в том, что по сигналу тревоги, домохозяйки должны были немедленно доставить в центр трехлитровые банки.

Я как раз и отвечал за инструктаж домохозяек... И все шло отлично, я аккуратно составлял отчеты, складывал их в папку с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» и сдавал в спецотдел. Но так было пока не началась война, которую потом назовут Великой, пока не объявили боевую готовность и на нашем Центре запуска баллистических ракет. Истекали последние мгновения, уже надо нажимать кнопки запуска, а трехлитровых банок, без которых ракеты не полетят, нет... До сих пор помню тот ужас китайского чиновника, который охватил меня, когда я понял, что мои домохозяйки не принесут их...

От этого ужаса и проснулся.

Работало радио. Дикторша бодро рассказывала о новых успехах конверсии – на танковом заводе, наконец-то, наладили выпуск стиральных машин.

Я слушал дикторшу и думал, что ничего не знает и не может знать о нашей жизни человек, если он никогда не работал китайским чиновником.

4. БАККАРА

Игра в кости – в баккару. Использованные возможности... К концу играть все труднее – все меньше остается вариантов, и вот уже вычеркиваешь одну за другой игры... И как-то незаметно начинает вплетаться в рисунок игры житейский сюжет.

Он приходит прощаться... Он уезжает... Жизнь закончена... Какая-то болезнь, безысходность... Но тут, на пике безысходности и отчаяния вдруг понимаешь, что вот сейчас, правильно вычеркнув игру, можно все повернуть назад. И

снова возвращается удача. От броска к броску растёт запас попыток: уже две в запасе, пять, уже больше десяти... И позабыв об осторожности, выпрыгиваешь из вагона, бежишь, расталкивая людей, по перрону, возвращаешься домой, где тебя ждут, хотя и знают, что ты уже не вернешься...

И так четко вписалась в рисунок игры эта не хитрая повесть, что проснулся с мыслью: скорее, скорее записать...

Только что же записывать тут?

5. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Война, которую потом назвали Великой, запомнилась кусками. А вообще она была долгой, очень долгой...

Помню коммунальную квартиру, в которой тогда жил. На стенах в коридоре все время проступали чьи-то глаза. Сосед бродил по ночам по коридору и булавкой выкалывал их.

– Это подтеки... – ухмыляясь, говорил он. – Сыро у нас, вот и подтеки... Надо воду выпустить...

И снова втыкал булавку в чей-то плачущий глаз...

...Еще я очень долго служил солдатом.

Рядом с нашей казармой размещался женский взвод и каждую ночь мы лазали туда. Я тоже лазал. Помню, как пробираюсь ночью в женскую казарму, залезаю в чью-то постель и едва не задыхаюсь от ужаса. Ужас от того, что я все перепутал в темноте и залез в постель к старшине. Старшиной же в женском взводе служил пожилой, усатый мужик...

Зато боевые операции не запомнились совсем. Осталось в памяти лишь, как пробираемся мы по каким-то подвалам. Куда и зачем? – никто не знает, но мы идем вперед, потом ползем, потому что идти уже невозможно.

И вдруг впереди – что-то очень противное... Крысы? Каракатицы? Их много, что-то уже заползло за ворот гимнастерки, но останавливаться нельзя, надо ползти вперед и мы – ползем...

6. РАЗГОВОР С АРИСТОТЕЛЕМ

Кончился городской асфальт, оборвалась гранитная набережная, и сразу – наша поселковая улочка, дощатые тротуары. А над рекой сгущаются сумерки, и кто-то огромный и темный стоит посреди воды.

И огород за нашим домом странный. Возле покосившейся баньки, почти вплотную к книжным стеллажам, цветет черемуха, а я ищу место, где можно посадить огромную свеклу, которую держу в руках.

Чуть в стороне, на чурках, раскиданных возле бани, сидит Аристотель.

– Я не могу найти формулу жизни... – жалуется он. – Где-то эта формула есть, но где? Не могу вспомнить... И не могу поэтому понять, почему жизнь называется жизнью.

Я киваю ему, и говорю, что у меня задача намного проще – мне нужно найти место для свеклы, но – увы! – здесь все заставлено книжными стеллажами и места для свеклы невозможно найти.

– Нет! – перебивает меня Аристотель. – Все-таки объясните: почему жизнь называется жизнью?

Этого я объяснить не могу. И это грустно. Уж если Аристотель не понимает, почему жизнь называется жизнью, то как же сделать это мне? Мне ведь просто нужно куда-нибудь посадить свеклу.

7. ОСВОБОЖДЕНИЕ

В конце Великой Войны я попал под оккупацию и, когда нас освободили, жил в большом, но почти целиком разрушенном городе.

Когда пришли наши, всех оставшихся жителей согнали на площадь. По краю площади тянулись какие-то заборчики, а в центре – длинный-длинный – постамент, сколоченный из досок.

Потом появился Главный начальник.

Кто сотрудничал с оккупантами, – скомандовал он.
Вышли почти все.

Их поставили на постаменте на колени, и как-то так поставили, что головы у всех оказались зажатыми между рейками забора. Потом заголили всем задницы и принялись сечь.

Стоящий рядом со мной мужчина все прицокивал языком, глядя на экзекуцию. Почему-то я счел необходимым высказаться в защиту властей.

– Вообще-то... – сказал я. – Это вполне гуманно. Все-таки они сотрудничали с оккупантами, а их просто выпорют и все...

– Не в порке дело! – досадливо поморщился мужчина. – Палки, которыми бьют их, грязные. Я знаю это, потому что сам ходил собирать. Все они лежали в грязи... А потом, вы же сами видите, что тут одна палка на несколько задниц...

– А... – понимающе сказал я. – Вы насчет инфекции беспокоитесь...

– Разумеется! – сказал мужчина и принялся объяснять мне, что вот точно также распространяются заболевания, когда прихожане целуют крест в церкви. Однако закончить свое объяснение он не успел, его перебил запыхавшийся, подбежавший к нам семинарист.

– Уже секут?! взволнованно спросил он. – А что же мне делать, я опоздал...

– А вы сотрудничали с оккупантами? – вежливо спросил я.

– Не знаю... – пожал плечами семинарист. – Вообще-то я уже при них поступил в семинарию.

Мужчина сочувственно поцокал языком.

– Значит, сотрудничали, значит, вам туда надо идти... Вы спросите, может, еще не поздно...

– Да успею я, успею! – обрадовался семинарист и, подхватив руками полы своего сюртука, полез на постамент. Встал с краю на колени и выставил свою задницу.

Мужчина же снова поцокал языком и, оглянув пустую площадь, по которой больше никто не спешил сечься, вдруг спросил у меня:

– А вы-то как? Вы не сотрудничали разве?

– Я то? – переспросил я. – Я – нет. Я-то не сотрудничал.

И для большей убедительности даже засмеялся, показывая как смешно мне даже само это предположение.

– Это хорошо... – грустно сказал мужчина. – Только ведь бывает, что и сотрудничал, а сам не знаешь об этом...

– Нет-нет! – решительно запротестовал я. – Я точно знаю, что не сотрудничал. Я, если хотите знать, даже листовки помогал распространять!

– Листовки? – заинтересовался мужчина. – Какие листовки?

– Какие-какие... Обычные листовки... Откуда я знаю какие? Что я читать их буду?! Меня попросили передать, вот и отнес их, куда просили...

– Интересно... А может это зелененьких были листовки?

– Может и зелененьких... – пожал я плечами. – Я не читал. Я знаю только, что они против оккупантов были. Там сверху так и написано было: «СМЕРТЬ ОККУПАНТУ!»

– Точно зелененьких! – удовлетворенно произнес мужчина и глаза его заблестели. – Значит вам завтра нужно придти. Вы, дорогой мой, день перепутали...

– А что завтра будет?

– Завтра, дорогой мой, будут разбираться с теми, кто помогал зелененьким бороться с оккупантами.

– Ну и что же с ними сделают?..

– Да ничего особенного... Повесят, наверное, и все. Я видел там, в развалинах, уже строят виселицы...

И зачем-то – нудно и долго – принялся рассказывать мне, какие там хорошие, какие крепкие виселицы. Даже не по себе стало. Тупо смотрел я на выставленные на помосте задницы, и вдруг мне захотелось туда, чтобы вместе со всем народом выставить и свою задницу и не думать уже ни про какую виселицу.

– Э! Э! – охлаживая меня, сказал мужчина. – Вы же сами сказали, что не сотрудничали с оккупантами.

– А может и сотрудничал! – сварливо закричал я. – Вы тоже говорили, что можно и не знать, что ты сотрудничал...

– Нет уж, голубчик! – ласково, но твердо сказал

мужчина. — Вы листовки носили. Значит вам завтра придти нужно. Пойдемте я покажу, какие там хорошие виселицы поставлены...

И он схватил меня за руку.

Я проснулся. Долго лежал в постели и думал, что вот, слава Богу, и не высекли ведь. Может и завтра не повесят?

Но все равно на следующую ночь долго не мог заснуть. Боялся...

8. АЛЕКСАНДР ГРИН

Последний раз я видел Александра Грина два года назад, во сне. Как и я, в компанию эту он попал случайно. Потому что собрались тут властители дум и вообще — люди маститые. Хорошие костюмы, тугие, словно накрахмаленные щеки, ухоженные бородки, усы... И Куприн здесь был, и Андреев, а Грин пришел с улицы, присел к столу, не скинув даже промокшее пальтишко.

Рядом с ним сидел какой-то высокий, чуть сутуловатый парень с голубыми глазами. То и дело он поплевывал на кончики пальцев и поглаживал ими рыжие усы.

Говорили же все о Солженицине. Кто-то хвастал, что Солженицын вроде бы даже вспоминал про него, другой, как бы между прочим вставил, что Александр Исаевич ему письмо прислал и это письмо — совершенно случайно, господа! — при нем. Вот! — говорящий похлопал себя по груди. Он его любому предъявить, так сказать, может! И точно, в письме было написано: «Глубокоуважаемый Евгений Александрович! Из-за чрезвычайной загруженности не имею сейчас возможности читать текущую художественную литературу. Примите мои извинения...» — все вздыхали завистливо и делали скучные, словно для них все это пустяки, лица...

А Леонид Андреев, пьяно покачиваясь, кричал: «Подумаешь, Солженицын! Меня-то, меня сам Лев Толстой раз десять ругал!»

И снова все завистливо вздыхали, и только высокий

парень, что поплеывал на кончики пальцев, разглаживая усы, сказал, сильно окая:

– То-олсто-ой, Толст-о-ой... Да я у это-о-го Толсто-о-го живал ведь в Ясной Поляне... И в Вермо-о-нте тоже бывал, бывал... Паршивый, доложу вам, городишко-о...

И уже не вздох, а какой-то стон пронесся по помещению, и мне показалось даже, что сейчас все набросятся на этого красивого парня с голубыми глазами и растерзают его... Но тут встал Александр Грин.

– Г-господа! – сказал он чуть хрипловато. – ради Бога, объясните, господа, кто такой этот Толстой?! Кто такой Солженицын?!

И сразу сделалось тихо. И в этой оглушительной тишине слышно стало, как пахнет от гриновского пальто сырой дождливой улицей, все начали отворачиваться от него, отодвигаться...

9. ВСТРЕЧА В АДУ

Может это случилось на той войне, которую назовут потом Великой, но я умер, и вот – хожу и ищу друзей и не могу найти, их еще нет здесь, они живы...

А рядом – Рай, такое огромное красивое здание, похожее на питерский Эрмитаж. Только меня не пускают в Рай.

– Вы ошиблись. Вам не сюда.

– Не сюда?!

– Разумеется, не сюда... Вам в ад нужно идти, а это – прямо и направо...

И я вижу через узорное окно двор, но нет, это не эрмитажный дворик, не набережная Невы, а какое-то заполненное сыростью пространство, где теснятся бревенчатые, встроенные срубам друг в друга темные здания. Там холодно и не уютно, там – застывшие, как в армии или в концлагере, серые шеренги людей. И я смотрю, но уже не из окна, я сам стою в этой шеренге... Мы все стоим и ждем – сейчас должен появиться сам черт. А вот и он... Из-за темных бревенчатых

срубов скачет к нам кавалькада всадников... Впереди – самый главный. Он уже близко и можно различить, что это – длинноногая, молодая женщина, в голубых американских джинсах, в высоких – с ботфортами – сапогах... И такая она красивая, такая ладненькая, что сразу исчезает страх.

Повернувшись к соседу по шеренге, я хочу сказать, что уж воистину, не так страшен черт, как его малюют, но сосед не слушает меня, с ужасом смотрит мимо и на губах его еле различимое: «Это она...» И уже отовсюду несется, сдавленное страхом: «Она... Она...», и я поворачиваюсь, вглядываясь в лицо скачущей женщины и мне тоже становится страшно, потому что теперь я узнаю ее...

10. АКТЕР

Чарли Чаплин или актер, очень похожий на него, залезает в люк еще в старом, дергающемся кино, а вылезает уже в нынешнем. Совмещение старого и нового так и задумано. Оно как бы усиливает контраст. Там Чаплин – никто, а здесь – прославленный артист.

И снова дергающееся изображение. Снова люк. Мы видим его сбоку: видим то, что вверху, на сцене, и то, что внизу – откуда Чаплин и должен вылезти. Люк очень узкий. Чаплин высовывается из него и упираясь локтями в сцену, пытается вытащить ногу. И то ли шнурки развязываются, то ли просто из-за тесноты люка, но ботинок слетает с ноги. Чаплин смотрит на зрителей, подмигивает им, радуясь смеху, но тут взгляд его падает на свою уже вытащенную из люка ногу. Носок на ноге рваный, и над этим рваным носком и смеются в зрительном зале.

И нужно как-то достойно завершить репризу, и Чаплин пытается сделать вид, что с рваным носком – все так и задумано... Он судорожно дергается пытаясь сбросить второй ботинок – эта нога еще не вытащена из люка... Зрители хохочут еще сильнее, и антрепренер внизу – зачем-то ему нужен именно такой смех в зале! – обматывает ногу актера тяжелой цепью, и теперь ему просто не вытащить ее наверх,

не хватит сил... И так и висит Чаплин в люке, упираясь руками в края, шевеля пальцами, высовывающимися из рваного носка. Он уже устал, уже из последних сил дергается он, пытаясь вытащить обмотанную толстыми цепями ногу. А в зале все покатываются со смеха. Невыразимо смешны эти — из последних сил! — движения...

11. БЕЛЫЙ, КАК ФАРФОР, КОНЬ

Сон, который только после пробуждения становится очень страшным... Я — дома, в поселке. У меня белый, как фарфор, конь и еще — сабля. Я скачу на коне, гарцую возле дома. В доме живет отец и еще кто-то...

Но в дом, даже и спешившись, я не захожу всю ночь, а ночь белая, брожу вокруг дома, иногда заглядываю в окна.

Утром выясняется, что все это не зря. Оказывается, я всю ночь сторожил дом, чтобы из него не сбежал этот кто-то. Утром мне предстоит сражение с ним.

И я распрягаю своего белого, как фарфор, коня, и он сразу убегает куда-то на задворки.

А я иду в дом. Но не в свой, а в соседний, где живет тетя Паня. Ее — она, как и отец, давно умерла — в доме нет. В доме только моя двоюродная сестра, которая еще ночью унесла в дом мою саблю.

Иду я крадучись. Уже в дверях — оглядываюсь на свой дом. Там, на крылечке, отец и еще кто-то...

Мне почему-то очень страшно, что они меня заметят. Быстро скрываюсь в сенях.

В доме сестры приготовлена еда. Я не ел. Поесть очень хочется. Я сажусь за стол и вдруг с ужасом понимаю, что конь, которого я расседлал, убежал на задворки и теперь мне не приманить его, а значит — я не смогу сражаться...

От этого расстройствия и просыпаюсь.

Но самое страшное еще впереди. Страшно, что я опять видел во сне покойного отца — ж и в ы м... Еще страшнее — это я тоже сразу понимаю! — мой белый, как фарфор, сбежавший конь, без которого я не смогу сражаться, — это ложь...

12. КОРМИЛИЦА

Днем долго объяснял приятелю, что пишущая машинка для меня – как корова для крестьянина.

– Ну, как же я дам ее тебе, если только возле нее и кормлюсь? – объяснял я.

А ночью приснилось, что сломалась-таки машинка, после того как приятель попользовался. Полез я ее ремонтировать, и вот все это машинка еще, и пыль такая же на протягах, только как бы и не пыль это, а волоски, шерсть кругом и вообще – словно под коровье брюхо залез... Непонятно даже, что тут теперь ремонтировать...

13. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Последний раз я видел Шолохова, когда присудили Нобелевскую премию Горбачеву. Шолохов тогда должен был приехать к нам на завод и мы встречали его на площади, окруженной щитами с плакатами по технике безопасности и Досками почета.

Шолохов приехал на черной «Волге», и я тоже подошел к машине. Однако тут произошла заминка. Машина уже остановилась, но никто не выходит из нее. Пытаясь понять, что там задерживает Михаила Александровича, я нагнулся и заглянул в салон...

О, ужас! На месте Шолохова сидел какой-то неприятный субъект с гигантским носом.

– Это не Шолохов! – сказал я, крайне обеспокоенный своим открытием.

– Не говорите глупости! – прервал меня мужчина, похожий сразу на все фотографии, что висели на Досках Почета. Если вы никогда не видели Михаила Александровича, совсем не обязательно кричать об этом.

– Ну, какой это Шолохов?! – запротестовал я. – Вы на нос, на нос посмотрите!

– Прекратите! – мужчина решительно оттеснил меня от машины. – Нос как нос... Если бы вам шнобелевскую премию дали, у вас бы еще не такой нос вырос!

Проснулся я и сразу подумал о Горбачеве – неужели кроме пятна на лбу у него еще и нос отрастет?!

14. СЛОВО ОБ И.С.ТУРГЕНЕВЕ

Нет-нет! Тургенева я ни разу во сне не видел. Только очень часто, кто-то, невидимый мне, начинал вдруг говорить горячо и напористо:

– Ну, хватит уже! Надоело! Нам ведь еще в школе говорили, что в России красть казну, собак и книги никогда за воровство не считалось. А вы? Вы что и «Записок охотника» не читали?

15. ЯПОНСКИЕ СТИХИ

Зато очень часто снится пустое черное дерево. В дереве птицы. Черные птицы в черном дереве. Напротив окно. Там, на подоконнике, в зеленом горшке, удушливо и страшно распухнет этой ночью цветок.

А между окном и черным деревом – воздух, синий, просторный воздух, в котором смеются дети...

И всю ночь снятся китайские стихи про черное дерево:

*Пью горький чай
и слушаю, как шуршит трава
под черным деревом.
На нем повесился друг,
с которым мы пили чай
на склоне холма,
в чайном домике...*

16. ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙ

Еще очень часто снится последнее время трамвай. И черт знает, зачем выпросил я его у приятеля. Ну, да, конечно, хотелось покататься, но теперь и не знаешь, куда бы при-ткнуть его. И уже стемнело, и город уже кончился, а я все еду и еду по заросшим травой рельсам... И назад не вернуться уже – не развернешь ведь трамвай...

Из цикла «ЗАТЕСИ»

МУЛЬТАТУЛИ

В далеком-далеком детстве, на далеком-далеком Севере, в длинные заполярные ночи, читал я книги, какие мне посылала судьба, какие я мог достать, выпросить и даже украсть. Какими судьбами, откуда попала мне книга из серии «Жизнь замечательных людей» о голландском писателе Эдварде Деккере, по прозвищу Мультатули, что значит в переводе с малазийского – мученик, а с латинского – «много пережил», по-нашему выходит почти Максим Горький, сейчас не вспомню. По трудности, загогулистости и прихотливости судьбы – Эдвард Дауэс Деккер может сравниться разве что с одним еще писателем – Мигелем Сервантесом Сааведрой, но о том столько написано, что уж кажется и сообщить более нечего.

Об Эдварде Деккере я нигде и ничего более не читал и не слышал, книги той больше не встречал, и когда однажды заикнулся о ней на предмет переиздания во все той же библиотеке, продолжаемой издательством «Молодая гвардия», ответом мне было неопределенное молчание и пожимание плечами: и здесь никто не слышал о Мультатули.

И стало мне казаться, что приснилось мне все, что

**Виктор
АСТАФЬЕВ**

– родился в 1924 году в с. Овсянка Красноярского края. Участник войны, был тяжело ранен. Выступил с прозой в 1951 году. Ныне один из наиболее авторитетных русских писателей. Лауреат Государственной премии за роман «Царь-рыба».

касается Эдварда Деккера, или я сам и его, и судьбу его придумал невзначай...

А годы шли, жизнь перевалила за середину, и сам я, в чем-то повторяя судьбу Мультиатули, сделался литератором, и отчего-то обратило на меня внимание голландское издательство «Мехелен», принадлежащее Мартину Ашеру. Пробно напечатав «Царь-рыбу» и быстро ее распродав, издатель закатил второе, совсем уж роскошное издание этой книги и сказал переводчику, чтоб он все, мною сочиненное, отыскал и предложил для перевода, коли сам не справится. И «Мехелен» выпустил почти все мои сочинения, можно сказать, предложил голландским читателям целое собрание сочинений изящно напечатанных книг.

Однажды издатель решил пригласить меня в гости, в Голландию, и сделал это не через Союз писателей, где была мода вместо приглашенных писателей ездить в гости секретарям, консультантам и вообще «своим людям». Приглашение он послал в контору по защите авторских прав, где меня и снарядили в путь-дорогу, даже гильденов дали, не своих, конечно, мною же заработанных и на мое имя за книги переведенных. И хотя гонорар был весь ошипан и обрезан родным государством и верными его слугами, я все равно чувствовал себя если не богатым, то хотя бы относительно независимым человеком.

В Голландии, в Амстердаме меня хорошо встретили и разместили в небольшом уютеньком отеле, давши ключ от подъезда, где размещалось несколько номеров, в том числе и мой, но никакой бумаги, никаких программ мне не вручили, и я, привыкший жить по указке и согласно плану, на котором указано: когда спать ложиться, когда вставать, когда завтракать, обедать, какие и где мероприятия проводить, — несколько даже растерялся от такой воли и, никем и ничем «не охваченный», почувствовал себя почти неудобно.

В номере моем, состоявшем из прихожей, кабинета и спальни, имелся небольшой бар-холодильник. Я заглянул в него — он был набит от низу до верху бутылками и бутылочками, банками и баночками с пивом, соками, водой, коньяками, напитками да еще нарядными кошельками с соленым миндалем, сухим картофелем и еще чем-то. Я вынул банку

пива, подумал и пузырек с коньяком достал. Пиво поставил к батарейке греться – не могу ничего студеного потреблять, коньяку набулькал в хрустальный стаканчик, отхлебнул и почувствовал, как он неторопливо катится по нутру, хорошо его согревает и бодрит.

В это время раздался веселый стук в дверь, и в прихожую вошли трое: долговязый молодой парень в сером крапчатом пальто и длинно распущенном шарфе, голоухий, во весь простодушный рот улыбающийся. С ним человек поплотнее, с фотоаппаратом, кожаной сумкой, выдавшей вида, и девушка с обличьем, чем-то сразу же в ней выдававшим русского человека. Пока длинный парень обнимал меня и что-то весело говорил, радостно хлопая по плечу, человек с сумкой представился фотографом-журналистом. Девушка назвалась вроде бы Ритой и сказала, что будет вместо переводчика, станет меня сопровождать, когда у нее окажется свободное время – об этом ее любезно попросил господин Ашер, который сейчас очень занят, извиняется, но потом все мне покажет, расскажет и даже развлечет маленько.

Я предложил гостям коньяку, они, не церемонясь, выпили по глоточку и долговязый парень, вежливо поклонившись, удалился, оставив меня в распоряжении гостя и гостьи. И только вышел парень, я пощупал себя за лоб:

– Ашер? Ашер? Да это уж не мой ли издатель?

– Ну, конечно. Я же вам его представила...

Это был второй мой прокол насчет издателей: вот так же, приехав в Японию по приглашению издательства «Гундзеса», я в аэропорту совершенно не обратил внимания на скромно одетого, все время учтиво в сторону отодвигающегося, совсем уж небольшого ростика японца, застенчиво и приветливо улыбающегося, головой согласно кивающего. В автобусе уже, едуци в Токио, спросил я, где же издатель-то, меня пригласивший, не явился, что ли?

– Да вот он, вот, рядом с вами. Икамура-сан его имя.

Привыкли мы к породистому, везде впереди шагающему, шумному, братски улыбающемуся, громко выражающему общественное мнение начальству. А эти вот проклятые капиталисты маскируются что-ли, в толпу войдут – и от народа не отличишь.

Человек с фотоаппаратом маленько помучал меня вопросами и сказал, что завтра еще придут из журнала и из газеты, отказывать в Голландии не принято, здесь давать интервью считается делом почетным, да и издательству «Мехелен» какая-никакая реклама, господин Ашер просил потерпеть ради дела.

Переводчица тем временем заказала по телефону в ресторане легкую закуску, бутылку пресной воды для меня, сказав, что из кранов пить в Амстердаме не принято, и между делом рассказала, что вышла замуж за голландца, учившегося в России, что сейчас сама учится в университете, но муж, пока учился в Москве, пристрастился пить и, наверное, придется возвращаться домой.

Они ушли, пообещав завтра заняться мной после завтрака, который накрывается внизу в буфете; ключ от подъезда портье сдавать не нужно, но во время завтрака, сказали, надо его положить на стол и официанты запишут мой номер, а оффис господина Ашера за все потом переведет деньги.

— Если пойдете гулять, будьте внимательны, от отеля не удаляйтесь — здесь все каналы одинаковы...

Я долго смотрел в окно на канал, подле которого среди многих маленьких отелей, магазинчиков и кафе располагалось и мое уютное пристанище, несколько уже прокуренное моими гостями. По каналу туда-сюда двигались застекленные, низко осевшие суденышки с туристами, от суденышек ловко увертывались утки, поднявшись на лапах, радостно махали крыльями вослед суденышку и сомлело качались на некрутой волне, поднятой маленькой машиной, шлепко бьющейся о гранитные стены канала. Скоро утки забрались на довольно уже ими загаженные лодки, причаленные к стене. Одна лодка затопилась кормой и уткам особенно уютно дремалось на закругленном носу этой посуды.

По ту сторону канала виднелась витрина магазинчика с кинжалами, саблями, ножиками и тонкоствольными винтовками. Рядом, нависнув над улицей, погрудно вырезанный из дерева, глазел на канал и на пешеходов неподвижными выпуклыми оками солдат в российском зеленом мундире, над кафе светилось — «Петр Великий». Герр Питер, как я потом убедился, был здесь в большом почете.

Я прилег на постель, заправленную знаменитым голландским бельем и убедился, что белье в самом деле хорошее, пробовал подремать, но что-то не дремалось мне и делалось все более одиноко в этом чужом нешумном городе.

Захлопнув дверь номера, еще раз пощупал себя за карман — не забыл ли ключи и деньги, я спустился вниз, постоял возле канала, к парапету которого плотно, одна к другой были припаркованы легковые машины, в основном не дорогие и не очень ухоженные. Еще полюбовался на уток, мирно и тесно рассевшихся по лодкам. Но всем им места для посадки не хватало, многие птицы уютно дремали на воде, спрятав головы под крыло.

Я пошел вдоль канала, постоял на крутом, игрушечно выглядящем мостике, любуясь негромкой и неброской, но изящно выполненной рекламой, переливчато и радужно отражающейся в стоячей воде канала, и, оглянувшись на отель, на императорского солдата, нависшего над дверью кафе, под которым в старинном жестяном фонаре горела лампочка, излаженная наподобие свечи, обошел канал с обратной стороны; облакачиваясь на перила еще одного освещенного мостика, поплевал в воду и двинулся дальше, веруя, что так близко от столь приметного отеля и кафе я не заблужусь, забыв о том, что в лесу я всегда ориентировался лучше, чем в городе. Но Рита сказала мне, что если и заблужусь, ничего страшного нет, были бы деньги — садись в такси, называй имя Рембрандта, и тебя мигом доставят домой, потому как отель Рембрандт располагается рядом с моим пристанищем.

Добро! Ладно! «Будь смелым, будь храбрым, отважным в бою, за землю родную сражайся и помни про дом, про невесту свою, с победою к ней возвращайся», — вспомнил я лирическую песню боевой юности и, махнув на все рукой, побрел по вечернему городу. И скоро понял, что удаляюсь от центра города — народу и машин все меньше, каналов все больше и непуганых птиц на них, что сору на наших, российских реках; каналы видоизменились, теряя геометрическую форму, то длиннее, то короче становясь и закругляясь, понижались в берегах, бетонных и каменных парапетов совсем почти не стало. Я думал, что каналы вылились в какую-то реку, над которой уже нечесанной тучкой темнели

кустарники, и над ними стерегущей стеной плотно стояли серебристые тополя, вязы, клены и всякие другие деревья, вдоль воды желтыми полосами светились камыши с растрепанными в лоскутье шишками.

И чем далее я углублялся в дебри города, тем причудливей, тем ажурней становились мостики через освещенные каналы, большей частью уже отделенные от улиц, неосвещенные или освещенные совсем скупой. Так вот перейдя один мостик, кружевным литьем перекинутый замостью далее, чем другие мостики, я заметил меж квадратно посаженных кленов чуть освещенную, листьями засыпанную, сиротливую скульптуру, прошел уж было ее, как вдруг что-то заставило меня замедлить шаги, остановиться, затем и вернуться.

Скульптура была откована из меди в виде кленового листа и вся уже озеленела под лист летнего налива, покрылась купоросной плесенью, по стокам и завалам совсем отемнелой. Кто-то, скорее всего садовник или дворник, обмели скульптуру мягкой, просяной или тростниковой метлою. На медном пояске, о который острием листа опиралась скульптура, читалось отчетливо: «Мультатули».

Более никаких здесь сведений об Эдварде Деккере не содержалось: ни столбиков, ни табличек, ни загороди, ни велеречивых слов, даже скамеек никаких не было, только мостик да недвижимый канал с пестро в нем плавающей листвою, да белые чайки и утки, спящие на воде.

«И правильно — подумал я, — зачем национальному герою или родному дитю писать паспортные данные на могиле его — и так должны знать, любить и помнить...»

Я долго всматривался в зеленью оплывший памятник. Неяркое освещение, нападавшие листья усиливали мотив одиночества этого человека-скитальца, как бы укrywшегося в тень и гущу деревьев от людей и городского шума. Благородные черты усталого, испитого лица с темными от зелени, почти уже почерневшими глазами, притемненные усы и узкая, клинышком борода придавали скульптуре вид древней, покорной молчаливости, но сквозь наслоения окиси, сквозь толщу листьев на плечах и на голове блестками просверкивала яркая медь, мокро блестело слово «Мультатули», как бессмертное дыхание неугасающего, хоть и умолкшего времени.

«Мультиатули» – как сказано в энциклопедическом словаре, показавший правдиво в своих романах, в новеллах и сказках угнетение коренного населения в голландских колониях, обличавший преступление капиталистов и колонизаторов, призывавший к свержению власти угнетателей, разделявший муки с миром и людьми, был нестираемым напоминанием о том, что все благополучие, покой и сытость этой страны оплачены и его жизнью, его мученической судьбой, тяжким трудом, и если страданий Мультиатули не хватило для того, чтобы избавить всех людей в мире от несчастий, то пусть на его место придут более сильные, более отважные, самоотверженные и спасут этот мир, помогут всем людям жить счастливее. Благородное человечество поставит им более величественные памятники на самых освещенных площадях, на шумных улицах. Его же место здесь, на берегу заросшего канала, возле родного мостика, с любовью отлитого и установленного его земляками.

Первый же попавшийся таксист охотно посадил меня в ухоженную, скоростную машину, на слово «Рембрандт» кивнул головой и помчал к огням, во многолюдье, мимо гуляющих толп, мелькающей рекламы, мимо увеселительных кварталов, мимо полураздетых девиц, кукольно маячащих в высоких окнах с сиреневыми занавесями, вымученно улыбающихся, призывно кивающих головами. Я понял, что еду не туда, но не говорил об этом водителю, пока он не остановился и не сказал: «Рембрандт!» – я понял, что это центральная площадь Амстердама, названная именем Рембрандта – а как же ей иначе и называться? – сказал: «Момент», выскочил к ближайшему ларечку, купил шкалик коньяку и, показывая изящной посудиной вперед, добавил: «Отель "Рембрандт"».

Шофер сердито всадил скорость, что-то недовольно забормотал, и я без переводчика понял: «Чего и голову-то морочить? Нужен отель "Рембрандт", так и называй отель "Рембрандт", а то катается, катается...» Я показал ему два пальца, и он успокоился – за двойную плату пожалуйста, он готов хоть к отелю, хоть к черту на кулички кого угодно отвезти.

Я скovyрнул покрышечку со шкалика, отпил глоток коньяку, обратившись к шоферу:

– За Мультиатули, царство ему небесное и память пресветлая. – Шофер посмотрел на меня подозрительно – он не понимал, о чем бормочет иностранец. – Эдвард Деккер! Мультиатули! Понимаешь?

Назавтра я спросил у журналиста, у русской переводчицы, наконец, у своего издателя о Мультиатули, об Эдварде Деккере – замечательном путешественнике и писателе – никто ничего не знал и не слышал о человеке редчайшей судьбы и даже о памятнике ему, найденном мною ночью в глубинах старого достославного города Амстердама никто ничего внятно сказать не мог.

В последующие дни мне предстояло открыть маленькую, ухоженную страну, погруженную в сытое равнодушие ко всему, в том числе и к истории своей, ко всему, что не касалось домашнего очага, семейного благополучия, своего кормного корыта.

АВЕ МАРИЯ

Поет, страдая. А если б не было на земле страдания? Что стало бы с художником, певцом, сочинителем, композитором, да и просто с человеком? Страдание, ставши массовой болезнью, опростится, сделается привычным недугом, примет, да уже и принимает неожиданные формы, многие люди на земле ныне охотно страдают чужим страданием, как своим.

Но певец, небесами посланный, Богом нам дарованный, поет мою душу и моей душою. А я чем страдаю? Его страданием? Нет, страдать небесно, возвышенно я не научился, но сострадать, слава Богу, дорос...

Страдание – высшее проявление души, материя, раскаленная до последнего градуса – еще искорка, еще зга, еще чуть-чуть огня – и душа испепелится, сердце разорвет в клочья загадочная, странная и страшная сила. Песню же человек перенял у ветра, у птицы, у шумной волны.

Но мы привыкли думать: у певца и художника силы от небес, от высочайшего света, и страдание певца «не такое», как у нас, оно «красивше», оно целительно, свято, оно не земное и потому бессмертное.

В районную больницу, прямо от горячей домны привезли обожженного горнового. Больно ему было и жутко, как всякому, попавшему в беду, израненному человеку. Он глушил боль в себе, терпел и по русской, по крестьянской еще привычке извинялся, что вот грязен, закопчен, все «простыня и салфетки испатрал»...

«У нас работа тоже грязная», – сказал хирург, успокаивая больного.

«Что вы, доктор, у вас и грязь-то белая», – возразил горновой.

И страдание художника «белое», возвышенное. Отчего же тогда гениальные певцы и художники всех времен падали и падают в ранней поре? Рафаэль, Моцарт, Лермонтов, Пушкин – нет им числа, земным гениям, сгорают и сгорают они на ими же возженном огне.

Создатель «Аве Марии» покинул сей неласковый к нему мир, едва перевалив за тридцать. Он с детства работал, не замечая времени, творил, задохнувшись губительным даром. В угаре вдохновения, в ладанном чаду истекающей жизни успел еще встретить ту единственную, что была назначена ему судьбой, но соединиться с любимой ему не позволили. Сердце его, вздрогнувшее от счастья, покружилось нарядным листом, упало на клавиши инструмента и растворилось в музыке, в том чистом молении об утраченной любви, которое смиряет страсти, утешает в сердце все, что мучало и мучает его и нас. В последней, неоконченной симфонии звучит вечная печаль расставания, вечная мечта о несбыточной любви, которую все мы ощущаем каким-то вторым сознанием или неразгаданным еще чувством и стремимся, вечно стремимся дотронуться до небес, где и сокрыто все самое недосыгаемое, все самое пресветлое, то, что зовется печалью, горькой сладостью, которой вознаградил нас создатель.

Певец ближе к небесам, к великой очищающей тайне. Плененные высотой его полета, мы пытаемся вознестись вместе с ним, дотронуться до сияющих звезд, ощутить гибель-

ное сияние, готовы сгореть вместе с ним, трепеща от прикосновения к ослепляюще-вечному, к тому, что всегда звало, манило, увлекало нас.

Благословен будь тяжкий и прекрасный труд певца! Благословен будь тот миг, когда, растворенный в пространстве, сам еще будучи частицей небесного пространства, капелькой света, дождинкой ли, мчащейся в облаке, семечком ли дикого цветка, отблеском луны, летящим над землей, ломким ли лучом солнца, он ощутил земной зов, откликнулся на него.

Слава творцу за то еще, что своего вестника послал он к нам, чтобы возвысить нас, утешить нас, все далее и далее уводя от животного. Не его вина, что, забыв о заветах творца, о гласе его вещем, мы сами, по дикой воле своей, по необузданной злобе, устремляемся к животному, мычим вместо того, чтобы петь, молиться, славить Господа за дарованное счастье жизни.

Иногда нам, благодарно внимающим певцу, кажется, что где-то, когда-то мы слышали и сами пели многое из того, что умиляет и потрясает нас в музыке. Может, там, где мы задуманы и сотворены до появления на свет, все общее: и страдание, и печаль, и звук, и слово, все слышат всех, все понимают всех, отмаливают сообща все наши грехи? Может, и я думал песней, звучал на ветру вместе со всеми будущими братьями, еще не ощущая их, несясь вместе с ними каплей дождя, белой снежинкой, диким семечком, проблеском света над землею?

Что за вечный зов в груди человека? Что за томление памяти? Почему так хочется отгадать неведомую тайну? Волшебство беспредельно сияющего света обратить в материальную пылинку? Стереть с лица жизни таинственный знак? Сдернуть певца с небес в нашу обыденность, погасить всевечную молитву о воскресении нашем.

О чем же плачем мы, слушая «Аве Марию»? О себе? О тех, кто никогда еще не слышал и не услышит эту дивную молитву во славу рождения сына Божия. Может, оттого, что жить по заветам Божиим, быть честным и чистым очень трудно, так много нынче желающих смахнуть с небес избранного Богом сына Божия. Вот и орут глухие для глухих, топает по земле стадо. Рев одичавшего исчадья, потерявшего себя и свой стыд.

Но истинный певец, посланец неба – все с нами, все парит и парит над землей, ангельские крыла его все белы,

все чисты, несмотря на смрад масскультуры, на дым, на пыль, на копоть, поднятую самоубийцами, коих природа обделила не только голосом, но и умом.

Но уже не повторить песни Шуберта, не дотянуться до высших чувств создателя «Аве Марии». Познавший человеческую муку, он все убивается в тоске по рано угасшей жизни, по незавершенному делу, по несбывшейся любви, убивается, плачет и стонет о нас, грешных. Живи создатель «Аве Марии» сто лет, он бы сто лет и страдал, и чем далее, тем пронзительней страдал бы, убавляя горя в мире, беря его на себя, поднимая дух людей до своего духа, до прозрения, до своей мечты о прекрасном.

Верую, если бы люди не замучивали, не убивали своих гениев, мы были бы так высоки, что злобе нас было бы не достать.

«Аве Мария» – кто вдохнул эти звуки, эти слова в человека?! Если это дар небес, то пусть небеса и станут для творца тем местом, тем раем, о котором он мечтал на земле. И пусть единственной наградой за труды и муки земные будет ему та единственная, которой он достоин, все такая же юная, чистая, какую он знал на земле, какую любил он и воспел, превратившись в божество, пусть протянет ему руки у голубых небесных врат и пусть уведет его в пространство, лишь для них двоих наполненное несмолкаемой песней любви, уведет туда, где рай, где ждут их покой и свобода, где сокрыта тайна, всегда влекущая человека, туда, туда, где все вечно. Звучит молитва о прощении, о любви, и горит, все горит негасимой свечою «Аве Мария».

РАЗДУМЬЯ В НЕБЕ

Домой, домой! Становится на душе покойней. В Германии одиночество ощущается почему-то острее, чем где-либо.

Поднялись с огромного ультрасовременного аэродрома Франкфурта-на-Майне – непривычная картина: над городом смог, пожиже, чем над уральскими городами, но все же

разреженная туча плавает над громадами причудливых современных строений, с вызовом выпирающих из россыпи домов и усадеб.

В этом городе живет и работает русский человек, по духу, по сердцу, по перу. Я знал его прежде. Он был тих, но внутренне напряжен, потом – вызывающе зол. Уехал. Точнее его «уехали». Редактирует журнал. Говорит: «Сделаю из него "Новый мир" Твардовского».

Ох-хо-хо! Твардовский среди родного языка и пусть затурканого, несчастного, но своего народа творил и журнал делал. У него «чужие» только направители сверху, но тут вокруг – все чужое, пусть и сытое, богатое, но чужое. Невольно думаешь, как тут копится, прибавляется день по дню бессильная, слепая злоба от тоски по Родине, неизбывной, необъяснимой, по-российски болезненной тоски.

А быть здесь, во Франкфурте, похоронену? Боже мой! От одного этого сознания запить можно...

Бог с тобой, русский человек. Мы невластны в своей судьбе. Я не хулю тебя и не презираю, и ты не хули меня и не презирай. Останься русским. Это трудно. Очень трудно. Но это дает хоть какую-то веру в будущее, хоть какое-то укрепление мысли от сознания принадлежности к своему народу, к забедованной нашей земле.

Не знаю, радоваться или печалиться тем, что нынешним молодым междомкам все равно где жить – у них утрачено чувство дома родного. Но мы-то всегда были больны этим и нам не отболеть за всех, но пострадать возможно, а страдать Россия всегда любила, до тех пор, правда, пока эти страдания, как ныне в России, совсем уж не вспенятся через край, не угнетут душу до нестерпимости, не пригнут человека до земли.

Живи с миром в душе на чужой стороне, русский человек, не дай почернеть и обуглиться своему сердцу! Я в чем-то виноват перед тобой, и вина эта летит со мной по облачному небу. А во Франкфурте ясное солнце, пахнет весной, как на Руси в апреле. Но у нас пока середина зимы и до тепла, до солнца еще далеко. Однако, нам не привыкать терпеть и ждать.

Бог поможет дождаться нам ясной, доброй погоды, на него и уповаем ныне, более не на кого и не на что уповать и надеяться.

Вчера сгорел «Челленджер». Я вошел в номер гостиницы, ткнул в клавишу телевизора – на экране взлетает и загорается комический корабль. Думал, реклама фантастического фильма, но крики людей были натуральны, и я, бывший фронтовик, вздрогнул, насторожился, сердце во мне сжалось от худого предчувствия.

Через полчаса по телевизору выступал космонавт Мессершмит, сын того самого конструктора, истребители которого гвоздили и поливали нас пулями на фронте с воздуха. Говорит нынешний Мессершмит веско, убедительно, мол, открытие новых земель и морей, освоение Америки – потребовало столько жертв, а тут – мироздание, бесконечность, и то ли еще будет...

Немцы сегодня везде читают о гибели американских космонавтов, степенно пьют, неторопливо жуют и читают. Молча, обыденно, со спокойными лицами, и не узнаешь – жалко им космонавтов или нет. У наших все на мордах написано: жалеют угнетенных негров и голодных эфиопов, страдают за вьетнамцев и американских космонавтов, тебя, русский человек, на чужой стороне – жалеют; так истово русские люди всех жалеют, что себя им пожалеть времени не остается.

Не будь чужестранцем, не сделайся равнодушным и сытым, жалея и ты всех людей на свете и тогда ты не озлобишься, не заблудишься во тьме души своей. Это я, кажется, повторяю уже Христову заповедь на свой доморощенный лад. Значит, надо закругляться. А самолет летит, гудит миролюбиво, в дрему позывает, и чем ближе до нашей русской тревожной и несчастной земли, тем на сердце спокойней.

До встречи на родной стороне!

1986 – 1992

ПУТИ РОССИИ

I. ДВА ИДЕАЛА

«Знай, что не за праведность твою Господь Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею; ибо ты народ жестоковыйный. Помни, не забудь, сколько ты раздражал Господа»

Второзаконие 9, 6–7.

I

Как ни оценивать результаты русской революции 1917 года, бесспорно, что для очень и очень многих, для целого уклада жизни, для космоса определенных представлений они были катастрофичны. Огромная часть нашего национально-государственного целого рухнула в бездну небытия.

Что это за часть? Чего мы лишились?

Думаю, без размышлений об этом будущее России распознать нам не удастся. Останется только бескрайнее поле для необязательных благопожеланий в соответствии с субъективными предпочтени-

---

**Андрей
ЗУБОВ**

– родился в 1952 году в Москве. Окончил Московский государственный институт международных отношений в 1973 году. Работает в Институте востоковедения Российской Академии наук. Доктор исторических наук, политолог, автор двух монографий и многих статей по политологии, религиоведению, истории русской философии. С 1988 года преподает историю религии в Московской духовной академии.

ями футуролога.

Любая человеческая совокупность обязательно строится на определенном, как правило, — не осознаваемом, единстве представлений о целях и средствах их достижения. Подобно тому, как без языкового единства человеческое сообщество не может организоваться (отсюда — этничность — главный структурирующий принцип современного государственного организма), так и без определенного единообразия в социальной системе ценностей (в социальной аксиологии) общество нормально жить тоже не может. И лингвистический, и целевой уровни оформляют собрание лиц в некоторое коллективное лицо, создают «экклессию», соборность.

Если мы согласимся с этим, то о каких принципиальных целях бытия может в данном случае идти речь?

Видимо, предельно обобщая, мы обнаружим, что целей таких две. Одна — максимальное благоденствие человека в долгием мире. Назовем этот идеал эвдемоническим. Другая — открытие ему наилучших возможностей для пребывания в мире горнем после смерти, для его спасения. Согласимся соответственно назвать этот идеал сотериологическим.

Каждая из двух этих аксиологий формирует целый мир политических, культурных, хозяйственных институтов, а одновременно и сама поддерживается, воспроизводится, развивается или консервируется этими институтами. Человек определяет в соответствии со своими устремлениями окружающий его социальный мир, дабы самому определяться оформляемым им миром.

Вернемся, однако, к России. Для русского средневековья доминирование в общественном сознании сотериологического идеала вряд ли требует особых доказательств. Общество русское было религиозным, хотя, возможно, не на всех своих уровнях и не во всем строго православным. Или даже шире — христианским. Но анализ «уровня православности» средневековой Руси — особая тема, здесь нам вполне достаточно зафиксировать только само по себе главенство сотериологического идеала в умах наших предков.

Восточнофеодальная хозяйственная система, направленная на простое воспроизводство, вертикальная иерархия в социальной сфере, монархия в сфере политической, освобождающая подданного от чувства ответственности за ход государственных дел, Церковь, непосредственно реализующая сотериологические устремления, и, наконец, художественная культура, почти всецело служащая Церкви, — вот предельно схематизированный эскиз русского общества, принципиально ничем не отличавшегося от других сотериологических обществ.

Все эти структуры быстро сформировались в процессе складывания русской государственности после 988 года. Каждая из них изменялась, проявляла себя различно в разные времена и в разных областях обширной этно-государственной совокупности, раскинувшей от Белого моря до Тамани и от Уральских до Карпатских гор. Но их принципиальная сотериологическая аксиология сохранялась несколько столетий, по мере взросления упрочиваясь и кристаллизуясь.

Однако к интересующему нас 1917 году многие формы соте-

риологического общества подверглись эрозии. Простое воспроизводство сменилось капиталистическим, община отмирала, вертикальная иерархия если и не исчезла, то «подсела», тая в разночинном море, и ее авторитет утрачивался. Монархия перестала восприниматься как сотериологически существеннейший институт и почти повсеместно понималась как форма политического устройства. Церковь стала сферой общественной жизни, для некоторых ничего не значащей и даже ненавистной, для большинства — равнодушно приемлемой на уровне принесения присяги в суде. Наконец, художества, давно отвернувшиеся от Церкви, редко служили сотерии более чем «Три богатыря» или «Черный квадрат».

Изменение форм было, разумеется, лишь проявлением глубинных сдвигов в сфере общественного сознания, в котором сотерия замещалась все более эвдемонией. Внешне этот процесс воспринимался как вестернизация, онемечивание, утрата древнерусского или византийского духа. В сущности, 1917 год был только последним страшным сдвигом, окончательно разрушившим бессодержательные сотериологические формы.

О бессодержательности их, разумеется, говорить можно лишь с долей условности. Немалая часть русского общества еще переживала спасение как свою безусловную жизненную цель; помимо этой части и многие иные русские, забыв о формообразующей причине или потеряв вкус к ней, любили самые формы отошедшего, утраченного идеала, а многим было просто уютно в этих привычных формах, ценившихся ими вполне эвдемонически.

Все эти социальные группы исчезли, должны были исчезнуть в вихре революции, не ждавшей избавления, то есть — спасения, ни от Бога, ни от царя и энергично сравнивающей церкви с землей. Только принципиальная переориентация большинства, подавляющего большинства общества на эвдемонический идеал смогла привести к столь катастрофической ломке старого, сотериологического в своих формах порядка.

II

Однако остановим движение из 1917 в сегодня и совершим ретроспективный экскурс.

20 мая 1474 года рухнул уже почти заверченный Успенский собор самодельной московской работы, возводившийся на месте обветшавшего храма, заложенного в 1326 году еще при митрополите Петре. Так, разрушив скромное и уже дряхлое старое, Русь не смогла своими силами воздвигнуть великое новое. Иван III посылает в Венецианскую республику сыскать потребного архитектора, и в Москву едет Аристотель Фиораванти. Собор опять разбирается до фундаментов, и его возводят заново, причем даже простыми каменщиками были вызваны знающие «немецкую работу» псковичи.

За полтора года до этого Иван III также из рук Запада получает вместе с Зоей Палеолог, племянницей последнего императора Нового Рима Константина XII, права на царьградский трон. «За

прекращением императорского рода в мужском колене (что неверно, так как жив был брат Зои — Андрей) Восточная империя должна принадлежать Вашему Высочеству в силу Вашего благополучнейшего брака», — писала русскому князю венецианская синьория.

Соборы, как известно, просто так не рушатся, и династии из ничего не создаются. События первой половины 70-х годов XV века имели предысторию четвертьвековой давности. В 1448 году униатская судорога умирающей Византии, император которой заключил с Римской церковью флорентийскую унию, спровоцировала русских самим поставить себе митрополита. Мелочь? В сотериологической культуре — отнюдь нет. Нарушая пятую заповедь, букву церковного права и обычную экклесиологическую норму, дочерняя церковь самовольно отказалась подчиняться материнскому престолу Константинополя. И не только отказалась, но и подтвердила вскоре отказ хулой и надуманной самозащитой. «Православие уже «изрушилось» в Константинополе, ибо патриархи получают инвеституру из рук неверного (мусульманского) царя», — утверждали доморожденные московские книжники XV века. Отказываясь признать Георгия, поставленного в Константинополе митрополитом Киевским и Всея Руся, Иван III писал архиепископу Новгородскому Ионе: «Да того ми посла патриарша, ни Григорьева и в землю свою впускать не велеть: не требую его, ни его благословения, ни его неблагословения, имеем его от себя, самого того патриарха, чюжа и отреченна, и его посла и того окаянного Григория».

Впоследствии, уже при Иване IV, москвичи, стыдясь, ввали Максиму Греку, что вселенский патриарх дал грамоту на автокефалию русской Церкви. Но грамоту эту, замечает преподобный Максим, увидеть ему так и не удалось.

Конечно, размолвки с Новым Римом бывали у Москвы и

---

¹ Максим Грек.. Сочинения в русском переводе. Троице-Сергиевская лавра, 1911, т. 3, слова 22, 23, с. 100—107. В слове 22: «К отрицающимся при своем поставлении и дающим клятвенное рукописание Русскому митрополиту и всему Освященному Собору в том, чтобы не принимать поставления на митрополию и на архиерейство от папы Римского, как содержащего латинскую веру, и от патриарха Цареградского, как находящегося во власти скверного царя безбожных турок и поставленного ими не принимать», преп. Максим Грек, в частности, пишет: «Константинопольского патриарха, пребывающего доселе, благодатию Божию, во всяком православи и благочестии, по какой причине требуется отвергать, о досточудный? Давая предварительно собственноручное обещание строго хранить священные каноны Святых Апостолов и Седьми Вселенских Соборов, — где нашел ты в них учение о том, чтобы сколько-нибудь дозволено было отлучиться от своего патриарха, пока он православно управляет святою Божиею Церковию? Если же потому гнушается вы Константинопольским рукоположением, что праведным судом Божиим православные цари за грехи свои изгнаны, а вместо них попущено царствовать неверым мучителям и гонителям христиан, то прежде всего научитесь тому, что святое никогда не оскверняется тем, что все 300 лет, и несколько более того, от времени вознесения Спасителя до великого царя Константина, вся вселенная управлялась царствовавшими тогда нечестивыми гонителями христиан, но святая Божия Церковь как солнце сияла среди нечестия украшаясь бесчисленными чудесами и силами Святого Духа, и ни один народ никогда не отлучался от нее, как от оскверненной властью нечестивых, как это тебе неправильно кажется». Там же, т. 3, с. 101.

раньше. Вспомним хотя бы дело Митяя (коломенский священник, духовник князя Донского, нареченный на Московскую митрополию в 1378 г. умер 1379 по дороге в Царьград) при благоверном князе Димитрии Донском. Но дело это завершилось триумфом законного митрополита святителя Киприана и его «партии», в которой авторитетнейшим центром был преподобный Сергий. В 1448 году триумф был на стороне автокефалов, а преподобный Пафнутий Боровский, усомнившийся в законности поставления митрополита Ионы, был им бит и закован в железа¹.

К чему ныне ворошить «дела давно минувших дней»? Но, думается, коль мы встали на путь, ведущий к истокам социального эвдемонизма, надо пристально взглянуться в тот момент истории, где отечественный сотериологический идеал дал роковую трещину. Где впервые, еще совершенно в рамках прежней аксиологии, утвердилась и начала быстро развиваться вполне посюсторонняя идея о самодостаточности Москвы, о ее имперском величии, о «Третьем Риме». Повести «О князьях владимирских», «О мономаховом венце», послания старца Елеазарова монастыря Филофея определили рамки этого лестного для созидающейся Руси призвания.

«Внимай Господа ради, яко христианская царства снисдошася в твое царство, посем чаем царства, ему же несть конца».

И в ином послании: «Един православный великий русский царь во всей поднебесной, яко же Ной в ковчезе, спасенный от потопа, правя и окормляя Христову Церковь и утверждая православную веру»².

Или как в популярной повести посольского толмача Димитрия Герасимова «О белом клобуке» Константинопольский патриарх Филофей, забывшись тонким полуденным сном, видит «два мужа незнаемы, светлы зело». Один, «святительские ризы нося на себе, честными сединами украшен», оказавшийся папой Сильвестром, говорит патриарху: «Ветхий бо Рим отпаде от веры Христовы гордостию и своею волею, в новом же Риме, еже есть в Константине-граде, насилием агарянским тако же христианьска вера погибнет. На третьем же Риме, еже есть на Русской земли, благодать Святаго Духа вощия. И да веси, Филофие, яко вся христианьска царства придут в конец и снудутся во едино царство Русское, православия ради. В

1
Кодлубовский А.П. «Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным» в Сб. Ист.-филол. об-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899.

2
Филофей. Послание великому князю Василию Иоанновичу о крестном знамении и содомском блуде; послание великому князю Иоанну Васильевичу. В книге В.Малинин «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания», Киев, 1901.

древняя убо лета изволением земного царя Коньстянтина от царствующего града сего царский венец дан бысть русскому царю... Яко же бо от Рима благодать, и слава, и честь отъята бысть, тако же и от царствующего града благодать Святаго Духа отыметя в пленение агарянское, и вся святая предана будут от Бога Русстей земли. И царя русскаго возвеличит Господь надо всеми языки и под властию их мнози царие будут от иноязычных. И патриаршеский чин от царствующего града сего такожде дан будет Рустей земли во времена своя. И страна та наречется светлая Россия Богу тако извольшу прославити тацями благодарении Русскую землю и исполнити православия величество и честнейшу сотворити паче первых сих»¹.

Осужденная собором 1667 года как «лживая и неправая», «писанная от ветра главы своея», повесть эта явно выявляет тенденцию русского сознания XV-XVI веков. Два параллельных ряда исторических фактов: умаление от агарян и гибель под их секирами Второго Рима – с одной стороны, и освобождение от агарянского ига и возвышение Руси – с другой, подсказывали простой и крайне лестный для молодого энергичного народа вывод: ныне он хозяин в доме Православия.

Но чтобы войти полностью в права владения, надо было доказать недееспособность родителя. С политической смертью после падения Константинополя все стало ясно. Но духовно стоял, как и прежде, царьградский патриарший престол, стяхнувший к тому же соблазн унии. Подчиняться ему, благославляться от него казалось вопиющей несправедливостью в эйфории бурного созидания. И вот тут был подсказан выход – патриарший престол Константинополя ненадежен, ибо он политически контролируется иноверцами, захватившими Великий Город. Выход – самовольная автокефалия. Самовластность великого князя и русского митрополита открывали врата в святилище Третьего Рима, которым буквально на глазах одного поколения становилась «светлая Россия».

Все еще было прежним, сакральным – и богоустановленность царской власти, и всеобщность церковного авторитета, и неизбежность аристократического окружения престола, и установки народной культуры, и содержание искусств. Но глубоко в сердца русской элиты вошел помысел земного величия их родины, космократический идеал царства. Он еще всецело обосновывался сакральной аксиологией, виделся ее элементом, но по сути своей был эвдемоничен. Не для спасения душ нужна была независимость Церкви (водительство единоверного константинопольского патриарха отнюдь не обрекало

1

«Повесть о новгородском белом клобуке». Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века, М., 1985, с. 224.

их на геену), но для полной самовластности созидающейся русской государственности. Освободившись от Царьграда, Церковь русская в отношении к своему князю неизбежно стала из надвластного в подвластное положение. Универсализм Церкви был потеснен национализмом земного устройства из-за принятия общественным сознанием соблазнительного помысла «славы мира сего», пусть и в обложке священного царства.

Не так страшен помысел, если он вполне фантастичен, совершенно неправдоподобен, как сонная греза. Но здесь было иное. В XV-XVI веках подлинно великие жребии свершались над Русью. Ее освобождение от иноземного ига, ее складывание в единое мощное государство были поразительно реальны, и обветшание ромейской державы оттеняло восстание России. Здесь надо было не залюбоваться собой. Умножить смирение. И... кто знает? Не получила бы Русь много больше, не посягнув на самовольное стяжание?

Умирающая Византия хранила в себе великие духовные знания, колоссальный государственный опыт, лучшую христианскую школу, аскетическую ученость и образованность тысячелетий, через эллинизм унаследованную от древнейших цивилизаций Востока. Именно здесь, на берегах Средиземноморья, в Александрии и Антиохии, Константинополе и Эфесе, Смирне и Кесарии плодотворно осуществлялся великий синтез благой вести Христа с умственным потенциалом всего христианского мира. Христианское любомудрие, чеканная догматика Вселенских соборов, богословско-инженерное единство храмового зодчества, художественное молитвословие воска и смальты, «умное молчание» византийских монахов-исихастов и пламенная проповедь среди язычников, политико-правовая наука, филология, натурфилософия, риторика – все богатство земного мира, растворенное Словом Божиим, хранилось и умножалось здесь, на рубеже Запада и Востока, принимая в себя токи земли, превоплощая их и оплодотворяя превоплощенным ойкумену¹.

И хотя политическая (в том числе и церковно-политическая) история Византии столь же трагична и печальна, как история любой плоти, хранящей жало падшести Адамовой, но Дух, неслиянно и нераздельно пребывающий в этой великой цивилизации, ткал из ее нитей парчу бесценной, всемирно значимой культуры. Последние десятилетия древней Империи, десятилетия быстрого умаления политического могущества, отмечены необыкновенным духовным подь-

---

¹ Ойкумена (гр.) – культурный мир, вселенная, обитаемая земля.

емом. «Заключительный этап существования Византии – время печальное, но менее всего бесплодное», – констатирует русский византолог¹. «По прихоти судьбы, – соглашается с ним британский ученый, – культурная жизнь Византии в этот период политического упадка была более бурной и плодотворной, чем когда бы то ни было. В художественном и интеллектуальном отношении эра Палеологов была поразительной»².

Константинопольский университет и патриаршая академия собрали лучших мыслителей христианского мира. Строго православное богословствование Афона в XIV веке обрело новый синтез в учении о нетварном свете святителя Григория Паламы, освященном Константинопольским собором 1351 года. Постоянная полемика сторонников и противников унии с Римом, мистиков и томистов дала мировой культуре братьев Кидонисов и Федора Метохита, Никифора Григору и Николая Кавасилу, неоязычника Георгия Плифона и непреклонного защитника православного догмата эфесского митрополита Марка Евгеника. Пока позволяли обстоятельства, продолжали возводиться храмы, украшенные прекрасными мозаиками и фресками, среди которых собор Спасителя в монастыре Хора (1316 – 1321 годы) – непревзойденный шедевр восточнохристианской «техне»³, и буквально до последних лет существования Великого Города станковая живопись и прикладное искусство сохраняли полноту великолепия.

По мере увядания имперской плоти великий дух древней культуры не угасал, но разгорался все ярче, как бы в уповании грядущего превоплощения.

И вот в этот трагический момент смерти Империи Ромеев, момент отделения ее души от тела, – в этот момент разрывается духовная связь Константинополя и Москвы, объявившей свою «самоглавность». Все то мощное движение умов на Босфоре, которое тяготело к гуманизму и Риму, обрело новую плоть в гостеприимной и жаждущей учености Италии и дало Западу необычайно сильный импульс рационально-светского, утонченно-эвдемонического роста. Но то, что в Византии как раз сопротивлялось светскому рационализму, гуманизму и томистскому богословствованию, то настроение сердца, которое предпочитало даже «турецкую чалму латинской

---

1 С. С. Аверинцев. «Литературы Византийского региона». История всемирной литературы, М., 1985, т. 3, с. 29.

2 С. Рансимен. «Падение Константинополя в 1453 г.», М., 1983, с. 17.

3 Искусство, ремесло (гр.).

тиаре», дорожа православной сокровищницей духа, – оно оказалось обреченным на вырождение и «вторую смерть» трагедией культурной развоплощенности.

А с чем осталась «Светлая Россия», разорвав церковную связь с Константинополем и положившись на собственные силы? Практически одновременно со строительством фундаментов Третьего Рима стали обнажаться зыбучие пески необразованности отечества нашего в началах христианства.

С 1470 года необычайно быстро, сначала в Новгороде, а вскоре и на Москве распространяется ересь жидовствующих. Строго говоря, учение это ересью назвать затруднительно. Здесь не столько инакомыслие в системе христианской веры, сколько полное ее отвержение, неприятие Нового Завета, непризнание Иисуса Мессией, убеждение, что единственно авторитетен Ветхий Завет. Иудаизм, смешанный с астрологией и обрывками проникших из ренессансных обществ Запада натурфилософских учений, без труда одержал победу в умах многих тогдашних русских людей, причем людей образованных – священников, игуменов, высших государственных чиновников, великокняжеского окружения. Сам государь Иван III каялся незадолго до смерти преподобному Иосифу Волоцкому: «И яз ведал их, ересь их». Автокефальные митрополиты Московские – Геронтий и особенно безвольный пьяница и содомист Зосима не проявляли ревности в борьбе с духовной заразой. Лишь стараниями новгородского архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого при Василии Иоанновиче ложь жидовствующих была искоренена.

Для исследователя русской культуры примечательно, однако, сколь многие и как легко поддались нехитрым искушениям заезжих еврейских проповедников – Схарии, Моисея Хануша, Иосифа Скарабея. Буквально за несколько месяцев им удалось убедить маститых новгородских протоиереев в лживости евангельской вести о воплотившемся и воскресшем Господе, причем не просто убедить, но и довести до полного фанатизма ветхозаветного благочестия. Еврейским проповедникам пришлось удерживать русских неопитов от обрезания, иногда, как, например, в случае с Иваном Черным, безуспешно. Священник Алексей, поставленный Иваном III протопопом кремлевского Успенского собора, тайно принял имя Авраам, назвав супругу свою Саррой.

Процветавшая три десятилетия ересь, поражая главным образом высшее белое духовенство крупнейших городов Русского царства, монашество, светскую интеллигенцию и придворные сферы, вплоть до самого великого князя и его ближайших сродников, возможна была только среди грубых и совершенно богословски необразованных умов, претыкавшихся на азбучных догматических истинах – соотношении Ветхого и Нового Завета; смысле слов Иисуса

о скором пришествии Царствия Божия (Мф. 10, 23; Лк. 21, 32; I Ин. 2, 18); учении о единстве и троичности Бога.

Не имея духовных сил в борьбе с доморожденными волками, расхищавшими стадо Христово, лучшие русские пастыри вынуждены были обратиться в опыту Святой инквизиции и «шпанского короля» (Фердинанда II). В послании собору русских епископов архиепископ Геннадий пишет: «Да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить, таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо того для учинити собор, что их казнити — жечи да вешати...»¹.

«Где они, говорящие, что нельзя осуждать ни еретика, ни отступника? Явственно есть, что не только осуждать подобает, но и казням лютым предавать, и не только еретиков и отступников, но и тех, кто сами будучи правоверными, проведая о еретиках, не доносят о них судиям, смертной казни предать должно», — соглашается с новгородским святителем через два десятилетия преподобный Иосиф Волоцкий.

Очень характерно, что пламенный противник такого подхода к еретикам, заволжский старец Вассиан (в миру — князь Василий Патрикеев), ближайший ученик преподобного Нила Сорского, упрекал самого преподобного Иосифа в ветхозаветном законничестве: «Аще же ты повелеваеши брата брату согрешивша убити, то скоро и субботство будет, и вся Ветхаго закона, их же Богъ ненавидеть». Бороться с еретиками старец Вассиан предлагает силой благодати Христовой, а не веревкой, мечом или огнем. Вспоминая великое чудо, сотворенное епископом Львом Катанским (VIII век), который вместе с «жидовствующим» волхвом Илиодором вошел в огонь для Божьего суда и вышел невредимым, в то время как Илиодор сгорел дотла, Вассиан предлагает преподобному Иосифу: «И ты, господине Осифе, почто не испытаеть своей святости? Не связа Касиана архимадрита² своею мантией, денележе бы он сгорель, а ты бы въ пламени его связана держаль. И мы бы тебя, яко единого от трех отрок, изъ пламени изшедша приняи»³.

Но Божьему суду искоренители жидовствующих предпочита-

---

¹ Геннадий // Русская историческая библиотека. — Т. 6. — Спб. 1908, с. 784.

² Еретик, с 1496 настоятель Новгородского Юрьева монастыря, казнен в 1506 году. (Прим. ред.).

³ Ответ кирилловских старцев // Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л. 1960. С. 252. Лист 103 об — 104 об.

ли надежный меч великого князя.

Оплотнение, одевание русской духовной жизни равно проявилось и в наивно ветхозаветной ереси, и в законнически «брутальных» формах борьбы с ней. Судьбы немногих противников такой тенденции как правило были трагичны. Заключенным в темницах Иосифова монастыря сначала Вассиану, позднее преподобному Максиму Греку оставалось утешаться евангельским – «блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать» (Мф. 5, 2). Движение народной души пошло мимо них, хотя и писания, и сама жизнь оппонентов иосифлянства для многих поколений соотечественников останутся камертоном евангельского духа монашеского делания.

Отвергнув греческое учительство, «поругав» его носителей, Русь не могла ничем заменить его, кроме как энергией молодости, вступающей в цветущий возраст телесной полноты. Сбросив обременительное и не всегда безупречное наставление, самовозглавившись, она тут же обнаружила свою необразованность, проявившуюся с полной очевидностью и в ереси жидовствующих, и в методах борьбы с ней. Подчеркнутое внимание к обряду и ритуалу, к «священной материи икон, мощей, святой воды, ладана, просфор и куличей», которая с утратой «воспоминания о самих первообразах» и переживания «ипостаси изображенного» (из догмата иконопочитания VII Вселенского собора) неизбежно начинала тяготеть к идололатрии; одностороннее усиление царской власти, нарушавшее тысячелетний восточнохристианский идеал симфонии; наконец, крепнущая имперская идея, в жертву которой была принесена пятая заповедь Декалога¹, – сошлись в систему на Стоглавом соборе.

Должны были протечь многие десятилетия, кровавым кошунствам Ивана Грозного наследовать преступные деяния «властолюбца вкупе и злаго раба» Бориса Годунова, разверзшиеся всенародной трагедией смуты; должна была почти погибнуть Русь и православие, должен был вознестись и пасть патриарх Никон, чтобы наконец прийти к соборному соглашению и оценке этих ставших уже «древними» деяния:

«А собор, иже бысть при благочестивом великом государе, царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всея России Самодержце, от Макария, митрополита Московского, и что писаша о знамени честнаго креста, сиречь о сложении двою перстов, и о сугубой аллилуйе и о прочем еже писано нерассудно простотою и невежеством, в книзе Стоглаве; и клятву, юже без разсуждения и неправедно положиша, – мы, православные патриарси, кир Паисий, папа и

---

¹ Декалог (гр.) – десятисловие. Десять заповедей Моисея. Пятая заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». (Исх. 20. 12). (Прим. ред.).

патриарх Александрийский и судия Вселенной, и кир Макарий, патриарх Антиохийский и всего Востока, и кир Иоасаф, патриарх Московский и всея России, и весь священный собор тую неправедную и безрассудную клятву Макариеву и того собора разрешаем и разрушаем и той собор не в собор и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть. Зане той Макарий митрополит и иже с ним мудрствоваша невежеством своим безрассудно, якоже восхотеша сами собою, несогласяся с греческими и с древними хартейними словенскими книгами, ниже со вселенскими святейшими патриархи о том советоваша и ниже совопросишася с ними».

III

Ливонское поражение, голод и анархия смуты выявили военную и хозяйственную отсталость Русского государства. Но что гораздо существенней, кровь митрополита Филиппа¹, царевича Дмитрия, страдания патриарха Гермогена, смерть, разорение, унижения и муки бесчисленного множества русских людей всех званий и состояний, измена вере и церкви очень и очень многих и смердов, и бояр, и иерархов, и рядовых чернецов, отупение и озверение народа, предававшегося то растерзанию домочадцев царя Бориса, то поношению патриарха, то ликованию при въезде в Москву Гришки Отрепьева, то разнузданному грабежу храмов и монастырей, домов и отчин друг друга, войне всех против всех — весь этот подлинно адский мрак преобразился в мощное покаянное чувство, таинственно разрешившееся освобождением столицы, восстановлением государственности, обретением царя и династии и, главное, полуосознанным ощущением своей неправды перед Вселенской Церковью.

Для религиозного сознания естественно воспринимать удары судьбы как наказания Божии за грехи. Естественно, склонившись у аналоя, с усилием разжать губы в — «грешен, батюшка». Но много большее усилие, внимание к себе и раскаяние необходимо для того, чтобы понять суть греха. Уму это было тогда не под силу. Уму, но не сердцу. Тяга к грекам, рост авторитета восточных патриархов как хранителей православия, исправление книг, сомнение в адекватности обряда пусть и с великим трудом, но пробивалось через толщу юного самодовольства. Трагедия научала быть критичней к себе, искать авторитет, которому можно довериться.

Но время не течет назад. Естественные следствия деяния не прекращаются от раскаяния в нем. Яд греха выдавлен из раны, но

---

¹ Митрополит Московский Филипп Колычев, задушен в 1563 году Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного. (Прим. ред.).

ей еще предстоит болеть, сочиться сукровицей и гноем, зарубцовываться. Шрам же будет напоминать о язве до конца дней.

Отвергнув греческое учительство, мы убедились в невозможности строить собор только собственными силами, но через столетие вернуться в отчий дом уже было невозможно. Под турецкой пятой, униженные, избитые, порабощенные греки растеряли многое из византийского наследства. Великий синтез мощного духа тысячелетий и молодой, любовно возвращенной посредством этого духа плоти не состоялся. Дух угас, плоть одичала.

Как это бывает и в жизни отдельного человека, благой жребий своевольно им отвергнутый, явственно обнаруживает, хоть на мгновение, свою реализацию, чтобы потом, призрачно пройдя сквозь руки, исчезнуть навеки. Четыреста лет назад приехавший за милостыней на Русь константинопольский патриарх Иеремия II, понуждаемый Годуновым поставить на Москве патриарха, неожиданно предлагает перенести в Россию вселенский патриарший престол. Оказалось ненужным болезненное самовозвышение Третьего Рима – Второй Рим сам готов был, спасаясь от агарянской несвободы, перейти в северные страны. Но высшие сословия российские уже успели укрепиться в довольстве самодостаточности. Греческий патриарх, иноязычные архиереи и ученые монахи его свиты, все это чужеземное православие сомнительного, с точки зрения русского благочестия, свойства оказалось тогда на Руси совсем не к месту. Иеремию и так держали в Москве почти под домашним арестом, а постоянное его пребывание рядом с царем, да еще пребывание властное, на своем престоле стало бы совершенно невыносимым для укреплявшейся русской национальной государственности, для входившего в силу абсолютистского монархического начала. Русской плоти, при упадке сотериологического идеала, нужен был русский же дух, причем этой плоти всецело подчиненный. Предложение Иеремии было вежливо отклонено, и его убедили благословить Руси национального патриарха, коим и стал святитель Иов.

Кратковременным было это торжество национального эвдемонического начала. Пролилась, очищая грехи Рюриковичей, да и всего народа, кровь царственного отрока. Приложились к ней голодные годы, мор, смута, кровь и бесчестье семьи Бориса. Не славой, но страданием и исповедничеством запечатлелось начало патриаршества в разоренной, «безцарственной» стране. По преданию, лишь молитвами преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского (видение архиепископу Арсению Элассонскому) был «суд Божий об отечестве преложен на милость». Величайший взлет чуть было не стал преддверием гибели.

Полтора века, протекшие от обрушения Успенского собора до возведения на престол Михаила Романова, очевидно, свидетельствовали, что только своими руками «светлую Россию» не построишь.

Греки уже обессилели, да и растущей империи требовалось иное — не столько духовная ученость, сколько естественное знание, необходимое для реализации усилившихся посясторонних алканий. Священная материя, давно уже переживавшаяся как самоценность, а не как образ Духа, начала наполняться вполне земным, светским содержанием.

Недавно только на Москву не допущен был Второй Рим — теперь, ради освобождения православия, царь Алексей мечтает вернуть силой меча Константинополь христианам, включив пределы империи ромеев в свое царство. Недавно еще святитель Филипп II сподобился мученического венца за обличения обезумевшего от пролитой крови Иоанна IV, а святитель Иов принужден был покрывать ложь и кровь, пролитую царем Борисом, страдая в своем сердце, — теперь патриарх Никон возмечтал о государевом величии, утверждая, почти исключительно на ветхозаветных текстах, примат священства над царством.

В 1612 году Россия из смерти была восстановлена к жизни. Собор 1667 года вымолвил покаяние устами человеческими. Единство православного мира восстановилось, и православию на Руси более не грозило обвинение в церковном расколе, в схизме. Стараниями светской власти, привлекавшей к учительству немногих имевших еще на эллинском Востоке «философов» и украдкой добывавших «латинскую мудрость» православных малороссиян, у нас возникают начатки христианской образованности. Если столько сделали для православия на Руси Максим Грек и братья Ликуды, сколь больший плод мог быть принесен землей русской, если бы открыла она гостеприимные объятия свои для беженцев с православного Востока в 1453 году! Но логика саморазвертывания народного духа уже не могла измениться.

IV

Убедившись в несостоятельности автаркии, бессильная поучить от православных украинцев и греков все необходимое для эвдемонического созидания, Россия естественно повернулась лицом к Западу. И Запад, привитый за два века до того Византией, ее светским гуманистическим началом, оказался неожиданно родным развивающейся в том же направлении русской душе. Подобно зарастающей старице резко повернувшей реки, остались в стороне от основного потока народной жизни старообрядцы с их древнерусским благочестием и неприятием Петра и немцев. Церковь с необходимостью, хоть и не без страдания, отказалась от только что подтверж-

денной собором 1667 года симфонии с Царством, отойдя на скромное место «ведомства православного исповедания». На двести новых лет «крайним судьей» высшей церковной власти стал «Всероссийский монарх, Государь наш Всемилостивейший». (Формула из клятвы членов Святейшего Синода при вступлении в должность).

Как и повсюду в Европе, по мере секуляризации ума и у нас в отечестве проходило «расцерковление» общественных и государственных структур, законодательства и имуществ. Как и большинство стран Европы, пребывая в XVIII веке еще в формах религиозного общества, хотя, пожалуй, уже и не очень христианского (абсолютизм с крайним судьей веры в лице монарха скорее напоминает ветхозаветные образы Мельхиседека и патриархов, египетских фараонов или римских великих понтификов), Россия стремительно и сознательно замещала их содержание на эвдемоническое. Собственно, величайший взлет империи явился следствием сочетания еще прочной сотериологической формы общества с эвдемоническими устремлениями высших сословий. Священное поставлено было на службу профанному, и пока народ не изуверился в священном, это было страшное оружие для врагов отечества, приносящее славу и строившее бескрайнюю Россию. Но, встав над Церковью, подчинив себе святыню, поставив ее на службу земным идеалам, власть не могла и ждать иной жатвы, кроме как жатвы народного расцерковления, дикого эвдемонизма рабов «крайнего земного судии».

«О жалком положении не удивляюсь... — пишет митрополит Платон Левшин архиепископу Казанскому Амвросию, — зная, что привнесены светские начала, от чего проистекает все зло, именно им вверена вся власть; нас ставят ни во что и не только хотят подчинить нас себе, но и почитают своими подчиненными». «Боже Благий! Сколь тяжкий гнев Твой привлекли мы на себя! Нам, несчастным, ничего не остается делать, как только смириться пред лицом Бога нашего и безмолвно ожидать Его помощи».

Но кто же, как не высшие сословия русские, положил первые камни в это здание, горделиво воздвигавшееся до небес руками многих народов, соединенных не языком, не верой, не обычаем житейским, но железной волей автократоров всероссийских?

Пугачевщина была предвестником худших бед, которые шли на Русь вместе с утратой сердечной веры. Западные народы, раньше нас подпавшие в горнило величайших потрясений, выразившихся вовне буржуазными революциями, но внутренне являвшихся катастрофамч прежней сакральной формы, взорванной чуждым ей духом посюстороннего целеполагания бытия.

Однако в вестернизации России лежала некоторая, до поры не замечаемая тайна, некий залог, дававший возможность вновь выйти на путь, предназначенный нашей стране Провидением. Не

получив восточнохристианской образованности в XV веке, не став плодородным полем новой православной эллинистической цивилизации, стоящей меж Западом и Востоком, потеряв все возможности последующего обращения к ней из-за угасания в рабстве некогда высокого ромейского духа, прельщаясь только формой империи, а не Силой, животворящей ее и подлинно ведущей «через страны и языки» — Россия в погоне за этой плотской формой с неизбежностью приникла к источнику западной образованности. И с этой водой вошло в нее и утраченное, вернее, так никогда и не приобретенное, материнское наследие. Через Европу, через европейскую образованность открылась Руси Византия. И не как собрание научных факторов, не как скучная бизантология, но как строй сознания, как дисциплина мысли, как многотысячелетняя сумма культуры. Не рассеялись среди лимонных рощ Италии сокровища константинопольских беженцев, окольными путями, по «камням Европы» возвращались они Руси, сберегшей хотя и дорогой ценой, святыню восточного христианства. В культурном одичании XV — XVII веков только обрядовое могло сохранить начатки православия в сердце народа, и в этом подлинный смысл Стоглава и святость его вдохновителя — митрополита Макария. В имперском эвдемонизме Петра и Екатерины II, только умалившись до ведомства православного исповедания, до кастовой замкнутости духовенства, до унижения «разборами», могла выжить Православная Церковь Христова. И только через светский эвдемонизм, галломанию, шеллингианство и Гегеля мог вновь припасть русских дух к источникам восточнохристианского просвещения.

Как раз в то время, когда светский дух русского образованного общества сооткался в трагедию декабрьского мятежа 1825 года, начали ощутимо закладываться основания новой, православной отечественной образованности. То, что славянофилы шли от немецкой философии к святоотеческому преданию, от Геттингена к Оптиной пустыне, очевидно проявляет направление духовных потоков, слившихся наконец-то с кристально чистым ручьем воды живой, издревле бежавшим в долины Руси со священных вершин Афона.

Но это был пусть все более мощный, но все же, с точки зрения социолога, элитный процесс. Часть европейски образованного сословия устремилась к духовному Царьграду. Имперская бюрократия вполне верная эвдемонизму своего идеала, жаждала плоти — великого города на Босфоре, — плоти всегда ускользавшей из рук, подобно фата-моргане¹. Наконец, простой народ в массе

1

К. Н. Леонтьев характерно писал о войне 1878 г.: «Русское войско переходит Дунай... Оно перед Царьградом... Но мы не вступаем туда, мы не присоединяем его... Ошибка с виду; слабость быть может по сознанию, по человеческому расчету. Но спасение по «смотрению» Божию... В тот год еще мы были недостойны туда взойти, — мы все бы там погубили». (К. Н. Леонтьев. Сочинения. Т. 5. М. 1912. С. 407). После того, как весной 1916 года Антанта согласилась передать Константинополь России, повторилось вскоре то же самое.

своей все более растрчивал и то небольшое из духовных сокровищ, что досталось ему из прошлого: без примера, без православного воспитания он терял и самые начатки страха Божия.

«Какое таинство – религиозная жизнь народа такого, как наш, оставленного самому себе, ничейного! – писал великий борец за православную душу народа К. П. Победоносцев. – Спрашиваешь себя: откуда вытекает она? – и когда пытаешься дойти до источника – ничего не находишь. Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и церковью. И еще оказывается, в иных глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш», повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы. И однако во всех этих невоспитанных умах воздвигнут – как было в Афинах – неизвестно кем алтарь Неведомому Богу».

Да, воистину был воздвигнут, воздвигался Промыслом, усилиями многих поколений святых мужей и жен алтарь в народной душе. Но так как был это – как прав здесь Победоносцев! – алтарь Неведомому Богу, то и с проповедниками Славного Имени Его могли поступить эти оставленные сами себе души, как афиняне с апостолом Павлом...

V

Кинолента запечатлела с документальной точностью ужасающее действо. Ободраный, аккуратно разграбленный государством, направленным взрывом уничтожен был храм Христа Спасителя, воздвигавшийся «на народные деньги» в память победы над галлами без малого пять десятилетий. Люди, лепившиеся по переулкам Волхонки и Пречистенских ворот, глотали тайные слезы (кинолента этого, впрочем, не зафиксировала). Среди тысяч подобных глумлений смерть величественного собора отозвалась особой болью. Неумение доморощенных мастеров обрушило главный храм Руси в XX веке. Направленная воля народа уничтожила символ воцерковляющейся имперской России. «Неведомый Бог» был изгнан из невоспитанных умов. Его место на алтаре народной души занял вождь, обещавший Царство Божие здесь, на земле, и очень скоро.

Высшее сословие российское, исконной обязанностью которого было как раз образование народной души, за многовековую погоню за фантомом земного величия и благоденствия принесло страшные жертвы. Вновь, как и триста лет назад, царственной кровью, страданием патриарха, муками и смертями целых легионов чад своих омывалась Россия. Не в момент глубочайшего ниспадения в эвдемонизм, но уже на подъеме, на выходе к новой христианской культуре, уже осознав себя в Леонтьеве и Соловьеве, Киреевском и Достоевском, освятившись преподобным Серафимом, Оптиными старцами, Иоанном Кронштадтским – рухнула Святая Русь.

Только полное забвение азов христианства могло толкнуть миллионы людей на те страшные деяния, которые символически отобразились во взрыве на Волхонке. И забвение это было не минутным затмением, но результатом долгого процесса замещения структур сознания, поставившего, и отнюдь не «вдруг», эвдемоническую аксиологию на место сотерии.

Надежда, что старинные формы православного «византийского» царства вновь наполнятся адекватным ему содержанием через восстановление народной души в христианском Духе, надежда, так понятно восторгавшая славянофилов и ставшая, казалось бы, понемногу сбываться на грани веков, – надежда эта не оправдалась.

Но тяжкий путь, путь приведший к полной катастрофе всего строя русской жизни, этой катастрофой не обесмыслился. Через эвдемоническое тяготение к Западу восстановили мы образованность, от которой так легко отказались в годы «мятежной юности». И не просто восстановили. Тогда, в XV веке, мы могли, самое большее, наследовать синтез мировой культуры, созданный другим народом, на другой земле. Он был бы бесконечно ценен, но вряд ли переживался бы с такой непосредственностью, как обретенное своим трудом, своими слезами, покаянием и кровью. Новое обретение христианского преемства стало именно таким. И, кроме того, это уже не было только византийское наследство. Пройдя через Запад, напитавшись его энергией и силой, мы обрели подлинно вселенский опыт. Тяжкий путь наш был путем ошибок и падений, через которые мало-помалу умудрялась и мужала душа народа.

Соединив в себе Запад и Восток, оказались мы не столько культурными, сколько духовными наследниками Византии, тысячелетие пребывавшей средоточием всего земного мира и в свою очередь наследовавшей послушание от самой Святой Земли, стоявшей многие века между Египтом и Месопотамией, Западом и Востоком древнего мира. По слову пророка: «благословение будет посреди земли, кото-

рую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой – Египтяне, и дело рук Моих – Ассирияне, и наследие Мое – Израиль» (Ис. 19, 24-25).

В тот самый 1917-й, «России страшный год», сердца с удивительной ясностью ощущали и гнетущий страх смерти, и упование великого света. Поместный собор¹ особо глубоко жил этими чувствами: «В душе его участников мучительно сталкивались два диссоциирующих переживания: чисто религиозное ликование от сознания участия в великом, издавна чаемом, вожделенном таинстве церковного соборования, наслаждение церковной канонической свободой, и – с другой стороны – наблюдение явного растреления патриотической воли народа, разложение армии, предчувствие поражений, унижения России и революционных ужасов», – вспоминал министр исповеданий Временного правительства, профессор А. В. Карташев.

Старый быт, плоть России умирала. «Самоизмышленная пагуба» не просто разрушила, нет, она вывернула наизнанку все привычное бытие. Уже не исподволь, но явно воцарившийся на алтаре «Неведомому Богу» земной, плотский идеал жизни слал новое здание из блоков величественного собора Святой Руси, собора давно ветшавшего в запустении и теперь рухнувшего. Если до того уже несколько столетий старые сотериологические формы жизни наполнялись постепенно эвдемоническим содержанием, обесмысливаясь через это, то теперь новые формы ожили, благодаря своему подобию – только с противоположным знаком – истинным сущностям, ведущим человека к спасению. Нет нужды говорить подробно, что это была за «новая жизнь». Но важно, что в ее течении очень быстро, буквально на глазах одного поколения, опустошились эти «формы с измененным знаком». Для их разрушения не понадобилось великой революции. Они умерли тихой смертью, и никто не пожелал умирать за них, когда они умирали.

Круг, замкнувшись, вернулся к началу. Тот самый круг, на который встали мы полтысячелетия назад. Поразительно зеркальны его моменты. Была когда-то провозглашена автокефалия. Потом соборы первой половины XVI века закрепили самобытный строй русской жизни. За ними земное начало выплеснулось кровью и деспотизмом в царствование Ивана Грозного. Потом начало патриаршества и одновременно конец древней династии. Кровь последнего Рюриковича и исповедничество Иова и Гермогена. Лихолетье смуты и за ним все более крепнущая, растущая земная Россия, которой симфония и патриаршество скоро стали помехой на пути в «дальнюю страну». Декабрьское восстание 1825 года – момент максимальной

---

¹ Поместный собор Русской церкви 1917–1918 годов. (Прим. ред.)

эвдемонизации идеала жизни. После — постепенное отрезвление лучших умов, начало поисков русским обществом «узкого пути». Затем крах всего уклада жизни, новая смута, междоусобная брань. Восстановление патриаршества и исповедничество святителя Тихона. Убийство царя и сродников его. Опять тирания и невообразимые жестокости нового, уже лжецаря Иосифа и, наконец, наше, нынешнее время. Время соборов и церковных, и земских, не только закрепляющих, сколько отменяющих старый, умерший уже строй жизни.

Что же теперь? Перед чем стоим мы? Прошлое изжито, и кровь, осквернившая землю, очищена кровью (Чис. 35, 33). Наказания до третьего и четвертого рода прошли над нами. Чему научились мы? Хорошо ли было нам на той земле, которую Господь, Бог наш, дал нам? (Втор. 5, 16).

Вот стоим мы на великом перепутье. Вновь, как и пять веков назад, должно нам в свободе избрать путь свой. Прошлое отвергнуто, не тяготит больше и не влечет к себе. Будущее страшно и широко. Пойдем ли мы путями мира, строя и созидавая земной дом наш, «как прочие народы?» Или вспомним то великое, что вечно высится над морем земной суеты, указуя иные, горние пути?

«Да уже целые тысячелетия, из века в век, из часа в час, из сердца в сердце передается всех и вся равняющий и единый завет: чти скрижали Синая. Сколько раз человечество восставало на них, дерзко требовало пересмотра, отмены их велений, воздвигало кровавые схватки из-за торжества новых заповедей, в кощунственном буйстве плясало вокруг золотых и железных тельцов! И сколько раз, со стыдом и отчаянием, убеждалось в полном бессилии своих попыток заменить своей новой правдой ту старую как мир и до дикости простую правду, которая некогда в громах и молниях возвещена была в дикой и вечной пустыне со скалистых синайских высот!»¹

Сколь многое — все почти — мы отдали за тот бесценный опыт, который ныне стал частью душ наших! Неужели и с ним пойдем мы вновь от Великой Горы к египетским котлам? Или же, научаясь из прошлого будущему, восклоним главы наши и устремим взор на опаленные небесным огнем камни Синая, в свободе предавшись жребию, от века предназначенному нам Творцом?

Мы бесконечно богаты опытом и за спиной не имеем ничего. Старое прошло. Впереди все новое, и пути избирать нам.

---

¹ И. А. Бунин. «Воды многие». Собр.соч. в 9 тт, М., 1966. Т. 5, с. 316.

2. СУДЫ ТВОИ, ГОСПОДИ...

«Когда суды Твои, Господи, совершаются на земле, тогда живущие в мире научаются правде.»

(Ис. 26, 9)

I

Есть у двух Евангелистов – Матфея и Луки странные, разно-толкуемые слова Христа. Обличая фарисеев и законников во внутренней, сердечной лживости и в показной, внешней праведности, уподобляя их окрашенным гробам, которые внешне красивы, а внутри полны всякой мерзости и нечистоты, Иисус продолжает: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам, украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; наполняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехидны! как убедите вы от осуждения в геену!» (Мф. 23, 29-33).

Какие странные, жестокие лова! Что плохого в том, что люди осуждают своих отцов и не желают быть сообщниками их в невинной крови и свое это осуждение, свое отторжение дел отцов, свое изменение ума воплощают в гробницах и памятниках тем, убийство кого они теперь так определенно отвергают? Разве во все века все люди не поступали так же? Разве и мы теперь, ставя памятник жертвам коммунизма, переименовывая улицу Ленина в проспект Бендеры, воздвигая на постамент памятника Кирову статую Ульманиса – разве во всех этих случаях не действуем мы из самых лучших чувств, чувств сострадания к погибшим людям и поруганной чести народной?

Впрочем, между нами и евангельскими фарисеями есть все же некоторое отличие. Те признавали убийц пророков своими отцами и отрекались от их злых дел, мы же, почти всегда, говорим – они убивали, они сажали, они завоевывали А мы – страдали, нас – попирали, ссылали, пытали, казнили. Мы – жертвы; они – палачи.

Кто такие, эти «они» – уже другой разговор. Сейчас же вернемся к словам Спасителя. Вернее, даже не к словам, но к самому делу Иисуса Христа, ведь христианство не только учение, сколько действие. Главное в земной миссии Христа не Нагорная проповедь, не исцеление бесноватых и слепорожденных, не притчи, сказанные народу и не разъ-

яснения притч ученикам, не бездонная по своей сокровенной глубине беседа во время Тайной вечери, но воплощение и вочеловечение в начале земного пути и крестная позорная смерть пред всем Иерусалимом, Воскресение, не виденное никем, и вознесение на небеса, очевидцами коего стали ученики. Символ веры ни словом не упоминает об учении Христа, говоря о Его земной жизни лишь следующее: «Нас ради человек, и нашего ради спасения спедший с небес и воплотившийся от Духа Святого и Девы Марии и вочеловечившийся. Распятый же за нас при Понтии Пилате, и страдавший и погребенный. И воскресший в третий день по Писаниям. И восшедший на небеса...».

Как же это так, – «распятый за нас?» Почему Его рождение, страдание, смерть и воскресение значимы, более того, бесценны для нас сами по себе, вне связи с Его учением и многими добрыми делами?

А значимы для нас эти моменты жизни Христа потому, что именно ими побеждена в людях власть греха и зла, к которым свободно склонился первый человек и которые затем в самом семени своем, как элемент некоторого генетического кода, передал потомкам, всему человечеству. Мы накрепко забыли простую и очевидную истину, что не только черты лица и цвет волос, но и вся сумма добра и зла наследуется потомками от предков, уменьшается или увеличивается нравственным качеством их собственной жизни и в свою очередь вручается детям. А поскольку в человеке, начиная с греха Адама транслируется разрушительная сила его греха, умножаясь собственными грехами его потомков, то для спасения человечества от этого растущего кома зла необходимо было начало чистое, безгрешное и притом вполне человеческое. Таким-то началом и стал Иисус Христос, родившийся от «Духа Свята» и потому безгрешный, и «Марии Девы» – и потому человек.

Но даже самого этого безгрешного человеческого начала оказалось мало для исцеления человечества. Второй великий закон, также крепко забытый нами, гласит, что всякий грех исцеляется только страданием, и чем чище страдающее существо, чем менее оно причастно греху, за который страдает, чем добровольней его страдание – тем полнее исцеление от греха. Иисус Христос был вполне чист от греха человечества, Он страдал абсолютно добровольно (вспомним моление о чаше на горе Елеонской), и притом Он был одной природы с нами, и потому Его крестная смерть – по непреложному закону всеединства (пиромы, как сказал святитель Григорий Нисский) человечества – искупила наш грех, а Его воскресение открыло путь к воскресению и к вечной жизни для тех, кто верует в Него и соединяет с воскресшей человеческой природой Его в евхаристическом таинстве.

Если бы Христос, глядя на коснеющее в грехах и страданиях человечество, сказал: «что мне до них, они мучаются за свои грехи и грехи отцов своих, а если бы я был на месте Адама, я бы не согрешил, как он, не пал бы и не положил начало несчастному роду смертных человеков», то тогда человечество не было бы исцелено от жала греха и смерти, христианство бы не существовало, а произнесший такие слова никогда не именовался бы Спасителем. Но в том-то все и дело, что, зная Свою непричастность ко греху Адама, зная (как специально подчеркивает евангелист Иоанн), что «Он от Бога исшел», зная, что в Свою защиту может призвать бесчисленные силы небесные, Он добровольно идет на оплевание, битье, муки креста для спасения своих по плоти – всего человечества. Христос не дистанцирует себя от грешных братьев и отцов, Он, напротив, постоянно помня и объявляя Свое единство с ними, Собой исцеляет их.

Если мы не вспомним всех этих начал христианской догматики, то вряд ли достигнем понимания причин осуждения Христом фарисеев, строивших гробницы пророкам. Не строительство плохо, но отделение себя от отцов своих. Не отцы наши, но мы сами, поскольку мы в родовом преемстве с ними, совершали убийства пророков, отвергались гласа Божиего и ненавидели укоряющих нас посланцев Его. Так мы согрешали, и если теперь очи нашего рода открылись в нас, то должны мы оплакивать грехи отцов как наши собственные грехи, ими пролитуую кровь – как нами пролитуую. Если бы так переживали свое прошлое учителя Израиля, то недалеко были от признания Христа Мессией, а не увенчали бы дела отцов своих Его распятием.

Именно в силу единства всего рода человеческого, единства и ощущаемого духовно, и доказываемого физически, так как род может продолжаться от мужчины и женщины из любых народов, племен и рас, – именно в силу этого единства вольная жертва Христа распространилась на всех, соединяющихся с Ним в подобии смерти Его таинством крещения, и, даже шире, во многих аспектах на все человечество в целом. Но именно в силу этого же единства грехи всего человечества и добродетели всего человечества живут в каждом из нас, а тем более и тем явственней для нас грехи тех, с кем соединены мы более тесными узами родства, – грехи народа, грехи отцов и дедов. Ощущая их бремя в нас, каюсь в грехах рода, мы идем путем Христа и стираем грех отцов наших; гордо отделяя себя от согрешивших отцов, мы соучаствуем в их преступлениях и готовимся совершить подобные, может быть, даже тягчайшие. Должно быть, поэтому и облегчил Господь фарисеев, строивших гробницы пророков. Прошло совсем мало времени, и голгофская казнь доказала Его правоту.

Помню, в теперь уже почти баснословно далекое застойное

время, поступив в МГИМО в трагический год Пражской весны, я познакомился с прозой А. И. Солженицына, а через несколько лет добыл, чуть ли не на ночь, «Архипелаг ГУЛАГ». Тогда, читая, я в юношеском негодовании сжимал кулаки (в кармане). Ненависть к большевизму, к ленинско-троцкистскому заговору, к Сталину была безмерна. О, как мечтал я оказаться в тех годах, чтобы, собрав молодцов, поднять восстание и освободить страну от красной чумы или хотя бы погибнуть со славой, своей смертью поднимая других на борьбу.

Сейчас, когда «уж та зима главу мою сребрит, что греет сев для будущего мира», снова взял я в руки эту книгу. И, читая ее, я вдруг понял, что мое восприятие изменилось за истекшие без малого два десятилетия. Тогда меня ужасали и побуждали к борьбе – вполне, впрочем, мечтательной – жестокость, коварство, ложь победителей 1917 года. Теперь я как будто читал что-то совсем иное.

Да. Те же самые факты. Те же раскулачивания, депортации, показательные процессы, жуткие лагеря Воркуты и Колымы, те же аресты, осведомители, пытки. Но теперь я ужаснулся иным – не объектом, а субъектом ГУЛАГа, не узником, а тюремщиком. Сколько их было? Осведомителей, конвоиров, следователей, смершевцев, теоретиков и практиков заплечного дела?.. Наверняка можно сказать – миллионы, почти наверняка – десятки миллионов, или непосредственно участвовавших, или знавших и участвовавших тем самым, хотя и косвенно, но все же соучаствовавших в этом безмерном по ужасу акте, которому адекватного слова еще не нашел русский язык.

«За то, что ты не служил Господу Богу твоему с веселием и радостью сердца, при изобилии всего, будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь, в голоде, и жажде, и нагоде и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя. Пошлет на тебя Господь народ издалека, от края земли: как орел налетит народ, которого языка ты не разумеешь, народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши» (Втор. 28, 48-5). А мы прекрасно понимали язык наших притеснителей, потому что не от края земли пришли они, не с северных гор, не от восточных пустынь, не от закатного моря. Весь ужас, вся трагедия России, в сравнении с которой даже Вавилонское пленение Израиля лишь предзнаменование, лишь пролог судов Господних, – вся боль наша в том, что эти гонители наши и есть мы. Они – наша кровь, наш род. Они – наши мужья и жены, дети и отцы. Их язык – наш язык. Их племя – наше племя. В горестях завоевания Иерусалима Навуходоносором была для иудеев некоторая отдушина – они могли ненавидеть жестоких чужеземцев, увозящих их в плен от курящихся дымом руин Города Мира, хотя пророк Иеремия и внушал им, что терпят они за свои грехи, а вавилонский царь только

орудие гнева Божьего на Израиль. А кого ненавидеть нам? Провидение сделало все возможное, чтобы мы почувствовали, что иной причины трагедии, кроме нас самих, у нас просто нет. Сталин был выродок, был инородец, грузин? Но разве рядом с ним не встретим мы и русских, и армян, и евреев, и латышей, и украинцев, и татар, и финнов? Кажется, вся разноязыкость бывшей империи сошлась в ЦК ВКП(б), в кабинетах и коридорах НКВД. Ленин и иные большевистские лидеры были душевнобольные, нравственно неполноценные люди? Возможно. Но те миллионы их приверженцев, которые убивали, грабили, мучили, доносили, сравнивали с землей церкви, — все они тоже были больны? Если один из ста, быть может, один из десяти так тяжело душевно болен, то не болен ли весь народ?

Спокойное, где-то даже саркастическое повествование «Архипелага» вдруг прорывается криком: «Если бы во времена массовых посадок, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, — а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придется... Органы быстро бы недосчитались сотрудников и подвижного состава, и несмотря на всю жажду Сталина — остановилась бы проклятая машина! Если бы... Если бы... Мы просто заслужили все дальнейшее».

Разве такая удивительная потеря воли в борьбе со злом, такое удивительное исчезновение даже элементарного, животного чувства самозащиты, защиты своих детей, своей семьи — разве все это не призрак какого-то крайнего духовного упадка или, если называть вещи своими именами, какого-то тяжелого греха?

«Все они будут стонать, каждый за свое беззаконие. У всех руки опустятся, и у всех колени задрожат как вода. Тогда они препояшутся вретисцем и обоймет их трепет» (Иез. 7, 16-18).

Не о нас ли эти слова пророка? Не нас ли обьял трепет? Не наши ли колени задрожали «как вода»?

Но нравственно ли говорить о беззаконии тех, кто сам стал жертвой беззакония?

Нравственно. Ибо не всегда были мы жертвами. У А. И. Солженицына в только что приведенных словах речь идет о повальных арестах 1934 — 1935 годов в Ленинграде. Но ведь менее двух десятилетий прошло с тех пор, как эти самые граждане, которых теперь увозили в Большой дом, восторженно или, по крайней мере, спокойно, без возражений встретили февраль 1917 года. Февраль, а потом и октябрь. Тем, кому в 1934 году было сорок, в семнадцатом было двадцать три. Самый солдатский возраст. Когда группа заговорщиков из социалистов-революционеров, социал-демократов и

конституционных демократов, соединившись с октябристским крылом Думы, договорившись с командующими ряда фронтов, организовали путч в Петрограде с целью свержения монархии, население столицы легко склонилось на призывы агитаторов. Незамысловатый трюк с отсутствием в течение трех суток выпеченного хлеба вывел народ на улицы с требованиями хлеба и ответственного правительства, а между тем шел третий год изнурительной войны и враг стоял в предместьях Риги.

Можно ли представить себе ленинградцев, бунтующих против Сталина в 1941 – 1942 годах, когда не то что выпеченного хлеба не было вдоволь, но смерть от голода стала обычным концом десятков тысяч людей, а вина правительства в полной неготовности и страны, и великого города к войне была для умного человека вполне очевидной? Но в 1942 году умирали тихо, а в 1917-м – бунтовали, чтобы фунт хлеба стоил снова 5 копеек, а фунт масла – 50 копеек. Хлеб же, как гласило объявление от 24 февраля 1917 года командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, «находится в городе в достаточном количестве, и если его нет в некоторых лавках, то это от того, что он в чрезмерных количествах раскупается на сухари». На 23 февраля запасы города составляли полмиллиона пудов ржаной и пшеничной муки, чего при нормальном потреблении, без подвоза, хватило бы на десять-двенадцать дней, а хлеб все время поступал в столицу.

Трудно себе представить, чтобы в 1924 году рабочие Ленинграда решились на забастовки и требования к правительству и администрации. А в 1917 году забастовки в Петрограде были обычным явлением. 14 февраля по донесению охранного отделения, в городе бастовало 58 предприятий с 89.576 рабочими, 15 февраля – 20 предприятий с 24.840 рабочими. На Петергофском шоссе были устроены пикеты с красными флагами. Как понравились бы ведомству Л.Берия пикеты с царскими флагами на Дороге Жизни четверть века спустя?

Но вот перебои с хлебом вызвали резкую активизацию забастовок и выступлений рабочих. 23 февраля бастовало 87 тысяч, 24 февраля – до 197 тысяч, 25 февраля – до 240 тысяч рабочих. Началась стрельба из толпы, нападения на полицию, провокации ответных действий жандармерии и войск. 26 февраля сначала Павловские, а затем Волынские роты стали отказываться подавлять волнения, и солдаты с оружием перебежали к демонстрантам. В это время царскосельский гарнизон грабил окрестные питейные заведения, и только сводный гвардейский полк еще нес охрану Александровского дворца.

Рассказ можно продолжать, расцвечивать все новыми потрясающими фактами. Но стоит ли? Факты и так собраны. Не раз

опубликованы. Но так и не дан ответ на главный вопрос. Почему в конце февраля 1917 года по пустяковой – сравним февралем 1942 года – причине город восстал, рабочие подняли красные флаги, прекратили работу, учебные заведения забурлили сходками, солдаты изменили присяге и перед лицом наступающего врага предались пьянству и грабёжам, а парламент страны безответственно требовал ответственного правительства и интриговал против Ставки?

Даже как-то смешно объяснять все действиями немецкой агентуры или «жидо-масонским заговором». Каждый человек имеет свободную волю и собственную совесть. Когда его провоцируют на бунт во время войны, не ясно ли, что это выгодно только врагам отечества? Почему же тогда и образованные и простые, и рабочие и парламентарии, и солдаты и студенты подались на провокации? В чьих бы злобных головах ни родился план свержения законной власти и свержения страны в анархию, каждый из нас лично ответственен за его претворение в жизнь. Если бы мы, российские люди, остались верны долгу перед родиной, следовали бы нравственным, даже не христианским, но просто человеческим принципам в те роковые дни февраля 1917 года, трагедии бы не случилось.

«Около 8 часов вечера второго марта, – вспоминает бывший с императором Николаем II в Пскове генерал Д. Н. Дубенский, – прибыл первый поезд из Петрограда после революционных дней. Он был переполнен. Толпа из вагонов бросилась в вокзал к буфету. Впереди всех бежал какой-то полковник, Я обратился к нему, спросил его о Петрограде, волнениях, настроении города. Он ответил мне, что там теперь все хорошо, город успокаивается и народ доволен, так как фунт хлеба стоит 5 коп., масло – 50 коп. Меня, – заключает генерал, – удивил этот ответ, определяющий суть революции, народных бунтов, только такой материальной стороной и чисто будничным интересом».

Мы продали наше отечество, всю тысячелетнюю историю нашу, нашу честь и славу, ковавшуюся на Куликовом поле и под Нарвой, на Бородине и в дымных руинах Севастополя, мы продали великие слова, начертанные на знаках орденов и на боевых знаменах России, – «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), мы продали кровь воинов и духовные подвиги аскетов, труды и бдения и слезы, которыми созидалась земля и совершенствовался род отцов, – все это продали мы за буханку ржаного хлеба и за фунт масла по полтине. Подобно Исаву, за одну снедь отказались мы от первородства. Это сделали мы, именно мы, а не какие-то коварные заговорщики. И, продав свое превородство, мы не заслужили ничего, кроме презрения, смешанного с гадливостью. В эти страшные дни 1917 года мы лишились той силы, которая помогла бы нам правильно разглядеть коварство большевиков, со-

брать силы против тех, кто разогнал Учредительное собрание, кто громил церкви, кто жег библиотеки, кто расстреливал и истязал заложников. А так мы сами оказались среди тех, кто жег и истязал, или среди тех, кого жгли, но кто безгласно шел на смерть, как бы лишенный воли к жизни.

1917 год – это не начало падения, не рубеж царства света и царства тьмы. Нет. 1917 год – это итог, это результат длительного процесса духовной и нравственной деградации народа, которая лишь проявилась в дни революции. Таковы были пути Промысла, что мы сами себе оказались и судьями, и палачами. И в этом самонаказании преподан был человечеству великий урок – каждый сам кузнец своего счастья или своей гибели.

27 февраля 1917 года председатель Государственной Думы М. В. Родзянко телеграфировал главнокомандующему Северным фронтом генерал-адъютанту Н. В. Рузскому, тому самому Рузскому, который добился отречения у Николая II, а через полтора года был расстрелян большевиками в Минеральных Водах в качестве заложника: «Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийные и угрожающие размеры. Основы их – недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику; но главным образом полное недоверие власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения».

Тяжелое положение? В стране не было продуктовых карточек, даже прифронтовые города обеспечивались электричеством, там, где они имелись, скажем, в Петрограде, Москве, исправно работали все коммунальные службы, канализация, водопровод, отопление, транспорт. Состояние тыла в 1917 и 1942 годах нельзя даже сравнивать. И вдруг – «тяжелое положение». Во время Великой Отечественной войны люди готовы были терпеть ради победы невероятные лишения, работу на износ, голод, холод. В середине третьего года Первой мировой войны россияне восстали от трудностей вполне тривиальных, не больших, чем те, которые испытали мы прошедшей зимой, восстали, испытывая полное равнодушие к судьбам отечества, но всецело поглощенные своими собственными проблемами, желая мира, но не победы.

Что-то очень существенное должно было сломаться в нашем народе, чтобы боязнь нехватки хлеба побудила его к восстанию, к свержению власти перед лицом наступающих германских армий. Что же это?

«Цзы-гун спросил об управлении государством. Учитель ответил: в государстве должно быть достаточно пищи, должно быть достаточно оружия и народ должен доверять власти. Цзы-гун просил: чем прежде всего из этих трех можно пожертвовать, если возникнет крайняя необходимость? Учитель ответил: можно отказаться от

оружия. Цзы-гун спросил: чем прежде всего можно пожертвовать из оставшихся двух, если возникнет крайняя необходимость? Учитель ответил: можно отказаться от пищи. С древних времен еще никто не мог избежать смерти. Но без доверия народа государство не сможет устоять» (Конфуций «Лунь-юй», 12,7).

«Полное недоверие власти» – выдумка ли это М. В. Родзянко или трезвая констатация состояния умов? Февральская революция доказала, что недоверие администрации Николая II – бесспорный факт общественного сознания. Никакая злобная агитация не могла бы обмануть сотни тысяч христиан Петрограда, отнюдь не самых диких и необразованных в России, никакая агитация не могла бы заставить армию прекратить сражаться с неприятелем и уйти с поля боя домой – случай, кажется, беспрецедентный в истории человечества, – если бы рычаг государственной власти продолжал воздействовать на народ через привод веры во власть. Привод этот, однако, был безнадежно сломан.

Парадоксально, что в 1941 году граждане СССР почти поголовно верили Сталину, готовы были умереть за него, а четвертью века раньше их отцы да и сами они не верили ни царю, ни его министрам, а требовали их смещения. Почему? Ведь при всех ошибках и просчетах императорская администрация была бесконечно гуманней сталинской, бюрократия – профессиональней, качество жизни – выше, война – не так обременительна, как Великая Отечественная. И все же Сталину верили, а Николаю II – нет.

Загадка эта не меньшая, чем загадка всеобщей пассивности при массовых арестах в Ленинграде в 1934 – 1935 годах, чем загадка всеобщего возмущения в Петрограде в феврале 1917 года. Сказать, что русский народ «любит палку», – значит не сказать ничего. Палку пытались применить в те февральские дни. Около 9 часов вечера 25 февраля Хабалов получил телеграмму из Ставки: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Телеграмма эта означала разрешение действовать войскам по уставу, то есть после трехкратного предупреждения стрелять в толпу. Стреляли несколько раз в разных районах города. На выстрелы в воздух народ отвечал смехом, стрельба на поражение рассеивала демонстрантов по дворам, и вскоре толпы собирались вновь. Кровь только взвинчивала нервы, но не устрашала. Скорее, она имела обратный эффект. Верные правительству части одна за другой переходили на сторону бунтовщиков. Даже командир батальона георгиевских кавалеров генерал князь Пожарский объявил своим офицерам, что в народ он стрелять не будет, кто бы ему это ни приказал. Так что палку пробовали применить, да она сломалась. А через четверть века палка действовала исправно и простые русские парни из НКВД и Смерша расстреливали таких же

русских парней, женщин, а то и детей спокойно и с чувством хорошо исполняемого долга. Почему?

Но достаточно вопросов. Подойти к ответам на них нам удастся только если мы обратимся ко второму элементу диады народ – власть. Если мы исследуем существо самой власти, свергнутой в феврале 1917 года.

II

Богобоязненный и старавшийся жить праведно индийский император Ашока оставил два тысячелетия назад высеченную на колонне надпись: «Благочестивые деяния мною совершены. Люди, беря их за образец, начинают поступать сообразно с ними. Благодаря этому они продвинулись и будут продвигаться в покорности матери и отцу, в покорности наставникам, в соответствующем возрасту отношении к старшим, в подобающем отношении к священникам, к бедным и обездоленным – вплоть до рабов и слуг».

Вельможа из древнекитайского царства Лу спросил Конфуция: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?» Конфуций ответил: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа – ветер, мораль простолюдина – трава. Трава клонится по ветру» («Лунь-юй». 12, 19).

Как крепко забыт у нас этот, когда-то известный каждому, основополагающий принцип общественных, в частности – и политических, отношений, с предельной простотой выраженный в русской поговорке «Каков поп – таков и приход». Подобно старичкам из Чернобыля, не верившим, что радиация может их погубить вернее фугасной бомбы – ведь ее – радиации – не видно и не слышно, – мы сейчас наивно полагаем, что личная жизнь каждого никак не влияет на иных людей, если она видимо не воздействует на окружающих. А она влияет, и особенно сверху вниз. Нравственность родителей определяет судьбы детей и внуков, начальника – подчиненных, правителя – подвластных. Конечно, человек высокого духа всегда может противостоять разлагающему влиянию, как бы низко на формальной социальной лестнице он ни стоял. Такие люди находились во всех эпохах, в любом обществе. Они – мерило праведности народа, его обличители и словом, и самой жизнью своей. Именно их гонят при жизни и именно им посмертно возводят гробницы соотечественники. Человек всегда свободен избирать добро или склоняться ко злу. Более того, благодаря совести он всегда в глубинах души

знает – какой путь, хороший или плохой, избирает. И все же опыт человечества учил мыслителей древности, что обычный, средний человек склонен подражать вышестоящим, следовать норме начальника. Кроме того, подобно радиации, грех может и незаметно излучаться его совершителем, поражая всех окружающих, если не одеты они в свинцовые латы воли, устремленной к добру. Отсюда особая забота законодателей древности о нравственности и добродетели начальствующих в народе, ведь «страдает целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду неправосудьем своим от прямого пути отклонивших» (Гесиод «Труды и дни». С. 240 – 243).

И вот, возвращаясь к нашей истории, к ее последним векам, поражаешься, как далеки были от нравственного образца христианина российские государи. Неблагодарный труд вспоминать падения и грехи былых правителей народа. Стыдно и противно копаться в зловонной выгребной яме отечественной истории. И все же необходимо назвать хотя бы немного фактов. Император Петр Великий вызывает из Неаполя сына Алексея от первой, давно брошенной жены, вызывает, клятвенно обещая неприкосновенность. И как только простоватый царевич, поверивший отцу, пересекает границы отечества, он тут же берется под стражу, подвергается допросам с пристрастием и, наконец, по приговору царственного отца удушается в каземате Петропавловской крепости, дабы не он, а любимая жена Екатерина и ее дети могли наследовать престол. От Романова, убившего своего сына Алексея, до Романова, расстрелянного с сыном Алексеем на руках через два века, тянется какая-то роковая нить.

Екатерина Великая взошла на престол, свергнув своего мужа – Петра III – и через двое суток по перевороте задушив его в Ропше руками брата своего любовника. Ее скандальные связи, кураж фаворитов вряд ли могли научить подданных христианским основам жизни, а циничное отношение к Церкви Христовой только как к социально полезному институту – содействовать возрастанию православного благочестия. Изъятие монастырских имуществ, запрещение на пострижение в монашество не инвалидов, превращение духовенства в касту, истощаемую к тому же разборами в низшие сословия, – могло ли все это быть делом монарха «милостью Божией», хранителя и защитника «Греко-российской православной Церкви?»

XIX век начался жестоким убийством в Михайловском замке, убийством, подготовка которого была известна великому князю Александру Павловичу, восшедшему на престол, обгаренный еще теплой кровью своего отца. Смерть сына от руки отца и убийство отца при попустительстве сына – так начался и так завершился Век Просвещения для царствовавшего дома России.

Царь-рыцарь, благороднейший Николай Павлович, считая себя избранным сосудом Божиим, твердо веря, что он только перед

Христом ответственен за Россию, мог оскорблять Спасителя многолетним нарушением седьмой заповеди. Не хочется верить тем сплетням, отражением которых явился толстовский «Отец Сергей», но когда желавшая уйти из жизни вместе с супругом императрица Александра Федоровна предложила Николаю I проститься перед смертью с Варенькой Нелидовой, она урожденная лютеранка и прусская принцесса, преподала православному монарху пример истинно христианского смирения и жертвенной любви.

И не было ли символом внутренней неправды этого долгого царствования скорое тление набальзамированного тела усопшего императора, которого не могли скрыть ни толстый слой грима, ни ароматические масла?

Но то, что отец творил тайно и, видимо, угрызаясь совестью – как иначе понять ответ умирающего Николая I на предложение императрицы проститься с Неклидовой – «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что я прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня», – то сын и преемник престола самодержцев всероссийских творил уже явно, даже демонстративно, Александр II позволил одновременно, в одном Зимнем дворце, жить двум своим женам с детьми от него. Императрица Мария, которую он когда-то безумно любил и семнадцатилетней девочкой вывез из Гессена, жила в парадных покоях, а в комнатах Николая I, тех самых, где он окончил свою земную жизнь, обитала княжна Екатерина Долгорукая, которой присвоен был титул светлейшей княгини Юрьевской, и трое ее детей от императора – Георгий, Ольга и Екатерина.

22 мая 1880 года перестало биться исстрадавшееся сердце императрицы Марии, а 6 июля 1880 года, то есть через 45 дней после смерти супруги, «Его Величество Император Всероссийский Александр Николаевич соизволил вторично вступить в законный брак с фрейлиной, княжной Екатериной Михайловной Долгорукой». Был нарушен даже священный для всего человечества закон траура.

«Нас тянет это роковое царствование, тянет роковым падением в какую-то бездну, – писал 2 января 1881 года Екатерине Тютчевой Константин Петрович Победоносцев. – Прости Боже этому человеку – он не ведал, что творил, и теперь еще менее ведает. Теперь ничего и не отличишь в нем кроме Сарданапала. Судьбы Божии послали нам его на беду России. Даже все здравые инстинкты самосохранения иссякли в нем: остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности».

И это говорит монархист, обер-прокурор Синода.

Тонкой лестью «диктатор сердца» граф Лорис-Меликов подталкивал императора изменить закон о престолонаследии и вручить скипетр не сыну от Марии Александровны – Александру, но сыну

от княгини Юрьевской – Георгию. Трагедия 1 марта 1881 года не дала этим планам осуществиться. Бомба Желябова разворотила императору ноги и низ живота. Истекающего кровью, почти не приходящего в сознание, его привезли в Зимний дворец. Великий князь Александр Михайлович, племянник Александра II, вспоминал, с каким страшным криком вбежала в комнату, где умирал ее супруг, княгиня Юрьевская. Забыв об окружающих одр родственниках и царедворцах, она бросилась на колени и осыпала поцелуями холодеющие лицо и руки государя. От этих минут протянулась еще одна ниточка в 1918 год, от Юрьевской к Юровскому – убийце Николая II и его семьи.

«Ты наклонил чресла твои к женщинам и поработился им телом твоим; ты положил пятно на славу твою и осквернил семя свое так, что навел гнев на детей твоих... и оставил по себе от семени своего безумие народу, скудного разумом Ровоама, который отвратил от себя народ... и Иеровоама, сына Новатова, который ввел в грех Израиля и Ефрему указал путь греха. И весьма умножились грехи их, так что они были изгнаны из земли своей; и посягали они на всякое зло, доколе не пришло на них мщение» (Сир. 47, 22 – 31).

Разговор о последнем государе долгий и трудный. Не здесь его вести. Скажу только, что вера в шарлатана Бадмаева и «похаба» Распутина стала знаменем этого несчастного венценосца. Ради наследника он забыл Россию, забыл до того, что отрекся от престола в самую трудную минуту отечества. «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это, – вспоминал Рузский слова государя, сказанные утром 2 марта 1917 года. – Но я опасаясь, что народ этого не поймет: мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования; меня обвинят казаки, что я бросил фронт». Для блага России... Сколь затуманенное сознание надо было иметь, чтобы счесть отречение от престола во время войны и смуты, в пользу брата Михаила, не имевшего из-за своего мorganатического брака законных прав на императорскую корону, благом России! И разве одни старообрядцы и казаки могли усомниться в нравственности поступка государя? Разве так охладели сердца «новообрядцев», что для них безразличными стали клятвы, произнесенные перед лицом архиерейского собора, перед лицом всей России с амвона кремлевской великой Успенской церкви? И разве для всей русской армии это оставление фронта не было знаком, что можно воткнуть штык в землю? «Анархия была не причиной, а результатом отречения Николая II, – пишет домашний человек последнего императора француз П. Жильяр и добавляет, вспоминая тобольское заключение: – Я тогда (в сентябре) в первый раз услышал от государя выражение сожаления об его отречении... Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение оказалось бесполезным

и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний».

Некоторые факты тобольской и екатеринбургской неволи позволяют выдвинуть гипотезу, что Николай II знал о готовящейся ему и его близким казни и пошел на смерть и жертву семьей вполне сознательно, отказавшись от какой-то постыдной сделки, которую через комиссаров В. Яковлева и Я. Юровского предлагали ему Ленин и Свердлов. Но это большая особая тема. Если так, то своим вольным страданием, невинной кровью цесаревича и дочерей был отмыт грех династии, как в былые века отмывался он святыми страстотерпцами Борисом и Глебом и царевичем Димитрием. Впрочем, все это — только догадка...

III

В 1917 году рухнуло на Руси православное царство. Но было ли оно подлинно православным, действительно христианским? Могли оступаться и падать цари и князья, мог забываться в самообольщении народ, но где были те, кого Сам Царь царствующих и Господь господствующих поставил пасти народ Свой, вручив им, в лице апостола Петра, ключи от Царства Небесного и дав страшную власть прощать или оставлять грехи людские для вечности? Где было священноначалие русской Церкви, чадами которой именовали себя и подданные, и государи России?

Когда-то преподобный Феодосий Печерский обличал за изгнание старшего брата с киевского престола князя Святослава Ярославича, святитель Киприан обвинял князя Димитрия Донского в насилиях над церковью, а священномученик митрополит Филипп возвышал свой голос против людоедской опричнины Ивана Грозного. Когда-то... Теперь, в Петербургский период, все стало иным. Желая оправдать свое клятвopеступление, Петр I собрал архиереев и спросил их, позволительно ли нарушить данное сыну слово и лишить его жизни. Прекрасно знали наследники апостола Петра древние священные слова: «Не клянись именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего» (Лев. 19, 12), но изрекли царю нечто совершенно иное: «Сердце царево в руции Божия есть. Да избрет тую часть, амо же рука Божия того преклоняет». Где были начальствующие в Церкви, когда, называясь православной государыней, Екатерина II разгоняла монастыри, отнимала имущества и, как бы глумясь, назначала обер-прокурорами Синода то атеистов, то крайних люте-

ран? Где были духовники царских особ, когда у всех на глазах попирались монархами основы христианской морали и благочестия? По древним правилам, Николая I и Александра II как двоюродных должны были на пятнадцать лет отстранить от причастия. Отстранили ли их когда-нибудь хоть на день? Разве не ведал митрополит Филарет о разврате и занятиях спиритизмом своего венценосного чада? Почему же сказать ему правду решился не Князь Церкви, но лицо светское – управляющим Третьим отделением граф Петр Шувалов, за что и был в июне 1847 года отправлен в почетную ссылку послом в Лондон?

«В России не оказалось ни священника, ни пророка, которые могли бы сказать царю во имя Божией воли и высшего достоинства человеческого – ты не должен, тебе не позволено, есть пределы вечные», – писал в замечательной статье «Византизм и Россия» Владимир Соловьев. «Византизм» – это пагубное представление, что «истина не обязывает». Можно вести себя как угодно, следовать своим похотям и страстям, надо только верить правильно. Какая пагубная, поистине сатанинская лож! Она погубила Византию, хотя на берегах Босфора до последних лет империи находились мужи, обличавшие несправедливость и венценосцев, и священноначалия, погубила она и Русь, где такие обличители после архиепископа Арсения Мациевича, заживо сгноенного в Ревельской крепости Екатериной по благословению Синода, перевелись вовсе. Преподобному Серафиму оставалось только плакать о епископате русской Церкви и предлагать свою святую душу как выкуп за них.

Тлетворный ветер, дующий с духовно разлагающихся вершин и светской и духовной власти, смертельным ядом отравлял души «простой чади». Евангелие говорило им одно, а примеры жизни тех, кто должен был быть образцом, – прямо противоположное. «Горе тому, что соблазнит одного из малых сих...» – здесь, в России, соблазненным был весь народ. Худо и само по себе, что люди лжесвидетельствовали, убивали, прелюбодействовали. Но во сто крат ужасней, что делали они все это, претендуя на звание братьев Христовых, объявляя себя защитниками веры. Разве такой соблазн мог не отлиться в расколы и ереси и не завершиться революцией, в которой народ пошел за теми, кто говорил им правду.

Правду? Да, правду. Большевики не лгали, что они верят в Бога. Они глумились на Нем, но глумились над телом Христовым и те, кто лицемерно или в самообольщении продолжал считать себя христианином, делая дело отца своего – дьявола. Большевики были честней прежних правителей России, и народ поверил им, поскольку сам давно уже стал таким же безбожным. Большевики предлагали строить рай на земле и забыть о небе. Но разве идеи прогресса не вытеснили в русском обществе задолго до них жажду Царства не от

мира сего? Разве не к земной славе империи, не к блеску мишурной жизни направлены были все силы тех, кого поставил Вседержатель охраной народа Божиего на земном пути в обители Отца небесного? И разве не земными выгодами руководствовались те, кому вверены были души христианские, когда слово обличения и правды заменяли подобострастной лестью или молчанием?

Мы поверили тем, кто был во всем подобен нам, кто обещал нам то, чего в тайне сердца давно желали мы сами. Но так как это был мир без Бога, то он обернулся к нам новой ложью и безмерным бесчеловечием. Однако, мы всегда должны помнить, что сами, свободно избрали его в годину великого выбора, во вьюжные февральские дни. И в самом этом выборе мы свершили над собой суды Божии. Наш грех сжег в нас совесть и лишил воли к сопротивлению злу. Семь десятилетий страданий. Срок, известный истории. Столько же находился в плену Вавилонском и прогнавший Господа народ Израильский.

Ныне окончилась сроки. Прошлое, вся его безмерная ложь очищены по милости Божией нашими слезами и кровью. Подобно человеку, отсидевшему пятнадцать лет «от звонка до звонка» за убийство, мы отпущены на свободу. Что же теперь?

Мы можем честно и прямо сказать, что теперь мы не христианский народ, что Небесное нам не нужно более и мы хотим просто и честно жить на земле, следуя закону разумного эгоизма, как уже делают многие народы и племена, соблазнительные для нас своим богатством, общественной устроенностью, довольством. Такое слово будет словом правды, хотя в каком-то тайнике сердца чуть слышный голос будет шептать нам, что без Бога и на земле не будем мы счастливы, что без вечного и временное теряет смысл.

Если же вдруг, чему я почти не верю, мы прислушаемся к этому шепоту совести и выберем жизнь в соответствии с абсолютным законом Правды Божией, то тогда прошлое станет бесконечно полезным для нас. Из всей истории мира. Из истории нашей матери Византии, из нашей собственной прошлой жизни пойдем мы великий принцип: **И с т и н а — о б я з ы в а е т**. Только стремлением воплотить принципы Христовы в тех сферах общественной и частной жизни, которые доступны для нас, можем оправдать мы звание христианина.

Пришедший на царский пир в будничной одежде был выброшен во тьму внешнюю, «где плач и скрежет зубовный». Выброшены в эту тьму были и мы, вернее, сами, добровольно пошли в нее. И теперь нам дано вновь выбирать — облачимся ли мы в праздничное для духовного пира, или навсегда останемся в рабочей одежде, дабы не искушать Творца.

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА ЦК КПСС ПО ДЕЛУ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА

До последнего времени миллионам документов секретного партийного делопроизводства, по всем правилам учтенных, подшитых в архивные тома, недвижимо хранящихся в сейфах, отводилась роль исключительно рабочих материалов партийных функционеров. В тайных от общества архивах, где каждый документ ценен уже тем, что содержит неизвестные доселе факты, истинную мотивацию действий, неприкрытые нравы и настроения на верхних этажах власти, была скрыта недостающая часть исторической картины прошлого нашего общества и государства. Наконец-то, с передачей бывших архивов КПСС в ведение Государственной Архивной Службы России и открытием широкого доступа к собранным в них документам, становится возможной задача по восполнению отечественной истории.

В предлагаемой ниже публикации журнал впервые знакомит читателей с некоторыми документами аппарата ЦК КПСС, решениями секретариата ЦК за период с 1962 по 1988 г.г., связанными с А.И.Солженицыным. На первый взгляд это рутинные записки, информации, письма работников отделов ЦК партии, ее региональных органов, государственных ведомств и общественных организаций, отдельных лиц. Однако именно они сыграли немалую роль в судьбах передовой русской литературы, ее выдающегося представителя А.И.Солженицына. Здесь представлены свидетельства со стороны партии по «делу Солженицына»: от первой и единственной в ЦК поддержки писателя - в публикации «Одного дня Ивана Денисовича» до одной из попыток удержать открыто прорвавшийся в годы перестройки общественный интерес к величественной фигуре живущего за рубежом писателя. Квинтэссенцией содержания этих партийных документов является реплика секретаря ЦК КПСС П.Демичева, брошенная на совещании идео-

логических работников в ЦК КПСС в июне 1972 года; «Разумеется, у нас солженицыных и якиров, которые связали свою судьбу с заклетыми антисоветчиками, единицы. Но тем не менее ЦК КПСС обращает внимание на недопустимость недооценки даже отдельных враждебных деяний, малейшего ослабления бдительности».

Документы дают представление о деталях борьбы партийно-государственного аппарата против А.И.Солженицына, о механизме действия этой беспрецедентной пропагандистской кампании. Фактически подтверждается, что никакого долгосрочного плана этой борьбы у властей не было даже в последние месяцы перед высылкой писателя из страны. По верному определению, «все делалось судорожно, импульсивно и обычно, как дурной шахматный ход в ответ на активный, атакующий ход противника».¹ В публикации представлялось необходимым также показать материалы, рисующие общественно-нравственный фон, внутри- и внешнеполитическую подоплеку взаимодействий Власти и Писателя.

Насыщенность документов множеством фактов, десятками имен, многие из которых еще на слуху, поставила перед составителем подборки - ввиду естественного желания поместить в рамках одной журнальной публикации возможно большее количество самих документальных текстов - перед необходимостью ограничиться в своих примечаниях комментированием лишь самых малоизвестных из них. Документы публикуются с сохранением их текстуальных особенностей. Резолюции и пометы, написанные на документах в процессе рассмотрения в аппарате ЦК КПСС, вынесены за тексты. Подлинники документов и их заверенные копии находятся ныне в Центре хранения современной документации (ЦХСД).

Сотрудник ЦХСД А.ПЕТРОВ

---

¹ Кондратович А. И. Новомирский дневник. 1967–1970. М., 1991. С. 65.

От редакции: письмо А. И. Солженицына А. Т. Твардовскому от 24 июля 1970 г. публикуется с разрешения автора.

А.Т.ТВАРДОВСКИЙ - Н.С.ХРУЩЕВУ

6 июля 1962 г.¹

Дорогой Никита Сергеевич!

Я не считал бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай.

Речь идет о поразительно талантливой повести А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы.

Это не только мое глубокое убеждение. К единодушной высокой оценке этой редкой литературной находки моими соредакторами по журналу «Новый мир», в том числе К.А.Фединым, присоединяются и голоса других видных писателей и критиков, имевших возможность ознакомиться с ней в рукописи.

Но в силу необычности жизненного материала, освещаемого в повести, я испытываю настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении.

Одним словом, дорогой Никита Сергеевич, если Вы найдете возможность уделить внимание этой рукописи, [1] я буду счастлив, как если бы речь шла о моем собственном произведении.

И хочу надеяться, что обращаясь с этой просьбой, я не злоупотребляю Вашим дорогим для меня добрым отношением.

А. Твардовский [2]

Помета: В архив

Тов. Хрущев Н. С. читал. Сказал, что вопрос о публикации этой повести надо будет обсудить на Президиуме ЦК. После этого соответствующие указания он даст сам товарищам, которые занимаются в ЦК КПСС вопросами литературы. Эту рукопись читал также и тов.Микоян А.И.

Сентябрь 1962 г.

Вл.Лебедев [3]

ЦХСД. Ф.5. Оп.30. Д.404. Л.138. Подлинник.

¹ Датируется по дневнику зав. отделом журнала «Новый мир» В. Я. Лакшина. — В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и полутное (1953–1964). М., 1991, С. 63.

ИНФОРМАЦИЯ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС
О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССМОТРЕНИЯ КАНДИДАТУР
НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ 1964 г.
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

20 апреля 1964 г.

ЦК КПСС

Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР докладывает о результатах рассмотрения кандидатур, представленных на соискание Ленинских премий в области литературы и искусства.

К участию в конкурсе всего было допущено 46 кандидатур. Из них 27 оставлено Комитетом для дальнейшего рассмотрения. В список для голосования включено 19 кандидатур.

В результате тайного голосования присуждены шесть Ленинских премий 1964 года: Гончару А.Т. за роман «Тронка»; Пескову В.М. за книгу «Шаги по росе»; Дейнеке А.А. за комплекс мозаичных работ «Красногвардеец», «Доярка», «Хорошее утро», «Хоккеисты»; Плисецкой М.М. за исполнение ролей в балетах советского и классического репертуара: Ростроповичу М.Л. за концертно-исполнительскую деятельность; Черкасову Н. К. за исполнение роли Дронова в кинофильме «Все остается людям».

В ходе работ Комитета обнаружались весьма существенные недостатки. Они проявились особенно резко при обсуждении повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В дискуссиях на секционных и пленарных заседаниях с большой активностью навязывались односторонние суждения об этой повести, делались попытки противопоставить повесть всей советской литературе как действительное выражение главной линии ее развития в настоящий период. Таковую точку зрения особенно активно проводил А. Твардовский.

В выступлениях А. Твардовского, Н. Зарьяна, М. Ульянова выразилось стремление придать дискуссии определенный политический характер. Необходимо заметить, что ход обсуждения стал известен за пределами Комитета, породив различного рода кривотолки и инсинуации среди некоторой части художественной интеллигенции.

Споры вокруг повести А. Солженицына приняли ненужную остроту и затянулись, а обсуждение остальных кандидатур проходило поспешно, поверхностно, вследствие чего в список для тайного голосования было внесено неоправданно большое число работ. При

баллотировке голоса разделились, и Комитету пришлось провести переголосование трех кандидатур – В. Пескова, А. Гончара, А. Дейнеки.

Недостатки в работе Комитета во многом объясняются слабой деятельностью его аппарата, который не обеспечил спокойного, нормального хода дискуссий. Обзор откликов был составлен тенденциозно, особенно по отношению к повести А.Солженицына.

На заключительном пленарном заседании многие члены Комитета критиковали деятельность аппарата и в частности ученого секретаря т. Васильева.

По окончательным результатам голосования замечаний не имеем. Полагали бы целесообразным лишь сформулировать решение Комитета о присуждении Ленинской премии Плисецкой М. М. следующим образом: «За исполнение ролей в балетах советского и классического репертуара на сцене Государственного Академического Большого театра Союза ССР».

Просим разрешить Комитету направить в ТАСС информацию о присуждении Ленинских премий для широкой публикации в печати.

Идеологический отдел ЦК КПСС дополнительно изучит итоги нынешней сессии Комитета по Ленинским премиям и доложит о мерах, необходимых для коренного улучшения его деятельности.

В. Снастин [4], В. Кухарский

Помета: ЦК КПСС

О согласии с решением Комитета на его публикацию в печати поставлены в известность председатель Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства т. Тихонов и зам.генерального директора ТАСС т. Вишнеvский.

Зав.сектором Идеологического отдела ЦК КПСС *В. Кухарский.*

21.IV.64 г.

ЦХСД. Ф.5. Оп.55. Д.99. Л. 31-32. Подлинник.

ЗАПИСКА ПРОКУРАТУРЫ СССР И КГБ ПРИ СМ СССР
О МЕРАХ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
АНОНИМНОГО ДОКУМЕНТА
С АНАЛИЗОМ ПОВЕСТИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
«ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

20 августа 1965 г.

Секретно

ЦК КПСС

Докладываем, что с осени 1964 года стало фиксироваться распространение среди некоторых групп творческой интеллигенции и молодежи анонимного документа, извращенно анализирующего основные идеи повести СОЛЖЕНИЦЫНА «Один день Ивана Денисовича». Имела место также попытка передать содержание этого документа за границу.

В анонимном документе автор стремится доказать, что повесть «Один день Ивана Денисовича» имеет важное значение, т.к. раскрывает не только жизнь конкретного исправительно-трудового лагеря, а является по существу отражением одного дня жизни советского общества. Он проводит прямую аналогию взаимоотношений, с одной стороны, между руководителями лагеря и заключенными, а с другой - между руководящими деятелями страны и населением; между положением заключенных и жизнью советских людей, непосильным трудом заключенных и «рабским» трудом советских трудящихся и т. д. Все это маскируется под изображение периода культа личности, хотя фактически налицо - явная критика социалистической системы.

Принятыми мерами установлено, что автором анонимного документа является ТЕУШ В. Л., 1898 года рождения, беспартийный, пенсионер, работавший ранее преподавателем математики, поддерживающий близкие отношения с писателем СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, его родственниками и окружением.

Проверка показала, что как ТЕУШ, так и его связи враждебно настроены по отношению к Советской власти и проявляют большую активность по перепечатке, хранению и распространению идейно-порочных произведений писателя СОЛЖЕНИЦЫНА. Последний, как выяснилось в ходе проверки ТЕУША, является убежденным врагом нашего строя и идейным противником марксизма-ленинизма. Занимаясь изготовлением антисоветских рукописей, он вынашивает намерение опубликовать их в дальнейшем за границей или же распространять на территории Советского Союза нелегальным путем.

Вместе с тем принятие мер по линии КГБ непосредственно в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА политически неоправдано, т. к. вызовет нежелательную для нас активность антикоммунистических элементов на Западе.

С учетом этого представляется целесообразным возбудить уголовное дело по факту распространения указанного выше анонимного документа, провести допросы ТЕУША и его связей, обыски в местах хранения рукописей ТЕУША и неопубликованных произведений СОЛЖЕНИЦЫНА и другие следственные действия, а затем решить вопрос о судебной или иной ответственности ТЕУША. [5]

Такая мера позволит пресечь вредную деятельность ТЕУША и связанных с ним лиц, неизбежно приведет к общественной изоляции СОЛЖЕНИЦЫНА, после чего можно будет решить вопрос о мерах по локализации его идейно-порочного влияния.

Просим рассмотреть.

Генеральный прокурор
Союза СССР
Р. Руденко

Председатель комитета
госбезопасности при СМ СССР
В. Семичастный

Резолюция: Согласиться. П. Демичев. А. Шелепин (думаю, что на это решение ЦК не требуется). Д. Устинов. Н. Подгорный. Ю. Андропов. А. Рудаков.

ЦХСД. Ф.5. Оп.47. Д.485. Л. 40-41. Подлинник.

**ЗАПИСКА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КП УЗБЕКИСТАНА Ш. Р. РАШИДОВА
О НАКАЗАНИИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА**

5 февраля 1966 г.

Секретно

ЦК КПСС

Писатель А. И. Солженицын давно клеветает на советскую действительность. Его повесть «Один день Ивана Денисовича» под видом развенчания культа личности дала пищу буржуазным идеологам для антисоветской пропаганды. И в других своих произведениях Солженицын руководствуется не мыслью служения народу, Родине, а чувством мести.

Его пьеса «Пир победителей» — от начала до конца антисоветское произведение. Оно раскрывает его лицо как врага советского строя, как врага нашей замечательной действительности.

Назрел вопрос о строгом наказании таких писателей. Ведь даже до революции антипатриотический поступок интеллигента, в том числе и писателя, считался преступлением. До каких же пор

такие люди, как Солженицын, будут чернить нашу советскую действительность, наносить вред делу коммунистического воспитания трудящихся? Считаю это в дальнейшем совершенно недопустимым.

Поэтому я просил бы ЦК КПСС определить для Солженицына меру наказания.

Секретарь ЦК Компартии Узбекистана *Ш. Рашидов*

С документом ознакомились и на полях документа расписались секретари ЦК КПСС Ю. Андропов, И. Капитонов, Ф. Кулаков, Б. Пономарев, А. Рудаков, М. Сулов, Д. Устинов, А. Шелепин.

ЦХСД. Ф.5. Оп.36. Д.155. Л.104. Подлинник.

ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС
ОБ ОБСУЖДЕНИИ ПОВЕСТИ
А. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»
В МОСКОВСКОМ ОТДЕЛЕНИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

22 ноября 1966 г.

ЦК КПСС

Считаем необходимым проинформировать о следующем.

В последнее время писатель А. Солженицын стал проявлять активную деятельность в Москве главным образом в среде научной и творческой интеллигенции. Через своих личных друзей А. Солженицын организовал в октябре с. г. встречу с сотрудниками в Институте атомной энергии им. Курчатова Академии наук СССР, на которой читал отрывки из неопубликованных своих произведений, в частности, из романов «В круге первом», «Раковый корпус» и пьесы «Свет, который в тебе». (Роман «Раковый корпус» ранее предлагался автором в «Новый мир» и был отвергнут редакцией журнала из-за серьезных идейно-художественных изъянов).

По инициативе А. Солженицына предпринимались попытки организации его выступлений в Институте элементо-органических соединений АН СССР, в фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР и в литературном архиве (тоже системы АН СССР). Эти выступления были предотвращены партийными организациями.

Как стало известно, А. Солженицын обратился в секцию прозы

Московского отделения Союза писателей РСФСР с просьбой обсудить рукопись его романа «Раковый корпус». Руководители секции т. т. Березко и Борщаговский приняли рукопись к рассмотрению, несмотря на то, что А. Солженицын не состоит на учете в Московской организации писателей, так как постоянно проживает в г. Рязани.

По сообщению руководства Московского отделения Союза писателей РСФСР (т. т. Михалков, Ильин) и парторга МГК КПСС т. Тельпугова, принимая роман к обсуждению, они имели в виду провести публичный разбор рукописи в плане острой, непримиримой критики и тем самым положить конец кулуарным разговорам вокруг этого произведения и распространению его в списках.

Обсуждение состоялось 14 ноября с. г., [6] но оно показало, что руководители Московского отделения Союза писателей отнеслись к его организации безответственно. Вместо намечавшихся 15-20 участников, ознакомленных с рукописью, на обсуждение пришло около ста человек, в том числе присутствовали и писатели, не состоящие на учете в Москве (например, В. Некрасов из Киева). Выступило 16 человек (т. т. Борщаговский, Асанов, Каверин, Винниченко, Медников, Кедрина, Сарнов, Кабо, Мальцев, Сажин, Карякин, Бакланов, Тагер, Славин, Турков, Березко).

Тон обсуждению был задан первыми ораторами писателями Борщаговским и Каверинным, которые поддержали произведение А. Солженицына. В остро критическом объективном плане выступили критик З. Кедрина, писатели Асанов и Винниченко, которые обратили внимание автора на серьезные идейные просчеты романа. Однако их замечания в дальнейшем не получили должной поддержки. Более того, критик Б.Сарнов в недопустимом оскорбительном тоне попытался ошельмовать выступление т. Кедринной. (Выпад Сарнова был осужден в речах т. т. Березко и Мальцева).

Плохая организация обсуждения сказались и в том, что на заседание пришли не все секретари Московского отделения (например, не было т. Михалкова), не обеспечены были и некоторые намеченные ранее критические выступления (например, секретаря СП РСФСР критика т. Панкова). Не сочли возможным выступить и присутствовавшие на обсуждении парторг МГК КПСС т. Тельпугов и секретарь Союза т. Ильин.

Отдел культуры ЦК КПСС считает ошибочным организацию обсуждения романа А. Солженицына в Московском отделении Союза писателей РСФСР.

Руководству Московской писательской организации т. т. Михалкову, Ильину, Тельпугову указано на недопустимость использования Московского отделения СП РСФСР для популяризации идейно-незрелых произведений Солженицына.

По сообщению секретаря МГК КПСС т. Шапошниковой, принимаются меры к тому, чтобы не допускать впредь подобных действий А. Солженицына. Имеется ввиду также обсудить в партийном порядке неправильное поведение некоторых писателей-коммунистов. [7]

Зав.Отделом культуры КПСС В. Шауро

На документе резолюция секретаря ЦК КПСС:

Считал бы необходимым обсудить этот вопрос на Секретариате. Андропов. 20.XII.66 г.;

и помета: т. Шауро В. Ф.

Вопрос обсуждался на заседании Секретариата ЦК 10.III.67 г.

Предложено правлению Союза писателей провести беседу с А. Солженицыным.

А. Алтаева. [8] 13.III.67 г.»

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.156. Л.159-161. Подлинник.

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ЦК КПСС ПО СВЯЗЯМ С КОММУНИСТИЧЕСКИМИ И РАБОЧИМИ ПАРТИЯ- МИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС ОБ УКАЗАНИЯХ СОВЕТСКОМУ ПОСЛУ НА КУБЕ

12 июля 1967 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Советское посольство на Кубе сообщает (телеграмма спец. № 635), что председатель Союза писателей и деятелей культуры Кубы Николас Гильен заявил о намерении руководства Союза опубликовать в кубинском журнале «Унион» письмо Солженицына, адресованное IV съезду писателей СССР. [9]

Гильен просил Союз писателей СССР прислать какое-либо разъяснение или материалы по этому вопросу, которые могли бы быть опубликованы вместе с письмом Солженицына.

Отделы ЦК КПСС считают целесообразным поручить совпослу на Кубе высказать Н. Гильену от имени Союза писателей СССР нашу точку зрения на эту провокационную выходку Солженицына, отношение к ней со стороны виднейших писателей Советского

Союза, отметив при этом, что публикация письма Солженицына на Кубе не способствовала бы укреплению дружественных отношений между советскими и кубинскими творческими организациями.

О просьбе Н. Гильена считаем целесообразным информировать ЦК КП Кубы.

Текст указаний совпослу прилагается.

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом ЦК КПСС по
связям с коммунистическими и
рабочими партиями
социалистических стран
О. Рахманин

Зам. зав. Отделом
культуры ЦК КПСС

С.Ю. Мелентьев

Резолюция: Согласиться. М. Суслов. П. Демичев. И. Капитонов. Ф. Кулаков.

Приложение.

Гавана

СОВПОСОЛ

На N635.

В связи с просьбой Гильена сообщите ему следующее:

«В Союзе писателей СССР письмо Солженицына рассматривают как продуманный провокационный выпад против Союза писателей и советской литературы вообще. Это мнение разделяют Федин, Шолохов, Сурков, Твардовский, Полевой, Симонов и другие виднейшие писатели страны. Они считают, что Солженицын этим письмом хотел помешать нормальной работе съезда писателей, внести разлад в писательские ряды и дать буржуазной пропаганде новый повод для антисоветских выступлений. Они отмечают также, что письмо основано на клевете и провокационных вымыслах.

В ближайшее время секретариат правления СП СССР в соответствии с поручением IV съезда писателей СССР рассмотрит письмо Солженицына в присутствии автора и сделает необходимые выводы.

Руководство Союза считает, что публикация письма в кубинской печати вряд ли может явиться акцией, способствующей укреплению дружественных отношений между нашими писательскими организациями.»

При случае проинформируйте об этом ЦК КП Кубы.

Помета: Справка

Телеграмма передана в Гавану 14.VII.67 г. от имени Союза писателей.

Союзу писателей (г. Воронков) сообщено.

15.VII.67 г.

Зав.сектором *А. Лоцаков.*

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.945. Л. 110-111. Подлинник.

**ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС
О РАССЫЛКЕ В ПАРТИЙНЫЕ КОМИТЕТЫ
ИНФОРМАЦИИ
«О ПОВЕДЕНИИ И ВЗГЛЯДАХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА»**

13 июля 1967 г.

ЦК КПСС

В связи с письмом А. Солженицына на имя IV съезда писателей СССР антикоммунистическая пропаганда развернула шумную провокационную кампанию. Письмо передается враждебными радиостанциями на русском языке с прямым расчетом оказать определенное влияние на советскую творческую интеллигенцию.

В Отдел культуры ЦК КПСС обращаются секретари партийных комитетов с просьбой проинформировать о поведении и взглядах А. Солженицына.

В связи с этим Отделом подготовлена записка, текст которой прилагается. [10]

Считали бы целесообразным разослать записку в ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии для ознакомления членов ЦК, крайкомов и обкомов КПСС. Также было бы полезным ознакомить с запиской совпослов.

Просим согласия.

Зав. отделом ЦК КПСС *В. Шауро*

Помета: На заседании Секретариата ЦК КПСС от 18.VII.1967 г. ограничились обменом мнениями. Тов. Туманова [11] на заседании присутствовала.

19.VII.1967 г

А. Алтаева.

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.224. Л.2. Подлинник.

ЗАПИСКА КГБ ПРИ СМ СССР
О РАСПРОСТРАНЕНИИ
СРЕДИ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ г. ОБНИНСКА
РУКОПИСИ РОМАНА
А. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

31 июля 1967 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности докладывает, что, по полученным данным, проживающие в г. Обнинске Калужской области кандидат биологических наук Института медицинской радиологии МЕДВЕДЕВ Жорес и его близкий знакомый ПАВЛЕНЧУК Валерий приступили к размножению на пишущих машинках неопубликованного романа А. СОЛЖЕНИЦЫНА «В круге первом» с целью распространения его среди научных сотрудников г. Обнинска. Для этой же цели планирует свою поездку в Обнинск научный сотрудник Института истории АН СССР ЯКИР Петр Ионович, который известен как участник ряда антиобщественных проявлений и выступающий с политически вредными заявлениями.

Учитывая, что роман А. СОЛЖЕНИЦЫНА «В круге первом» является политически вредным произведением, в случае выезда ЯКИРА в Обнинск и получения им экземпляров романа считали бы необходимым ЯКИРА П. И. задержать и изъять у него эти рукописи, а в отношении МЕДВЕДЕВА Ж. поручить Обнинскому горкому КПСС принять меры к пресечению его антиобщественной деятельности.

Прошу рассмотреть.

Председатель комитета госбезопасности *Андропов*

Резолюция: Согласиться. М. Сулов. П. Демичев. А. Кириленко. Б. Пономарев. За - Д. Устинов.

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.952. Л.25. Подлинник.

**ЗАПИСКА КГБ ПРИ СМ СССР И ПРОКУРАТУРЫ СССР
ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ СООБЩЕНИЯ
ОБ ИЗЪЯТИИ ОРГАНАМИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ЛИТЕРАТУРНОГО АРХИВА А. СОЛЖЕНИЦЫНА**

14 августа 1967 г.

Секретно

ЦК КПСС

В последние годы реакционной буржуазной, а также антисоветской эмигрантской печатью на Западе уделяется много внимания **СОЛЖЕНИЦЫНУ А. И.**

Факты жизни и творчества **СОЛЖЕНИЦЫНА**, разбавленные слухами и измышлениями, используются в обработке общественного мнения капиталистических стран и враждебной пропаганде против СССР.

В настоящее время с использованием имени **СОЛЖЕНИЦЫНА** поднята антисоветская кампания вокруг его «Письма IV съезду советских писателей», в котором клеветнически освещаются положение дел в советской литературе и вопрос о произведениях самого **СОЛЖЕНИЦЫНА**.

Письмо **СОЛЖЕНИЦЫНА** было напечатано большинством буржуазных и эмигрантских изданий и передано всеми крупнейшими радиостанциями Запада, специализирующимися на проведении антисоветской пропаганды, кроме того, текст письма был размножен антисоветской эмигрантской организацией НТС в виде листовки, которую пытаются засылать на территорию СССР. Все это дезориентирует мировое общественное мнение и порождает кривотолки в среде советской общественности.

В связи вышеизложенным полагаем целесообразным опубликовать в газете «Известия» сообщение Прокуратуры Союза ССР о том, что утверждения об изъятии органами госбезопасности литературного архива Солженицына являются вымышленными, и показать в нем истинное положение дел с учетом документальных данных, полученных в ходе следствия по уголовному делу в отношении автора и распространителя анонимных документов пенсионера Теуша В. Л., 1898 года рождения, в прошлом преподавателя математики, у которого действительно были изъяты машинописные копии некоторых неопубликованных произведений **СОЛЖЕНИЦЫНА**.

Проект сообщения прилагается.

Председатель Комитета госбезопасности Союза ССР
Ю. Андропов

Генеральный прокурор
Р. Руденко

Помета: Вопрос с рассмотрения снят на заседании Секретариата ЦК КПСС от 23.VIII.67 г. Тов. Андропов на заседании присутствовал. Тов. Руденко Р. А. сообщено.

23.VIII.67 г.

А. Алтаева

Приложение

ПРОЕКТ СООБЩЕНИЯ В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» В ПРОКУРАТУРЕ СССР

В последнее время на Западе широко распространяется заявление писателя Солженицына А. И. о том, что у него какое-то время тому назад органами власти якобы конфисковали авторский архив рукописей его неизданных произведений.

Прокуратурой установлено, что ничего похожего на это утверждение в жизни не было. Речь может идти о следующем. В сентябре 1965 года в Москве по факту совершенного преступления был выявлен гражданин Теуш, 1898 года рождения, пенсионер, ранее преподаватель математики. При обыске в его квартире среди сочиненных им антисоветских пасквилей были изъяты отпечатанные на машинке копии неизвестных произведений.

При проверке выяснилось, что Теуш хранил у себя разного рода литературные перепечатки, в том числе копии некоторых произведений Солженицына: нового романа, авторский экземпляр которого в то время находился на рассмотрении в редакции одного из московских журналов, а также ряда рассказов к тому времени уже напечатанных за границей в белоэмигрантском журнале, специализирующемся на публикации антисоветской страпни.

Так обстояло дело. Попытка выдать все это за якобы имеющее место в СССР преследование писателя Солженицына является ничем иным, как дезинформацией общественного мнения.

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.243. Л. 33-35. Подлинник.

ПИСЬМО К. ФЕДИНА О ПУБЛИКАЦИИ
В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» СТАТЬИ
«ИДЕЙНАЯ БОРЬБА. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ»

10 июня 1968 г.

ЦК КПСС

В последнее время на страницах зарубежной буржуазной печати и в радиопередачах западных станций вновь склоняется на все лады имя писателя А. Солженицына, в связи с опубликованием на Западе его повести «Раковый корпус» и целым рядом его писем и материалов, по обыкновению разосланных Солженицыным во многие адреса. По поводу этих публикаций А. Солженицын обратился в редакцию «Литературной газеты».

Посоветовавшись у себя в Секретариате, мы пришли к убеждению, что в данной обстановке следовало бы «Литературной газете» выступить с большой редакционной статьей, одновременно опубликовав и заявление А. Солженицына. Нам думается, что жанр публицистической статьи, охватывающей целый круг проблем идеологической борьбы, наиболее оправдан. Коммюнике о заседании Секретариата, на котором обсуждалось письмо А. Солженицына IV съезду писателей, выглядело бы теперь запоздалым, да и возникли совершенно новые обстоятельства. К тому же публиковать материал, относящийся лишь к одному Солженицыну, значило бы придавать непомерно большое значение его личности. Мы полагаем, что статья, которая помогла бы читателям составить верное представление о ведущихся из-за рубежа идеологических атаках на литературном фронте, о подлинной роли советских писателей в этой борьбе, о позитивной работе Союза писателей СССР, на фоне которой недостойные поступки отдельных литераторов выглядели бы как нечто совершенно чуждое общей атмосфере нашей творческой и политической жизни — такая статья была бы весьма своевременной. И ни в каком ином документе, кроме такой статьи, свести воедино все наиболее острые проблемы, возникающие сегодня в литературе, по нашему мнению, невозможно.

Проект названной статьи и текст заявления А. Солженицына [12] прилагаем. Считаем целесообразно опубликовать весь этот материал в ближайшем номере «Литературной газеты».

Просим согласия.

Первый Секретарь Правления
Союза писателей СССР

Конст. Федин

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.377. Л.141. Подлинник.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ
СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

14 июня 1968 г.

Совершенно секретно

№ Ст-53/16с

Письмо первого секретаря правления Союза писателей СССР
т. К. Федина

Согласиться с предложением т. К. Федина, изложенным в его
письме в ЦК КПСС от 10 июня т. г.

Секретарь ЦК КПСС

ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.377. Л.139. Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ КГБ ПРИ СМ СССР
О ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»
О А. СОЛЖЕНИЦЫНЕ

25 июля 1968 г.

Секретно

ЦК КПСС

По имеющимся в Комитете госбезопасности данным, опубликованная 26 июня в «Литературной газете» статья «Идейная борьба». Ответственность писателя» стала предметом оживленного обсуждения среди творческой интеллигенции. Наиболее острую реакцию вызвали положения, связанные с упоминанием имени СОЛЖЕНИЦЫНА и КАВЕРИНА.

Подавляющая часть творческих работников встретила статью с одобрением, считая, что она дает принципиальную оценку политически сомнительным поступкам отдельных писателей и своевременно ставит вопросы о повышении политической бдительности в условиях резко обострившейся идейной борьбы.

Характерными являются высказывания следующих представителей творческой интеллигенции:

Поэт И.ХАРАБАРОВ: «Статья написана достаточно остро и решительно. Мы должны знать, что дело не так уж благополучно: в ряде случаев иные писатели сами дают повод для фальсификации их высказываний и не дают отпор зарубежным изданиям, в частности

В. КАТАЕВ. А что уж говорить о **ЕВТУШЕНКО** и **ВОЗНЕСЕНСКОМ**».

Скульптор **Э. НЕИЗВЕСТНЫЙ:** «Наконец, заговорили о личности **СОЛЖЕНИЦЫНА**, деятельность которого нуждается в официальной оценке. До сего времени все, что исходило непосредственно от него, принималось в литературных кругах за должное и правдивое. Взять хотя бы его заявление о незаконном изъятии официальными органами его личного архива. Этому верила значительная часть московской интеллигенции и только конкретное разъяснение по этому вопросу дает статья в «Литературной газете».

Критик **С. ТРЕГУБ:** «Опубликование статьи кладет конец сплетням и недомолвкам, и это очень хорошо».

У отдельных творческих работников статья вызвала отрицательную реакцию.

Писатель **Ю. БОНДАРЕВ:** «Статья написана неубедительно. Как можно сейчас, два года спустя упоминать о письме **СОЛЖЕНИЦЫНА** в адрес съезда писателей, когда все из заграничного радио знают его содержание. Меня не удовлетворяет и бездоказательность вины **СОЛЖЕНИЦЫНА** в том, что зарубежная пропаганда использовала его имя и сочинения».

Прозаик **Н. ЖДАНОВ:** «Статья не убедительная, состоящая из одних только эпитетов – очень страшных и громких».

Прозаик **Г. ФИШ:** «Нашим недоброжелателям дали такой козырь, перед которым легенды «Огонька» о том, что **МАЯКОВСКОГО** довели до самоубийства евреи, меркнут. У **СОЛЖЕНИЦЫНА** за рубежом твердая репутация не только мученика, но и великолепного писателя. Там ведь знают, как о нем говорили **ТВАРДОВСКИЙ** и другие. И сегодня такие грубые и безапелляционные нападки на **СОЛЖЕНИЦЫНА** – это только во вред нам и на пользу зарубежной пропаганде».

В разных формах отрицательно отозвались о статье писатели **Ю. ЯКОВЛЕВ**, **Г. БАКЛАНОВ**, **М. МАТУСОВСКИЙ**, кинорежиссер **Э. РЯЗАНОВ**, критик **З. БОГУСЛАВСКАЯ**, литературовед **А. ДЕМЕНТЬЕВ**.

В определенной степени негативное восприятие статьи некоторыми литераторами обусловлено их сочувствием **КАВЕРИНУ**. Они считают, что **КАВЕРИН** не напечатал ни строчки политически сомнительного характера и потому не заслужил такого отношения к себе. **А. РЫБАКОВ**, **Е. ЕВТУШЕНКО**, **А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ** выразили **КАВЕРИНУ** поддержку, желая ободрить его. Сам **КАВЕРИН**, хотя и пытается бравировать на людях, переживает случившееся, душевно подавлен и через **ЧУКОВСКОГО**, **ТВАРДОВСКОГО** и других лиц, которым передавал для ознакомления свое письмо **ФЕДИНУ**, [13] пытается выяснить, каким образом оно попало на Запад.

Друзья **СОЛЖЕНИЦЫНА** дают отрицательную оценку статье, хотя она и рассматривается как «лучший вариант», поскольку в ней «нет угроз в адрес **СОЛЖЕНИЦЫНА** и не поднимается вопрос

об исключении его из Союза писателей». Предполагается, однако, что статья лишь начало «наступления» на СОЛЖЕНИЦЫНА и призвана подготовить общественное мнение к дальнейшим более резким мерам.

С ведома СОЛЖЕНИЦЫНА близкие к нему лица, будучи не в силах опровергнуть принципиальных положений статьи, намерены организовать кампанию в его защиту, В частности, намерены распространить решение Верховного Суда о реабилитации СОЛЖЕНИЦЫНА с припиской «В ответ на новую и будущую клевету».

Кроме того, по оперативным данным известно, что упоминаемый в статье ТЕУШ под давлением сестры жены СОЛЖЕНИЦЫНА ТУРКИНОЙ написал в «Литературную газету» заявление, в котором вопреки фактам, пытается опровергать выдвинутые в статье против него обвинения, требуя опровержения.

Что касается СОЛЖЕНИЦЫНА, то его позиция по поводу статьи открыто не проявилась. В настоящее время, по полученным данным, СОЛЖЕНИЦЫН заканчивает работу над новой рукописью объемом около 1.500 машинописных листов о важнейших этапах развития нашего государства в 1917-1960 годах под названием «Архипелаг Гулаг».

Сообщаем в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*

С документом ознакомились и на полях расписались секретарь ЦК КПСС П. Демичев и руководители отдела культуры ЦК КПСС В. Шауро и З. Туманова.

ЦХСД. Ф.5. Оп.60. Д.60. Л.103-105. Подлинник.

**ЗАПИСКИ ГЛАВЛИТА СССР
О ЗАДЕРЖАНИИ БАНДЕРОЛЕЙ ИЗ США
С МАТЕРИАЛАМИ ОБ ИЗБРАНИИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
ПОЧЕТНЫМ ЧЛЕНОМ АМЕРИКАНСКОЙ АКАДЕМИИ
ИСКУССТВ И НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА-
ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ**

28 апреля 1969 г.

Секретно

ЦК КПСС

При контроле литературы, поступающей в Советский Союз из-за границы, Главным управлением задержана бандероль, направленная А. Солженицыну (гор. Рязань) английским издательством

«Бодли хед». В бандероли содержится следующее письмо Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы, подписанное президентами этих организаций Джоржем Ф. Кеннаном и Ульямом Максуэлом:

«Уважаемый господин Солженицын, мы имеем честь сообщить Вам, что Американская академия искусств и литературы и национальный институт искусств и литературы избрали Вас почетным членом обеих организаций. Почетное членство академии присваивается решением этих организаций художникам, писателям и композиторам, не являющимся гражданами США, служение которым искусству с благодарностью признается их коллегами в нашей стране. Я верю, что буду иметь удовольствие передать членам обеих организаций Ваше согласие принять их приглашение.

Мы посылаем Вам ежегодник академии и института и брошюру, в которой рассказывается о деятельности и задачах этих организаций, правах и привилегиях почетных членов.

После получения Вашего согласия академия и институт постараются организовать через государственный департамент вручение Вам американским послом памятных знаков и диплома о присвоении почетного звания».

К письму приложен, кроме ежегодника и брошюры, список членов и почетных членов академии и института.

В целях информации направляем упомянутое письмо, а также поступившие вместе с ним материалы. [14]

Приложение: по тексту – письмо, ежегодник, брошюра и список членов академии и института.

Начальник Главного управления по охране
государственных тайн в печати
при Совете Министров СССР

П. Романов

25 июня 1969 г.

Секретно

ЦК КПСС

Главное управление письмом от 28 апреля с.г. докладывало ЦК КПСС о задержании бандероли, потупившей из США в адрес Союза писателей, где сообщалось о избрании А. Солженицына почетным членом Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы.

В настоящее время в адрес Союза писателей СССР из США поступила бандероль, в которой содержится: Диплом об избрании Солженицына почетным членом Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы США;

Ежегодник этих американских организаций со статусами их почетных членов; Письмо Солженицыну о мотивах его избрания в почетные члены названных американских организаций; Обращение в Союз писателей СССР помощника президентов обеих американских организаций просьбой вручить Солженицыну диплом и напомнить ему, что от него до сих пор не получено подтверждение о том, что ему известно об избрании в почетные члены, состоявшемся 19 марта 1969 г.

Текст диплома таков: Американская академия искусств и литературы, Национальный институт искусств и литературы, признавая большие достижения в области искусств Александра Исаевича Солженицына, избрали его почетным членом.

Нью-Йорк
май 1969 г.

президент Академии
Джордж Кеннан

президент института
Уильям Макссуэл

В письме-посвящении Солженицыну о мотивах его избрания говорится: «Посвящение Александру Исаевичу Солженицыну.

Писатель большого диапазона и понимания современной социальной жизни, чье воображение, гуманность и сила напоминают о гении его предшественников – писателей XIX века, великих русских мастеров романа».

Указанная бандероль нами задержана. Прошу указаний. [15]

Начальник Главного Управления по охране
государственных тайн в печати
при Совете Министров СССР

П. Романов

ЦХСД.Ф. 5.Оп. 61.Д. 82.Л. 211-215. Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ КГБ ПРИ СМ СССР О РЕАКЦИИ А.СОЛЖЕНИЦЫНА НА ЕГО ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

7 ноября 1969г.

Совершенно секретно

ЦК КПСС

В Комитет госбезопасности поступили данные о реакции СОЛЖЕНИЦЫНА на его исключение из членов Союза писателей. По окончании собрания Рязанского отделения Союза писате-

лей 4 ноября 1969 года СОЛЖЕНИЦЫН связался по телефону с редактором отдела прозы журнала «Новый мир» БОРИСОВОЙ И. П. и, сообщив о происшедшем, просил позвонить ТВАРДОВСКОМУ, но не для того, чтобы он сейчас что-нибудь предпринимал. На приглашение приехать в Москву 5 ноября в Союз писателей РСФСР СОЛЖЕНИЦЫН заявил, что торопиться с выездом не намерен.

О передачах иностранного радио, сообщившего об исключении его из Союза писателей, СОЛЖЕНИЦЫН осведомлен.

Вместе с тем известно, что выступающий в поддержку СОЛЖЕНИЦЫНА ЯКИР усиленно муссирует обстоятельства исключения среди сочувствующих ему лиц.

В разговоре с иностранцем по имени ФРЭНК (видимо, аккредитованный в Москве американский корреспондент газеты «Чикаго трибюн» ФРЭНК СТАРР) ЯКИР прямо дал понять, что окончательное решение о СОЛЖЕНИЦЫНЕ будет зависеть от позиций Запада, заявив иностранцу: «Если в мире поднимется большой шум, может быть, они переиграют эту штуку.»

Сообщаем в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов

Пометы: Тов. Демичеву П. Н. М. Сулов

Справка

Руководство Отдела культуры ЦК КПСС т. т. Шауро, Туманова и Мелентьев с информацией ознакомились.

Зав. секретариатом

Отдела культуры ЦК КПСС

Г. Дьяконов

17.XI.69 г.

ЦХСД.Ф. 5.Оп. 61.Д. 82.Л. 365.Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОРКОМА КПСС О СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ И ПАРТКОМА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

28 ноября 1969 г.

ЦК КПСС

В целях информации сообщаем, что 26 ноября с.г. состоялось совместное заседание секретариата правления и партийного комитета Московской организации Союза писателей РСФСР с активом

писателей, на котором была заслушана информация об исключении из Союза писателей СССР А. Солженицына. Сообщения по этому вопросу сделали председатель правления Союза писателей РСФСР тов.Л. Соболев и секретарь Союза писателей СССР тов.К. Воронков.

На заседании выступили писатели: т. т. Г. Березко, И. Соболев, И. Ринк, Л. Карелин, А. Васильев, Л. Фоменко, Ю. Чепурин, И. Винниченко, М. Луконин, А. Алексин, Л. Якименко, Я. Цветов, С. Васильев, А. Самсония, Г. Радов, Б. Егоров, В. Маевский, Л. Кассиль, К. Поздняев, В. Ильин, С. Михалков и другие, всего 22 человека.

Все выступавшие с возмущением говорили о позорном поведении А. Солженицына, о том, что он грубо игнорировал мнение писательской общественности, советских людей, его книги, изданные за рубежом, являются клеветой на советскую действительность, советский народ, широко используются буржуазной пропагандой в борьбе против Советского Союза, коммунистической идеологии. Многие выступавшие подчеркивали, что поведение А. Солженицына вышло за рамки литературы и должно квалифицироваться как предательство Родины, что А. Солженицын потерял чувство политической ответственности за свое поведение, поставив таким образом, себя вне Союза писателей СССР.

Писатели высказали полное согласие с заявлением секретариата Союза писателей РСФСР, опубликованном в «Литературной газете» 26 ноября с.г., о том что Солженицына никто не будет задерживать, если он захочет уехать из нашей страны.

Во многих выступлениях подчеркивалась необходимость дальнейшего усиления идейно-политической и воспитательной работы среди писателей, воспитания у них чувства высокой ответственности за свое творчество перед партией и народом.

Многие писатели высказали мнение о необходимости повышения требовательности к писателям, систематически нарушающим Устав Союза писателей СССР, и в этой связи вносили предложения рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего пребывания в Союзе писателей СССР таких литераторов, как Л. Чуковская, Л. Копелев, С. Бабенышева, деятельность которых противоречит требованиям Устава Союза писателей СССР.

Говоря о повышении ответственности за качество публикуемых материалов, многие выступавшие подвергли резкой критике журнал «Новый мир», способствовавший в свое время популяризации творчества А. Солженицына.

Заседание единодушно приняло резолюцию, в которой выражены полная поддержка и одобрение решений Рязанской писательской организации и секретариата правления Союза писателей РСФСР об исключении А. Солженицына из членов Союза писателей СССР.

Секретариат и партийный комитет Московской организации

Союза писателей РСФСР наметили мероприятия по усилению воспитательной работы среди писателей. [16]

Секретарь МГК КПСС

В. Гришин

ЦХСД.Ф. 5. Оп. 61. Д. 82. Л. 408-410. Подлинник.

**ИНФОРМАЦИЯ КГБ ПРИ СМ СССР
О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПИСЬМА А. СОЛЖЕНИЦЫНА
«ВОТ КАК МЫ ЖИВЕМ»**

23 июня 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности располагает данными, что среди антиобщественных элементов получил распространение документ антисоветского содержания под названием «Вот как мы живем», датированный 15 июня 1970 г., под которым стоит подпись А. СОЛЖЕНИЦЫНА (текст документа прилагается, орфография автора сохранена).

Указанный документ 17 июня 1970 года опубликован в газете «Нью-Йорк таймс» и стал использоваться в передачах зарубежных радиостанций. При этом в сообщениях западной печати и радио подчеркивается, что СОЛЖЕНИЦЫНУ оказывает поддержку известный виолончелист М. РОСТРОПОВИЧ, предоставив ему собственную дачу.

Действительно, после исключения из Союза писателей СОЛЖЕНИЦЫН длительное время проживает на даче РОСТРОПОВИЧА (станция Ильинское Одинцовского района Московской области) и пользуется его услугами.

Известно также, что за несколько дней до изготовления пасквиля «Вот как мы живем» СОЛЖЕНИЦЫН имел встречу с автором рукописи клеветнического содержания «Перед судом истории» Р. МЕДВЕДЕВЫМ, который пытается спровоцировать шумиху в связи с помещением своего брата Ж. МЕДВЕДЕВА в психиатрическую больницу.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов

ЦХСД.Ф. 5. Оп. 62. Д. 83. Л. 277. Подлинник.

ЗАПИСКА КГБ ПРИ СМ СССР И ПИСЬМО
А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА – А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

24 июля 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

При этом направляется полученная оперативным путем копия письма А. СОЛЖЕНИЦЫНА А. ТВАРДОВСКОМУ, в котором сообщается о завершении СОЛЖЕНИЦЫНЫМ работы над новым романом «Август четырнадцатого» из эпохи первой мировой войны.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов

Дорогой Александр Трифонович!

Очень рад был Вашей отзывной телеграмме (только сейчас мне ее переслали), тем более, что юбилейный распорядок не оставляет времени отвечать каждому. Не огорчение, что многие взгляды расходятся, в этом и развитие. Да ведь самая простая задача – что совершится завтра? – недоступна никакому мудрецу, сильнеешие умы иногда и на неделю вперед не видели – как же людям не спорить и не разногласить?

Что в телеграмму как-то не помещалось, а сейчас хочется сказать: рану, которую так несправедливо нанесли Вам разрушением «Н.Мира» и еще подтравлили содержанием юбилейных статей [17] – рану эту пустите зажить скорей! Прошлого все равно никто не вычеркнет, а от боли ее – Вам только боль. Все еще обновится, возродится, вынырнет.

Я кончил 1-ю редакцию «Августа четырнадцатого», теперь уже начал 2-ю. Очень велика получилась вещь – больше «Ракового корпуса» – и это меня смущает. Таких только военных глав, как Вы читали 12, получилось 46, да еще «мирных» 18. Боюсь, что от военных глав читатель будет обалдевать, скучать. И как будто нигде не размазал, все плотно писал. Может быть есть какая-то ошибка во всей методике, в первоначальном замысле. Если будем живы и одолеем 2-ю редакцию – где-нибудь в октябре попрошу Вас почитать, ладно?

Обнимаю и целую Вас!

Ваш А. Солженицын.

Верно: Начальник 5 Управления КГБ при СМ СССР *Бобков*

С документом ознакомились и расписались секретари ЦК КПСС А. Кириленко и Б. Пономарев.

ЦХСД.Ф. 5.Оп. 62.Д. 83.Л. 301-302. Подлинник.

**ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ СОТРУДНИКОВ ПОСОЛЬСТВА
СССР В ГДР С ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА
КУЛЬТУРЫ ГДР К. ФРИДРИХ И ПРЕЗИДЕНТОМ
ПЕН-КЛУБА ГДР ПРОФЕССОРОМ Х. КАМНИТЦЕРОМ**

7 августа 1970 г.

Из дневника А. Давиддьяна и О. Раевича

31 августа с.г. были приглашены в Министерство культуры ГДР и беседовали с К. Фридрих и Х. Камнитцером, которые проинформировали нас о следующем.

Руководству Пен-клуба ГДР стало известно о намерении Исполнительного комитета международного Пен-Центра обсудить на предстоящем конгрессе указанной организации (в Эдинбурге, Шотландия в октябре 1970 г.) вопрос об избрании А. Солженицына почетным членом международного Пен-Центра. По информации Камнитцера, это предложение было сделано венгерским новеллистом-эмигрантом Паулем Табори, проживающим в Великобритании, который действовал, как подчеркнул Камнитцер, по поручению некоторых членов Пен-Центра, считающих, что эта мера окажет поддержку Солженицыну, который якобы подвергается (в Советском Союзе) притеснениям. Предварительная попытка обсудить вопрос об избрании Солженицына почетным членом вызвала, по словам собеседников, возражение со стороны других членов международной организации писателей. Американский новеллист Джон Чивер заявил о том, что утверждения о преследовании Солженицына в СССР не обоснованы и не доказаны. Французский писатель Ив Гандон отметил, что принятие такой резолюции «было бы опасной акцией» и предложил перенести обсуждение этого вопроса в Исполнительный комитет Пен-Центра. Табори был вынужден временно снять свое предложение. На закрытом заседании Пен-Центра председательствовавший американский писатель Чарльз Б. Флуд обратился к делегатам с предложением изучить вопрос о том, «не принесет ли Солженицыну вреда его избрание почетным членом».

Как сообщил секретариат Пен-Центра, отметил Камнитцер,

этот вопрос будет обсуждаться на следующем конгрессе в Эдинбурге.

В связи с вышеизложенным Камнитцер подчеркнул, что ГДР, являющийся членом международного Пен-Центра, выступит против этого предложения и попытается сорвать обсуждение предложения Табори.

Руководство Пен-клуба ГДР разрабатывает в настоящий момент варианты возможной аргументации по этому вопросу. Камнитцер сказал также, что его очень интересуют соображения советской стороны и он рассчитывает еще до начала конгресса в Эдинбурге получить информацию от Союза писателей СССР, которая могла бы помочь либо сорвать постановку вопроса о Солженицыне еще до обсуждения в Эдинбурге, или, если дело дойдет до обсуждения, добиться наименьшего резонанса в буржуазной печати и среди общественности. Это тем более необходимо, по словам Камнитцера, что даже некоторые социалистические страны-члены международного Пен-Центра занимают по этому вопросу неясную позицию (ВНР, ЧССР, Югославия)... [18]

2-й секретарь Посольства СССР в ГДР   А. Давидьян

3-й секретарь Посольства СССР в ГДР   О. Раевич

ЦХСД.Ф. 4.Оп. 20.Д. 770.Л. 82-83. Заверенная машинописная копия

ЗАПИСКА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР О РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСА О МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

14 октября 1971 г.

Секретно

ЦК ПСС

Длительное время на даче народного артиста СССР Ростроповича М. Л. в деревне Жуковке Одинцовского района Московской области проживает писатель Солженицын А. И. В связи с тем, что у него там нет прописки, он подлежит административному выселению.

Солженицыну неоднократно предлагалось выехать на прежнее место жительства в г. Рязань, но он категорически отказывается, мотивируя это тем, что рязанская квартира занята его прежней женой и его родственниками. Отказывается он также поселиться на своем садовом участке в Наро-Фоминском районе Московской обла-

сти, заявляя, что в фанерном домике нельзя жить в холодное время года, а устройство в нем отопления и тем более постройка нового жилого дома вместо существующего противоречили бы установленному порядку.

Солженицын, не расторгнув прежнего брака, фактически создал вторую семью. Вторая жена его, от которой он имеет ребенка, проживает в Москве, и Солженицын, ссылаясь на действующее законодательство, настаивает на том, чтобы его прописали на ее жилплощади, но ему в прописке отказывается.

Этот факт, как и некоторые другие обстоятельства личной жизни Солженицына, имеющего известность среди определенных кругов интеллигенции Запада, широко используется враждебной пропагандой для нагнетания антисоветизма и нападок на престиж органов государственной власти СССР.

Просим поручить соответствующим органам рассмотреть вопрос о месте жительства Солженицына. [19]

Министр внутренних дел СССР

Н. Щелоков

ЦХСД.Ф. 4.Оп. 22.Д. 1837.Л. 93.Подлинник.

ЗАПИСКА СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА О ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СВЯЗИ С ПИСЬМОМ А.СОЛЖЕНИЦЫНА ПАТРИАРХУ ПИМЕНУ

4 апреля 1972 г.

Секретно

ЦК КПСС

Ряд зарубежных радиостанций передал клеветническое письмо А. Солженицына, направленное против русской православной церкви и порочащее Патриарха Московского и Всея Руси Пимена за его материальную поддержку, оказанную Советскому движению за мир. [20] Письмо Солженицына объективно преследует цель помешать участию религиозных деятелей в движении за мир.

Считали бы целесообразным выступление в «Литературной газете» с письмом группы религиозных деятелей-участников движения за мир.

Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (т. Куроедов В. А.) поддерживает это предложение.

Проект письма, с которым группа религиозных деятелей – членов Советского комитета защиты мира могла бы выступить в «Литературной газете», прилагается.

Просим указаний. [21]

Ответственный секретарь
Советского комитета защиты мира

М. Котов

Помета: Справка

Тов. Котов свое предложение снял.

Зам. зав. Отделом пропаганды
ЦК КПСС 29 мая 1972 г.

В. Мелентьев

Приложение

Проект

По поводу клеветнических наветов А. Солженицына

Письмо группы религиозных деятелей – участников движения за мир

Просим редакцию «Литературной газеты» опубликовать наше письмо по следующему поводу.

Мы узнали, что некоторые зарубежные радиостанции, снижавшие недобрую славу проповедников всяческих наветов на нашу Родину, недавно передали новый пасквиль небезызвестного А. Солженицына, полный клеветы на русскую православную церковь и ее главу патриарха Московского и всея Руси Пимена.

Что же и на этот раз не устраивает А. Солженицына, недостойную хулу которого против родного отечества быстро подхватывают за рубежом все наши недруги?

Оказывается, А. Солженицына не устраивает благородное деяние Патриарха в защиту мира. Он усматривает в действиях патриарха на поприще защиты мира нарушение религиозного обета. А. Солженицын осуждает Патриарха за оказание материальной поддержки делу защиты мира. Советские сторонники мира, в их числе и верующие, с большой признательностью отметили недавно благородный акт Патриарха, который передал в Советский фонд мира собранные в церквях суммы денег на цели укрепления мира и на сохранение памятников русской культуры.

А. Солженицыну это не нравится, и больше того, коробит его. Он упрекает Патриарха за то, что тот, как утверждает Солженицын, «миллионные суммы жертвует на посторонние фонды».

Итак, Фонд мира, в который советские люди с большой

любовью вносят свой вклад — является для Солженицына — «посторонним фондом»! Участие в этом Фонде стало для советских людей, независимо от их религиозных взглядов, душевным порывом в борьбе против угрозы новой войны. И этот благородный порыв А. Солженицын злобно осуждает.

Мы уже не говорим, что А. Солженицын задался, судя по всему, по наущению своих зарубежных покровителей, неблагоприятной целью опорочить доброе имя Патриарха Московского и Всея Руси. Но из этой затеи ничего не выйдет. Самым широким религиозным кругам во всех странах, всей мировой общественности хорошо известны деяния неутомимого труженика мира Патриарха Московского и Всея Руси Пимена. Вот уже много лет он выступает как активный деятель Советского комитета защиты мира, Всемирного Совета Мира. Его пламенные призывы в защиту мира находили и находят большой отклик и поддержку со стороны представителей различных религиозных организаций. Его стараниями русская православная церковь, как и другие церкви СССР, вносит свой поильный вклад в дело предотвращения угрозы новой войны.

Спрашивается, зачем же понадобилось А. Солженицыну осуждать эту благородную деятельность Русской православной церкви и ее уважаемого и почтенного главу? Ответ на этот вопрос может быть только один: Солженицын выступает, хочет он того или нет, в незавидной роли пособника тех, кто идет против дела мира.

В нашей стране, как известно, существует Закон о защите мира, принятый Верховным Советом СССР. Согласно этому закону пропаганда войны, в какой бы форме она не велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тяжчайшим преступлением против человечества. За все годы после принятия этого закона у нас не нашелся ни один человек, который осмелился бы выступить против интересов мира. И вот теперь, оказывается, появился такой человек. Что и говорить, неблагоприятную роль избрал для себя А. Солженицын!

Мы глубоко уверены, что клеветнические наветы А. Солженицына на Русскую православную церковь и ее главу Патриарха Московского и Всея Руси Пимена осуждают все поборники мира.

Гобоев Жамбал Доржи — Бакдидо Хамбэ лама,
Председатель Центрального духовного
управления буддистов СССР;

Вазген — католикос всех армян;
Ефрем II — патриарх, католикос Всея Грузии;
Никодим — митрополит Новгородский и Ленинградский;
Филарет — митрополит, экзарх Украины.

ЦХСД.Ф. 5.Оп. 64.Д. 75.Л. 13-16. Подлинник.

**ЗАПИСКА КГБ ПРИ СМ СССР ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ
ТЕКСТА РЕЧИ А.СОЛЖЕНИЦЫНА В СВЯЗИ
С ВРУЧЕНИЕМ ЗНАКОВ ЛАУРЕАТА
НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ**

8 сентября 1972 г

Секретно.

ЦК КПСС

По полученным Комитетом госбезопасности данным, в США и других капиталистических странах поднята очередная антисоветская шумиха вокруг СОЛЖЕНИЦЫНА. Поводом для этого послужила опубликованная 24 августа в Стокгольме в ежегоднике «Нобелевские премии 1971 года» речь СОЛЖЕНИЦЫНА (текст прилагается) [22], которую он намерен был произнести в апреле 1972 г. на частной квартире по случаю предполагаемого вручения ему знаков лауреата Нобелевской премии. Как раньше сообщалось ЦК КПСС, текст речи СОЛЖЕНИЦЫН по нелегальным каналам передал на Запад. В речи отражены взгляды автора на вопросы литературы, затрагиваются некоторые социальные проблемы, в целом она носит откровенно антисоветский характер.

Так, говоря о «незавидной судьбе» советской литературы, СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что она «погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги». Осуждая «вмешательство» властей в литературу, он характеризует его как «не просто нарушение свободы печати», а как «замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти».

Призывая «братьев по перу» во всем мире разоблачать ложь и несправедливость, СОЛЖЕНИЦЫН пишет: «...писатель не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы — то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя».

Речь СОЛЖЕНИЦЫНА заканчивается призывом: «не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, — но выйти на бой!»

По мнению большинства буржуазных газет, опубликовавших текст речи, в настоящее время СОЛЖЕНИЦЫН и так называемый «Комитет по защите прав человека», возглавляемый академиком САХАРОВЫМ, являются единственными активными «обличителями существующих в СССР порядков».

В Нью-Йорке создан «Комитет в защиту СОЛЖЕНИЦЫНА», который опубликовал заявление с требованием разрешить СОЛЖЕНИЦЫНУ получить Нобелевскую премию в торжественной обстановке и создать ему необходимые условия для работы. Комитет объявил также, что намерен организовать широкую компанию по сбору подписей под петицией в защиту СОЛЖЕНИЦЫНА.

Наряду с этим радиостанции капиталистических государств в 20-х числах августа передали сообщение о создании во Франции фирмой «Фильм 13» кинофильма Каспера Вреде «Один день из жизни Ивана Денисовича» и приглашении СОЛЖЕНИЦЫНА на премьеру фильма в Париж. Одновременно указанная фирма передала послу СССР во Франции официальное приглашение СОЛЖЕНИЦЫНУ приехать в Париж на премьеру (письмо на этот счет находится в Союзе писателей СССР).

Учитывая эти обстоятельства и имея в виду враждебную деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА, полагали бы целесообразным полученное приглашение переслать СОЛЖЕНИЦЫНУ обычной почтой, а в случае его обращения за разрешением выехать во Францию решить этот вопрос положительно.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов

ЦХСД.Ф. 5.Оп. 64.Д. 299.Л. 10-11. Подлинник.

ЗАПИСКИ МВД СССР И ОТДЕЛОВ ЦК КПСС О ПРОПИСКЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА В МОСКВЕ

25 апреля 1973 г

ЦК КПСС

24 апреля 1973 года в 108-е отделение милиции города Москвы обратилась с заявлением гражданка Светлова Е. Ф., проживающая по улице Горького, дом 12, квартира 169, о прописке на ее жилплощадь (63 квадратных метра) зятя Солженицына А. И.

Солженицын в настоящее время прописан в городе Рязани, 15 марта 1973 года расторгнул брак с первой женой.

20 апреля его года зарегистрировал брак с дочерью заявительницы Светловой Н. Д., 1939 года рождения, имеющей на иждивении

троих детей, двое из них – Ермолай, 1970 года рождения, и Игнат, 1972 года рождения, записанные в ее паспорте на имя Солженицына.

Согласно существующему положению Солженицын имеет право прописаться на жилплощадь жены.

Прошу рассмотреть. [23]

Министр внутренних дел СССР

Н. Щелоков

10 мая 1973 г.

Секретно

ЦК КПСС

К вопросу о прописке в Москве Солженицына

Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР сообщает, что Солженицын имеет намерение после регистрации брака со Светловой Н. Д. прописаться на ее жилплощади в Москве по ул. Горького дом 12, кв. 169.

КГБ СССР считает прописку Солженицына в Москве нежелательной и просит решить вопрос об отказе ему в прописке.

В соответствии с поручением данный вопрос рассмотрен в Отделах ЦК КПСС с участием Генерального прокурора СССР т. Руденко, министра внутренних дел СССР т. Щелокова и заместителя Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР т. Чебрикова.

Как установлено, Солженицын 20 апреля с.г. зарегистрировал брак со Светловой и в настоящее время обратился в органы милиции Москвы с просьбой о прописке. По действующему законодательству он подлежит прописке на жилплощадь жены и юридических оснований для отказа ему в этом не имеется.

Учитывая просьбу Комитета госбезопасности, условились, что органы милиции, не отказывая Солженицыну в прописке, вместе с тем пока не будут принимать окончательного решения. Имеется в виду, что по истечении некоторого времени МВД СССР и Комитет госбезопасности возвратятся к рассмотрению этого вопроса.

Дальнейший ход событий нами контролируется.

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС
В. Шауро

Зав. Отделом административных
органов ЦК КПСС
Н. Савинкин

ЦХСД.Ф. 5.Оп. 66.Д. 1053.Л. 21-22. Подлинник.

ЗАПИСКА ОТДЕЛОВ ПРОПАГАНДЫ И КУЛЬТУРЫ
ЦК КПСС В СВЯЗИ С ИЗДАНИЕМ НА ЗАПАДЕ КНИГИ
А. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

3 января 1974 г.

Сов. Секретно

ЦК КПСС

**О разоблачении провокационной антисоветской
кампании западной пропаганды**

В соответствии с поручением Отдел пропаганды и Отдел культуры ЦК КПСС представляют предложения по разоблачению очередной провокационной кампании на Западе в связи с выпуском парижским издательством «Инка»¹ на русском языке книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг». (В этом издательстве были опубликованы впервые «Раковый корпус», «В круге первом», «Август четырнадцатого»).

По данному вопросу Отделы провели совещание представителей ТАСС, АПН, Гостелерадио и Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, которые высказали свои предварительные соображения о характере наших мероприятий в этой связи. Поскольку настоящая акция противника направлена прежде всего против процесса разрядки международной напряженности, на дискредитацию советского строя, товарищи единодушно высказались за то, чтобы в оперативном порядке дать политическую оценку этой кампании, показать подлинные цели ее организаторов, враждебный делу мира и социализма характер писаний Солженицына.

Первые материалы такого рода переданы на зарубежные страны по каналам ТАСС, Гостелерадио и АПН и получили широкий отклик.

Вместе с тем, учитывая, что организаторы кампании хотели бы втянуть нас в длительную дискуссию, направленную на разжигание антисоветских настроений, считали бы целесообразным осуществить ряд мероприятий. Необходимо широко показать, что эта кампания организована силами, которые выступают против укрепления мира и безопасности народов. Поскольку в центр дискуссии выносятся вопросы, связанные с нарушением социалистической законности, которые наша партия давно и открыто осудила, полагаем бы возможным, указав на то обстоятельство, в полемику по данному вопросу не вступать.

---

¹ Так в тексте. Правильно - «Имка» (прим. сост.)

Проект постановления ЦК КПСС прилагается

Зам.зав Отделом
пропаганды ЦК КПСС
Г. Смирнов

Зав.Отделом культуры
ЦК КПСС
В. Шауро

3 мая 1974 г.

Первоначальный проект [24]

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

О разоблачении провокационной антисоветской кампании западной пропаганды в связи с новой книгой А. Солженицына

Буржуазная пресса США, Англии, Франции и других капиталистических стран широко развернула провокационную антисоветскую кампанию вокруг книги А.Солженицына «Архипелаг Гулаг», выпущенной французским издательством «Имка». Книга преподносится как «исторический труд», документально отображающий «систему политической репрессии с 1918 по 1956 год». Отрывки из указанной книги и провокационные комментарии на эту тему используются западной прессой, а также в радиовещании на СССР.

Идеологический противник намерен развернуть длительную враждебную Советскому Союзу и социалистическому содружеству пропагандистскую кампанию, направленную против разрядки международной напряженности, против позитивных тенденций в международных отношениях. Учитывая это, ЦК КПСС считает необходимым осуществить следующий мероприятия:

1. Поручить ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР в оперативном порядке распространить материалы, в которых показать подлинные политические цели организаторов антисоветской кампании и враждебных делу мира и социализма писаний Солженицына.

2. Поручить «Литературной газете» опубликовать комментарий ТАСС по этому вопросу. В одной из воскресных передач Центрального телевидения дать краткую политическую оценку антисоветским кругам, использующим Солженицына во вред делу мира и разрядки напряженности.

3. Опубликовать в «Правде» статью обозревателя, раскрывающую успехи советской политики мира и маневры врагов разрядки напряженности.

4. Поручить МИД СССР провести беседу с корреспондентами печати братских партий, в которой обратить внимание на смысл поднятой на Западе кампании и о характере нашей позиции по этому вопросу.

5. Поручить Отделу пропаганды и Отделу культуры ЦК КПСС подготовить проект информации для партийного актива по данному вопросу.

6. Отделу пропаганды ЦК КПСС совместно с Международным отделом ЦК КПСС, Отделом ЦК КПСС подготовить проект информации для посольств с оценкой антисоветской кампании на Западе, связанной с Солженицыным.

7. ВААП изучить вопрос о возможности применения правовых санкций против нарушения Солженицыным норм советского законодательства и доложить ЦК КПСС по этому вопросу.

8. Средствам массовой пропаганды и информации активизировать работу по разоблачению антинародной сущности буржуазной демократии, расизма, аморализма буржуазной культуры, в особенности буржуазного диктата к деятелям демократической культуры.

Г. Смирнов, А. Беляев [25], В. Шауро

ЦХСД. Ф.4. Оп.22. Д.1212. Л. 22-24. Подлинник.

**ЗАПИСКА ВСЕСОЮЗНОГО АГЕНТСТВА
ПО АВТОРСКИМ ПРАВАМ О ПРАВОВЫХ САНКЦИЯХ
В СВЯЗИ С ИЗДАНИЕМ ВО ФРАНЦИИ КНИГИ
А. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»**

14 января 1974 г.

Сов.секретно

ЦК КПСС

В соответствии с поручением от 4 января 1974 г., ВААП изучил вопрос о возможных правовых санкциях в связи с изданием во Франции на русском языке (издательство «ИМКА-пресс») книги Солженицына «Архипелаг Гулаг». С учетом норм советского

законодательства, а также находящейся в распоряжении ВААП информации, юридическая сторона вопроса, относящаяся к компетенции ВААП, выглядит следующим образом.

Согласно требованиям Всемирной (Женевской) конференции по авторскому праву, признанным и законодательством нашей страны, фирма, издательство, решившие опубликовать в переводе или на языке оригинала труд автора, гражданина одной из стран-участниц конвенции, должны иметь на это разрешение автора. В противном случае им может быть предъявлен иск.

Согласно советскому законодательству, с учетом изменений, внесенных в связи с присоединением к Конвенции, автор, гражданин СССР, имеет право дать согласие на публикацию рукописи или изданной уже в Советском Союзе работы только через ВААП. За нарушение этого правила он несет ответственность перед законом. Однако, соответствующие санкции к нему могут быть применены в том случае, если нарушение совершено после введения соответствующих юридических норм и их опубликования в открытой печати.

Применительно к случаю, о котором идет речь, из заявлений издательства («Имка-пресс») и самого Солженицына (в предисловии к книге) известно, что автор дал согласие на публикацию произведения. Больше того, через своего, так называемого, посредника — швейцарского адвоката Хееба, он передал права на издание этого сочинения в переводе на другие языки ряду издательских фирм в ФРГ, Соединенных Штатах и других странах. Это обстоятельство исключает в настоящий момент возможность предъявления юридически обоснованного иска издательству «Имка-пресс» или какому-либо другому, которое имеет согласие автора на публикацию.

Что касается передачи рукописи, то она, по имеющимся сведениям, была произведена более полугода назад, т. е. до введения ныне действующего порядка передачи прав на использование произведения.

В тех случаях, когда виновность в нарушении установленного порядка передачи рукописи доказана, суд может по иску финансовых органов признать сделку недействительной и взыскать перечисленные для автора суммы в доход государства. Не исключено, что учитывая именно это обстоятельство, «адвокат» Солженицына заявил в печати, что последний не намерен получать что-либо за свою последнюю книгу и собирается пожертвовать весь гонорар на некие «гуманистические цели».

Решением инстанции от 7 июня с.г. ряду учреждений и ведомств было поручено разработать и внести предложения о необходимых изменениях в законодательство. Ряд таких изменений, продиктованных присоединением к Конвенции, уже осуществлен.

Что касается вопроса об усилении ответственности за нарушения установленного порядка передачи рукописей, то представителям названных в решении организаций и ведомств, был разработан проект Указа Президиума Верховного совета РСФСР, предусматривающий уголовную ответственность. Проект был разослан руководителям соответствующих организаций и ведомств. Из поступивших заключений явствует, что Министерство юстиции СССР, МВД СССР, Верховный Суд СССР и другие считают преждевременным ведение уголовной ответственности и предлагают разработать более эффективные санкции экономического характера.

Поскольку официально ВААП фигурирует на международной арене как общественная организация, созданная для соблюдения прав советских и иностранных авторов, представляется целесообразным по тактическим соображениям определить, чтобы с предъявлением юридических исков как внутри страны, так и за рубежом ВААП выступал в тех случаях, когда налицо нарушение прав авторов.

В других случаях аналогичные функции следовало бы поручать государственным учреждениям, специально на то уполномоченным, в том числе и финансовым органам.

Считал бы необходимым остановиться и на некоторых других аспектах возникшей ситуации применительно к основным задачам, поставленным перед Всесоюзным агентством по авторским правам.

Говоря об «особой обличительной силе» последнего сочинения Солженицына, антисоветские пропагандистские центры, тем не менее, отдают себе отчет, что речь идет о вопросах, на которые КПСС давно дала принципиальный и исчерпывающих ответ и что содержание этой клеветнической стряпни не способно вызвать серьезного интереса у советского читателя. Для большинства зарубежных читателей и слушателей это также нечто такое, о чем они изо дня в день, в самой различной интерпретации слышат много лет подряд, что давно уже навязло в зубах.

Сегодня главную ценность Солженицына враждебные нам идеологи запада видят не столько в его писаниях, сколько в том факте, что он ведет свою антисоветскую деятельность, находясь в СССР. Солженицын за границей - вот наименее выгодный, с их точки зрения, вариант. ореол «страдальца» вокруг него предпочтительнее для его зарубежных покровителей, чем тот, по их же выражению, «относительно свободный образ жизни, который он ведет в СССР».

Именно поэтому, как представляется, главный акцент в антисоветской пропаганде делается не столько на книге, сколько на действительной или предполагаемой реакции в Советском Союзе на ее издание.

Одной из мишеней для нападок стало в связи с этим Всесоюзное агентство по авторским правам.

Главной задачей ВААП является, как это сформулировано в соответствующих документах, продвижение за рубеж произведений советских авторов и использование произведений зарубежных авторов в СССР с учетом политических, экономических и культурных интересов страны.

Выполнение этой задачи, в условиях присоединения СССР к Конвенции, связано с необходимостью и неизбежностью установления деловых, основанных на взаимовыгодных началах, контактов и связей с многочисленными фирмами, издательствами, авторско-правовыми организациями капиталистического мира.

Как уже докладывалось, многие крупные фирмы, издательства, агентства на Западе проявили конструктивный интерес к расширению изданий переводов современной советской научной, художественной, общественно-политической литературы. Руководители этих учреждений признают, что в настоящий момент представления о советской литературе, особенно о художественной литературе, во многих странах Запада носят однобокий, искаженный характер и зачастую сконцентрированы вокруг кучки, так называемых, инакомыслящих. В противовес реакционной буржуазной прессе, очень многие серьезные издатели рассматривают присоединение СССР к Конвенции и создание ВААП как положительный фактор, способствующий расширению культурного обмена, ставящий дело переводов и издания книг на твердую экономическую и юридическую основу.

Видя в предпринимаемых ВААП мерах по активному продвижению на Запад произведений советских авторов серьезную угрозу в будущем, реакционная западная пропаганда всячески стремится использовать ситуацию, создавшуюся в связи с выходом в свет книги Солженицына.

Наши идейные противники сознательно раздувают сейчас шумиху вокруг присоединения СССР к Всемирной конвенции об авторском праве, стремятся представить в ложном свете мотивы Советского Союза и даже предсказывают его выход из Конвенции. Создание ВААП они комментируют как стремление к «дальнейшему ограничению» творческой свободы советских авторов, сокращению обменов в области культуры между СССР и капиталистическими странами. Налицо стремление помешать Агентству выполнять свои функции, затруднить установление необходимых связей, с самого начала дискредитировать Агентство в глазах зарубежных авторов и их организаций, в деловых издательских кругах.

В связи с этим целесообразность и характер публичных акций ВААП в настоящее время следовало бы определять с учетом указанной обстановки.

ВААП уже направил в ведущие авторско-правовые организа-

ции капиталистических стран свои предложения об установлении делового сотрудничества, переданы официальное заявление и необходимые документы для вступления в Международную конфедерацию обществ авторов и композиторов. Делегация ВААП приняла участие в заседаниях Межправительственного комитета по авторскому праву. Состоялась встреча руководства ВААП с представителями посольств социалистических стран — участниц СЭВ.

ВААП направил в МИД СССР и МВД СССР материалы, на основе которых посольствам и торгпредствам СССР даны конкретные указания, связанные с функциями ВААП.

Идет текущая работа по заключению контрактов и долговременных соглашений с фирмами, агентствами, посредническими организациями.

В настоящий момент на рассмотрении в ЦК КПСС находятся предложения ВААП по плану международных связей, по созданию сети зарубежных представительств, по организации рекламно-информационной деятельности за рубежом. Положительное рассмотрение этих вопросов позволит повысить эффективность деятельности ВААП на особо ответственном начальном этапе.

По мере укрепления международного авторитета ВААП и установления прочных взаимовыгодных деловых отношений с обществами и издательскими фирмами Запада появятся новые возможности реального воздействия как в политическом, так и в экономическом отношении, для предотвращения использования за границей «произведений» так называемых «инакомыслящих», ослабления негативного эффекта спекулятивных пропагандистских кампаний.

Известную помощь в усилении эффективности действий ВААП в этом направлении оказало бы также заключение с рядом капиталистических стран двусторонних межправительственных соглашений о взаимной охране авторских прав, которые обязывали бы на основе взаимности соблюдать принципы национального законодательства договаривающихся стран о порядке приобретения и уступки прав на произведения, в том числе и рукописи. Предложения по этому поводу в настоящий момент разрабатываются.

Предотвращению нарушений установленного порядка передачи прав на произведения за рубеж способствовала бы публикация Постановления Совета Министров СССР от 16 августа (в части предназначенной для печати), в котором четко определен этот порядок. [26]

Председатель Правления
ВААП

Б. Панкин

ЦХСД. Ф.4. Оп.22. Д.1212. Л.31-35. Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ОБКОМА ЦК КОМПАРТИИ УКРАИНЫ

18 января 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Об осуждении трудящимися Днепропетровской области антисоветской деятельности А. Солженицына и А. Сахарова

Сообщения в печати и по телевидению о новых фактах антисоветской деятельности А. Солженицына и А. Сахарова вызывают глубокое возмущение рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, творческой интеллигенции – всех слоев трудящихся области.

Так, на XIV пленуме Днепропетровского обкома Компартии Украины, состоявшемся 15 января 1974 года, член обкома партии токарь комбайнового завода тов. Лихолат В. Ф., говоря о том, что критика помогает справляться, заявил: «К сожалению, этого нельзя сказать о Солженицыне и Сахарове. В газете «Правда» от 14 января в статье «Путь предательства» снова идет разговор о Солженицыне. Но на этот раз не о критике его недостатков, а о предательстве. Мое мнение и моих товарищей по работе: от имени областной партийной конференции обратиться в ЦК КПСС с предложением, чтобы к этому писателю были приняты, наконец, меры более сильного воздействия, нежели словесная критика. Этот человек недостойн носить звание гражданина Советского Союза, пользоваться благами советского общества».

Горновой металлургического завода имени Петровского Герой Социалистического Труда тов. Терещенко И. С. сказал: «Общественность, писатели Советского Союза неоднократно предупреждали Солженицына о недопустимости его поведения, позорящего звание советского гражданина. Но Солженицын ничему не внял и ничему не научился. Он был и остался антисоветчиком и антикоммунистом, сознательно перешел в лагерь врагов мира, демократии и социализма. Он выступает в роли провокатора и подстрекателя, призывает империалистов проводить в отношении СССР политику силы. Возмущение трудящихся, их гнев и презрение безграничны. Меня, как члена областного комитета партии, часто спрашивают мои товарищи, рабочие: почему позволено людям типа Солженицына клеветать на нашу действительность, чернить наш светлый труд,

позорить нашу Родину и при этом жить свободно и безбедно, пользуясь плодами нашего же труда?

И действительно, почему? Пора положить конец незаконной антисоветской деятельности Солженицына и Сахарова, откровенных классовых врагов и антикоммунистов».

Выступая на XXV Днепропетровской городской партийной конференции 12 января т.г., ректор Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта тов. Каблуков В. А. сказал: «Огромный вред воспитательной работе среди студенческой молодежи наносят «интеллигенты» типа Сахарова и Солженицына. Следуя их примеру, некоторые безответственные болтуны делают то же самое. Мне кажется, что необходимо принимать меры к этим людям. Таких, как Солженицын, неплохо бы послать более глубоко изучать организации, о которых он писал, либо выдворить за пределы нашей Родины. Это принесло бы большую пользу делу коммунистического воспитания студенчества».

Подобные мысли выражаются во время бесед, политинформаций, в индивидуальных высказываниях. Резко заклемили антисоветские выступления А. Солженицына писатели Ф. Д. Залата, С. Р. Бурлаков и другие, обсуждавшие статью в газете «Правда» «Путь предательства».

Гневно осуждая А. Солженицына и А. Сахарова, многие высказывают удивление тем, что не принимаются меры, которые ограничили бы их антисоветские действия.

Главный энергетик Днепропетровского завода металлургического оборудования А. А. Жаров сказал: «Неужели у нас нет законов о привлечении за антисоветскую деятельность, за выступление против своего народа, правительства, партии? Если этого подлеца не наказать, то появятся новые подлецы, которым захочется иметь своего адвоката в Швейцарии. Все ведь возмущены поведением Солженицына и Сахарова, у всех возникает вопрос, почему их не привлекают к ответственности? Наши, наверное, боятся, чтобы за границей не поднялся еще больший шум. Но если мы будем бояться мнения Запада и не будем хозяевами в своей стране, то это черт знает что, эта сволота разведется у нас по всей стране».

В своих высказываниях трудящиеся предлагают строго наказывать А. Солженицына и А. Сахарова за антисоветскую деятельность.

Секретарь обкома Компартии Украины

А. Ватченко

С документом ознакомились и расписались на полях секретари ЦК КПСС П. Демичев, А. Кириленко, М. Суслов.

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.13. Л.19-21. Подлинник.

ИЗ ЗАПИСКИ ЦК КОМПАРТИИ УКРАИНЫ СПРАВКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС

24 января 1974 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

О реагировании трудящихся Украинской ССР на клеветнические, антисоветские действия писателя Солженицына

...Со стороны отдельных политических незрелых, националистически и сионистски настроенных лиц допускаются высказывания отрицательного, порой откровенно враждебного характера. Учитель Мукачевской средней школы №5 Закарпатской области Гуменяк А. В. заявил: «Солженицын пишет правду, борется за демократические права в СССР, стал поперек горла органам КГБ, и поэтому против него началась такая шумная кампания». Жительница г. Умани Черкасской области Суворцева Н. В., отбывшая наказание за националистическую деятельность, сказала: «Надо выпить за здоровье Солженицына, чтобы ему повезло, чтобы ему не напакостили еще. За ним такие, как Сахаров, Растропович». Пенсионер из Львова Виленский С. Д., еврей по национальности, в личной беседе утверждал: «Солженицына теперь замкнут или в психиатрическую больницу, или он погибнет в катастрофе. Просто посадить побояться. А ведь он правду писал в своей новой книге «Архипелаг Гулаг». Брат осужденного еврейского экстремиста Фельдмана А. Д., человек без определенных занятий Фельдман Л. Д. (г. Киев) ведет провокационные разговоры о том, что против Солженицына, якобы «честного художника и человека», начата «очередная кампания травли».

То обстоятельство, что Солженицын уже длительное время занимается антисоветской деятельностью, гнусной клеветой на нашу действительность, дает повод некоторым из числа фрондирующих элементов думать, что подобные деяния могут оставаться безнаказанными.

До последнего времени из фондов библиотек не была изъята книга Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В республике приняты меры к тому, чтобы ею не пользовались читатели. Считали бы необходимым поручить соответствующим органам

дать указание об изъятии из библиотек этой книги и других публикаций Солженицына.

От трудящихся поступают вопросы следующего содержания: Почему Солженицына не привлекают к уголовной ответственности за антисоветскую клевету? Почему его до сих пор не арестуют и не лишат гражданства? Как может наше правительство терпеть такого типа, как Солженицын? Почему Солженицына не выдворят за границу, которая ему нравится больше, чем наша страна? Зачем допускают к нему иностранных корреспондентов? Каким путем произведения Солженицына попадают за рубеж? Допустимо ли, чтобы советский человек имел адвоката и счета в иностранных банках? Каким образом Солженицыну удалось приобрести три автомашины? Как относятся к этому делу братские партии, особенно в Западной Европе?

В коллективах трудящихся ведется соответствующая разъяснительная работа [27]

Секретарь ЦК Компартии Украины

В. Щербицкий

18 февраля 1974 г.

ЦК КПСС

ЦК Компартии Украины (т. Щербицкий) вносит предложение изъять из библиотек книгу Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и другие его публикации.

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (т. Романов П. К.) приняло решение изъять произведения Солженицына из библиотек массового пользования и книготорговой сети.

Зам.зав.Отделом
пропаганды ЦК КПСС

Г. Смирнов

Зав.сектором Отдела

И. Чхиквишвили

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.121. Л. 21-23. Подлинник.

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ ПОСЛА СССР В КАНАДЕ А.Н.ЯКОВЛЕВА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ КОМПАРТИИ КАНАДЫ УИЛЬЯМОМ КАШТАНОМ

28 января 1974 г.

Секретно

Посольство СССР в Канаде

Из дневника Яковлева А. Н.

23 января 1974 г.

Принял У. Каштана в посольстве и проинформировал его о позиции КПСС в связи с развернутой на Западе вокруг Солженицына очередной антисоветской и антикоммунистической кампанией.

1. Тов. У. Каштан поблагодарил за информацию и заявил, что она будет использована в практической работе компартии. Он сказал, что канадские коммунисты будут и впредь активно разоблачать реакционные предательские позиции Солженицына, рассматривая его как открытого и опасного врага всего коммунистического движения.

По мнению У. Каштана, новая кампания органов буржуазной пропаганды, направленная против идей и практики социализма и коммунизма, преследует две основные цели. Во-первых, использовать Солженицына и ему подобных для того, чтобы попытаться «легализовать оппозицию в СССР» и, во-вторых, для идеологической обработки в антисоветском духе молодежи западных стран, которая в целом настроена демократически и дружелюбно в отношении СССР. Реакция, сказал У. Каштан, использует Солженицына для «промывки мозгов» западной молодежи, для возвращения к временам холодной войны.

Тов. У. Каштан подчеркнул, что в деле Солженицына упущена инициатива, что позволило нашим классовым врагам развернуть активную наступательную кампанию. По его словам, в течение двух-трех недель после начала этой кампании компартия Канады не могла получить никаких материалов по Солженицыну, что затрудняло ведение контрпропаганды. Как заявил тов. У. Каштан, среди канадских коммунистов раздавались критические замечания в связи с излишней мягкостью в отношении явного классового врага, повторяющего троцкизм, только в иных условиях и иными средствами.

Тов. У. Каштан заявил, что компартия Канады правильно понимает свои задачи и ответственность в общей борьбе с антикоммунизмом во всех его проявлениях и примет в этой борьбе самое активное участие. Он высказался за то, чтобы принять против

Солженицына самые жесткие меры, подготовив к этому предварительно общественное мнение внутри страны и за рубежом. Необходимо провести соответствующую работу с компартиями Франции, Италии, Испании, Бельгии, Англии и Финляндии, которые, по сведениям тов. У. Каштана, выступали за опубликование писаний Солженицына в СССР...

Посол СССР в Канаде

А. Яковлев

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.810. Л.9-10. Подлинник.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

14 февраля 1974

Совершенно секретно

N Ст-114/51гс

Об информации руководителей братских коммунистических и рабочих партий по вопросу о Солженицыне

Утвердить прилагаемый текст указаний совпослам по данному вопросу (согласно прилагаемому списку)

Секретарь ЦК КПСС

Б.Пономарев

Секретно

Приложение

СОВПОСОЛ

Посетите т.Мури[28] (далее в соответствии со списком) или лицо, его замещающее, и передайте следующее:

«Мы уже информировали вас об антисоветской деятельности Солженицына, которая полностью обнажила его платформу, враждебную интересам социализма, всего революционного движения, его политическое лицо как человека, выступающего с позиции сил реакции и агрессии. Соответствующие материалы были широко опубликованы в советской и иностранной печати, в том числе печати братских партий.

Уже много лет Солженицын, отчаявшись найти внутри советского общества какие-либо силы, готовые поддержать его платформу, вступил в постоянный контакт с враждебными советскому народу зарубежными издательствами и органами печати, включая белоэмигрантские. Он пошел по пути прямого сотрудничества с теми зарубежными центрами, которые открыто ставят своей целью уничтожение реального социализма и всего коммунистического движения, с организациями, являющимися филиалами империалистических разведок.

Солженицын не только опубликовал за рубежом с помощью этих организаций ряд сочинений, направленных против советского общественного строя, против советского народа, сочинений, в которых он клеветал на Ленина, на Октябрьскую революцию, глумился над героями Отечественной войны, но и прямо обращался к внешним империалистическим силам с призывом оказать давление на СССР, вмешаться во внутренние дела. Он не останавливался перед одобрением всех форм борьбы против социализма и открыто призывает следовать примеру предателей-власовцев, воевавших против нашей страны, против сил антифашистского сопротивления в других странах вместе с гитлеровскими войсками.

Иными словами, Солженицын давно преступил грань идейных расхождений с советским обществом и встал на путь неприкрытого нарушения Советской Конституции, советских законов, на путь предательства.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что развернутая на Западе в связи с очередным пасквилем Солженицына антисоветская пропагандистская кампания тщательно скоординирована между ведущими органами западных средств массовой информации ряда капиталистических стран, ему обеспечена беспрецедентная реклама. Все это не может не расцениваться как простая случайность. На самом деле речь идет о широкой политико-пропагандистской акции в рамках империалистической стратегии борьбы против углубления процесса разрядки и возвращении к приемам «холодной войны». Проводниками этой стратегии выступают самые реакционные круги, в том числе те, которые опасаются, что нормализация отношений между странами с различным социальным строем, способствуя распространению правды о советской действительности, усилит притягательную силу социализма.

Важная цель развернутой в связи с Солженицыным антикоммунистической кампании - замаскировать те чудовищные репрессии реакционных сил против трудящихся, против народов, которые каждодневно осуществляются в капиталистическом мире. Империалисты вступают в поддержку человека, деятельность которого они сами направляли и активно использовали в своих коварных целях.

Солженицын пытается представить себя как литератора, пострадавшего за свои убеждения, за свое литературное творчество. Однако в вину ему вменяются не литературные произведения, хотя они носят совершенно откровенно антисоциалистический характер. Его вина состоит в том, что он регулярно совершал действия, наносящие ущерб государственным интересам Советского Союза.

Что касается имевших место в прошлом нарушений социалистической законности, то и по этому вопросу позиция Солженицына полностью фальшива. КПСС на своих съездах, в решениях своих пленумов сама решительно осудила имевшие место в прошлом нарушения социалистической законности. В своей практической деятельности партия и Советское государство полностью исключили возможность повторения подобных явлений. Наш курс - это курс последовательного укрепления социалистической законности, неуклонного развития социалистической демократии. Это наша твердая постоянная линия, от которой мы не отступим ни на шаг.

Советская общественность неоднократно предупреждала Солженицына о недопустимости его поведения, позорящего звание советского гражданина, требовала, чтобы он отказался от борьбы против социалистического строя. Органы прокуратуры, выполняющие свои функции, установленные законом, не раз указывали ему на несовместимость осуществляемой им деятельности с нормами советского права, с обязанностями гражданина СССР. Однако Солженицын не только не внял этим предупреждениям, но, напротив, продолжал активизировать свои действия, направленные против социалистического строя, Советского государства, советского народа.

В соответствии с советскими законами деятельность в ущерб государственным интересам, переход на сторону врага, оказание реакционным империалистическим силам помощи в проведении враждебной деятельности против СССР является государственным преступлением - изменой Родине, и может караться самым суровым наказанием.

Однако высший орган государственной власти - Верховный Совет СССР - счел возможным ограничиться в отношении Солженицына такой акцией, как лишение его советского гражданства и выдворение из пределов Советского Союза.

Что касается семьи Солженицына, то она сможет выехать к нему в любой момент.

Показателен момент, который Солженицын и обслуживаемый им буржуазный пропагандистский аппарат выбрали для нагнетания антисоветской истерии. Несокрушимая прочность советского строя, небывало высокий авторитет советской внешней политики приводят наших противников в бешенство, заставляют их в поисках средств

дискредитации нашей страны и ее международного политического курса прибегать к самым грязным провокационным приемам. Они рассчитывают при этом и на то, что им удастся, играя на спекуляциях вокруг «прав человека», внести колебания и разлад в ряды участников демократических партий и движений. Меры, принятые Советским государством, наносят удар по всем этим расчетам.

Характерно, что более трезвые буржуазные круги уже сейчас понимают слабость позиций реакционной пропаганды. Многие из представителей этих кругов подчеркивают, что в отношении Солженицына были приняты минимальные возможные меры, что любое государство должно применять санкции к человеку, который прямо заявляет, что вообще не признает власти советского закона и суда над своей персоной. Они признают, что деятельность Солженицына носит антигосударственный характер и не могла оставаться ненаказуемой.

Мы уверены, что братские партии не только правильно поймут нашу позицию, но и активно выступят в поддержку принятой нами меры против Солженицына, выступающего как прямое орудие антикоммунизма и антисоветизма.

Само собой разумеется, что наша партия и Советское государство, не поддаваясь ни на какие провокации, будет проводить свою политику - политику всемерного укрепления социалистического строя и строительства коммунизма, политику мира и разрядки напряженности. Очищаясь от предателей, народная власть только укрепляет свои позиции, укрепляет почву для развития подлинно социалистической демократии и дальнейшего строительства нового общества».

Исполнение телеграфируйте

Секретно
Приложение

СПИСОК

партий, которым направляется информация по вопросу
о Солженицыне

1. Коммунистическая партия Австрии
2. Партия социалистического авангарда Алжира
3. Коммунистическая партия Аргентины
4. Коммунистическая партия Бельгии

5. Социалистическая единая партия Западного Берлина
6. Коммунистическая партия Боливии
7. Бразильская коммунистическая партия
8. Коммунистическая партия Великобритании
9. Коммунистическая партия Венесуэлы
10. Германская коммунистическая партия
11. Коммунистическая партия Дании
12. Коммунистическая партия Индии
13. Иорданская коммунистическая партия
14. Иракская коммунистическая партия
15. Коммунистическая партия Ирландии
16. Коммунистическая партия Испании
17. Итальянская коммунистическая партия
18. Коммунистическая партия Канады
19. Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ)
20. Коммунистическая партия Колумбии
21. Ливанская коммунистическая партия
22. Коммунистическая партия Люксембурга
23. Мартиникская коммунистическая партия
24. Партия освобождения и социализма Марокко
25. Мексиканская коммунистическая партия
26. Никарагуанская коммунистическая партия
27. Партия социалистического единства Новой Зеландии
28. Коммунистическая партия Норвегии
29. Народная партия Панамы
30. Перуанская коммунистическая партия
31. Португальская коммунистическая партия
32. Пуэрториканская коммунистическая партия
33. Реюньонская коммунистическая партия
34. Коммунистическая партия Сальвадора
35. Санмаринская коммунистическая партия
36. Сирийская коммунистическая партия
37. Коммунистическая партия США
38. Тунисская коммунистическая партия
39. Коммунистическая партия Уругвая
40. Коммунистическая партия Финландии
41. Французская коммунистическая партия
42. Коммунистическая партия Чили (загранбюро)
43. Швейцарская партия труда
44. Левая партия - коммунисты Швеции
45. Коммунистическая партия Эквадора
46. Социалистическая партия Австралии

ЦХСД. Ф.4. Оп.22. Д.1247. Л.176-182. Подлинник.

21 февраля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

О пропагандистских акциях по разоблачению антисоветской кампании, развязанной на Западе вокруг Солженицына

В редакции центральных газет поступило более 6 тысяч писем трудящихся, которые одобряют принципиальные выступления нашей печати с разоблачением реакционного характера политических взглядов Солженицына, полностью поддерживают Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его советского гражданства и выдворении за пределы СССР.

В этих письмах Солженицын квалифицируется как отщепенец, вставший на путь прямого предательства Родины и служения международной реакции. Более 100 таких откликов опубликовано в центральной печати, в том числе выступления К.Симонова, Р.Гамзатова, В.Катаева, Б.Полевого, Г.Товстоногова, академиков Т.Александрова и А.Колмогорова, других известных деятелей культуры и науки, рабочих и колхозников. Эти и другие публикации способствовали созданию атмосферы нетерпимости вокруг имени Солженицына, его антипатриотической деятельности, несовместимой с нормами социалистического общества.

Советская печать, АПН, ТАСС, Гостелерадио продолжали также значительную работу по разоблачению подлинных целей организаторов развязанной на Западе антисоветской кампании вокруг Солженицына. Эта работа, развернутая средствами массовой информации в соответствии с постановлением ЦК КПСС (N Ст-108/4с) от 4 января с.г., вызвала большой резонанс как у нас в стране, так и за рубежом.

Газеты и журналы опубликовали 24 статьи по указанным вопросам, свыше 60 перепечаток из зарубежной прессы. Более 20 сообщений для советской печати было подготовлено ТАСС. Гостелерадио передало 23 выступления советских обозревателей, деятелей литературы и искусства (Ю.Жуков, А.Чаковский, А.Потапов и др.), широко использовало материалы советской и зарубежной печати.

В зарубежные страны направлено около 180 материалов. По каналам ТАСС переданы все основные публикации советской печати и ряд собственных комментариев. Многие из них были опубликованы на

Западе. Так, статья «Правды» «Путь предательства» от 14 января с.г. была полностью или в изложении перепечатана буржуазными газетами ФРГ, Англии, США, Канады, Финляндии, Японии, Индии, большинством газет социалистических стран, коммунистических партий и демократических организаций. АПН направило 38 статей, интервью, а также сборник материалов о Солженицыне, опубликованных ранее (20 статей).

По неполным данным перепечатки материалов АПН и ТАСС отмечены в 53 буржуазных газетах и журналах Западной Европы, Северной Америки и Японии, а также в печати ряда стран Азии, Латинской Америки, Африки. Широкий отклик получили публикации Е.Долматовского в газете «Монд», Ю.Бондарева в «Нью-Йорк-таймс», письмо Виткевича в «Нью-Йорк таймс», «Крисчен Сайенс монитор», «Таймс», «Гардиан», интервью с Решетовской в «Фигаро» и др.

Совпосольство во Франции отмечало 12 февраля с.г., что «даже влиятельные буржуазные органы...начинают публиковать материалы с критическими оценками в отношении Солженицына, его антипатриотических взглядов». Совпосольство считает, что появление материалов АПН в «Фигаро», «Монд», «Темуаньяж кретьен», «Дофине либере» явилось «убедительными документальными разоблачениями книги Солженицына «Архипелаг Гулаг».

Агентство Франс пресс в сообщении из Москвы от 15 февраля с.г. вынуждено было отметить: «Наблюдатели считают, что советская пропаганда проделала эффективную работу, отделив Солженицына от народных масс». Английская «Таймс» заявила в этой связи: «Нет смысла делать вид, будто Солженицын пользуется в своей стране огромной популярностью». Таким образом, аргументированные выступления наших средств массовой пропаганды, проводившиеся в соответствии с указанным Постановлением ЦК КПСС, позволили в значительной степени локализовать распространение антисоветской шумихи, сбить волну антикоммунизма, на которую рассчитывали противники разрядки международной напряженности.

В буржуазной прессе появились пессимистические нотки, заметна растерянность в отношении перспектив продолжения антисоветской кампании. Так, по словам «Франкфуртер Рундшау» (ФРГ), наши акции «подорвали веру в Солженицына». Бельгийская газета «Либр бельжик» признает: «Заявления: которые писатель будет делать за границей, несомненно, будут иметь гораздо меньше веса, чем те заявления, которые он мог бы сделать в Советском Союзе». В статье Сэфайра (бывший помощник президента США), опубликованной в «Нью-Йорк-таймс», автор называет Солженицына «новоиспеченной знаменитостью», которую Запад использует «в своих собственных целях», и предупреждает, что он «может завтра обернуться

бывшим героем, который всем досаждаст и всем отчаянно надоел».

Материалы, направленные по каналам наших центральных ведомств, привлекли внимание демократической общественности, прогрессивных деятелей культуры. Финская газета «Тиедонанта» пишет: «Апостолы холодной войны лишились удобного оружия. Солженицын был выдворен в Западную Германию за свою деятельность, направленную против Советского Союза и политики мирного сосуществования». Председатель Ассоциации колумбийских писателей и художников М. Кампусано подчеркивал, что от позиций, подобных тем, которые занимает Солженицын, выигрывают лишь империалистические монополии в их политической войне в период, когда в мире пробивает себе путь политика мирного сосуществования, защищаемая СССР и другими социалистическими странами». Видный южноафриканский писатель Алекс Ла Гума заявил, что «отъезд А. Солженицына в Западную Германию последовал как неизбежное следствие его антисоветской деятельности». Бейрутская газета «Аш-Шааб» писала, что в отношении к Солженицыну поступили так, как он этого заслуживал: «В Советском Союзе нет места для неблагодарных по отношению к своей Родине».

ТАСС, АПН, Гостелерадио продолжают свою работу по противодействию антисоветской кампании за рубежом, дискредитации ее вдохновителей и писаний Солженицына. 15 февраля с.г. по данному вопросу в Отделе пропаганды ЦК КПСС проведено совещание с участием представителей редакции газеты «Правда», АПН, ТАСС, Гостелерадио и КГБ при Совете Министров СССР.

Рассмотрев предварительные результаты выполнения Постановления ЦК КПСС от 4 января с.г., участники совещания высказали предложение в настоящее время пока воздержаться от публикации в советской печати пропагандистских материалов по Солженицыну. Одновременно следовало бы усилить продвижение по каналам ТАСС, АПН, Гостелерадио наших материалов в Западную прессу, на радио и телевидение капиталистических стран. При этом основной упор сделать на:

- углубленном раскрытии реакционного характера идейных и политических концепций Солженицына;
- разоблачение буржуазных мифов о Солженицыне как «мученике» и «великом» писателе, дискредитации его личности;
- активизации пропаганды демократических институтов советского общества, механизма их действия, на широком показе достижений социалистической культуры, науки;
- показе антинародной сущности буржуазной демократии, на более глубоком освещении фактов произвола, преследований и репрессий в отношении демократических организаций трудящихся, прогрессивных деятелей культуры и искусства в капиталистических странах.

Сообщается в порядке информации. [29]

Зам. зав. Отделом пропаганды
ЦК КПСС

Г. Смирнов

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 67. Д. 134. Л. 44-48. Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ КГБ ПРИ СМ СССР О СОДЕРЖАНИИ ДОКЛАДА ИТАЛЬЯНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ СВОЕМУ РУКОВОДСТВУ

22 февраля 1974 г.

Совершенно секретно

ЦК КПСС

В докладе своему руководству итальянский посол в Москве сообщает, что «меры в отношении Солженицына явились полной неожиданностью» и, по оценке местных дипломатических кругов, свидетельствуют об «определенном успехе советских властей в осуществлении своего плана».

Посол, по его выражению, смог лично убедиться, какое впечатление произвела упомянутая мера «на элиту здешней интеллигенции», присутствуя немногим спустя после ареста писателя в доме «известного американского журналиста», куда он был приглашен вместе со своим коллегой. Большинство советских гостей держалось на этом вечере внешне сдержанно, однако многие из них, в том числе Любимов из Таганки, «ставшей для Москвы почти авангардистским театром», ушли раньше обычного, «обнаружив тем самым свое внутреннее напряжение». Единственным, кто действительно волновался, был Евтушенко. Удалившись, чтобы узнать по телефону-автомату подробности ареста Солженицына, он вернулся всего на несколько минут, для того, чтобы попрощаться с хозяином дома. По отзывам своих коллег, «Евтушенко скрывается за городом, чтобы не оказаться перед лицом возможного выбора между солидарностью с Солженицыным и подписанием письма с осуждением его». [30]

Посол приходит к выводу, что Солженицын за рубежом вынужден будет хранить молчание, во всяком случае, до тех пор пока его супруга и дети не смогут выехать к нему. «В конечном

итоге Солженицын не окажет, по-видимому, больше сопротивления и подчиниться решению, которое, хотя и травмирует его, но отвечает фактически, если не по форме, его внутреннему желанию, приписываемому ему вдовой Мандельштама».

Отмечая, что выбор момента для выдворения Солженицына был связан, очевидно, с европейским совещанием по вопросам безопасности, посол указывает, что эта мера, «направленная на то, чтобы заставить замолчать оставшихся диссидентов, будет развиваться в нынешнем ускоренном темпе». В качестве доказательства он ссылается на разрешенный выезд за границу писателю Максиму, «который во время отсутствия в стране, возможно, также будет лишен гражданства».

Значительно сложнее, по мнению посла, обстоит дело с Сахаровым. Маловероятно, что он действительно является носителем важных военных секретов. В таком случае «препятствие для его удаления из СССР, по-видимому, является опасением, что он представит свои способности на службу Запада, согласившись участвовать в ядерных исследованиях».

Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*

С документом ознакомились и расписались на полях секретари ЦК КПСС П. Демичев, А. Кириленко, Б. Пономарев.

ЦХСД. Ф.5 Оп.67. Д.960. Л.27-28. Подлинник

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ СОВЕТНИКА
ПОСОЛЬСТВА СССР В КАНАДЕ В.И.МИХЕЕВА
С РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «НОРЗЕРН НЕЙБОРС»
ДАЙСОНОМ КАРТЕРОМ

25 марта 1974 г.

Секретно

Посольство СССР в Канаде
г.Оттава

Из дневника
В.И.Михеева
12 марта 1974 г.

Д.Картеру было передано мнение руководства АПН о целе-

сообразности выпуска брошюры с разоблачением Солженицына. Он охотно согласился с этой идеей и сказал, что практически возможно выпустить такую брошюру в виде приложения к журналу в мае месяце. Для брошюры желательно получить новые и интересные материалы к 10 апреля. Материалы должны содержать больше фактов. Очень было бы хорошо получить данные о поведении Солженицына в виде рассказов знавших его людей. Большое значение имеют фактические детали.

Для бюллетеня нужны будут дополнительные деньги. В 1973 г. бюджет Картера был сведен с дефицитом в 4000 долл. Картер очень хотел бы, чтобы наша дотация ему была бы увеличена приблизительно на 20%. Он также недоумевает, почему в I квартале ему прислали лишь 10500 долл., а не 13050.

В 1974 г. в связи с ростом подписки на журнал его тираж увеличен с 10293 до 11500. Картер считает, что тираж будет увеличен со временем до 25000.

Присылаемые из Москвы материалы все еще недостаточно качественны. Слишком много общих рассуждений, мнений и мало ярких фактов.

Для разоблачения Солженицына, по мнению Картера, мы недостаточно мобилизуем еврейские организации, которые не могут признать мнение Солженицына о Гитлере...³¹

Советник Посольства СССР в Канаде *В.Михеев*.

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.810. Л.47. Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ КГБ ПРИ СМ СССР О ВЫЛЕТЕ ИЗ МОСКВЫ В ЦЮРИХ СЕМЬИ А.СОЛЖЕНИЦЫНА

12 апреля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности информирует о том, что 29 марта с.г. из Москвы в Цюрих вылетела семья СОЛЖЕНИЦЫНА: жена, теща, три сына и пасынок.

В аэропорту «Шереметьево-1» был проведен тщательный таможенный и негласный досмотр багажа, вывозимого СОЛЖЕНИЦЫНЫМ. В ходе досмотра, кроме личных вещей и бытовых предметов,

обнаружена часть архива СОЛЖЕНИЦЫНА: литература по вопросам истории, философии и богословия, а также художественные советские и дореволюционные издания; рабочие записки и наброски к известным произведениям СОЛЖЕНИЦЫНА («Один день Ивана Денисовича», «Крохотные рассказы», «Раковый корпус», «В круге первом», «Август четырнадцатого», «Архипелаг ГУЛАГ»); письма и фотокарточки.

Во время негласного досмотра были обнаружены антисоветские материалы, которые СОЛЖЕНИЦЫН мог использовать в будущем для своих враждебных сочинений. С учетом этого часть их при досмотре изъята (сборник «Толстовцы», содержащий, в частности, перечень лиц, якобы необоснованно расстрелянных в 1919-1920 гг; подборка материалов к великопостному письму Всероссийскому Патриарху ПИМЕНУ; «Из пережитого прошлого» - рассказ о жизни заключенных; отрывки машинописного текста «Архипелаг ГУЛАГ»; «Один день одного зэка» - первый вариант «Одного дня Ивана Денисовича»; заявление представителям зарубежной прессы от 2 февраля 1974 года о якобы существующем беззаконии в СССР; черновые наброски к «Августу-14-го»; заявления в защиту СОЛЖЕНИЦЫНА, авторами которых являются ЕВТУШЕНКО, ЧУКОВСКАЯ, НЕКРАСОВ, ТЕРНОВСКИЙ, БАРАБАНОВ, ГИНЗБУРГ, АГУРСКИЙ и другие. Кроме того, без повреждения внешнего вида размагничены 23 кассеты магнитофонных записей.

Семью СОЛЖЕНИЦЫНА в аэропорту провожали: ШАФАРЕВИЧ, ЧУКОВСКАЯ, ГИНЗБУРГ, ЖОЛКОВСКАЯ, ГОРБАНЕВСКАЯ, КОПЕЛЕВ, СТОЛЯРОВА, АГУРСКИЙ, БУХАРИНА, ПАСТЕРНАК, ГОРЛОВ, БОРИСОВ, ТЮРИН и другие, а также иностранные корреспонденты: ЭВАНС, ДЕМОНИ, НАНДИ, КАНИЕРС (Англия), ФРОМСОН, ДЖОЗЕЛОФФ, ДЖОУНС, БРОУНИНГ, ДЖЕЙМС МАЙКЛ, ЛЕДДИНГТОН, КРИСТОФЕР (США), ПРЕДЕ, ПЛЯЙТГЕН, НОЙМ (ФРГ), ТОКУХИСА, ЯМАГУЧИ, СУГИТА (Япония), УДГАРД (Норвегия), ФРЕДРИКСОН (Швеция).

Принятыми мерами готовившиеся попытки нежелательных проявлений со стороны жены СОЛЖЕНИЦЫНА предотвращены.

Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*

С документом ознакомились и на полях расписались секретари ЦК КПСС П. Демичев, И. Капитонов, М. Суслов.

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.960. Л.36-37. Подлинник.

ЗАПИСКА ПРАВЛЕНИЯ АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ
НОВОСТИ ОБ ИЗДАНИИ РУКОПИСИ
Н.РЕШЕТОВСКОЙ «В СПОРЕ СО ВРЕМЕНЕМ»

17 апреля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Агентство печати Новости вносит предложение об издании через зарубежные издательства на коммерческой основе рукописи Н.Решетовской «В споре со временем» (объем - до 15 печатных листов).

Написанная в форме воспоминаний, книга бывшей жены Солженицына содержит письма, дневники, заявления бывших друзей и другие документы, свидетельствующие о том, что в «Архипелаге Гулаг» использованы лагерные легенды и домыслы. Кроме того, приводится ряд фактов неблагоприятного, аморального поведения Солженицына. В рукописи Н.Решетовской можно проследить эволюцию взглядов Солженицына от троцкизма до монархизма.

В 1973-1974 годах через АПН были переданы интервью Н.Решетовской. Они были опубликованы в газетах «Нью-Йорк таймс» (США), «Фигаро» (Франция) и других органах. В своих интервью Решетовская заявила о намерении опубликовать свои воспоминания для разоблачения различных версий буржуазной печати по биографии Солженицыны и его отношений к Н.Решетовской.

Крупные буржуазные издательства «Нью-Йорк таймс», «Пресс де ля Сиде» (Франция), «Аллен Даво» (Швейцария) обратились в АПН с просьбой предоставить им права на издание воспоминаний Н.Решетовской.

Рукопись воспоминаний Н.Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР.

Представляется, что выход на Западе воспоминаний Н.Решетовской может послужить определенной контрмерой, направленной против антисоветской шумихи вокруг Солженицына.

Просим согласия. [32]

Приложение: Упомянутое на 288 листах (несекретно).

Председатель Правления
Агентства печати Новости

И.Удальцов

Резолюция: Согласиться. М.Суслов.

ЦХСД. Ф.4. Оп.22. Д.1774. Л.1. Подлинник.

ИНФОРМАЦИЯ КГБ ПРИ СМ ССР

10 ноября 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

О деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА за рубежом

Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР информирует о СОЛЖЕНИЦЫНЕ.

После выдворения из СССР СОЛЖЕНИЦЫН и члены его семьи проживают в Цюрихе, где арендуют часть трехэтажного дома. По имеющимся данным, СОЛЖЕНИЦЫН не проявляет интереса к устройству быта, что нередко является причиной ссор между ним и женой.

Замкнутый образ жизни СОЛЖЕНИЦЫНА, абсурдность его политических взглядов, отрицательные черты характера (эгоизм, высокомерие, жадность и др.) оттолкнули от него многих почитателей и послужили причиной изоляции его семьи.

Нервозная обстановка в семье и падение интереса к его личности со стороны общественности Запада вынуждают СОЛЖЕНИЦЫНА постоянно инспирировать шумиху вокруг своего имени, выступать с непродуманными заявлениями, интервью и т.п. Так, интервью, данное СОЛЖЕНИЦЫНЫМ корреспонденту американской телевизионной компании Си-Би-Эс КРОНКАЙТУ, не получило нужного ему резонанса в результате грубых выпадов в отношении граждан еврейской национальности, выехавших из СССР.

В последнее время наблюдаются попытки СОЛЖЕНИЦЫНА наладить дружеские отношения с правооппортунистическими элементами из числа чехословацкой эмиграции, которые, по его просьбе, оказывают ему помощь в работе и быту. В свою очередь чехословацкая эмиграция пытается использовать СОЛЖЕНИЦЫНА в проведении антисоциалистических акций. Об этом свидетельствует факт, что он был приглашен принять участие в сборище по случаю шестой годовщины вступления войск стран-участниц Варшавского Договора в Чехословакию. Однако появление СОЛЖЕНИЦЫНА на сборище в неопрятном виде, его высокомерное поведение, преждевременный уход с «заседания» вызвали отрицательную реакцию со стороны многих чехословацких эмигрантов.

Пытаясь любыми средствами поддержать пошатнувшийся авторитет среди оставшихся в Советском Союзе немногочисленных единомышленников, СОЛЖЕНИЦЫН через свою жену регулярно

переводит деньги из созданного им т.н. «Русского социального фонда» в адреса известных своей деятельностью ГИНЗБУРГА, ГРИГОРЕНКО, ГОРБАНЕВСКОЙ и др.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР принимает меры к дальнейшей компрометации СОЛЖЕНИЦЫНА перед мировой общественностью.

Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*

С документом ознакомились и на полях расписались секретари ЦК КПСС П. Демичев, И. Капитонов, Б. Пономарев, М. Суслов.

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.960. Л.99-100. Подлинник.

ЗАПИСКА ПОСЛА СССР В КАНАДЕ А.ЯКОВЛЕВА

18 ноября 1974 г.

Посольство СССР в Канаде
г. Оттава

Председателю Правления АПН тов. Удальцову И.И.

«О рукописи канадской писательницы Мэри М.Даусон «Щепотка соли из Сибири»

В сентябре с.г. канадская гражданка Мэри М.Даусон обратилась в отдел прессы посольства с предложением издать в СССР ее рукопись «Щепотка соли из Сибири». М.Даусон, по ее словам, заинтересовалась шумихой, поднятой на Западе вокруг Солженицына и его книг. Прочтя книги Солженицына и книгу Соломона «Магадан» она поразились их «очевидной лживости», что побудило ее взяться за перо.

Дайсон предлагала свою рукопись «против Солженицына» различным канадским издательствам, но везде получила отказ. Она согласна передать нам свою работу без всяких условий и обязательств с нашей стороны, согласна вместе с нашими редакторами доработать свою рукопись.

Посольство считает целесообразным начать работу над рукописью Мэри Даусон в Москве с тем, чтобы подготовить ее к публикации. Необходимо развить многие положения рукописи, исключить непригодные части, а затем предложить М.Даусон переписать

сать в ее стиле сделанные нами вставки. Возможно, передать ей также справочный материал, который она может использовать. Доработанная рукопись может быть издана в Москве или третьей стране для распространения за рубежом.

Для нас представляется ценным сохранить подход и трактовку вопроса, предложенные Даусон, поскольку они более, чем многие другие отражают специфику мышления широкой публики в Канаде.

Большое значение сыграет предисловие автора, в котором может быть сказано, что рукопись издана в СССР, поскольку ни одно издательство в Канаде не захотело этого сделать.

Приложение: Справка на М.Даусон и две копии писем.[33]

Посол СССР в Канаде

А.Яковлев

Помета: Справка

По сообщению АПН (т.Власов) агентство приступило к работе над рукописью и предлагает пригласить в СССР М.Даусон.

Зам.зав. Отделом
пропаганды ЦК КПСС

В.Медведев

29 ноября 1974 года

Приложение

Мери М.Даусон - 140 Эльмдж Драйв, кв. 420, Торонто 19 тел. 783 - 6879

Из беседы с М. Даусон были выяснены следующие факты ее биографии и характер ее отношения к некоторым политическим проблемам сегодняшнего дня.

В настоящее время ей около 50 лет. Во время II мировой войны она служила в британской армии, работала в штабе шифровальщиком и «обслуживала» дешифровкой донесения британских агентов, действовавших на азиатском театре военных действий против Японии. В 1945 г. Даусон была в Берлине и там впервые видела русских. Ее поразил тогда выговор, полученный ею от своего начальства за то, что она побывала в советской зоне оккупации и общалась с советскими солдатами. «Ведь это наши союзники», - говорила Даусон своему командиру. Но ей сказали, что русские, поскольку они коммунисты, всегда будут врагами Британии.

С этим «положением» Даусон никак, по ее словам, не могла согласиться. С этого времени Даусон стала следить за событиями в

Советском Союзе. В итоге она пришла к выводу, что ни об одной стране не говорят в западной прессе так много плохого как о Советском Союзе и о «русских».

Истерическая кампания в связи с Солженицыным побудили Даусон начать борьбу против антисоветизма доступными ей средствами. Она прочла книги Солженицына и некоторых других антисоветчиков и увидела, что даже не зная реальных фактов, можно видеть, что эти книги являются лживыми. Простое сопоставление отдельных мест в книгах антисоветчиков разоблачает их как лгунов. Эту задачу взяла на себя М.Даусон, начав работать над книгой «Анти-Солженицын», где она старается бить Солженицына его собственными домыслами.

К настоящему времени Даусон опубликовала одну книгу и две других уже находятся в производстве. Теперь, когда она начала предлагать свою новую книгу против Солженицына канадским издательствам, начались «трудности» и с ее сочинениями. Правда, она рассчитывает, что ее две работы все же скоро увидят свет.

Попытавшись опубликовать свою книгу против Солженицына в разных канадских издательствах и везде получив твердый отказ с откровенным, как правило, объяснением, что для издательства выступление против Солженицына грозит неприятностями, Даусон обратилась в пресс-отдел советского посольства.

Рукопись Даусон пока еще сырая. Но ее можно и нужно доработать. Будущая книга Даусон должна содержать предисловие, где она рассказала бы о себе, о своей эволюции во взглядах и причинах, побудивших ее издать свою книгу в Советском Союзе.

ЦХСД. Ф.5. Оп.67. Д.134. Л. 319-321. Подлинник.

ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС

20 июня 1975 г.

Секретно

ЦК КПСС

«О книге А.Солженицына «Бодался теленок с дубом»

Весной нынешнего года буржуазное издательство «ИМКА-пресс» выпустило на русском языке книгу А.Солженицына «Бодался теленок с дубом». Книга имеет подзаголовок «Очерки литературной жизни» и представляет собой клеветническую версию взаимоотно-

шений Солженицына с Союзом писателей СССР и советским обществом в 1961-1974 гг.

В своем новом сочинении Солженицын заявляет о своей давней ненависти к социалистическому общественному строю, к Ленину и ленинизму, ко всему советскому. Называя себя «писателем-подпольщиком», он признается, что с юношеских лет вынашивал планы подрыва советской власти. Книга «Бодался теленок с дубом» представляет собой циничную исповедь идеологического диверсанта.

По мнению Союза писателей СССР (т.Марков), в связи с выходом на Западе книги «Бодался теленок с дубом» было бы целесообразно подготовить и издать на иностранных языках для распространения в зарубежных странах, а также на русском языке для советского читателя книгу, состоящую из достоверных материалов о враждебных социализму деятельности Солженицына (статьи из советской прессы, стенограммы обсуждений в секретариате правления СП СССР, критические выступления и заявления советских и зарубежных писателей, деятелей культуры о Солженицыне и т.д.). Такое документированное издание содействовало бы дальнейшему разоблачению Солженицына как клеветника и фальсификатора, явилось бы важным свидетельством подлинной картины развития советской литературы и отношения общественности к провокационной деятельности Солженицына.

Работу над книгой можно было бы поручить Союзу писателей СССР и АПН совместно с другими заинтересованными ведомствами. Агентство печати «Новости» имеет опыт подготовки и распространения такого рода изданий (например, сборники «Пресса о Солженицыне», «В кругу последнем» и др.).

Отдел культуры ЦК КПСС с мнением Союза писателей СССР согласен.

Просим рассмотреть.

Зав.Отделом культуры
ЦК КПСС

В.Шауро

Помета: Справка

Союз писателей СССР (т.Марков) в настоящее время снимает свое предложение.

Зам.зав Отделом культуры ЦК КПСС
29.XI.76 г.

А.Беляев.

ЦХСД. Ф.4. Оп.24. Д.1574 Л.128. Подлинник.

ЗАПИСКА КГБ ПРИ СМ СССР

17 февраля 1976 г.

Секретно

ЦК КПСС

О публикации в журнале «Крокодил» фельетона «Без царя в голове» о СОЛЖЕНИЦЫНЕ

По имеющимся данным, СОЛЖЕНИЦЫН намерен публикацию III части пасквиля «Архипелаг Гулаг» приурочить к периоду работы XXV съезда КПСС.

В связи с этим считаем целесообразным опубликовать в журнале «Крокодил» фельетон под названием «Без царя в голове», в котором на основе подлинных фактов раскрываются монархические взгляды СОЛЖЕНИЦЫНА и их социальные корни.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*

Резолюция: Согласиться. Целесообразно снять абзац на стр.4 и строку на стр.10. Лучше было бы опубликовать в «Литературной газете». Б.Пономарев. [34]

Помета: Справка

Фельетон «Без царя в голове» опубликован в «Литературной газете» 17 марта 1976 года.

Зам.зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС
Зав.сектором Отдела

М.Грамов
И.Зубов

19 марта 1976 года.

ЦХСД. Ф.5. Оп.69. Д.2897. Л.1-2. Подлинник.

ЗАПИСКА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС

13 декабря 1988 г.

ЦК КПСС

Отделом проведена работа по предотвращению широкой кампании в связи с 70-летием Солженицына, инспирированной рядом деятелей культуры. Не организовалось каких-либо мероприятий в Союзе писателей СССР. Запланированный в Доме архитекторов вечер на эту тему руководством этого Союза (г.Платонов) был отменен.

В то же время руководство Союза кинематографистов СССР, несмотря на неоднократные рекомендации, провело 11 декабря с.г. в Центральном доме кинематографистов вечер, посвященный 70-летию Солженицына.

Выступавшие на вечере (В.Лакшин, В.Кондратьев, Е.Яковлев, И.Виноградов, Б.Можаев, Ю.Афанасьев, М.Чудакова) говорили о том, что Солженицын - «крупнейшее явление в литературе», «один из видных российских писателей, оказавший огромное воздействие на современный литературный процесс». Ораторы делали акцент на том, что к «художнику надо относиться прежде всего исходя из его произведений, которые бывают глубже его социальных и политических воззрений». В качестве примера они ссылались на творчество Ф.Достоевского, Л.Толстого.

Касаясь вопроса лишения Солженицына гражданства и его выдворения из страны, выступающие указывали на то, что это было нарушением Конституции СССР, что этот противозаконный акт «следует отменить». «Надо снять с себя грех» - В.Лакшин. «Возвращение нужно нам для очищения» - Е.Яковлев. В выступлении И.Виноградова прозвучала мысль, «что в нынешних условиях полуправды, возвращение человека, призывающего «жить не во лжи», может показаться кому-то нежелательным и даже опасным делом».

Выступавшие говорили о необходимости издания произведений Солженицына в Советском Союзе. «Соккрытие, неопубликование произведений негативно отражается на нашей культуре, может привести к пагубным последствиям» - Ю.Афанасьев. «Почему мы боимся книг Солженицына? Ведь Ленин не боялся произведений Аверченко» - Ю.Карякин. Говоря «об историческом предвидении» Солженицына, Б.Можаев сказал, что автор предсказывал возможность публикации «Архипелага Гулага» в СССР после 1984 г., Б.Можаев отметил, что первым человеком, отстаивавшем гласность в Советском Союзе был Ленин. Б.Можаев выступил в защиту Ленина как политического деятеля.

Высказывалось так же мнение: «Мы ведем диалог с прямыми противниками» (Рейган, Тэтчер, Коль и т.д.), а «речь в данном случае идет

о писателе, судить о взглядах которого необходимо по законам искусства».

В ряде выступлений отмечалось, что фигура Солженицына как писателя и общественного деятеля сложна и противоречива. Многие политические заявления, которые делал Солженицын и ряд его книг свидетельствуют, что он не принимает Великую Октябрьскую социалистическую революцию, ленинизм как политическое течение, стоит на монархических позициях. Было бы ошибкой делать Солженицына «красным». В своем выступлении Е.Яковлев упомянул ответ т.Медведева В.А. на пресс-конференции по поводу Солженицына, как о «противнике социализма». Е.Яковлев отметил, что «если А.Твардовский верил в социализм и старался работать во имя его улучшения, Солженицын не видел возможности его обновления. Нынешняя перестройка идет под знаменем Твардовского» (на вечере присутствовали дочери А.Т.Твардовского).

Обращения или письма в адрес Солженицына на вечере не принимались. По словам А.С.Смирнова, председательствовавшего на встрече, правление СК СССР, предвидя возможность таких предложений, заранее отправило поздравительную телеграмму юбиляру.

Во время вечера в президиум поступило много записок. Ведущим было принято решение не отвечать на них и трибуну для незапланированных выступлений не предоставлять.

В заключение был показан совместный американо-норвежский фильм «Один день Ивана Денисовича», предоставленный посольством Норвегии в СССР.

Идеологический отдел ЦК КПСС полагали бы возможным обратить внимание руководства Союза кинематографистов (т.т. Климова и Смирнова) на необходимость более ответственного и политически выдержанного подхода к сложным идеологическим вопросам. Кроме того, считали бы целесообразным поручить МГК КПСС совместно с идеологическим отделом ЦК КПСС и творческими союзами провести необходимую работу, связанную с содержанием и планированием деятельности центральных домов творческих союзов, включая при необходимости укрепление их руководящих кадров.

Просим согласия.

Зав.Идеологическим отделом
ЦК КПСС

А.Капто

Резолюция: Согласиться. В. Медведев. Г. Разумовский. Л. Зайков - с замечаниями на стр.3 т. Капто согласен. [35] А. Яковлев. Н. Слюньков.

ЦХСД. Текущий архив. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. К письму прилагается рукопись повести с немногочисленными отчеркиваниями на полях.

2. Твардовский А.Т. - в 1962 г. гл. редактор журнала «Новый мир».

3. Лебедев В.С. - в 1962 г. помощник Н.С.Хрущева.

4. Снастин В.И. - в 1964 г. первый зам.заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС.

5. 20 сентября 1965 г. КГБ доложил ЦК КПСС о возбуждении уголовного дела в отношении В.Л.Теуша и И.И.Зильберберга «по факту распространения среди некоторой части творческой интеллигенции... документа, в котором с антисоветских позиций анализируются основные идеи повести А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». //ЦХСД. Ф.5. Оп.47. Д.485. Л.42-44.

6. А.И.Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом» указывает дату обсуждения повести - 16 октября 1966 г.

7. К информации отдела культуры приложена записка секретаря ЦК КПСС М.Суслова; «Ознакомить секретарей ЦК КПСС» с подписями секретарей ЦК П.Демичева, И.Капитонова, А.Кириленко, Ф.Кулакова, М.Соломенцева, Д.Устинова и припиской А.Шелепина: «На мой взгляд, следовало бы поговорить с самим Солженицыным и обратить его внимание на неправильную практику, когда он сам, без всякой скромности навязывает к обсуждению свои произведения».

8. Алтаева А.И. - в 1967 г. заведующий сектором Общего отдела ЦК КПСС.

9. Речь идет о письме А.И.Солженицына «Всесоюзному съезду советских писателей (вместо выступления), в Президиум съезда и делегатам членам СП СССР, редакциям литературных газет и журналов», разосланное в мае 1967 г.

10. Многостраничная записка отдела культуры ЦК КПСС содержит описанную А.И.Солженицыным в книге «Бодался теленок с дубом» оценку письма некоторыми делегатами съезда писателей. Утверждается, что изъятие литературного архива А.И.Солженицына в сентябре 1965 г. не было противозаконным, поскольку у «самого Солженицына, проживающего в Рязани, никаких обысков не производилось». Отдел культуры считал также необходимым в этой записке ознакомить местных работников с некоторыми отрывками из пьесы «Пир победителей».

11. Туманова З.П. - в 1967 г. зам.заведующего Отделом культуры ЦК КПСС.

12. Статья носит название «Идейная борьба. Ответственность писателя». Письмо А.И.Солженицына, датированное 25 апреля 1968 г., адресовано также в редакции газет «Монд» и «Унита».

13. имеется ввиду письмо В.А.Каверина секретарю Союза писателей СССР К.А.Федину от 25 января 1968 г., распространявшееся в «самиздате», воспроизведенное позже Кавериним в книге «Эпилог» (М.,1989). В ЦХСД имеется копия этого письма, полученная в ЦК КПСС из КГБ.

14. В архиве обнаружен только подлинник письма на английском языке.

15. К записке Главлита приложена справка следующего содержания: «ЦК КПСС Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (т.Романов) информировал о поступлении на имя А.Солженицына письма Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы, а также ежегодника академии и брошюры. С документом ознакомлены руководители Союза писателей СССР (тт. Марков, Сартаков, Озеров), Союза писателей РСФСР (т.Соболев). При рассмотрении вопроса о поведении А.Солженицына писательская организация учитывала и эти материалы. Решением секретариата Союза писателей РСФСР от 5 ноября 1969 г. А.Солженицын из членов СП СССР исключен.

Зам.зав.Отделом культуры ЦК КПСС .Мелентьев
30.XII.1969 г.»

16. К информации горкома партии прилагается записка секретаря ЦК КПСС П.Демичева: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также т.т. Шауро В.Ф., Степакова В.И.», на котором расписались секретари ЦК И.Капитонов, К.Катушев, А.Кириленко, Ф.Кулаков, Б.Пономарев, Д.Устинов. Степаков В.И. - в 1969 г. заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС.

17. В феврале 1970 г. решением Секретариата ЦК КПСС главный редактор журнала «Новый мир» А.Т.Твардовский отстранен от работы в журнале. В июне 1970 г. отмечался 60-летний юбилей А.Твардовского.

18. Информация посольства СССР в ГДР была подложена к материалам отделов культуры и пропаганды ЦК, на основе которых позднее принято постановление Секретариата ЦК КПСС (N Ст-III/10с от 9 октября 1970 г.) «О Солженицыне»./ЦХСД. Ф.4. Оп.20. Д.770. Л.71. Опубл. «Нобелиана» Александра Солженицына». «Исторический архив».1992, N 1.

19. Из пометки в учетной карточке Общего отдела ЦК КПСС к записке МВД следует, что вопрос «о прописке» А.И.Солженицына снят с рассмотрения в ЦК КПСС 29 марта 1974 г. (!), когда документ был сдан в архив ЦК КПСС из секретариата М.Суслова.

20. Имеется ввиду «Всероссийскому Патриарху Пимену Великопостное письмо»./Опубл. «Письмо из «самиздата»». «Слово» 1989,N12.

21. К документу прилагается записка: «Отдел пропаганды ЦК КПСС. т.Яковлеву. П.Демичев». Яковлев А.Н. - в 1972 г. зам.заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС.

22. Вместе с текстом «Нобелевской лекции по литературе 1970 года» А.И.Солженицына КГБ переслал в ЦК КПСС текст Речи члена Шведской Академии К.Р.Гирова, подготовленной для церемонии вручения писателю в Москве знаков Нобелевского лауреата.

23. В архиве сохранились записки КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС по этому вопросу: от 21 июня 1972 г. - о расторжении брака А.И.Солженицына с Н.А.Решетовской; от 29 апреля 1973 г. - о контроле за решением вопроса «о прописке» писателя в Москве. // ЦХСД. Ф.5. Оп.64. Д.33. Л.80-81; Ф.5. Оп.66. Д.1053. Л.16-20.

24. 4 января 1974 г. Секретариатом ЦК КПСС утвержден переработанный и сокращенный вариант постановления «О разоблачении антисоветской кампании буржуазной пропаганды в связи с выходом книги Солженицына «Архипелаг Гулаг» (N Ст-108/4с). // ЦХСД. Ф.4. Оп.22. Д.1212. Л.18, 21-29. Оpubл. частично «Как травили Солженицына». «Труд». 2 июля 1992 г.

25. Смирнов Г.Л. - в 1974 г. зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС.

Беляев А.А. - в 1974 г. зам.заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

26. Вероятно, речь идет о постановлении СМ СССР N 588от 16 августа 1973 г. «О Всесоюзном агентстве по авторским правам».

27. К документу прилагается записка секретаря ЦК КПСС М.Суслова:

«1) Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также т.Смирнова Г.Л..

2) Предложение т.Щербицкого (стр.5) правильное и его надо осуществить», на которой расписались секретари ЦК П.Демичев, В.Долгих, И.Капитонов, К.Катушев, А.Кириленко, Б.Пономарев, Г.Смирнов. Предложение Щербицкого относится к указанию об изъятии книг А.И.Солженицына из библиотек.

28. Мури Ф. - первый секретарь ЦК Компартии Австрии.

29. К информации отдела пропаганды ЦК КПСС прилагается записка секретаря ЦК КПСС П. Демичева: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС», на которой расписались В. Долгих, К. Катушев, А. Кириленко, Б. Пономарев, Д. Устинов.

30. Единственным из обнаруженных в ЦХСД документов, содержащих протест против ареста и высылки А. И. Солженицына из СССР, является телеграмма Е. Евтушенко, посланная 12 февраля 1974 г. на имя Л. И. Брежнева. В ней в частности, говорится, что «несмотря на ошибки Солженицына, его арест является грубейшей ошибкой, которая не принесет пользы нашей Родине и, наоборот, принесет долгожданную радость ее врагам». // ЦХСД. Ф. 5. Оп. 67. Д. 13. л. 26-28.

31. Журнал «Норзерн Нейборс» («Северные соседи») издавался Ассоциацией «Канада - СССР».

32. В ЦХСД сохранились еще две записки, касающиеся издания книги «В споре со временем». 3 марта 1975 г. АПН обратилось в ЦК за согласием издать эту книгу на русском языке «для распространения среди русской эмиграции за рубежом». На записке отдела пропаганды ЦК КПСС от 24 марта 1975 г. с аналогичным содержанием есть резолюция секретарей ЦК КПСС о согласии на опубликование этой книги. //ЦХСД. Ф.4. Оп.22. Д.1801. Л.105-106.

33. Прилагаемые копии писем М.Даусон на английском языке адресованы руководителю отдела прессы Посольства В.И.Михееву (ее содержание изложено в записке А.Яковлева) и редактору канадского издательства Рэндом Хаус - о мотивах написания книги и просьбе прочитать ее рукопись.

34. Абзац на стр.4. приложенной рукописи фельетона Б. Даниеля представляет собой цитату из высказывания А. И. Солженицына о «разгуле демократии» в Соединенных Штатах. Вычеркнутая строка на стр.10 выглядит так: «Покинув, <и далеко не по собственной воле> русскую землю, он...» К документу прилагается поручение помощника секретаря ЦК КПСС М.Суслова Общему отделу ЦК КПСС: «Дать тов.Смирнову после съезда».

35. Замечание Л. Зайкова относится к дополнению идеологического отдела ЦК КПСС в перечень организаций, ответственных за проведение работы, касающейся деятельности домов творческих союзов.

Публикация и примечания А. ПЕТРОВА

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ - МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ ДУХА

*Слово в соборе Парижской Богоматери
(26 октября 1975 года)*

Перед началом древних соборов Церковь провозглашала: *Днесь благодать Святаго Духа нас собра.* Помолимся же в сердцах наших, чтобы и эта встреча была действием животворящего Духа Божия. Помолимся о том, чтобы слово, которое мне будет дано, исходило от Него. Помолимся также, чтобы за моими словами, без сомнения несовершенными, которые я сумею произнести, вы смогли уловить реальность – Бога, слово – Божие, действие – Духа Святого, нисходящего к верующим и руководствующего их в познании и разумении всякой истины.

Сегодня я буду говорить с вами главным образом о Евхаристической литургии. Все действия Церкви – будь то наша частная молитва, литургическая или пара-литургическая, все действия Церкви, за исключением Евхаристии – это действия человеческие: вдохновенные, направляемые Богом, но являющиеся именно порывом людей к Богу, их Господу, их Спасителю, порывом, подобным готическим шпилям, устремленным в небо, словно крик в ожидании ответа Всевышнего.

Евхаристическая литургия не есть действие Церкви, она – сама Церковь в том полном смысле, что превосходит присущее нам видение Церкви эмпирической, то есть такой, какой мы ее видим и переживаем. Евхаристия уже находится в эсхатологическом измерении; она – будущий век, вторгшийся во время; мгновение вечности, в котором мы вполне участвуем, потому что мы сами – мужчины и

АНТОНИЙ
митрополит
Сурожский

– в миру Андрей Борисович Блум. Правящий архиерей Московского Патриархата на островах Великобритании. Автор множества книг, переведенных на все европейские (и не только европейские) языки.

женщины, принадлежащие вечности. Мы – эсхатологические люди и общества, которые, пребывая во времени, принадлежат будущему веку. Праздники святых, великие церковные праздники, отмечающие поворотные исторические моменты домостроительства спасения; чтение священных текстов, в центре которых – трагические и славные события жизни Христа и дарование Святого Духа; благословение и освящение людей и предметов – все это способы, которыми Бог – через нас, посредством нас, при нашем участии – освящает время, присутствует в истории, разворачивает ее в меру вечности. Но Евхаристическая литургия – нечто большее, она – сама вечность, пришедшая и наступившая. Вечность не есть грань времени, вечность – это Сам Бог, присутствующий среди нас, Вечность – это уже завершение всего, хотя и под покровом продолжающегося времени, в котором неверующий слепец не умеет прозревать присутствие Бога Живого.

Я хотел бы указать на некоторые характерные черты Евхаристической литургии, прежде чем подойти к тому, о чем меня собственно просили говорить – о Божественной литургии, как местопребывании Духа.

Евхаристическая литургия, как показывает ее название, есть акт *благодарения*, но она и нечто иное. В древнегреческом и славянских языках слово «евхаристия» означает дар, благодарение делом. Вы, вероятно, помните то место из псалма, где царь Давид восклицает: *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?* – и довольно неожиданным для нас способом отвечает: *Чашу спасения прииму, имя Господне призову*. Единственный способ, каким мы можем ответить на Божественную любовь, на эту распятую, жертвенную любовь Бога, на этот дар Божий в Духе и Крови, это – открыться навстречу Господу и принять Его, дать Ему свободно пребывать в нас, быть хозяином этого храма, Им созданного и беспрестанно нами оскверняемого, хотя в сущности своей остающегося священным. Величайший дар Божий и, одновременно, самый совершенный ответ человека – вот первая черта Евхаристической литургии.

Другая ее особенность в том, что она целиком обращена к Отцу. В православной практике и предании это единственная служба, обращенная к Богу Отцу. Не «через Сына» и не просто «в Духе»: Церковь обращается к Отцу не потому только, что единственный Предстатель ее – Сын, но и потому, что она устремлена к Отцу в единстве тела со своей главой. Церковь, по смелому, чудесному определению святого Иринея Лионского, «в Единородном Сыне – единородный сын». Сын единороден по рождению, мы – по усвоению, по действию Божью, которое уподобляет нас Тому, Кто Един и единственен. Именно такими мы предстаем перед Отцом: не только прося Сына о заступничестве, но будучи ныне на земле продолже-

нием, распространением во времени и пространстве, через века и страны, воплощения Сына Божия, Его присутствия во плоти. Как определил ее однажды патриарх Алексий, «Церковь – это тело Христово, во все века ломимое за спасение мира». Церковь обращается к Отцу именно как тело Христово, движимое Духом Божиим, который дарован нам Христом и во Христе. Только Христом мы можем прийти к Отцу, только в Единородном Сыне можем мы достичь сыновства, которое не просто символ, метафора, но сущностная реальность.

Еще одна особенность этого богослужения, вытекающая из уже сказанного, в том, что, в качестве постоянного продолжения и распространения присутствия Христа – отдающегося, распятого, униженного в мире Христа, – Евхаристическая литургия раскрывается не только в молитве, но и в действии, в акте молитвенного предстательства: предстательство Сына Божия, ставшего сыном человеческим, начинается не в тот момент, когда Он в молитве воздевает руки к Отцу; оно начинается в момент, когда Он входит в мир страдания, смерти, греха и берет на Свой мощные и, одновременно, столь хрупкие плечи тяжесть греха, смерти и страдания мира. Предстательство Христа есть прежде всего деяние, действие воплощения, которое ведет Его через целую человеческую жизнь к человеческой смерти в самом ужасном и трагическом смысле этого слова. Потому что умирает Он не своей смертью, а нашей. Смерть приходит и пожиная нас, потому что мы потеряли Бога, и в ужасающей, потрясающей солидарности с нами Христос на кресте соглашается – будучи Сыном Божиим – потерять Бога, что и выражает самый, может быть, страшный в истории возглас: *Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?..* Потерять Бога и от этого умереть – акт предельной солидарности, акт предельного единства с нами, который мы в свою очередь должны разделить, в котором должны соучаствовать в единении со страдающим творением и всем греховным человечеством, чтобы стать этим ломимым, мучимым телом, из недр которого восходит к Отцу глас: *Прости им, Отче, они не ведают, что творят!..*

Но это единство между Христом и нами, эта нерасторжимая связь, благодаря которой мы остаемся Церковью, несмотря на наши личные грехи и наше общее противление Богу, эта солидарность и единение со Христом возможны только действием Божиим. Все, что составляет призвание христианина, превосходит человеческие возможности. Разве не призваны мы – не только по нашему желанию и выбору, но и по христианской обязанности – быть подлинно, всецело телом Христа, живыми членами, ветвями, в которых течет жизнь лозы? Разве не призваны мы быть храмами Духа Святого? Разве не должны мы стать, как я только что говорил, сущностно – хотя бы и по усвоению – сыновьями и дочерьми, детьми Бога Живого, *причастниками Божеского естества?* (2 Пет, 1,4) Все это невозможно, не может быть осуществлено человеческими силами. Все это может быть нам дано – если мы согласны

принять. Все, что мы можем сделать – это открыться Богу и отдаться Ему. Но совершение этого возможно и реально только действием Божиим. Один Бог может это совершить. И в Евхаристической литургии, как и во всех других таинствах, от нас требуется ответить на зов Божий и отдаться Богу, стать прозрачным, стать гибким; и тогда исполнится и будет исполняться во всех нас до конца веков обещание, данное Павлу: *Довольно тебе благодати Моей, сила Моя в немощи совершается...* Не в расслабленности человеческой, не в слабовольности или ленности – рабских порождениях зла, но в немощи ребенка, отдающегося без всякого сопротивления в руки матери, дающего действовать ее силе.

И это так явно в православной Евхаристической литургии. Когда собралась христианская община, когда священнослужители – диакон, священник, епископ – все приготовили, чтобы начинать совершение Евхаристии, диакон приближается к предстоятелю и произносит короткую, но очень значительную фразу, которая ставит, так сказать, предстоятеля на место, но не оскорбительным образом, а в восхищении перед тем, что будет происходить. Диакон говорит: *Время сотворити Господеви...* Все, что по-человечески можно было сделать, сделано: община в сборе, священнослужители здесь, хлеб и вино принесены, – но то, чего мы ожидаем, то чудо, которое претворит хлеб – в Тело Христово, и вино – в Кровь Христову, не может быть совершено никаким человеческим усилием и никакой человеческой властью. Единственный Совершитель – Тот, Кто одновременно Первосвященник и Жертва, одновременно Бог дающий и Бог принимающий. И сила, которая может претворить этот земной хлеб и вино в Тело и Кровь вечности, – Дух Святой, сила только Бога. Поэтому мы и обращаемся к Богу, поэтому в эпиклезе, то есть в призывании Духа Святого, мы обращаемся к Нему, не ища и не ожидая формальных гарантий, в уверенности веры и в уверенности надежды, что Церковь, живое тело Христово, есть место вечного Его присутствия и, также место непреложно сбывающихся Божественных обетований, ибо Бог не обманывает.

И это то, что можно назвать эсхатологическим измерением Церкви. Эсхатологичность здесь просто означает, что уже теперь, в длительности текущего времени присутствует вечность. Говорить об эсхатологии, значит говорить о том, что будет, как о том, что уже есть, хотя и зачаточным, зарождающимся, но реальным образом. Речь не только об обетовании, которое исполнится, но об обетовании, которое уже в действии, самый динамизм которого привносит новый смысл и новую творческую силу в человеческую ситуацию. В Евхаристическом каноне есть фраза, которая грамматически – абсурд, но которая хорошо выражает этот эсхатологический аспект: *Дай нам, Господи, участвовать ныне в Твоем грядущем Царстве...* Да, мы хотим сегодня быть участниками славы того события,

которое совершится позднее, хотим участвовать в нем: пока прикровенно, способом, о котором говорим в терминах веры; потом, в будущем – ослепительно-явно, когда откроется Царство в пришествии Христа и в излиянии, я бы даже сказал, в потоке Духа Святого, который охватит все творение, чтобы его изменить и преобразить, соделать новым.

Каким же образом мы можем теперь рассчитывать на это грядущее событие? Как возможно, чтобы этот хлеб, это вино, принадлежащее настоящему веку, могли уже сейчас, не разрывая времени, не переставая быть хлебом и вином, достичь этой эсхатологической полноты и стать Христом, через них отдающим Себя нам? Да, отдающим Себя нам – через них. Ибо весь тварный мир, все сущее существует действием Божиим; к бытию все, что существует было призвано не только действием Божественной воли, но и – Божественной любви. Божественная любовь вызвала нас к бытию в восхищенном ожидании встречи; и только человек сумел стать предателем, только человек сумел потерять Бога. Вся тварь донныне стенает под властью противника, потому что человек не сохранил верности, потому что человек предал ее в чуждое, тягостное рабство, которое она отвергает всем своим жизненным порывом, но в котором мы ее удерживаем в той мере, в какой сами остаемся рабами противника Божия, И Христос, новый Адам, может дать ей новое бытие.

Когда мы думаем о грядущем, об этом эсхатологическом изменении Церкви, нам мешает недостаточность нашей веры и недостаток глубокого опыта того, что есть Церковь, Бог, таинства. Мы мыслим в терминах будущего. Да, придет время, когда Бог победит, время, когда все будет завершено. Но это не христианская перспектива, это мельче, слабее христианского видения, это его умаление. Конец, некоторым образом, уже настал.

Вы, наверное, помните слова Христа на кресте: *Совершилось!*... Конец уже достиг нас. Во-первых, во Христе, а затем в Духе Божием. Те из вас, кто читает по-гречески, могли заметить, что в книге Откровения, написанной безупречным греческим языком, постоянно повторяется одна семантическая ошибка. Автор, святой апостол Иоанн Богослов, употребляет слово «конец» в мужском роде, тогда как оно среднего рода. Почему? Потому что для него конец – не мгновение, не конечная точка, завершающая человеческую историю, не последний час, возвещающий конец греха, смерти, безбожия в глубоком смысле слова как потери и отсутствия Бога, то есть момент, открывающий дверь в вечность, где Бог будет все во всем, за пределами страшного огненного суда. Для него конец – это встреча с Богом Живым. Конец должен быть понят в двух значениях, в каких мы употребляем слова «путь» и «цель пути». Когда мы

говорим «цель оправдывает средства», то речь идет не о конечном моменте, а о достижении определенной цели. Но в качестве такой цели открылась для нас встреча с Господом Иисусом Христом, Который – путь наш, но и дверь, открывающаяся в вечность. Однако это событие нам уже известно, этот конец уже настал, эта вечность достигла нас. Христос не только должен прийти – мы с надеждой ждем Его второго пришествия, взывая с Духом и Невестой: *Гряди, Господи Иисусе, и гряди скоро...* – но Он уже приходил, смиренный, беззащитный, уязвимый, как-будто побежденный, презираемый и как-будто достойный презрения, подобный нам во всем, в нашей человеческой хрупкости, в нашем человеческом ужасе и нашей человеческой смерти и – вместе с тем – славный в Своем Божестве. Конец не только грядет, конец настал тому уже около двух тысяч лет назад. Мы живем в мире, который уже за пределами своей цели. Сознаем ли мы это когда-нибудь? По-видимому, очень редко. Мы живем в мире, в котором все уже совершено со стороны Бога, но остается еще нечто совершить человеку. Я вернусь к этому чуть позже, ибо к этому именно приводит Евхаристия, в этом открывается как действие церковное и действие человеческое.

Итак, мы живем в эсхатологическом мире, где конец присутствует со всей своей интенсивностью и всей своей реальностью. Если мы – тело Христово, мы являемся им реально во всех его глубинных измерениях. Богочеловек уже теперь сообщает нам присущую Ему Божественность и также присущую Ему человечность, вне которых почти всегда мы и живем из-за греховности, недостаточности веры и надежды на Него. Таким образом, время, в котором мы живем, материальный мир, в котором мы действуем, наше человеческое тело, наша судьба, и личная, и общая, которая всех нас охватывает и несет, в то время, как мы создаем и творим, – все это имеет характер того, что на богословском языке можно было бы назвать «халкидонским догматом» – одновременным присутствием Божественного и человеческого, которые не только соприкасаются, но и взаимопроникают друг друга так, что Божественное становится полностью человеческим, не переставая превосходить все тварное, а все человеческое оказывается пронизано присутствием Бога.

В двадцатой главе Евангелия от Иоанна мы встречаемся с тем, что некоторые богословы называли «Иоанновой Пятидесятницей», – с дарованием Духа Святого, как оно описано апостолом Иоанном в конце его Евангелия. О чем говорит нам эта «Пятидесятница», это дарование Духа? В чем здесь отличие от Пятидесятницы книги Деяний? Какую надежду приносит нам это событие, что оно открывает о нашем человечестве и о нашем положении в отношении уже достигшей нас вечности Божией?

Вы, наверное, помните, что произошло: в вечер Своего воск-

ресения Господь Иисус Христос входит «дверем затворенным» в горницу, где в страхе находились Его ученики. Как не понять их страха и их отчаяния? Иисус Христос мертв, умер на кресте. Ненависть человеческая, человеческий страх перед божественным и священным победили, казалось, Самого Бога. Тот, Кто был не только их Другом, не только Учителем, но и Богом, их Господом, погиб, и вместе с Ним обречена была теперь и Его проповедь. Они могли продолжать существовать, но они больше не могли жить, потому что жить для них означало жить со Христом и во Христе. Со смертью Христа не осталось жизни, не осталось ничего, кроме безнадежного тления, которое окончится неотвратимым поражением смертью и сошествием в тот ад Ветхого Завета, который не есть место мучения, а нечто еще более ужасное: место, где Бога нет и никогда не будет, место окончательного и непоправимого, вечного Его отсутствия. И вот, среди них является живой Христос. Его первые слова так естественны, если мы поймем отчаяние и страх апостолов: *Мир вам!*.. И действительно, Он дает им тот мир, которого мир сей дать не может, но не может и отнять у нас: мир уверенности, что Бог победил и что Его победа достигает, охватывает нас, уносит нас, удостоверяет в вечной жизни, несмотря на подстерегающую нас смерть, потому что сама смерть была побеждена смертью Христовой. И затем Христос, дунув на Своих апостолов, сообщает им Свое дыхание и говорит: *Примите Духа Святого*. Разве не видна здесь очевидная аналогия между крещением Господним и этим событием рождения Церкви, крещеной в Духе, на которую Дух сходит и которая теперь Им проникнута и носима? Выходя из иорданских вод, Христос, по своему человечеству, принял сошедшего на Него и почившего на Нем Духа. Теперь этот Дух дается всем, кто составляет тело Христово, кто становится Им Самим, не будучи Им по существу, то есть кто соединен с Ним всецело, так, что Его жизнь стала их жизнью, что они – лишь ветви на живой и живоносной лозе. Однако здесь Дух, данный Церкви и пребывающий в ней, дается не так, как в день Пятидесятницы, когда Он сходит на каждого из апостолов. В Пятидесятницу каждый получил этот дар Духа лично; в вечер воскресения Христова Дух сошел на Церковь в ее целостности, в ее единстве: никто не обладает этим даром отдельно от других, но только все в совокупности, каждый – вместе со всеми. Вспомните: Фомы не было с ними в тот вечер, но когда он присоединился к апостолам, когда Христос его встречает через неделю, ему не нужно принимать новое излияние Духа, как будто он его не получил: принадлежа к этому телу, он получил Духа вместе со всеми. И все, кто из века в век, верой и крещением, даром Духа Святого, евхаристическим приобщением, священническим рукоположением или епископским посвящением присоединяется к этому апостольскому кругу – все причастны этому единственному дарованию, которое не личное, а общецерковное.

В тот день родилась Церковь, тело Христово, исполненное Святого Духа, живущее Духом жизни, содержимое Богом и обладающее Им в той мере, в какой она Ему поклоняется, отдается, — не в смысле человеческого обладания как присвоения. Тогда Церковь стала местопребыванием Духа. Церковь стала местом, где может совершиться чудо Евхаристии, потому что она — эсхатологическое общество, потому что она состоит из людей, которые уже в этом временном мире принадлежат миру вечности. Разве не волнующее чудо — думать, что все мы держимы Богом и отданы Ему настолько, что то, что будет истинно в будущем веке славы, уже начинает, уже стало истинным для нас!

Но для этой эсхатологической ситуации характерна некая двойственность, незавершенность. Вечность уже настала, и, однако, мы — мужчины и женщины века сего; мы уже принадлежим веку славы, и, однако, стыд греха, человеческая слабость и хрупкость падшего мира тяжело давят на наши плечи. И не только внешне, но и как разрушительная сила внутри нас. Не говорит ли апостол Павел, что различает в себе два стремления, две силы — силу духа и силу плоти? Не сказал ли он, что неспособен творить то добро, которое любит и выбирает, а находится в рабстве у греха, который ненавидит и отвергает? В этом и состоит эсхатологическая ситуация, реальная как для него, так и для нас. Но эта эсхатологическая ситуация реальна не только в плане человеческом, для душ, обладающих сознанием и свободой выбора, отдающих жизнь или отказывающихся отдать себя; не только в плане обществ, которые являются солью земли и светом истории или же становятся потемками и подлежат суду Божию. Этот эсхатологический элемент, эсхатологический фактор относится также к веществу этого мира. Задумывались ли вы когда-нибудь, что мы говорим о двух вещах, когда описываем воплощение Сына Божия? С одной стороны, мы говорим, что Сын Божий стал сыном человеческим, но, с другой, мы говорим о воплощении: *Слово стало плотью*. С одной стороны, Сын Божий, Бог во Христе вступил в историю, но через Него вся история собрана вокруг этого присутствия. Прежде она протекала перед лицом Божиим, она слышала Божий призыв, Бог стучался в двери умов и сердец. Страданием и смертью, трагедией и ужасом, радостью и откровением Он пытался пробудить души, способные отозваться на Его зов. Во Христе Бог стал неотъемлемой частью истории, и время, как я уже говорил, разверзлось так, что содержит вечность и, одновременно, само содержится в необъятности Божией, в Его неизмеримой, беспредельной вечности. Но с другой стороны, Слово стало плотью, и человеческая плоть Христа, физическое человечество Христа, которое во всем подобно окружающему нас материальному миру, является связью между Божеством и этим материальным миром.

Сын Божий, ставший сыном человеческим, открывает нам дивный, невероятный факт; человек так велик, что в своем человечестве может вместить присутствие Божие. По слову одного западного автора, Ангелуса Силезиуса: «Я столь же велик, как Бог; Бог столь же мал, как я». Человеческое величие – в рост Божий. Божественное смирение – в меру человека. И физическая тварь, какой она открывается в воплощении, оказывается способной к необъятности и вечности; она призвана к вечной жизни, и на примере Христа, в этом Его человеческом теле видимый, осязаемый тварный мир и мир невидимый, окружающие нас, связаны с Богом и получают свидетельство, что тварное может быть столь велико, что слова апостола: *Бог будет все во всем*, – относятся не только к человеку, его истории, его судьбе, но и к физическому миру, который преобразится и войдет в славу. Как это дивно, как прекрасно! И физический мир также сопричастен халкидонской эсхатологии, этому двойному присутствию тварного и нетварного, которые взаимопроникают друг друга, времени и вечности, конечного и бесконечного, Бога и того, что человеческое и материальное. Поэтому и возможны таинства, поэтому они – не образы, не знаки, а реальности – реальности действенные, изменяющие и преображающие. Они возможны потому, что в уже пришедшей вечности вещи, так же как и люди, могут участвовать в славе будущего века. И все – весь этот материальный мир от самой огромной галактики до мельчайшего атома – все без исключения призвано стать носителем Бога, просиять Его славой.

И эти хлеб и вино, которые в нашем линейном времени никоим образом не могут быть ничем иным, кроме как тварными хлебом и вином, входят в тайну вечности и открываются нашему зору или, вернее, открываются нашему внутреннему опыту, непосредственно переживаемому опыту как Христос воплощенный, отдающийся нам. Причащение – не акт каннибализма; верующие вкушают не историческое тело Христа: хлеб и вино таинственно становятся частью Христовой Тайны – «христологической» реальности – без того, чтобы это отразилось на историческом теле Христа; они оказываются проникнуты присутствием Слова Божия – через воплощение, в таинстве единения, – и приобщают нас тому, чем сами стали. По нашему греховному ослеплению – столь жалкому и плачевному, если подумать о том, каковы мы, церковное общество, – мы не способны видеть сияние благодати и славы в этом хлебе и вине, и, однако, они перед нами и посредством безгрешной твари, – которая стала жертвой нашего падения, – делают нас причастниками Божия схождения на наш уровень, причастниками тому, что они способны воспринять от нового Адама, Который не только совершенный Человек, но и Бог Живой. В таком именно положении мы и живем – в сумерках веры, где свет светит, но еще не победил, не уничтожил тьмы. И Дух

Божий, Дух, носившийся над бездной, когда еще ничего не было, прежде чем что-либо стало, что-либо определилось, тот же Дух, который сошел на Человека Христа, который охватил апостольский круг и распространяется дальше, — этот Дух единственным, особым образом является Себя в таинствах Церкви и наиболее чудесно — в Евхаристической жертве.

Ибо Евхаристическая жертва — есть. Да, мы приносим Богу хлеб и вино. Но если мы не приносим одновременно и себя, если нет одновременного приношения хлеба, вина и наших человеческих личностей, как можем мы принимать эти хлеб и вино, ставшие Христом? Если мы не различаем, не «рассуждаем» этого Тела и этой Крови, мы осуждаемся самим своим причащением. Но мы различаем их своей верой, а иначе — что мы такое?

Дух же Святой — это начаток будущего века. Полнота Духа охватит, пронизает, преобразит все в конце времен, то есть в момент, когда все будет завершено, и Христос-Победитель будет главой тела — Адама, завершенного человека, единого сына Божия.

Что же происходит теперь? Каково наше место? Какова наша роль? Разве мы не знаем, что мы должны быть там, где Христос, что мы должны действовать там, где Он действует, должны делать то, что делает Он? Один Бог может действовать внутри Церкви, потому что то, что должно быть совершено в Церкви, только Он может совершить, ибо, как я уже говорил, это превосходит всякие человеческие возможности. Но мы — апостолы, посланные Христом в мир. Бог Отец, Творец, почил в седьмой день от дел Своих, но этот седьмой день — день человеческой истории, простирающийся со дня, когда было завершено творение, до дня последнего суда. Венский кардинал Кениг написал творение под названием «Час человека», где говорит, что вся история — это время, когда человек продолжает дело Божие во всей его интенсивности и творческой глубине. И человек этот — не какой попало, не грешник-разрушитель, а тот, который во Христе — едином Человеке, единственном истинном и подлинном человеке, — может совершить все в Боге и Богом, несмотря на человеческую немощь и хрупкость, потому что сила Божия проявляется и раскрывается в нашей немощи.

Если мы будем думать о Евхаристической литургии в таких терминах, если мы увидим в ней самое яркое и совершенное выражение нашей эсхатологической ситуации, личной и коллективной, если будем отдавать себе отчет в том, что мы — эсхатологическое общество, которое есть тело Христово, что мы — место присутствия Духа, которое уже есть Царство Божие, пришедшее в силу, — разве не пойдем мы тогда, что вместе со Христом и в Духе мы должны взять на себя всю ответственность, какую понес Христос, за тварный мир: за человека и за все неодушевленное, за человеческую мысль

и за науку, за деятельность и созерцание, – потому что лишь изнутри созерцания, усердного вслушивания и глубокого всматривания в пути Божии, можем мы войти в Божественное творчество и быть людьми восьмого дня – уже наставшего, уже действующего в этом седьмом дне, каким является человеческая история.

В романе «Святые идут в ад» Сесброн вкладывает в уста священника-рабочего вольный, – но достойный того, чтобы его запомнить, – перевод трудного выражения: *Ite, missa est*¹ – «Идите, начинается ваша миссия». Мы не просто видим Христа во славе, мы способны Его видеть лишь в той мере, в какой сами причастны этой реальности Христа, во Святом Духе. Апостолы могли видеть Христа таким, каким Он был, лишь потому, что сами были в славе. То же происходит и с нами во время Евхаристической литургии, но еще в большей степени. Они – видели, нам же дано участвовать сущностно, телом и душой, духом и волей, всем нашим существом в этой уже победной реальности – среди нашего сумеречного мира.

Мы должны, подобно апостолам, сойти в долину, принять на себя человеческую историю и, если понадобится, понести на своих плечах, путями своей жизни и жизни других людей, жизни личной и общественной, – в Гефсиманский сад, где нам придется встретить смертную тоску человечества, принять ее на себя, вознести на крест и, если нужно, умереть, чтобы другие ожили через нашу смерть.

Да подаст нам Господь мужество, великодушие, открытость, которые позволят Ему свободно действовать в нас и привести все к Своей полноте.

*ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО И ПУБЛИКАЦИЯ
Е.Л. МАЙДАНОВИЧ*

---

¹ *Ite, missa est* (лат.) – буквально: Идите, месса окончена. В византийской литургии соответствует словам: «С миром изыдем».

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Статья первая

ТИПОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Присутствие Православной Церкви в современном российском обществе очевидно. Сегодня Церковь нельзя совершенно игнорировать, она так или иначе участвует в «историческом процессе». По разным поводам Церковь регулярно становится темой общественных дискуссий, объектом пристального внимания со стороны средств массовой информации. Однако сведения, сообщаемые о Церкви, как правило, противоречивы, а интерпретация этих сведений нередко прямо противоположна по значению – в зависимости от политической направленности того или иного издания, а также от того, какие события происходят в обществе.

Вместе с тем для многих Церковь – хотя бы подсознательно – представляется обладательницей цельного знания о правильном устройении человеческой жизни. Ведь Церковь – это то, что по определению должно объединять всех, помимо социальных, культурных, национальных и иных различий. Более того, Церковь как христианство – по крайней мере потенциально – соединяет в себе Восток и Запад, содержит некоторые единые для этих «половин» мира христианские ценности. Иначе говоря, предполагается, что в уни-

---

**Александр
КЫРЛЕЖЕВ**

– родился в 1957 году в Москве. Закончил библиотечный факультет Московского государственного института культуры, затем Московскую духовную семинарию. Четыре года работал в «Журнале московской патриархии». В настоящее время сотрудник Центра по изучению религий.

**Константин
ТРОИЦКИЙ**

– родился в 1959 году в Душанбе. С отличием закончил факультет психологии Московского государственного университета. Служил рядовым в стройбате. После армии с отличием закончил Московскую духовную семинарию. В 1992 г. закончил Московскую духовную академию. В настоящее время сотрудник Центра по изучению религий.

версальность Церкви включен и западный опыт, причем органически, без насилия над Востоком.

Тема Церкви в общественном сознании связана также – и не в последнюю очередь – с переживанием «комплекса саморазрушения», который охватил страну под властью коммунистической идеи. Преодолеть советское прошлое – это значит, в частности, восстановить разрушенную Церковь, помочь ей возродиться, вернуть отобранное и тем самым искупить грех святотатства и богоотступничества. Недаром вплоть до широкого обнародования материалов о связях священнослужителей с КГБ образ Церкви, «от большевиков гонимой», был доминирующим и привлекал к ней особое внимание.

Однако вхождение Церкви в общественную жизнь в условиях политической и религиозной свободы очень скоро обнаружило неоднозначность проявлений «церковности». Священнослужителей и соответствующие символы можно встретить в разных и подчас противоположных по своим целям политических партиях и группах (а в недавнем прошлом, как мы все теперь знаем, священнослужители могли оказаться как среди гонителей, так и среди гонимых). Почти закономерным для церковной жизни становятся в наше время разделения и расколы, причем внутрицерковные противостояния возникают по разным признакам: национальному, политическому, собственно религиозному. Резко обострились отношения православных с католиками, сначала на Украине – в связи с восстановлением униатской греко-католической Церкви, – а теперь и в России – по причине все более заметного присутствия Католической Церкви на российской территории. Почти одновременно возник конфликт между Церковью и «культурой» по вопросу о передаче музейных ценностей в церковное ведение. Так у всех на глазах терпит крах представление о том, что именно Церковь может быть объединяющей силой в эпоху дезинтеграции общества.

Стало заметно также, что официальное церковное возглавление, – то есть Всероссийский Патриарх, Священный Синод вместе с подведомственными ему учреждениями и местная церковная власть в лице правящих епископов, – ни своими действиями, ни публичными заявлениями не выражают позицию Церкви в целом. С другой стороны, многие священнослужители и миряне, как показывают обстоятельства, часто занимают иную, чем официальные лица, позицию по многим актуальным вопросам, но не всегда имеют возможность донести ее до всей Церкви (выступления некоторых хорошо известных религиозно-общественных деятелей и священников остаются лишь действиями частных лиц и в лучшем случае так и рассматриваются иерархией).

В этой ситуации естественно возникает вопрос: где же Церковь? кто ее представляет в общественном пространстве? Да и что

такое сегодня Церковь? что стоит за этим понятием? соединяет она или разделяет?

Чтобы ответить на эти важные вопросы, необходимо разобраться прежде всего в самой церковной ситуации — в том, что происходит сегодня в сознании верующих или приверженцев Церкви и где истоки такого состояния этого сознания. С этой целью мы и попробуем начать, в первую очередь, с уяснения — хотя бы в общих чертах — самой типологии современного церковного сознания (то есть религиозного сознания людей, причисляющих себя к Русской Православной Церкви). Ведь мотивы обращения к Церкви и участия в ее жизни у наших соотечественников и современников весьма, как известно, различны, и уже этот очевидный факт обязывает начать анализ современной церковной ситуации именно с типологических различий, без фиксации которых она просто не может быть адекватно понята и оценена в своих тенденциях и перспективах. При этом оговоримся, что речь пойдет по преимуществу именно об «эмпирическом» сознании, — о том, что в Церкви присутствует и проявляется реально. Иными словами, выделяемые нами типы нельзя ни в коем случае воспринимать как некие «нормы» церковности.

I

1. Самую массовую группу верующих составляют представители ритуалистического сознания, то есть те, для кого Церковь представлена прежде всего и по преимуществу богослужением и церковными таинствами. Основной мотив обращения к Церкви: через участие в таиносовершительном (сакраментальном) ритуале подвергнуться духовному воздействию. При этом у людей этого типа отсутствует ясное и целостное понимание смысла и характера искомого духовного воздействия. Это связано, как правило, с весьма поверхностным знанием церковного вероучения: все сведения в этой области «ритуалист» получает в основном из самого богослужения, которое остается по сей день плохо или совершенно непонятым без специального изучения. Поэтому в среде «ритуалистов», нередко встречаются нелепые (суеверные) представления, не имеющие ничего общего с учением Церкви. Эту группу составляют, во-первых, люди пенсионного возраста с невысоким или крайне низким образовательным цензом, которые являются постоянными участниками богослужения, и, во-вторых, представители различных возрастов и социальных слоев, эпизодически приходящие в храм для того, чтобы участвовать в традиционных обрядах: крещении, венчании, отпевании усопших, освящении куличей и пасох и т.п. Среди последних можно встретить людей самых различных профессий: бизнесменов, военных, артистов, рабочих, спортсменов и др. В эту группу «риту-

алистов» входит, повторяем, подавляющее большинство людей, посещающих сегодня православные храмы.

2. Следующую группу составляют люди, чье религиозное сознание ориентировано политически. Для них Церковь является инстанцией, которая дает, может дать или обязана дать обоснование определенной политической программе, которую они разрабатывают или которой придерживаются. При этом на первом плане оказывается не само церковное вероучение, а исторические прецеденты участия Церкви в жизни государства и общества. На двух полюсах такого религиозно окрашенного политического сознания находятся, с одной стороны, представители правых национально-патриотических движений, а с другой – христианские демократы. Первые апеллируют к роли Церкви в национальной истории, в частности, в становлении старой российской государственности (здесь оживают такие символы, как «Святая Русь», «Великое православное царство» «Православие – самодержавие – народность»), и настаивают на необходимости сохранить историческую преемственность, созидая «новую Россию». Вторые обращаются к опыту западных христианских демократий, которые сложились в результате длительной и напряженной борьбы за личную свободу против средневековых форм церковно-государственной идеологии, причем обращение к западному опыту объясняется отсутствием в отечественной истории христианско-демократической традиции. Оба религиозно-политические движения оформились лишь в последние годы, так как раньше не имели возможности реализоваться ни в политической, ни в церковной сфере. Условно назовем представителей этой группы «политиками».

3. Значительную – если не по количеству, то по «качеству» – группу православных христиан составляют люди, для которых Церковь – это прежде всего то, что относится к личной «духовной жизни», что обеспечивает ее возможность и является школой такой жизни. При этом акцент делается на активность «внутреннего человека» в следовании аскетическим правилам под духовным руководством более опытных «духовных отцов» (как правило в священном сане), исполняющих в Церкви служение духовного водительства. Религиозная жизнь осмысливается как борьба с личным грехом, который есть проявление греховных страстей (то есть постоянной тенденции к осуществлению греха), действующих в «падшей» человеческой природе. В Церкви – участвуя в богослужении и таинствах, получая благословение от священнослужителей и «духовного отца» и исполняя правила церковной жизни – христианин получает духовные силы (благодатные, дарованные Богом) для ведения «духовной брани»,

¹ Речь идет разумеется о тех, кто действительно ориентирован на традиционные для христианской демократии принципы политической жизни, а не использует лишь вывеску «христианской демократии». – прим. ред.

законы которой усваиваются через руководства, оставленные монашеско-аскетической традицией. Вероучение понимается в этом случае как данное в прошлом, в законченных формах, то есть сформулированное навсегда церковными соборами и авторитетными учителями Церкви. Поскольку, согласно этому типу сознания, адекватное понимание вероучительных истин возможно только для духовно опытных людей, достигших «очищения от страстей», осмысление вероучения не является первостепенной и обязательной для духовного развития задачей и оказывается оттесненным на второй план.

Что касается внешней активности христианина, то она оценивается не только как отвлекающая от внутренней «духовной жизни» и поэтому, как правило, духовно вредная, но и как бесполезная. Бесполезная и для самого человека и для общества, ибо пока человек поработен грехом, он не может оказать действительно благотворное влияние на окружающих и на общество в целом. Иначе говоря, личное участие христианина в общественной жизни, его историческое действие не имеет, по существу, духовной значимости. Исключения могут составлять усилия, направленные на восстановление богослужбной и монастырской жизни или издание духовной литературы (если эти действия предпринимаются по благословию духовного отца).

Эту группу верующих составляют, во-первых, монашествующие, ведущие подвижнический образ жизни (как живущие в монастырях, так и служащие в качестве приходских священников), и, во-вторых, — миряне, носители «аскетической идеологии», для которых «духовная жизнь», ее образцы, содержащиеся в монашеской традиции, являются парадигмой подлинной церковной жизни как пути к святости. Условно назовем представителей этой группы «аскетами».

4. Особый тип церковного сознания представляют клирики, то есть духовенство как профессиональная группа. Это православные христиане, так сказать, — «по долгу службы». Хотя священнослужители могут быть отнесены к разным типам религиозного сознания в зависимости от личных особенностей, тем не менее существует и тип «священника по преимуществу», к которому вполне приложимо широко распространенное в недавнем прошлом наименование «служитель культа». Это служитель Церкви, основным (если не исчерпывающим) делом которого является совершение храмового богослужения и так называемых «треб», то есть таинств и обрядов по индивидуальным просьбам верующих. Преимущественной задачей клирика в этом случае является удовлетворение религиозных потребностей, или «обслуживание» тех, кого мы назвали «ритуалистами». Для «служителя культа» вероучение — это прежде всего «материал»

для храмовой проповеди, истолкования богослужения и литургического календаря.

В последнее время, когда Церкви время от времени предоставляется возможность выступать в качестве «направляющей и руководящей силы» в обществе, оказывать «нравственное влияние», священники-«требоисправители» вынуждаются к более широкой церковной деятельности – за пределами храма. Речь идет о воскресных школах, общении с заключенными, акциях милосердия, освящении бирж, банков, кораблей и т.п., откликах на «вопрошания о церкви» со стороны общества. Но здесь важно отметить, что подобного рода участие духовенства в общественно значимых мероприятиях является, как правило, лишь более или менее пассивной реакцией на открывшиеся возможности, проявлением «ситуативного поведения». Активная миссионерская деятельность в нецерковном обществе для «среднего» священника не является непременной составляющей его служения, императивом его священнического призвания.

В новых условиях вероучение для требоисправителя становится также материалом для катехизации, то есть сообщения верующим и приходящим в Церковь людям элементарных вероучительных понятий, первоначальных сведений, необходимых для участия в богослужении и соблюдения основных правил церковной жизни. Богословские знания «среднего» священника крайне ограничены: они не выходят в лучшем случае на пределы семинарского курса и поверхностного знакомства с дореволюционной религиозной литературой и материалами официального «Журнала Московской Патриархии». В обществе «требоисправители» выступают «за культуру», но против «безнравственности в культуре»; за «национальную традицию», и за «нравственность», но против активного участия Церкви в общественной и политической жизни.

На сознание этого типа верующих немалое влияние оказывает их включенность в финансово-хозяйственную деятельность приходов (которая часто проявляется как зависимость), и, соответственно, тесная связь с местной администрацией, так или иначе контролирующей деятельность церковных общин.

Еще раз оговоримся: в эту группу клириков-«требоисправителей» мы включаем не всех священнослужителей, но лишь тех, чье сознание определяется особенностями именно институционального священнического служения, самой принадлежностью к сегодняшнему «духовному сословию».

Необходимо признать, что в эту группу, условно названную нами «требоисправители», входит громадное большинство православного духовенства, как «низшего», так и «высшего».

Две следующие группы составляют представители интеллигенции (употребляем это понятие в самом общем смысле слова).

5. Прежде всего это люди интеллигентных профессий (в основном – гуманитарных), которые воспринимают Церковь по преимуществу с эстетической и культурологической точки зрения. Церковь есть для них прежде всего уникальное явление мировой и национальной культуры: она предстает перед ними как созданный в прошлом и поныне воссоздаемый в церковной практике «синтез искусств», как верная хранительница традиций, воплощенных в культурных памятниках. С этой новой точки зрения раскрытая и осознанная в XX веке «красота церковная» интерпретируется представителями этого типа сознания как особый и высший – искусства, «художества», источником которого служило и служит не индивидуальное творческое вдохновение художника, но некий «поток духа», общая благодатная «духовность» Церкви. То, что в Церкви всегда было служебным, то есть лишь средством церковной жизни – храм, икоба, утварь, песнопения, литургические тексты и книги – здесь выступает на первый план, становится предметом особого «духовно-эстетического» созерцания и переживания. Соответственно и верование воспринимается прежде всего с той его стороны, с какой оно способно служить теоретическим обоснованием церковного искусства, необходимым источником для его адекватного «искусствоведческого» истолкования – истолкования не в «секулярном», а именно в «церковном», «духовном» ключе.

Условно назовем представителей этой группы «эстетамы».

6. Другую группу церковных «интеллигентов» можно условно назвать «либералами». Эти люди идут к церковной вере через религиозно-философские искания, через чтение книг, разговоры и споры друг с другом, а потому и приходят в Церковь уже с некоторым собственным образом Церкви. Этот образ Церкви предполагает, как правило, возможность и необходимость оцерковления всей жизни: от философских вопрошаний до бытового уклада. В данном случае обращение к Церкви происходит тогда, когда «интеллигентская вера» оказывается уже недостаточной и начинает нуждаться в целостности церковной традиции, которая содержит в себе примеры воцерковления человеческой жизни во всех ее проявлениях. В традиции (то есть не только и не столько в настоящем, сколько в историческом прошлом) «интеллектуалы», ищущие в Церкви целостного существования, находят и исключительный духовный опыт (святость), и утонченное богословие, возникшее в определенном интеллектуальном и культурном контексте, и гениальное христианское искусство, и литургический ритм повседневной жизни, и опыт воздействия Церкви на общественную жизнь и государственное устройство.

Однако приход сегодня в Церковь реальную – здесь и теперь – в подавляющем большинстве случаев равнозначен всего лишь приходу в храм, то есть практически исчерпывается вхождением в

литургическую мистерию, совершающуюся вокруг «престола благодати». Поэтому для «интеллектуалов» описанного выше типа «жизнь в Церкви» раскрывается постепенно как конфликт между идеей оцерковления всей жизни и современной церковной эмпирикой, обусловленной весьма ограниченными реальными возможностями, которые существовали для Церкви в недавнем прошлом. Сложившаяся церковная практика оказывается весьма далекой от осуществления идеи целостного «церковного существования». Кроме того, «либералы» приходят в Церковь с рядом неотчуждаемых ценностей, которые не позволяют им принять как должное существующие внутри сегодняшней церковной жизни «порядки»: политическую ангажированность Церкви и ее недолжную связь с государством и национализмом, культово-бытовое отношение к Церкви, аскетическое отрицание культурного творчества и свободного («проблемного») мышления, «монастырский» или «жреческий» уклад приходской жизни, статическое и пиетическое восприятие Церкви как «иконы Небесного Иерусалима».

Этот постоянный конфликт интеллектуалов-либералов с сегодняшней церковностью может быть «снят» несколькими путями: а) через усвоение одного из вышеописанных типов церковного сознания и обретение благодаря этому «безмятежного состояния»; б) через выход из Церкви («мятежное меньшинство»); в) наконец, целенаправленные усилия по созиданию Церкви в соответствии с изначально принятым образом Церкви и христианским мировоззрением, раскрывающимся в целостной церковной традиции, в непреходящих и конститутивных ее элементах. Но это — путь единиц: такого рода преодоление конфликта затруднено целым рядом особенностей современной «интеллигенции». «Либералы» — это, как правило, люди не столько обладающие реальной свободой, сколько страдающие комплексом независимости, то есть «свободы» как состояния перманентной оппозиции, препятствующей последовательному осуществлению положительных задач, что предполагает понимание свободы как ответственности. Поэтому чаще всего они выступают в качестве неконструктивных «протестантов», не создающих своей исторической «плоти» — традиции. Они всегда недовольны всем кроме того, что так или иначе похоже на свободу. Настаивая на «критическом мышлении», они приходят к практическому отрицанию последовательного мышления; защищая свободу творчества, они сами, в конце концов, ограничиваются истолкованием и комментированием творчества чужого; подчеркивая самоцельность культуры, они обнаруживают отсутствие метафизических критериев для оценки продуктов культуры, «различения» в культуре; наконец, выступая за политическую свободу, оказываются в перманентной оппозиции к любой конкретной

политике.

Здесь, впрочем, следует подчеркнуть, что «либеральный» тип сознания, характеризующийся состоянием внутреннего конфликта, есть именно временное состояние, которое не может сохраняться бесконечно долго и обязательно находит разрешение на одном из указанных выше путей.

7. К последнему типу церковного сознания следует отнести людей, которые, составляя в сегодняшней Церкви ничтожное меньшинство, тем не менее оказываются носителями и продолжателями ее католической традиции (к ним принадлежат, в частности, и те, кто разрешил для себя «либеральный конфликт» третьим путем). Впрочем, здесь тоже следует сделать оговорку: речь идет скорее об идеальной установке, реальное воплощение которой всегда несовершенно, чем о таком к ней приближении в реальном духовном опыте этой группы людей, которое позволяло бы им считать себя действительно адекватными носителями и выразителями католической традиции, высшей церковной истины. Тем не менее именно как тип сознания, ориентированный определенной идеальной установкой и практически осуществляемый в опыте жизненного ее воплощения, этот способ церковного самоопределения и самоосуществления существует в реальности и обладает отчетливыми конститутивными признаками. Он может быть определен как тип целостного церковного сознания, источником которого является ответственно отрефлектированный и пережитый личный опыт. Для людей, духовно ориентированных внутри этого типа сознания, невозможна гипертрофия ни одного из аспектов совокупной церковной жизни. Приоритет не может быть отдан ни богослужебному ритуалу, ни общественной активности, ни аскетическому опыту, ни иерархической институции сакрального типа, ни эстетическому «образу Церкви», ни идее свободы, понятой как независимость от ответственного действия. Представители этого типа сознания стремятся быть людьми меры и равновесия (ибо и в человеке ум, душа и тело требуют прежде всего свойственной им по природе соразмерности), и поэтому вероучение есть для них целостное мировоззрение христианина, определяющее собою весь строй церковной жизни, аскетическое усилие включено как в личную духовную жизнь, так и в литургию церковной общины, «внешняя» общественная активность является естественным следствием «внутренней» духовной напряженности, и именно, Церковь есть место осуществления ответственной свободы личности, которая является необходимым условием как культурного творчества, так и осмысления (и периодического переосмысления) в современном контексте непреходящих по существу вероучительных истин. Такое сбалансированное, внутреннее упорядоченное видение Церкви является, повторяем: для людей этого типа сознания не

просто «идеальным», но жизненно императивным, вытекающим из убеждения, что Церковь в самой действительности должна быть верной себе, своей истине. Поэтому и личные, и общецерковные усилия должны быть направлены на то, чтобы возвращать церковную жизнь к самой себе — к тому, что она есть в своем существе, освобожденном от многообразных искажений и «односторонностей» реальной сегодняшней церковной практики.

II

Нетрудно заметить, что намеченная нами классификация указывает на существование групп верующих, церковное сознание которых (за исключением последней группы, о которой речь пойдет особо) образуется путем выделения лишь какого-то одного из аспектов Церкви. При этом точками отсчета, фокусами становятся, как мы видели:

- либо «священное действие», то есть богослужебный ритуал, участие в котором имеет значение религиозного освящения жизни;

- либо «благословенная политика», то есть привлечение Церкви и церковных символов для обоснования и «освящения» политической деятельности;

- либо «духовная брань», то есть аскетическая борьба с греховными склонностями и проявлениями в самом себе;

- либо «духовное ведомство», то есть религиозный институт священства;

- либо Церковь как «синтез искусств», то есть «иконическое» выявление «красоты церковной»;

- либо «сопротивление рутине» в Церкви, которое проявляется как конфликт свободы индивидуального творчества с косной консервативной традицией.

Если посмотреть на эти конститутивные элементы различных типов религиозного сознания с антропологической точки зрения, то легко заметить, что каждый из них есть не что иное, как один из «первичных элементов» человеческого существования. И потребность в «религиозном», теургическом санкционировании событий родовой и вообще природной жизни, которая совершается при посредстве особо выделенных для этого «священных лиц», и необходимость внешнего участия в общественной и политической жизни, и внутреннее духовное усилие, направленное на самоопределение и самоизменение, и признание «образа красоты» как чувственного, наглядного выражения скрытой гармонической потенции жизни, и, наконец, осуществление своего бытия в мире, понимаемое как дело человеческой свободы, — все это изначальные, «врожденные» стремления и потребности человека, первичные по отношению к любому

культурно-историческому контексту. Вообще можно утверждать поэтому, что описанные выше формы религиозности (или типы религиозного сознания) являются в своей основе универсальными и существуют везде и всегда – то есть в различные эпохи и в различных по содержанию религиозных контекстах. И по этой же причине необходимо, следовательно, признать, что каждая из описанных выше позиций является психологически оправданной, по-своему правомерной.

Однако сосредоточенность каждого из описанных типов религиозного сознания лишь на каком-то одном из аспектов церковной жизни (и – шире – человеческого существования вообще) делает этот аспект не просто приоритетным для людей данного типа, но, в сущности, определяющим собою все восприятие ими совокупной церковной целостности. Ведь для каждого из этих типов сознания характерна претензия именно на целостное, «правильное» видение Церкви, ее сущности и назначения, – видения, в основе которого и лежит приоритетный для данной группы аспект церковной жизни. И вот эта императивность выбора, эта абсолютизация точки зрения, положенной в основании общего видения Церкви, оборачивается уже очевидной и ложной односторонностью, явной гипертрофией данной стороны церковной жизни, естественного человеческого существования. А это, в свою очередь, ведет к явному или скрытому отвержению иерархически упорядоченного и внутренне сбалансированного (то есть целостного) представления о Церкви, которое соответствовало бы потребности человека во всеобъемлющем и целостном осмыслении и осуществлении своего пути в мире, коль скоро речь идет о претензии Церкви на видение и практическую реализацию в жизни человека и общества этой целостности.

В периоды общественной стабильности существование этих разнообразных и односторонних в своей тенденции типов религиозного сознания проявляется, как правило, в формах некоторой внешней связанности в рамках общей традиции и они оказываются объединенными через посредство религиозной институции. Однако в переходные эпохи, когда происходит дезинтеграция общества, эти скрепы разрушаются, группы приверженцев тех или иных религиозных приоритетов обретают более определенный и самозамкнутый характер, начинают существовать и действовать практически автономно в общественном пространстве.

Нечто похожее происходит и в Российской Православии в настоящее время. К Русской Православной Церкви причисляют себя люди, слишком различно ориентированные не только политически, но даже и религиозно. При этом противоречивые проявления церковности отнюдь не находят сколько-нибудь внятного своего истолкования и оценки со стороны официальной церковной институции –

то есть церковных деятелей, наделенных канонической властью и заявляющих свое право говорить от имени всей Церкви. Многие вопросы, касающиеся присутствия Церкви в обществе, ее позиций по отношению к актуальным общественным проблемам, а также по отношению к внутрицерковным и межрелигиозным противостояниям и конфликтам, остаются без ответа. И это отсутствие ясно выраженной общецерковной точки зрения, квалифицированного истолкования существующего внутри Церкви плюрализма взглядов как на саму Церковь, так и на жизнь общества, лишь усугубляет и как бы узаконивает неоднозначность церковного присутствия в обществе в переломный момент его истории. Различные «образы» Церкви и представления о ее роли в современном мире начинают формироваться (в соответствии с фундаментальной типологией религиозного сознания, о которой была речь выше) под воздействием факторов индивидуального и социального характера, и в условиях, когда верующие люди, как правило, лишены опыта, знаний и практических возможностей найти и осознать подлинные, адекватные вероучению критерии церковности, выбор точек отсчета, приоритетных задач церковной жизни становится достаточно произвольным, не поверенным ни церковной традицией, ни богословской логикой.

Тем не менее «церковный плюрализм» на уровне описанных выше эмпирических типов религиозного сознания отнюдь не означает еще окончательной дезинтеграции Церкви. Ведь представители различных групп верующих причисляют себя к одной и той же церковной институции и апеллируют, по видимости, к единой православной традиции; они не только разделены, но и связаны друг с другом. Поэтому для того, чтобы разобраться в современной церковной ситуации, необходимо ясное представление не только о том, какие типы религиозного сознания характерны для современного православного общества и чем они различаются, но и о том, как они взаимодействуют, какие существуют тенденции к их сближению и разделению и какая перспектива с этой точки зрения реальна для дальнейшего развития их взаимодействия. Именно эту задачу мы и попробуем теперь решить, проследив характер взаимоотношений различных групп верующих, описанных выше, и попытавшись определить возможную общественную роль каждой из них.

III

Приступая к этой теме, отметим прежде всего, что в интересующей нас системе взаимодействия возможны, вообще говоря, только три вида отношений: а) взаимное притяжение и объединение, то есть своего рода альянс, в результате которого возникает более сложный феномен – симбиоз различных типов сознания; б) взаимное

отталкивание, антагонизм, следствием которого является внутренняя дезинтеграция, скрытый раскол в церковной среде; в) наконец, взаимное безразличие разных групп верующих, их «мирное сосуществование», которое, однако, не перерастая ни в активное противостояние друг другу, ни в столь же активное стремление к объединению, может в определенных условиях порождать тенденцию к постепенному блокированию менее активных и влиятельных церковных групп с группами более активными и влиятельными, «политически» перспективными.

Рассматривая в этой перспективе соотношение описанных выше шести групп церковного общества, можно с достаточной определенностью указать прежде всего на три альянса, в силу разного рода внутренних причин, «заключаемых» между представителями различных типов церковного сознания:

1. Очевидно, что в состоянии взаимосвязанности, замкнутости друг на друга находятся прежде всего «ритуалисты» и «требоисправители». Обе эти группы достаточно далеки от какой-либо «внешней» или «внутренней» активности, они не озабочены, как правило ни проблемой нового осмысления церковной реальности, ни проблемой осуществления вновь открываемого смысла. Они пребывают в сфере религиозного культа, в состоянии «бытового» или «обывательского» отношения к Церкви как к феномену «сакрального» порядка прежде всего. Это отношение связано с той глубинной, «естественной» религиозностью, которую можно выявить, повторяем, практически во всех религиях. «Ритуалисты» приходят к «святому месту», в «святилище», где особо посвященный «жрец» (в данном случае — «требоисправитель») совершает данной ему сакральной властью санкционирование или освящение от лица Религии событий натуральной жизни человека в соответствии с индивидуальными и космическими циклами. От служителя культа при таком отношении требуется немного: обладание священническим статусом и умение совершать иератические действия («священнодействия»).

«Естественная религиозность» — явление самовоспроизводящееся, хотя ее воспроизводство и происходит в контексте определенной традиции и нуждается в предании — передачи из поколения в поколение некоторых религиозных представлений. (Недавний пример такого воспроизводства — неубывающая паства Русской Православной Церкви в течение всего советского периода запретов и ограничений религиозной деятельности, более того — даже и прямых гонений на Церковь).

Взаимная потребность «ритуалистов» и «требоисправителей» друг в друге создает массивное и «самодостаточное» церковное тело. Это означает, что такая «культовая» Церковь может практически существовать в любых условиях и при любых политических режимах

(даже антиклерикальных и атеистических), ситуативно приспособиваясь к требованиям власти. Последняя, в свою очередь, тоже может использовать «культурную» Церковь в своих целях, как это и было у нас — от государственных поборов и взяток со стороны местной бюрократии до исполнения церковными деятелями дипломатических и разведывательных функций по поручению властей. Это оказывалось возможным, в частности, именно потому, что большинство представителей высшего священства — церковной иерархии — по типу своего сознания принадлежали и до сих пор принадлежат именно к группе «требоисправителей».

2. Второй альянс совершается между «аскетами» и частью «политиков», представляющих правое национал-патриотическое крыло политического спектра. Основаниями для такого альянса являются, во-первых, свойственное обоим типам сознания отрицательное отношение к реальному поступательному движению исторического процесса, в который вовлечено общество (хотя причины этого отрицания различны), и, во-вторых, подспудно существующая в каждом из указанных типов сознания потребность в преодолении односторонности своего видения Церкви, в дополнении его другим, слияние с которым способно создать единую и влиятельную церковно-политическую идеологию. Ни религиозно окрашенная политическая программа, ни теория и практика личной духовной жизни сами по себе не являются достаточными для того, чтобы действовать от имени Церкви в общественном пространстве и представлять ее в глазах людей, привлекая их к себе ее авторитетом. Если «политикам» недостает в этом случае собственно церковной «составляющей» в ее антропологической обращенности, то «аскеты» (являющиеся по существу религиозными индивидуалистами, для которых внешняя, организованная активность не имеет существенного значения) вынуждаются к поиску союзников для того, чтобы пропагандировать правильность своего понимания Церкви во внешнем мире, в обществе, находящемся вне влияния «аскетического» сознания. Сближение происходит на почве антиисторизма, свойственного и тем, и другим — «аскеты» интерпретируют торжество секулярных ценностей как свидетельство о близком конце исторического времени, и поэтому единственное, что они могут поддержать в будущем, — это реставрация «досекулярного» прошлого; для правых «политиков» именно такая реставрация как раз и является программной «исторической задачей». Цель последних — восстановление «православного государства», то есть новое историческое воплощение идеологии религиозно-государственного типа, возврат к старой российской модели общественно-политического устройства. Вот почему можно предполагать, что в случае, если будущее российское государство снова воспримет Православие в качестве своей национальной и

государственной религии и Православная Церковь будет поэтому не только доминирующей, но и институционально закреплённой в качестве таковой конфессией, именно «аскетическое» церковное сознание примет на себя роль «направляющей и определяющей» силы в Церкви, станет духовно-нравственной составляющей единой церковно-государственной идеологии.

3. Третий альянс – «левых политиков и «либералов». Общим для этих групп является мотив «обновления» России в соответствии с историческим императивом Нового времени, то есть преобразований, ориентированных на европейские ценности демократии и свободы личности. Признавая необратимость исторического процесса, они делают попытки христианского самоопределения в реальном историческом настоящем. И те, и другие выступают оппонентами традиционной «политической доктрины» Православия, восходящей к византийскому образцу, и являются – вольно или невольно – защитниками новоевропейского индивидуализма. Последнее проявляется в утверждении неотчуждаемых «прав человека», с одной стороны, а с другой – в отстаивании «прав» личности на свободу творчества и религиозного мышления, то есть самоопределения в мире на основе ненасильственно избранных критериев.

В обществе эти группы верующих пользуются известной поддержкой секулярного демократического движения и новой демократической власти, но в то же время вступают в конфликт с существующей церковной институцией, сохранившейся почти в неизменности при смене политического режима. Активно или пассивно включённые в процесс общественных изменений, они склонны преувеличивать позитивную роль изменения как такового, что в отношении к Церкви проявляется в игнорировании ее конститутивных принципов, надисторичных по существу, – констант церковной традиции, являющихся неизменными императивами церковной жизни в любом историческом контексте. Существенная для богословия проблема соотношения в Церкви единого и единичного, общего Тела и личности как члена-участника этого Тела решается ими в «западническом», точнее протестантском ключе – в пользу приоритета индивидуальной свободы над католической (то есть целостной) реальностью Церкви. В данном случае сближение происходит на основе совпадения демократического императива левых «политиков» и «идеологии свободы», свойственной либералам левого толка, в том числе и церковным. Церковь как организация и общность, предполагающая «моноверие», неправомерно отождествляется ими с «тоталитарной структурой», отвержение которой приводит к тому, что Церковь как единство растворяется для них в индивидуумах. В результате Церковь перестает быть для них реальностью межсубъективного общения, католическим целым, превосходящим индивидуальную обособленность.

Так обстоит дело с взаимоотношениями между группами «ритуалистов», «требоисправителей», «аскетов», «политиков» и «либералов». Что же касается «эстетов», то эта группа и выглядит по отношению к другим группам индифферентной и почти самодостаточной. Этот тип сознания, для которого характерно статическое восприятие Церкви, не располагает к активной церковно-общественной позиции (заметим, что во втором и третьем альянсах наличествует динамичная «политическая» составляющая). С другой стороны, отношение «эстетов» к представителям «культового» альянса всегда остается настороженным и порой даже оппозиционным: чувствительные к высоким образам «иконического» выявления Церкви, которое во всяком случае относится к миру художественного творчества, «эсты» не могут вполне принять реальной культовой повседневности Церкви, в которой слишком много «неэстетичного». «Ритуалисты» и «требоисправители», при всей их любви к церковному «благолепию», именно в этой области являются антиподами церковных интеллигентов-«эстетов». Однако окончательное место этой группы по отношению к другим группам верующих выяснится позднее.

IV

Итак, мы обозначили три союза, к «заключению» которых тяготеют группы православных, представляющих различные концепции Церкви. При этом нужно помнить, что эти союзы отнюдь не означают взаимного растворения различных типов так, чтобы в результате возник какой-то иной, новый тип сознания. Разные группы сосуществуют внутри этих союзов по принципу дополнителности, образуя своего рода симбиоз, в котором различима разность подходов, основанных на разных посылах. Так альянс правых «политиков» и «аскетов», как уже отмечалось, остается внутренне противоречивым, так как «аскетическая» установка означает принципиальную интроверсию, то есть выход из сферы общественной активности, тогда как правая «политическая» установка предполагает в конечном счете подчинение «духовно-нравственной» сферы, представленной «аскетами», задачам социально-политического характера. Каждая из двух сторон нуждается в союзнике, но при этом не отождествляется с другой группой.

Между «ритуалистами» и «требоисправителями» также сохраняется принципиальное различие. Область существования первых — мирская, «профанная» среда, то есть пространство, где «священное» отсутствует. Это и заставляет их обращаться за религиозным освящением к носителям священного сана, которые и пребывают как раз в сфере сакрального — то есть в сфере, по определению выделенной из обычного, повседневного пребывания в мире.

Каковы же соотношения второго порядка, то есть указанных более сложных образований между собой?

«Культовый» альянс представляет собой группу людей с ситуативным поведением, не имеющих собственной, продуманной и обоснованной: церковной позиции в обществе. Прихожанина-«ритуалиста» с его маргинальной для общества религиозностью можно по аналогии сравнить с избирателем, обладающим всего лишь пассивным избирательным правом, но вынужденным тем не менее осуществить свой выбор (хотя бы в форме отказа от участия в выборах). В подобной ситуации оказываются и «требоисправители», общественный статус которых – «служители культа». В условиях выхода религии из подполья в общественное пространство эти люди вынуждаются к тому, чтобы дополнить свои представления о Церкви, приняв одну из предлагаемых им церковных идеологий, в которой даны определенные ответы на вопрос о месте и роли Церкви в обществе. Иными словами, они должны ситуативно определиться в вопросе церковного отношения к процессам общественных изменений.

Два других союза – «правых политиков» и «аскетов» и «левых политиков» и «либералов» – представляют, наоборот, общественно активные политизированные группы, естественное стремление которых – привлечь пассивное церковное большинство и таким образом усилить свои позиции в обществе и Церкви за счет массовой поддержки церковных людей. Поэтому возникает вопрос: каковы же перспективы в этом отношении каждого из этих союзов?

Для привлечения на свою сторону представителей «культового» сознания группе левых «политиков» и «либералов» необходимо, чтобы потенциальные союзники обладали определенным уровнем сознания и образования, достаточным для адекватного восприятия западных по происхождению демократических ценностей и пафоса новоевропейской «суверенной личности». Не отрицая культовой практики Церкви как таковой, «левые» делают акцент на секулярно понимаемом индивидуализме и демократии, предполагающей, в частности, вероисповедную свободу в обществе – то есть сосуществование православных в равных условиях с представителями других религиозных конфессий. Все это – мало понятные и непривычные для «культового» большинства идеи.

Другое дело – союз правых «политиков» и «аскетов». Для всех его представителей культ является если не центральной, то все же весьма существенной составляющей Церкви: первые нуждаются в освящении власти и национальных символов, вторые неразрывно связаны с культом как обязательной формой религиозной жизни и источником духовных сил для аскетической практики. Помимо этого существует еще одно серьезное основание для объединения культово-ориентированных православных с «правыми» и «аскетами» –

отечественная церковная традиция, воплощающая в себе национальную память. Она органически объединяет и национальные святые, символы Святой Руси и Православной Державы, и национальных святых, которые в подавляющем большинстве – подвижники-аскеты и покровительствовавшие им святые властители (как правило принимавшие на смертном одре монашеский постриг). Аскетический, иноческий идеал остается общим для всей «святорусской» религиозной традиции.

Вместе с тем именно эти идеалы - «православного государства» и «христианского общества», с одной стороны, и аскетической святости, с другой, – содержатся и в культовой традиции, в литургическом предании Российского Православия. Поэтому вполне очевидным становится следующее: насколько трудно и «неестественно» для представителей «культового» сознания принять «либерально-политическую» церковную идеологию, настолько же легко и «естественно» принять идеологию союза «аскетов» и правых «политиков», что означает просто возвращение к традиционному пониманию Церкви в ее отношении к миру. Последнее не требует никакого самопревосхождения, достаточно лишь дополнить традиционные представления, складывающиеся через соприкосновение с культовой практикой, столь же традиционными представлениями о «религиозно-правильном» отношении к обществу и определяющим его жизнь ценностям.

Вместе с тем не следует забывать, что характерной чертой как «ритуалистов», так и «требоисправителей» является, как мы не раз уже подчеркивали, именно ситуативность общественного самоопределения. Речь идет здесь о том необходимом поведении, к которому вынуждает общественная ситуация. Поэтому альянс второго порядка – между «правыми» и «аскетами», с одной стороны, и «культовым» союзом, с другой – возможен лишь в том случае, если объединенная активность правых «политиков» и «аскетов» окажется достаточно результативной и будет определять доминирующий «образ Церкви» в общественном пространстве. И это, в частности, должно выразиться в недвусмысленном принятии этой идеологии официальной церковной властью, то есть верховной администрацией Церкви как культового института.

Что же касается группы «эстетов», то и эта группа, прочно связанная своим сознанием и с литургической, и с национальной, и с аскетической традициями, которые являются материей, плотью созерцаемой ими «иконы Церкви», в случае успеха альянса второго порядка неизбежно примкнет к подавляющему церковному большинству.

Таким образом, логика наших рассуждений приводит к вполне определенному предположению в отношении возможной динамики взаимодействия между описанными выше группами верующих, пред-

ставляющими различные типы церковного сознания в православной среде. Вполне – если не наиболее – вероятным представляется прежде всего достаточно прочный союз между представителями пяти типов религиозного сознания: правых «политиков», «аскетов», «требоисправителей», «ритуалистов» и «эстетов». Эта возможная будущая макро-партия в таком случае окажется противостоящей другой партии – объединению левых «политиков» и церковных «либералов».

Но если существуют достаточные основания для того, чтобы предвидеть вполне возможное постепенное укрепление первого из этих объединений, то второе может ожидать совсем иная судьба. Вспомним о том, что тип сознания, условно названный нами «либеральным», представляет собой временное, переходное состояние. Представители этого типа с течением времени неизбежно должны перейти в какую-то другую группу, ибо состояние внутреннего и внешнего конфликта с существующей практикой церковной жизни не может продолжаться бесконечно долго. Поэтому рано или поздно эти люди либо выходят из Церкви (сохраняя свою религиозность в неконфессиональной форме, переходя в другую конфессию, или просто замещая религиозную активность какой-либо иной активностью), либо примыкают к «политикам», «аскетам», «эстетам», «требоисправителям» (принимая священный сан) и даже к «ритуалистам». В последнем случае они просто «снимают» для себя проблему Церкви, ограничиваясь культово-бытовой формой религиозности. (Иной – третий – путь, который намечен нами по отношению к группе «либералов» выше и о котором мы будем говорить позднее предполагает отказ от любой прямой общественно-политической, «партийной» ангажированности: в этом случае «внешняя» активность христианина является лишь следствием его включенности в собственно церковное строительство – в созидание самой Церкви на основе внутренне сбалансированного, цельного, богословски продуманного понимания церковной реальности).

Таким образом, в группе «либералов» происходит постоянная «текучка кадров», часть из которых просто переходит в союзную группу левых «политиков». Ведь именно эти последние являются «позитивной» составляющей «лево-либерального» альянса: только они представляют динамичную, целеустремленную силу, оказывающуюся по другую сторону баррикад по отношению к иной – «правой» – макропартии.

Что же может произойти в этой ситуации с левыми «политиками»?

Настаивая на том, что новоевропейские социальные и гуманистические ценности должны сегодня определять позиции Православной Церкви в обществе (и в значительной степени саму Церковь), эти люди оказываются фактически за пределами

традиционного российского Православия. Исторический и теоретический материал для обоснования своей «христианской политики» они черпают в основном на Западе, в европейской, то есть в религиозном отношении «инославной» (прежде всего – протестантской) традиции. В России основную поддержку они получают в секулярной, внецерковной среде, а также со стороны представителей других конфессий, заинтересованных в утверждении религиозной свободы. Однако новая демократическая власть, принимая их участие в общественном процессе наравне с другими политическими силами, тем не менее вынуждена считаться в первую очередь с реальным весом традиционной институциональной Церкви – а также и с весом других церковно-политических движений. Оставаться «православными» и «церковными» в качестве левых «политиков» будет для них в этой ситуации все труднее. Поэтому вполне вероятная эволюция представителей этой группы может состоять в постепенном превращении их из религиозно ангажированных политиков просто в политических деятелей или активистов, для которых партийная «христианская вывеска» является чисто номинальной и в число приверженцев которых входит все больше вне-конфессиональных христиан и представителей абстрактного «христианского гуманизма». В конечном счете эта группа может стать именно вне-конфессиональной, а точнее – меж-конфессиональной политической партией, опирающейся на достаточно общие и размытые «христианские ценности» и призванной, в частности, защищать религиозную свободу граждан безотносительно к какой-либо определенной конфессии.

Отсюда напрашивается вывод: реальный плюрализм сегодняшних типов церковного сознания, порождающий определенное размежевание в церковной среде, вряд ли приведет в современной российской ситуации к церковному расколу. Напротив, внутренняя логика взаимоотношений различно ориентированных групп верующих если и не способствует образованию однородной «церковной массы» с общим пониманием Церкви и единой общественной позицией, то, по крайней мере, делает вполне возможной устойчивую тенденцию к консолидации неоднородных и отчасти противоречивых групп православных христиан на основе традиционного Российского Православия, вновь осознавшего себя таковым в новых исторических условиях. Образующаяся таким образом достаточно монолитная Церковь будет иметь своих приверженцев во всех социальных слоях. Законно и неоспоримо возглавляемая официальной церковной иерархией, лояльная к существующей государственной власти, декларирующая свою законопослушность, она в качестве своей собственной общественно-политической доктрины может надолго сохранить старую идею «православного государства». Подавляющее большинство членов этой Церкви будут составлять в таком случае

носители «культового» сознания, не представляющие никакой опасности для секулярного государства, всегда готовые подчиниться его требованиям, если оно не посягает на их право «отправлять религиозный культ». «Духовно-нравственная» доктрина этой Церкви будет представлена «аскетической» идеологией, для которой «максимальный христианин» – это религиозный индивидуалист, озабоченный внутренней борьбой с личным грехом и воспринимающим общество как «внешнюю» по отношению к Церкви область (в лучшем случае как область пропаганды «аскетической» идеологии). Гуманитарная церковная интеллигенция тоже окажется представительной – в лице «эстетов», для которых подлинным, то есть «воцерковленным», творчеством является церковное искусство, обладающее полной «духовной» свободой в рамках древнего канона. При этом центральным, определяющим общецерковное сознание явится представление о «Святой Руси», неразрывно связанное с определенной исторической эпохой расцвета русского православного государства, русской культуры, русской святости, русского быта и т.д. (хотя хронологически эти «расцветы» могут и не совпадать). Не «христианство», не «Церковь» и даже не «Православие», но именно «Святая Русь» – вот тот универсальный символ, вокруг которого так или иначе объединятся все, кто в той или иной степени захочет быть причастен к Церкви. Те же, кто по каким-либо причинам не готов или не желает включиться в объединительный поток «святорусского предания», но в то же время хочет быть членом Православной Церкви, оказывается в этой ситуации вне реально существующей Церкви и доминирующей церковной идеологии будет оттеснен на периферию, на самую границу этой Церкви.

К этому выводу необходимо сделать следующие пояснения:

Во-первых, предложенному прогнозу вполне может быть противопоставлен иной, альтернативный и, может быть, не менее вероятный.

Во-вторых, при ознакомлении с предложенным анализом «ситуация религиозного сознания» в России может сложиться впечатление, что мы априори принимаем как «правильные» некоторые обозначенные выше посылки – например парадигму новоевропейского социально-политического устройства, а также «реакционность» традиционной для Православия идеи церковно-государственной «симфонии». Однако такое прямолинейное понимание было бы неверно, и наша позиция в этом вопросе тоже вполне прояснится лишь в ходе дальнейших рассуждений.

Однако одно нужно сказать сразу. Самоопределение Православной Церкви в современности – такой, какова она есть, – неизбежно ставит вопрос об «общественном измерении» Православия и, соответственно, о современной оценке позиции и практики Церкви в прошлом (например, в Византии, в Древней Руси, в дореволюци-

онной России), с одной стороны, и об отношении религиозного сознания к новоевропейскому секулярному обществу и государству, с другой. Исторические изменения последних столетий ознаменованы взаимным отчуждением церковного и общественного сознания (что было характерно уже и для досоветской России). Церковь оказалась в новой для себя ситуации по сравнению с «христианской эпохой». И это ставит церковное сознание перед необходимостью принятия ответственного решения: или в качестве своей социально-политической «доктрины» сохранить старый «византийский» идеал церковно-общественных отношений, несмотря на его очевидную историческую изжитость, или прийти к какому-то иному, новому взгляду на свое место и роль в обществе, трезво, хотя по необходимости и критически, оценивая реальность «дехристианизированного» современного мира.

Если исходить из того, что Церковь есть Благовестие Истины, то есть Христа, Который вчера, сегодня и во веки Тот же, можно определенно утверждать, что Церкви не страшны никакие социальные катастрофы. Церковь готова жить и свидетельствовать в любых внешних условиях. Верное себе, церковное сознание не может бояться будущего, каково бы оно ни было.

Этого, однако, нельзя сказать о прошлом.

Архаичные, исторические иррелевантные социально-политические взгляды, не просто сохраняемые в религиозном сознании, но все еще сохраняющие для современного религиозного человека и свою освященность, санкционированность самой Истиной, не только являются тяжелым «идеологическим» бременем в нынешнюю эпоху, но представляют собой и прямую опасность для Церкви. Они неизбежно искажают церковное сознание и препятствуют ясному, строго церковному отношению к миру, который находится в постоянном историческом изменении. Так, скажем, упорная приверженность идее «православного царства» свидетельствует прежде всего о непоминании именно того, что является действительно непреложным основанием Церкви и церковного бытия. Ибо насколько естественна и принципиально необходима для Церкви верность Преданию (то есть самой себе во все времена своей истории), настолько же неверна и опасна приверженность различным преданиям, значение которых исторически ограничено. Ценность их всегда исторически относительна и поэтому всегда должна проверяться по отношению к неизживаемой Истине Церкви на предмет их действительной способности служить ее сегодняшним временным выражением, средством ее распространения и утверждения, ее донесения до современного человека.

Декабрь 1991 – март 1992 г.¹

¹ От редакции. Вторая часть работы А. Кырлежева и К. Троицкого будет напечатана в 76-ом номере "Континента".

НАПЕРЕВЕС С ЧЕМ?

В первом номере нового «Континента» (№ 2 за 1992-й год) напечатана статья Дмитрия Хмельницкого «Под звонкий голос крови, или с самосознанием наперевес». Вот основные ее положения.

Ассимиляция российского еврейства стала «уже вполне необратимой два-три поколения тому назад». «Ренессанс еврейского национального самосознания, то бишь вспышка еврейского национализма» в бывшем Советском Союзе и в сегодняшней России «одним из краеугольных камней» имеет «миф о голосе крови – скверную выдумку мистиков или расистов». Еврейское самосознание – это «идеология, ...как и всякая иная идеология, она реальна только для тех, кто ее исповедует и к действительному положению вещей прямого отношения не имеет», ибо всякая идеология утверждает автор, есть «ложь». При этом несколько раз оговаривается: автор описывает только один хорошо знакомый ему социум – городской советский. И даже уже: «Та публика еврейского происхождения, которую я наблюдал в Москве и Ленинграде (и к которой принадлежу сам), по языку, быту, мировосприятию великолепно укладывается в рамки русско-советского городского этноса...»

Отвергаются три «крайне распространенных мифа» – «о едином и неделимом еврейском народе», «о существовании единой для всех евреев древней, но живой культуры», «об уникальной чистоте еврейской крови».

Еврейская культура всегда играла роль крайне скромную в балансе культуры мировой. В древности она хотя бы послужила «толчком к появлению христианства», в дальнейшем же евреи «стали перенимать материальную культуру аборигенов (христиан и мусуль-

---

**Шимон
МАРКИШ**

– родился в 1931 году в Баку. Закончил Московский государственный университет по отделению классической филологии. С 1974 года живет на Западе, преподает в Женевском университете. Автор книг «Никому не уступлю», «Эразм и евреи», «Сумерки в полдень» и многих других.

ман), а духовную жизнь ограничили талмудическим богословием... Не возникло ни специфически еврейской живописи, ни литературы, кроме религиозной, ни архитектуры».

Еврейский национализм – «зеркальное отражение» крайнего русского шовинизма. В пропаганде «Памяти» – все те же мифы, что у еврейского возрождения: «голос крови, национальное самосознание, уникальность и древность культуры, расовая чистота...»

Шовинизм российских евреев опасен – не для России, но для Израиля: «Я лично знаю молодых людей, которые рвались в Израиль, чтобы очищать родную землю от арабов».

Катастрофа европейского еврейства (кстати: стоит ли пользоваться варваризмом «холокост», если русский термин, пусть не самый удачный, уже существует?) «послужила нравственным оправданием для еврейского шовинизма».

Еврейское самосознание – не более, чем фиговый листок для обывателя, мещанина: «Сейчас в Израиль из Советского Союза хлынула масса людей, которые три-четыре года назад и представить себе этого не могли. От ужасов советского быта едут добропорядочные совслужащие. Чтобы убедить себя в правильности сделанного шага, им нужна идеология – обидно же признаваться, что едешь за жратвой».

Все эти тезисы – мягко говоря, недоразумение.

В одном из самых знаменитых платоновских диалогов, в «Федоне», Сократ произносит не менее знаменитое предупреждение против «мисологии» – «словоненавистничества», отвращения ко всякому размышлению, рассуждению, ко всякой обобщающей мысли. В наши дни жертвой «словоненавистничества» стала «идеология», вне всякого сомнения – за грех соприсутствия в «идеологии марксизма-ленинизма». Но любой толковый словарь русского языка, не исключая и «Словаря русского языка Императорской Академии Наук» (СПб, 1907), разъяснит, что речь идет о мировоззрении, системе взглядов, идей, представлений, понятий, образующих бинарную оппозицию не с «наукой», не с «действительным положением вещей» (как кажется Хмельницкому), но с органическим, иррациональным, нутряным комплексом ощущений и чувствований, который может восприниматься извне, со стороны истинным или же ложным точно в такой же мере, как любая идеология. Из того, что «марксистско-ленинское мировоззрение» есть вредная утопия, еще никак не следует, что всякое мировоззрение («идеология») – смертный грех. Нет никакого греха априори и в идеологии еврейского национального возрождения, будь то в секулярной его форме (сионизм), будь то в религиозной.

Но в основе этой идеологии, уверяют нас, лежит мистическая или расистская выдумка – «миф о голосе крови». Оставим мистику без внимания – она едва ли напугает читателя религиозного журнала,

каким без обиняков объявляет себя «Континент»; жупел мистики скорее рассчитан на «Октябрь» времен Кочетова, а из сегодняшних журналов разве что на «Молодую гвардию». Зато обвинение в расизме сразу же заставляет задуматься: что знает автор о предмете, который взялся разбирать? каковы источники его еврейской эрудиции? Если бы он, действительно, ограничивался описанием известного ему по личным наблюдениям «социума» — неизбежно узкого круга собственных знакомцев, — ни знания, ни эрудиция ему не понадобились бы; но тогда его описание обязано было бы носить мемуарный по преимуществу характер, в то время как Хмельницкий, по преимуществу же, обобщает. И не только насчет безвозвратно ассимилированных советских горожан еврейского происхождения, но и насчет еврейства в целом, на всем протяжении его истории. Оказывается, однако ж, что знания его близки к нулевым и, скорее всего, почерпнуты из застольных бесед на московских и ленинградских кухнях — с теми самыми «идеологическими евреями», но «этнически русскими», которых он обличает в крайне агрессивном и столь же бессмысленном шовинизме и которые, по его наблюдениям, сами имеют о еврействе представления весьма туманные.

Можно не сомневаться, что не только православные читатели, но даже и хоть сколько-нибудь сведущие в истории религий агностики сумеют без посторонней помощи оценить определение иудаизма как всего-навсего «толчка к появлению христианства» (кстати: почему только христианства? а ислам?). Можно надеяться также, что многие читатели без подсказки вспомнят хотя бы несколько имен еврейских философов и поэтов средневековья, стоящих в одном ряду с Альбертом Великим, и даже Фомой Аквинским, и даже Данте, скажем — Маймонида, Ибн Габирола (Авицеброна), Йехуду ха-Леви (Иегуду Галеви). Но вот что следует разъяснить далеким от еврейства читателям: евреи не перенимали чужую материальную культуру, а создавали в любом месте своего обитания особую, собственную цивилизацию — двукоренную, двуосновную, выраставшую из древних, принесенных с собою обычаев и из обычаев окружающего большинства. Талмуд — не богословское сочинение, а всесторонний устав жизни всего народа примерно от VI до XVIII века христианского летоисчисления. Изучение Талмуда и исполнение его предписаний сделали то, что, при всех различиях между еврейскими общинами российской черты оседлости и Эльзаса, Богемии и Ирана, единый еврейский народ и единая еврейская культура были вполне конкретной и наглядной реальностью, а не мифом.

Реальностью остаются они и поныне, несмотря на крутые, отчасти катастрофические перемены в последние два столетия: гражданская и политическая эмансипация (выход из гетто), секуляризация (десакрализация) повседневного существования, резкое падение

религиозности и возникновение реформированного иудаизма, перемещение главных центров еврейской жизни и творчества из Европы в Израиль и в Соединенные Штаты, истребление более трети народа в годы Второй мировой войны, искоренение еврейской цивилизации на территории СССР, возрождение еврейской государственности. Переменам сопутствовала и продолжает сопутствовать массовая ассимиляция; так в США чуть ли не половина евреев по рождению никаких связей с еврейством, ни внешних, формальных, ни духовных, не поддерживает. Но возникли новые скрепы, которые связывают остающихся, пожалуй, не менее прочно, чем прежние. Из органического нерассуждающего ощущения принадлежности еврейство стало сознательным выбором, убеждением, идеологией, да, идеологией! Возможность выбора облегчается хорошо известным в культуре новейшего времени явлением – одновременной и равноправной, равносильной принадлежностью к двум и даже нескольким цивилизациям. Впервые, кажется, об этом заговорили как раз в России, еще в 900-е годы; в применении к современному (точнее – американскому) еврейству это было показано и доказано в начале 30-х годов. В наши дни это азбучная истина. Ни благочестье, ни отсутствие такового, ни язык, собственно еврейский (иврит, идиш, «ладино» и др.) или окружающего лингвистического большинства, тут не помеха, и не подспорье. Эли Визель живет в Нью-Йорке, пишет по-французски и глубоко религиозен; Бернард Маламуд жил в том же Нью-Йорке, писал по-английски и религиозностью не отличался: Юлиан Стрыйковский живет в Варшаве, пишет по-польски, с еврейской религией ни в каких отношениях не состоял, а в годах весьма преклонных даже принял католичество; Григорий Канович живет в Вильнюсе, пишет по-русски, отношение его к религии автору этих строк не известно; но все они еврейские писатели, принадлежащие разным, разноязычным ветвям единой еврейской литературы, единой еврейской культуры. И в то же самое время Визель писатель французский, Маламуд – американский, Стрыйковский – польский, Канович – русский. Двойная цивилизационная принадлежность уже в прошлом веке начала формировать словесности англо-еврейскую, немецко-еврейскую, русско-еврейскую и т.д. Вершины русско-еврейской прозы, художественной и публицистической, – Исаак Бабель и Владимир (Зеев) Жаботинский; эти два имени должны что-то говорить каждому читающему по-русски.

Любая страна еврейской диаспоры в демократической половине мира свидетельствует о вполне гармонической сочетаемости двух цивилизационных начал современного еврея, как религиозного (за исключением «фундаменталистов», ортодоксальных экстремистов), так и нерелигиозного (но не агрессивного безбожника, отка-

зывающегося признавать Священное писание, а равно и Предание, т.е. Талмуд, основой основ единой еврейской культуры). То же самое было бы нормою в России, если бы не насильственный обрыв традиции, естественного развития, и вменить в вину жертвам насилья его уродливые, опустошительные последствия в высокой степени безнравственно.

Сами по себе усилия связать оборванное, оживить, в меру сил и возможностей (и, конечно, в меру разумного), традицию и несколько не предосудительны, и никак не составляют монополии россиян из евреев. Поиском корней озабочены и негры в Соединенных Штатах, и индейцы в Латинской Америке, и потомки кельтов во Франции и Великобритании, и савояры, и словом, чуть ли не все этнические и лингвистические меньшинства в Новом и Старом свете. И это совсем не обязательно политика или, еще того менее, политический терроризм баскского или ирландского образца. Национализм может быть и оголтелым, разрушительным – но бывает, достаточно часто, созидательным. Так же, впрочем, как и то, что мы осудительно называем нередко «державностью» или даже «империализмом». Василий Гроссман, неутомимый апостол свободы в русской литературе советского времени (за что сегодня и объявлен «руссофобом» патриотами-великодержавниками), замечает в армянском дневнике: «...вольное, доброе, неистребимое русификаторство, совершаемое Пушкиным, Добролюбовым, Герценом, Некрасовым, Толстым, Короленко» (курсив мой, Ш. М.). Ищут приблизиться к забытым корням и эмигранты, и даже в третьем поколении, т.е. офранцузившиеся, онемечившиеся и т.д. полностью. В их числе – и русские эмигранты. В Женевском университете училась на русском отделении княжна Трубецкая, не знавшая по-русски ни звука, ни буквы. Но, пожалуй, еще замечательнее пример девушки из кантона Граубюнден (Гризон): ее предки прибыли в Российскую империю при Екатерине Великой и дали империи семь или восемь поколений кондитеров, услаждавших жизнь рижан, петербуржцев и москвичей; революция изгнала из России ее деда – никто в этом обрусевшем роду русского подданства не просил и не приобрел. Их было несколько таких семейств, поневоле вернувшихся на старую родину, и все хранили память о вновь потерянной – собирались, пили чай из самовара в прикуску, говорили по-русски, пели русские песни. По возрасту своему девушка успела захватить лишь самый излет стариковских собраний, но и этого оказалось довольно, чтобы приехать в противоположный угол страны, в Женеву, и взяться за русский язык и литературу. Тут не мифы, не кровь и почва притягивают и ведут, но утраченное, забытое (а не только убитое, как в случае русских евреев) наследие культуры, цивилизации.

Единая культура – пожалуй, главная скрепа еврейства сегодня

ня, но не единственная. Не исчисляя всех, назовем еще две: память о Катастрофе и Еврейское государство.

Девиз Музея Катастрофы в Иерусалиме – «эхор», «помни!» Не дать забвению замутить нестерпимое прошлое, как-то примирить с ним, притупить боль – это означало бы предать мучеников, хуже того, еще раз предать их в руки убийц. Помнить с единственной целью: чтобы это никогда не смогло повториться; и ради этой цели быть готовым отдать жизнь. Кто этого не признает, тот не еврей. Смеем предположить – и не христианин. Как ни сдерживайся, но тут придется назвать вещи своими именами: сказанное Хмельницким о Катастрофе – просто кощунство.

Реально существующий Израиль не воплотил сионистской мечты – не собрал евреев всего мира, не положил конца рассеянию. И не стал покамест «светом для народов» (Исаия, 42,6), но светом для еврейства – стал. Светом глаз его, зеницей ока, величайшей заботой и тревогой, радостью и гордостью. Несмотря на все его недостатки, промахи, а не то и прямые пороки, нет для еврея, где бы он ни жил, горшего ужаса, чем – упаси нас, Господи, и помилуй! – мысль о гибели Израиля. Этот свет и тревога, эта гордость, но также и этот ужас сплывают, цементируют всех нас без изъятия.

Возможно, что чужому, даже благожелательному, понять (вернее почувствовать) это трудно; я уже не говорю о Хмельницком, который сам же декларирует не просто свою чужеродность еврейству, но чужеродность отнюдь неблагоприятную.

Однако как все-таки быть с кровавыми мифами – о голосе крови и об ее уникальной чистоте?

Второй из двух Хмельницким (или его информаторами) просто-напросто выдуман. Он противоречит всей еврейской истории, которая знала периоды массового, лихорадочного прозелитизма и периоды менее благоприятные, вроде таких, например, когда козаченьки Богдана Хмельницкого, Гонты или Железняк насильовали в захваченном ими местечке всех женщин подряд. Евреи Украины не забыли этого и триста лет спустя. А уж историки – и подавно.

С голосом крови – сложнее: слишком расплывчато. Но из контекста, особенно из идентификации с «Памятью», получается вроде бы, что здесь намек на Божие избранничество и на запрет смешанных браков.

Идея избранного народа – и это неоднократно растолковано многими мыслителями нового времени, в том числе Мартином Бубером, например, – имеет исключительно религиозное происхождение и значение, но отнюдь не расовое. Первый и самый простой довод: начиная с библейских времен и текстов, прозелит-иноплеменник рассматривается как неотъемлемая часть еврейского народа. Смешанные же браки еврейская традиция, действительно отвергает, но,

во-первых, реформированный иудаизм (а в США, самой многочисленной еврейской общине мира сегодня, он преобладает) их признает, и во-вторых, их ничем не удержимый рост показывает, что, нравится нам это или не нравится, но древний запрет потерял свою силу. Что же касается еврейского национализма как зеркала русского шовинизма вообще и «Памяти» в особенности, в этом столько же правды, сколько в чудовищном рассуждении, известном еще по предвоенным годам: евреям не на что жаловаться – это из их Библии заимствовал Гитлер идею о высшей расе господ. И моральной чувствительности – столько же.

Повторяю, – Хмельницкий сам декларирует свою чужеродность еврейству, поэтому ждать от него сочувственного внимания к его проблемам трудно. Но в таких случаях оппоненты должны быть особенно озабочены уровнем своей моральной чувствительности по отношению к несчастьям, бедам и трагедиям «чужих».

Между тем дело доходит даже до курьеза, хотя и не слишком веселого. «Масса людей, хлынувшая в Израиль», вчерашние «добропорядочные совслужащие» едут исключительно «за жратвой» (как тут не вспомнить несравненное салтыковское «Жрррать!!» в начале «Господ ташкентцев»?); «идеология» же нужна им, чтобы сохранить хоть капельку самоуважения, чтобы не признаваться в чисто желудочных мотивах своего поведения. Не входя в разбор истинности или ложности этого обобщения, далеко выходящего за рамки личного опыта Дмитрия Хмельницкого, нельзя удержаться от вопроса: а сам Хмельницкий, этот «этнический русский», – с какою целью в таком случае покинул он сам в 1987 году свое русское отечество и обосновался в Германии? Талмуд предписывает судьям всякое сомнение толковать не в ущерб, а в пользу подозреваемого, и автор этих строк готов считать резоны эмигранта Хмельницкого самыми возвышенными, ничего общего со жратвой не имеющими. Но ведь не всякий читатель сведущ хотя бы от малой части в «талмудическом богословии».

В заключение замечу, что эти строки пишутся без всяких просветительских иллюзий: это в прошлом веке еще верили, что корень злу – невежество и что стоит только просветить темные умы, как справедливость немедленно восторжествует. И все же способствовать опровержению суждений ложных и утверждению истинных – долг всякого пишущего. Тем более – в данном случае, поскольку статья Д.Хмельницкого напечатана в первом номере нового «Континента», который, хочешь не хочешь, читается как программный. Пропустить мимо ушей, отмахнуться, промолчать по поводу суждений Д.Хмельницкого, помещенных в таком журнале, было бы особенно грешно.

ОТ РЕДАКЦИИ

Последняя фраза статьи Ш. Маркиша побуждает нас еще раз напомнить о тех принципах, которых мы придерживаемся, публикуя в «Континенте» те или иные материалы. Они были заявлены, в частности, уже в обращении к читателям, подписанном новым главным редактором журнала, где была напечатана и статья Д. Хмельницкого, вызвавшая возражения Ш. Маркиша. В этом обращении было сказано, что главная установка «Континента» как журнала христианской культуры – «установка на поиск, выработку и обсуждение именно христианской точки зрения на все, что происходит сегодня в нашей стране». Но, как тут же и специально подчеркивалось – «без всякого узкого доктринерства и начетничества, без каких-либо претензий на монополюльно правильное понимание той или иной литературной, общественной или религиозной истины, при неременном условии самого широкого и свободного творческого обсуждения любой проблемы».

В особенности, естественно, это относится к такой рубрике журнала, как «Гнозис» – и даже, может быть, прежде всего к ней. Ведь уже само ее название обязывает к тому, чтобы она была открыта именно для самого широкого и свободного познавательного поиска – того поиска истины, без которого никакое познание просто невозможно.

При этом само собой разумеется, что для участия в таком поиске страницы журнала открыты авторам самых различных мировоззренческих ориентаций – вовсе не обязательно только верующим, и уж тем более не обязательно – только христианам. Таким образом, даже тот факт, что статья Д. Хмельницкого была напечатана в первом номере нового, «русского» «Континента», который естественно воспринимается как «программный», вовсе не может означать, что она непременно выражает точку зрения редакции или хотя бы близка к ней концептуально. Как раз по некоторым исходным, принципиальным для автора позициям это совсем не так.

Например, однозначно отрицательное прочтение термина «идеология» нам представляется столь же неправомерным, как и Ш. Маркишу; согласие с тем, что высшим критерием истинности познания является его «научность», было бы парадоксом для нас как журнала религиозного, а согласие с тем, что понятия «национальная культура», «народ», «нация» потеряли ныне всякий смысл и теоретически бесплодны, – парадоксом для журнала, стремящегося внести свой посильный вклад в духовное и национально-куль-

турное возрождение России. Это настолько очевидно, что даже не требовало (как и не требует) на наш взгляд каких-либо специальных разъяснений.

Однако статья Д. Хмельницкого обращена к одной из самых важных и острых сегодняшних проблем – к проблеме национальной самоидентификации личности. И хотя наблюдения и соответствующие аргументы Д. Хмельницкого относятся, по-видимому, к достаточно локальному слою еврейской интеллигенции, наблюдения и аргументы эти все же, на наш взгляд, таковы, что никак не могут быть обойдены, не приняты во внимание при обсуждении проблемы. И с этой точки зрения печатание его статьи было для нас действительно программным – отвечающим нашей программной установке на серьезный и ответственный поиск истины. А тот факт, что она вызвала желание столь обстоятельно и основательно возразить ей у такого крупного специалиста в этой области, как Ш. Маркиш, как раз и можно, по-видимому, рассматривать как подтверждение того, что мы не ошиблись, оценив эту статью именно так и решив ее напечатать. Как, полагаем, не ошибаемся, и предлагая вниманию читателей статью Ш. Маркиша, хотя и его позиции не во всем кажутся нам до конца убедительными, а его недостаточное внимание (в пылу полемики) к проблеме, реально представленной в наблюдениях Д. Хмельницкого, какими бы локальными они ни были, – плодотворным. Тем не менее статья Ш. Маркиша развивает точку зрения столь содержательно значимую и обосновывает ее столь основательно, что сопоставление ее с точкой зрения Д. Хмельницкого открывает, нам кажется, новые возможности для того поиска истины, осуществление которого и является задачей журнала.

Мы и впредь намерены непременно продолжать обсуждение проблемы, к которой обращены статьи Д. Хмельницкого и Ш. Маркиша. И по-прежнему рубрика «Гнозис» будет открыта для самых разных точек зрения (и по этой и по другим проблемам) – как и для самых острых дискуссий. Нам бы хотелось только, чтобы они всегда велись, действительно, лишь ради поиска истины и при любой естественной субъективности спорящих, при любой остроте их оценочных высказываний по существу точки зрения оппонента были всегда свободны от какого-либо заподозривания друг друга в каких-либо иных, не имеющих отношения к собственно познавательным, намерениях и целях. Презумпция доверия в этом смысле по отношению к любому автору рубрики – непереносимое условие для участия на ее страницах в любой полемике.

Это совсем не означает, разумеется, что редакция и вообще намерена не обращаться на страницах «Континента» к таким высказываниям, позициям, идеям и общественно-литературным

акциям, которые явно не заслуживают содержательного анализа и по существу требуют совсем иного рода полемики. Напротив, — именно потому, что в наше время даже самые превосходные идеи и самые по виду «научные» упражнения все чаще становятся, к сожалению всего лишь камуфляжным маскировочным прикрытием для многочисленных любителей половить свою рыбку в нынешней мутной воде, мы отнюдь не собираемся отказываться от совершенно необходимой в таких случаях очистительной работы. Ибо когда, как говорит Гоголь, требуется «припрячь подлеца» — надо его припрягать.

Но это иной жанр, нежели тот, для которого предназначена рубрика «Гнозис». И нам очень не хотелось бы, чтобы на ее страницах происходило бы какое-нибудь их смешение. Гнозис есть гнозис, и чистота жанра в данном случае есть и его этика и его эстетика.

СОЛЖЕНИЦЫН-ХУДОЖНИК

Тема, обозначенная в названии этого этюда, и сегодня, как ни странно, звучит все еще не вполне привычно, хотя писательская деятельность Солженицына, уже при жизни признанного классиком, пользуется неослабным вниманием читателей вот уже тридцать лет. Однако на протяжении всего этого времени бурное обсуждение его мировоззренческих концепций и политических взглядов, его историко-философских построений и его злободневной публицистики до такой степени оттягивало на себя внимание и силы писавших о нем, что до серьезного интереса к нему как к литератору-художнику дело почти не доходило. Мне известна только одна книга, уделившая этой теме если и не вполне достаточное, то все же значительное внимание — книга Жоржа Нива (только что вышедшая, кстати, в России). И, кажется, лишь теперь, когда произошло почти полное уже возвращение Солженицына-писателя на Родину, а также по причине все большего превращения (как мне представляется в последнее время) собственно общественных выступлений и позиций Солженицына скорее в факт уже исторической и творчески-биографической, нежели непосредственно злободневной, живой значимости, — именно теперь создается ситуация, в которой тема «Солженицын-художник» начинает привлекать к себе, наконец, более заинтересованное внимание.

**Игорь
ВИНОГРАДОВ**

— родился в 1930 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет Московского Университета. Автор книг «Проблемы содержания и формы литературного произведения» (1958), «Как хлеб и вода». Искусство нашей жизни» (1962), «В ответе у времени» (1964), «Искусство, истина, реализм» (1974), «По живому следу. — Духовные искания русской классики» (1986), и многих статей по проблемам эстетики, классической и современной русской культуры. С 1992 г. — главный редактор «Континента».

Задача настоящего очерка и состоит в том, чтобы предложить некоторые тезисы к этому начинающемуся наконец обсуждению. А поскольку действительно серьезное и глубокое обсуждение этой темы только еще, вот именно, начинается, мне хотелось бы сосредоточить свое внимание прежде всего на тех, самых, может быть, общих, но по необходимости исходных моментах, которые, на мой взгляд, как раз и важно в первую очередь выявить и осознать, приступая к такому обсуждению.

В самом деле: ведь прежде чем углубляться в изучение стилевых или композиционных особенностей прозы того или иного писателя, исследовать приемы его сюжетосложения или тонкости портретной живописи — да и ради действительной успешности такого рода работы, — нужно составить себе хотя бы самое общее, пусть даже во многом гипотетическое представление о самом т и п е той художественной системы, в рамках которой писатель реализует свои творческие потенции. Иными словами, его нужно поставить — и осознать — в каком-то типологическом ряду. И чем увереннее ощущение, что перед нами крупный художник, тем масштабнее должен быть этот ряд.

Но как найти такой ряд, как определить направление, в котором следует искать, чтобы интересующее нас художественное явление выявило свое принципиальное структурное своеобразие как определенный тип художественного мировидения?

Убежден, что лишь через определение и осознание того центрального д у х о в н о г о ядра, вокруг которого всегда собрана любая крупная личность, художественная в том числе. Ведь именно в таком ядре находим мы всегда тот действительный глубинный источник ее единства, сокровенная и самобытная энергия которого обнаруживает себя во всем многообразии созданного и свершенного ею — в самом рисунке ее судьбы и в характере ее творчества, в особенностях ее самосознания и в способе чувствования ею себя в окружающей реальности, вдвигающих ею стимулах и в снедающих ее жизненных страстях, — в самих ее противоречиях.

Духовный центр личности Солженицына, обеспечивающий столь очевидное и мощное единство его жизненной и творческой судьбы, лежит, несомненно, в области его религиозного мироощущения, миропонимания и самосознания. Это могло оставаться затененным разве лишь при самом начале солженицынского появления в литературе, когда вчерашний зэк, а затем подпольный и полуподпольный летописец ГУЛАГа опасался раскрыть себя, свой взгляд на мир дальше той черты, которая могла бы помешать ему довести задуманное дело до конца и выкрикнуть свой «главный крик». Но сегодня вслед за «Иваном Денисовичем» и «Матрениным двором» мир прочитал уже и «Раковый корпус», и «Круг первый», и

потрясение «Архипелагом» переменяло уже, кажется, сам состав нашей души, изменило сам способ нашего видения и чувствования сегодняшней реальности, и лежат уже перед нами все десять томов «Красного колеса», кровавый раскрут которого докатился уже до апреля 17-го, и уже соединились со всем этим и дневниковый «Теленок», и неохватная солженицынская публицистика, обращенная к нам уже и всей окончательной высловленностью прямого солженицынского исповедания и проповеди. И сегодня констатировать, что Александр Солженицын – писатель несомненно религиозного склада, писатель-христианин – это уже почти то же самое, что ломиться в открытую дверь. Да, Солженицын – художник религиозный, это, несомненно, так, и с этого, несомненно, и следует начинать, коль скоро мы пытаемся найти путь к тому духовному ядру, которое лежит в основе и его личности, и его судьбы, и, конечно, его художественного творчества.

Но если это так, то из этого следует и первый важный шаг в движении нашей темы. Ибо именно религиозная природа духовного ядра личности и творчества Солженицына как раз и должна, очевидно, указать нам в таком случае на тот духовно-культурный ряд, в типологические параметры которого нам именно и следует, по-видимому, поставить его прозу. А это значит, что Александра Солженицына мы можем и должны рассматривать, очевидно, в непосредственном сопоставлении прежде всего с такими писателями, как Достоевский и Толстой (при всей условности христианства последнего).

И действительно: мир его книг некой глубинной и прочной связью соединен прежде всего с мирами именно их романов, их исповедальной прозы и публицистики. Ибо вселенная, в которой Александру Солженицыну выпало жить и выжить, всегда, какими бы чудовищными безднами ни разверзлась она перед ним, – всегда имела и имеет для него в себе такой же, как и для Достоевского и Толстого, Абсолютный Божественный Центр и Источник Бытия. Источник и Центр, который стягивает ее к себе, который питает ее из себя и без которого жизнь просто лишилась бы для Солженицына всякого смысла, стала бы просто недоступна ему для оценочного различения. Потому-то войти в духовный и художественный мир Солженицына, понять и почувствовать его без этого центрирующего его художественный мир стяжения так же трудно, даже невозможно, как войти без такой же системы абсолютной ориентации и в духовно-художественные космосы Достоевского и Толстого.

Но в мире, безусловно имеющем для тебя такой центр, можно, тем не менее, по-разному видеть и чувствовать себя, свое призвание, в том числе и художническое. И вот здесь уже между Солженицыным и его великими предшественниками есть в отношении к такому

Центру (не говоря уж о самом его понимании) некое очень важное, можно сказать даже принципиальное различие. И оно восходит прежде всего к кардинальному отличию той исторической действительности, в которой жили и осознавали свое человеческое и художественное призвание Достоевский и Толстой, от той, в какой выпало жить и сознавать себя Солженицыну.

В самом деле: творчество Достоевского и Толстого уходит своими духовными корнями в ту традиционную ситуацию, связанную с всеевропейским кризисом традиционной христианской религиозности, которая наметилась уже в позднем средневековье, но окончательно и поистине повсеместно обозначилась именно в 19 веке. Ведь именно в этом веке религиозность практически ушла из реальной жизни общества, «Бог умер», по выражению Ницше, и все те прежние исходные основания морали, права и прочих ценностных установлений человеческого общежития, которые восходили к Божественному Абсолюту, в сущности, рухнули. Так возникла ситуация открытого, разомкнутого безрелигиозного сознания, которая требовала постановки вновь всех тех «проклятых» исходных вопросов о смысле жизни, о природе добра и зла, о критериях их разграничения, которые раньше решались в системе религиозного мировидения, покоились на истинах Откровения и были «закрыты» ими, а теперь потребовали для себя ответов заново. И это и стало главным духовным делом и основных героев Достоевского и Толстого, и их самих, прошедших каждый свой мучительный путь «перерождения» прежних, безрелигиозных убеждений. Именно в этом «деле» – самая суть их жизни и творчества, определившая собою и тот принципиально новый, по сравнению с предыдущим этапом развития русской и мировой прозы, тип художественного мировидения, который открыл дорогу новому великому направлению в развитии человеческой художественной культуры. В романах и повестях, написанных в типологических рамках художественной системы, созданной Бальзаком, Флобером, Диккенсом, Тургеневым, Гончаровым и другими близкими им писателями XIX века, художественно воспроизводимый мир жизни строился прежде всего на принципе социально-психологической типизации героев, которые рассматривались по преимуществу в измерении той или иной их репрезентативности для социума и в тех или иных детерминационных связях с ним. В отличие от этого мира мир прозы Толстого и Достоевского – это мир прежде всего не социального, а духовно-экзистенциального измерения жизни человека, мир не столько детерминационной зависимости его внутреннего «я» от общества, сколько его внутреннего суверенного самоопределения в свободном поиске высшей Истины бытия, – мир человеческой свободы, а не человеческой необходимости. Именно это, открытое впервые Достоевским и Толстым новое измерение художественного

изображения человека и его судьбы и преобразило собою весь художественный строй их прозы – от типа главного героя до типа стержневой коллизии, сообщающей движение сюжету. И именно оно, это измерение, и стало центральным в искусстве XX века, герои которого, испытывая своей реальной судьбой те или другие альтернативные пути человеческой свободы явились, конечно же, прямыми потомками героев Достоевского и Толстого, впервые предпринявших отчаянную попытку выскочить из безнадежной пустоты «открытого» внерелигиозного сознания и в своих духовных поисках прошедших через все тяжкие муки безверия и через все мытарства обретения веры.

Однако даже при самом общем огляде творчества Александра Солженицына вряд ли кто-нибудь оспорит то, что центральная духовная ситуация его художественной прозы – это, конечно же, ситуация не поисков и обретения веры, а ситуация жизни в вере. Да, он тоже прошел, как мы знаем, в лагерях и ссылке через свое «перерождение убеждений», превратившее безбожника и марксиста в глубоко верующего христианина. Но в его книгах мы найдем разве лишь отдаленные отзвуки этого процесса: мир его творчества – это мир, где Откровение уже состоялось, выбор сделан, вера обретена. И вот теперь в этой вере нужно выстоять. Выстоять, потому что обретение этой веры Солженицыным произошло на самом краю человеческого существования, в мире такого чудовищного, тотального, всепроникающего зла, кошмарный прообраз которого даже и Достоевскому мог разве только еще мерещиться, – хотя он и прозревал с ужасом, что может и должно произойти с обществом, которое отвергнет Бога и утратит Абсолютный Центр своего бытия. Это мир, где действительная жизнь в вере неминуемо требует настоящего ее подвига – подвига смертной борьбы с этим злом.

Именно такой подвиг и становится центральной жизненной и творческой задачей Солженицына, именно так и сознает он смысл своего бытия. И потому высшая его гордость – ощущать себя Мечом в руке Божией, заговоренным рубить и разгонять нечистую силу, а самое страстное моление и желание – «О, дай мне, Господи, не преломиться от ударов! Не выпасть из руки твоей!»

В этом молении и жажде, в этом постоянном смертном стоянии против дьявольщины – самая суть Солженицына, его духовное экзистенциальное ядро, центр его бытия, жизненного и творческого. Отсюда и неизменный проповеднический его пафос, все основные особенности его искусства, и тот главный его враг, против которого он подымает все свое человеческое и писательское мужество и которым не случайно становится именно Ложь. Ведь именно Ложь – это самое ядовитое жало и самая коварная личина Зла, самое действенное оружие того «сатанинского государства», в котором он видит «цент-

ральное земное посольство Отца Зла» и на поединок с которым он выходит, и потому именно «ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ» и становится той главной заповедью, которую оставляет он в 1974 году своей стране, исчезая в возможное небытие, оказавшаяся, к счастью, только изгнанием.

Вот эта-то заповедь, восходящая к тому духовному центру его бытия, вне которого вообще ничего нельзя понять в его жизни и судьбе, как раз непосредственно и структурирует собою, как мне кажется, все главные особенности и его творчества в целом, и его художественной прозы в частности.

Можно ли сказать, однако, что этот несомненно новый, по сравнению с Достоевским и Толстым, тип религиозного самосознания себя и своей задачи в мире, являемый нам жизнью и творчеством Солженицына, находит у него свое выражение и в столь же новой, до того небывалой системе художественного мировидения? В системе, масштабно адекватной или хотя бы соизмеримой с тем художественным переворотом, который совершили Достоевский и Толстой?

Попробуем ответить на этот вопрос, зафиксировав хотя бы в общих чертах те очевидные, бросающиеся в глаза особенности художественного письма Солженицына, которые при ближайшем рассмотрении и обнаруживают как раз свою несомненную генетическую связь именно с центральным духовным ядром его личности. И прежде всего, как уже сказано, — с проистекающей из этого ядра главной жизненной и творческой его задачей: обличения Лжи.

В первую очередь здесь нужно указать, конечно же, на совершенно особую, резко акцентированную повернутость художественного творчества Солженицына к тому, чтобы быть всегда и прежде всего предельно правдивым, точным, щепетильно верным действительности. То есть, в сущности (и фактически), — почти документальным свидетельством о жизни. При этом я имею в виду даже не тот специфический жанр «художественного исследования», в котором написано «Красное колесо» и который, за исключением лишь некоторых попутных привлечений, я охотно оставляю для специального и более подробного рассмотрения в дальнейшем. Я с раничиваюсь — и готов ограничиваться и впредь — опорой лишь на чисто художественную, так сказать, прозу Солженицына, — на «Один день», рассказы, «Раковый корпус», «Круг». Все ведь это тоже, в сущности, своего рода «художественные исследования» — опыты художественной документализации, художественного засвидетельствования Солженицыным некой действительной, живой реальности, действительного наличия тех фактов, событий, людей, — той реальной жизни, о которой он в том или другом случае рассказывает. Недаром, издавая свое «Собрание сочинений», он так настойчиво и упорно подчеркивает всякий раз в комментариях, что «и сама «шарашка

Марфино», и почти все ее обитатели списаны с натуры», что «образ Ивана Денисовича» сложился из такого-то и такого-то опыта и прототипов, а «остальные лица — все из лагерной жизни, с их подлинными биографиями», что «Матренин двор» — «полностью автобиографичен и достоверен», в рассказе «Случай на станции Кречетовка» описан «подлинный случай», а герои «Ракового корпуса» тоже все или прямо «списаны», или «совмещены» из тех или иных реальных «лиц».

Этой «документальной», «свидетельской» устремленности прозы Солженицына изначально способствовала, по-видимому, и сама естественная природа изобразительного дара Солженицына, несомненно, крупного, но напрочь привязанного к реальной натуре, чуждого парению свободной художественной фантазии. И я еще скажу об этом. Но так или иначе, а установка на свидетельскую достоверность рассказанного всегда не только присутствует, но поистине господствует в художественных изображениях Солженицына. Недаром большая часть из них и тяготеет поэтому к так называемой «объективной» манере повествования (с позиций почти толстовского высшего «всеведения» и верховной эпической отстраненности), а произведения крупной формы — даже и к своего рода иллюстративной панорамности, в скрупулезном, точно рассчитанном, продуманном до деталей выстраивании которой, кстати сказать, главенствует уже, как правило, не столько самородный изобразительный дар Солженицына, сколько иная, тоже сильно развитая сторона его творческой природы — комбинационно-рационалистическое мышление прирожденного физика и математика. Впрочем, и собственно художественных вещах усилия этого математического расчета и выстраивания не переизбыточны и не вступают в противоречие с устремлениями самородной изобразительности, а как бы помогают ей и продолжают ее (в отличие от «Красного колеса», где ситуация более сложная). Во всяком случае в прозе этого, чисто художественного ряда, мы имеем перед собою всегда жизненную картину, ориентированную не на то, чтобы подспудно, внутренним движением заложенного в сюжет «силлогизма», «подводить» читателя к какой-то итоговой «идее» (как это характерно для так называемого «тенденциозного» искусства), а чтобы быть прежде всего достоверным образом-информацией, образом-фактом, образом-свидетельством: вот вам картина жизни лагерного барака, вот — некой клеточки советского общества, собранного в палате ракового корпуса, вот — достоверный в своей «точечной» сгущенности отчет о жизни тюремной шарашки...

Но, конечно же, вся эта внешне бесстрастная «объективность» на самом деле — лишь форма и способ реализации той главной страсти, которая ведет Солженицына. Все это, фигурально выража-

ясь, именно те самые «четыре гвоздя их вранью», о которых мечтал когда-то герой «Круга первого» Нержин, альтер-эго Солженицына, думая о будущем своего писательства. Ибо весь скрытый пафос любого из этих образов-свидетельств – именно в страстном свидетельствовании против Лжи, обступающей нас со всех сторон, – лжи о режиме, лжи об обществе, лжи о городе и о деревне, о больницах и тюрьмах, об интеллигенции и народе, о том, что праведно, а что нет. Просто Солженицын как художник знает и чувствует (как знал и чувствовал например, Чехов), что при общении с читателем через объективно-описательный образ результат будет тем больше, задуманное воздействие на него тем «горячее», чем «холоднее» – бесстрастнее, отстраненнее – будет держать себя при этом сам художник. Иными словами, здесь перед нами всего лишь одна сторона той же самой модели, другая сторона которой дает нам нечто совсем как бы иное – напряженный, отнюдь не лично-индивидуальный только, а как бы исходно-программный, мессианско-проповеднический лиризм творчества Солженицына, находящий свое выражение не только в гражданской страстности его публицистики, но и в биографических рассказах, написанных от собственного лица, в медитативных «Крохотках» и в очевидно окрашенных автобиографической субъективностью фрагментах «Круга» и «Корпуса». Это начало лирической страстности, открыто выражаемой субъективности так же не случайно и органично для прозы Солженицына, как и ее объективирующая изобразительность, ибо восходит к тому же духовному ядру его личности, служит естественной (и даже, может быть, в чем-то более удобной для него, более свойственной его натуре) формой его самовыражения. Недаром же именно это начало подчинило себе у Солженицына главное оружие всякого писателя – язык, в революционном преобразовании которого, как бы высвобождающем его живую душу от мертвящей фальши стереотипов, потерявших выразительность привычных интонаций, синтаксических штампов и от прочей языковой фальши, находит свой выход все та же глубинная жажда и страсть Солженицына быть во всем и всегда Мечом в руке Божией, заговоренным рубить всякое Зло и Ложь. Это обстоятельство, кстати, не прошло бесследно, без потерь, для художественного творчества Солженицына: выиграв в личностной субъективной выразительности, обретая резко выраженную окраску индивидуальной стилевой неповторимости (недаром стилевое подражание Солженицыну убийственно для подражающего), выработанный Солженицыным язык превосходно служит ему в его публицистике и в лирико-автобиографических рассказах, но нередко мешает в «объективном» пластическом изображении, где слово по исходной функции своей жаждет быть как можно более прозрачным для чистой объективности закрепляемого им образа.

Однако куда более значимо для художественной прозы Солженицына другое, не столь зависящее от словесного выражения место встречи его изобразительного дара и его субъективности, питаемой его религиозным пафосом обличения Зла. Я имею в виду область лепки характеров и расстановки их в систему того или иного взаимодействия. Нетрудно заметить, что и в этой области Солженицын остается удивительно верен самому себе – своему исходному пафосу и своей главной жизненной и творческой задаче нещадного преследования Лжи и Зла. Именно поэтому уже сам преимущественный подход его к изображению человека основан, как правило, на порой откровенно моралистически-резком, нередко даже слишком прямолинейном, но всегда ясном и твердом различении той межи, которая пролегает в душе каждого человека между добром и злом и которую не может укрыть от беспощадного света заповеданных Христом истин никакая увертливая ложь.

Этот способ «измерения» человеческой личности нагляднее всего, пожалуй, предстает перед нами в своей характерности для Солженицына (благодаря статистическому закону показательности больших чисел) в «Красном колесе» – с его колоссальным количеством персонажей. Точно так же наиболее наглядны здесь и соответствующий этому измерению стержневой у Солженицына прием изображения персонажа, нацеленный на моральное просвечивание характера посредством своего рода интеллектуально-духовной провокации: Солженицын как бы внедряется в героя, «вживается» в него и, говоря как бы его голосом, вызывая его на самовыражение, в то же время внимательно, а чаще всего еще и иронически беспощадно следит за тем, соответствует или не соответствует то, что говорит, делает, думает герой действительной правде его желаний, мыслей, стремлений. Это метод как бы некоего морально-психологического художественного «сыска» – во всяком случае по отношению к персонажам отрицательного плана. Но – и не только к ним, ибо в том же «Марте семнадцатого», например, так «сделаны» и Николай II, и его министры, и правые, и левые, и монархист Шульгин, и кадет Милоков, и эсер Керенский, и социал-демократ Шляпников, – десятки и сотни других персонажей этой исторической драмы. По справедливому замечанию Жоржа Нива, эта повторяемость приема оказывается – при таком количестве персонажей – даже утомительной. Но если, может быть, в чисто художественных произведениях Солженицына, где персонажей значительно меньше, такое утомление и не успевает возникнуть, то все же нельзя не признать, что и для них эта «повторяемость» не проходит даром, создавая в целом излишне жесткую в своей однородности художественную систему изображения человека. Заметьте, ведь А. Солженицына почти никогда не интересуется, например, то, что называется «историей челове-

ской души» – разве лишь чисто описательное, констатирующее (как в случае с Иннокентием из «Круга»). Но не помню, чтобы – динамически, по существу, вовлекая в соучастие и сопереживание. Ситуация открытого сознания, ситуация подлинного духовного поиска с его недоумениями, озарениями, загадками, мучительностью и т.д. его, как уже сказано, вообще не привлекает, он весь уже за ее пределами, там, где он весь уже – «как Божия гроза». Поэтому даже в таких панорамно-интеллектуальных его романах, как «В круге первом» и «Раковый корпус», есть интереснейшие диалоги, но нет диалога как формы внутреннего движения художественно-философской мысли; есть, если только можно так выразиться, полифония констатируемых и представляемых мировоззренческих позиций, но нет подлинной полифонии того духовного их контрапункта, который и вел бы нас к синтезирующей мысли. Этого нет потому, что вовсе не идеологическая суть той или иной «платформы» (Рубина или Сологодина, например) по-настоящему интересует Солженицына и не принадлежностью к той или иной из этих платформ определяется для него характер его отношения к тому или иному герою. Но – лишь его моральной подлинностью, честной устремленностью к правде – хотя бы даже и пребывая в заблуждении. Это и есть та область, к которой он если не единственно, то более всего внимателен, и потому-то центральной коллизией его сюжетов всегда служит коллизия сугубо морального, вернее – морально-психологического свойства – коллизия поступка, выбора, акта, поведения человека в той или иной, чаще всего поистине критической, на краю бытия ситуации. В центре его художнического внимания тоже оказывается, таким образом, акт свободного человеческого самоопределения – но самоопределения не в духовном поиске, когда героем (и вместе с ним – автором) только еще устанавливаются критерии и цели бытия, а в решимости на поступок в отчетливо ясной, несомненной и уже принятой (если не героем, то автором) системе ценностей, когда проблема состоит уже не в духовной стратегии искания истины, а в жизненной тактике ее практического утверждения.

Это совсем не значит, конечно, что решение второй проблемы «легче» решения первой. Просто проблемы – разные. А что до тяжести, то известно, что как раз именно реальная «тактика» требует порою от человека всей полноты того мужества, на какое он только способен. Потому что даже если понято не только то, в чем общий критерий правды, но и то уже, что «волк» всегда неправ, а «волкодав» прав, – все равно встать на сторону волкодава в момент его схватки с волком или самому стать «волкодавом» – акт особой, самостоятельной и очень высокой значимости.

Но все это, тем не менее, действительно придает художественному миру Солженицына достаточно жесткую моралистическую структуру, а в целом ряде случаев, достаточно типовых для Солже-

нищина, жесткость эта обретает в его прозе еще более однолинейный, я бы сказал даже – порою просто-таки художественно-плоскостный характер. Это происходит, как правило, именно благодаря тем пределам природного художественного дара Солженицына, о которых я уже упоминал. Дело в том, что природная обреченность этого дара непременно на живую «натуру», на реальный прообраз дает – и может давать – блистательные результаты лишь тогда, когда «натура» эта хорошо Солженицыну известна, когда он действительно способен в нее вжиться, почувствовать ее через себя. А это оказывается для него зачастую практически почти невозможным в силу резкого своеобразия и неуступчивой жесткой определенности не столько на понимание, сколько на приговор. Вот почему так замечателен, так реален и убедителен не только Иван Денисович, но и – смею утверждать это – Ленин («Ленин в Цюрихе»), в котором А. Солженицын дал, в сущности, свой психологический автопортрет, почувствовав в своем герое человека родственного психологического склада, такой же одержимости, но с иной «начинкой» – человека иной «идеи». И вот почему так провальны и Сталин, и Рusanов, и все эти авиэтты, которых математик Солженицын просто рационально конструирует по кажущейся ему верной схеме. Но схема так и остается схемой, какой бы верной она ни была, и лишь обнажает свою моралистическую жесткость. А заодно, попутным неизбежным отсветом, – и жесткость изобразительного принципа, господствующего в персонажном мире Солженицына в целом.

Итак, перед нами, несомненно, тот тип моралистически-героического художественного мышления, который никак, конечно, не назовешь принципиально новым, даже если его духовным содержанием становится утверждение всегда вечно новых истин Откровения. Вот почему на вопрос, создал ли Солженицын новую художественную систему, хотя бы приблизительно соизмеримую по своей историко-культурной и эстетической значимости с художественными системами Достоевского и Толстого, вряд ли все-таки можно дать утвердительный ответ. Недаром так нередко можно слышать мнение, что проза Солженицына иной раз слишком напоминает прозу так называемого «соцреализма» с его классицистически-героическими параметрами измерения человека, но только как бы «наоборот». Что-то подобное тому, что произошло и с «Лениным в Цюрихе», хотя там процесс шел в ином направлении и с иным знаком: там сам Солженицын оказался вывернут наизнанку. Вот почему и нельзя отказать в остроумии и немалой меткости фразе, принадлежащей одному критику, который сказал, что Солженицын – первый советский антисоветский писатель.

Но – такой он есть. И в этом, может быть, и состоит самый удивительный, а в историко-литературном отношении и самый, может быть, показательный – типологически показательный! – па-

парадокс Солженицына. Парадокс художника, который, не став в своей прозе создателем никакой качественно новой (типологически новой!) системы художественных принципов построения характеров, проблемных сюжетных ситуаций и соотношений между реальностью и ее отражением в романном мире, оказал тем не менее совершенно очевидное и мощное воздействие не только на весь духовный строй своих современников, но и на их художественное сознание. Недаром без обращения к Солженицыну просто невозможно было бы объяснить ни возникновение и становление в современной русской литературе такого, например, выдающегося явления, как наша так называемая «деревенская проза» 60-х – 80-х г.г., ни многие важные особенности творчества даже таких не близких к нему как будто бы писателей, как Ю.Трифонов или В.Аксенов, Г. Владимов или даже В.Маканин. А этого не могло бы быть, если бы его искусство не несло в себе все-таки качества некоей мощной художественной новизны, — при всем том, что никакой типологически новой системы построения художественного пространства прозы он не создал.

Разгадка этого парадокса в том, что мы имеем здесь перед собой одно из самых, может быть, наглядных выявлений некоей очень характерной историко-культурной закономерности. Я имею в виду те случаи, когда та или иная структурная форма художественного сознания, возникающая в некую эпоху на основе свойственного этой эпохе способа духовного восприятия мира, вдруг и позднее, уже после своего ухода в историю (иной раз даже и через века), вновь обнаруживает способность к живой жизни — способность принять в себя и стать формой художественного закрепления совсем иного, содержательно порою даже прямо противоположного способа духовной ориентации в мире. Иными словами, она обнаруживает скрытую в ней ранее некую более общую, типовую, более универсальную свою сущность. И когда это происходит, она и сама, оставаясь в основе все той же, преобразуется тем не менее во что-то существенно новое, рождает новые художественные миры, масштаб и поэтическая новизна которых тем значительнее, чем масштабнее тот новый способ мировидения, для которого она тоже становится формой его художественного бытия и чем более обширная и новая живая жизнь оказывается способной войти в нее, чем мощнее энергия того личностного переживания художником новой исторической судьбы мира через которое она, эта судьба, всегда только и может войти в мир искусства.

Вот почему этапным художественным событием может стать отнюдь не только появление великого художественного гения, которому выпадает судьба стать выразителем исторического мировоззрения, не способного уже вместиться ни в какие прежде существовавшие, но художника, непременно требующего для себя типологически тоже совершенно нового способа построения художественной вселен-

ной. Таких пролагателей эпохальных художественных путей человечества в его истории и вообще было не так уж много — лишь малая часть тех величин, которые населяют его художественный Олимп. Ибо значимой и крупной вехой в развитии художественной культуры может стать и появление художника или художников, которым выпадает вместить духовный опыт переживания некоей новой исторической жизни и судьбы в какие-то уже существующие универсально-типовые художественные формы, еще, как оказывается, способные вобрать в себя и это новое содержание. И тем — обновить эти формы, дать им новую художественную жизнь. Когда это происходит, тогда перед нами и появляются художники такого масштаба, как, например, Томас Манн. Ибо в его творчестве найденный еще Достоевским и Толстым новый способ художественного исследования мира, при котором центральной задачей становится проверка свободного духовного выбора адекватной этому выбору реальной жизненной судьбой героя, обращен к настолько уникальному опыту переживания и осмысления духовных соблазнов, характерных и роковых именно для двадцатого века, что благодаря этому обращению рождается искусство подлинной самобытности и новизны. И точно так же, когда героико-моральный способ художественного видения человека в мире, зародившийся (если говорить о европейской культуре) еще в античные времена, вновь наполнившийся живой жизнью в скульптурно-величественной поэтике классицизма, а затем даже и при соединении с идеологией так называемого социалистического реализма оказавшийся способным отнюдь не к одним только мертворожденным уродцам так называемой секретарской литературы, — когда этот способ художественного видения человека в мире начинает вбирать в себя уникальный религиозный опыт отчаянного и страстного «стояния в вере» на краю адских бездн XX века, тогда перед нами тоже появляется совершенно новое, самобытное, не бывалое еще в XX веке героико-моральное (пусть даже и с переходом в морализаторство) искусство Солженицына и близких к нему художников. Старые формы наполняются и преобразуются энергией нового духовного опыта, подлинность и сила которого парадоксально удостоверяется всякий раз как победами, так и поражениями того индивидуального и художнического дара, который принимает на себя миссию выразить этот опыт.

Конечно, живой, обладающий непосредственной убедительностью, вкус этих побед и поражений в творчестве Солженицына, схематически обозначенных в моем очерке, можно почувствовать, лишь предприняв более неторопливое, обстоятельное и вдумчивое путешествие по художественным пространствам континента, им созданного. И это — задача по-своему завораживающе-увлекательная.

Но задача эта — уже иная. И она требует отдельного рассмотрения.

ПОЭМА О «РАЗБРОДЕ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ»

Итак, роман-эпопея «Красное колесо» окончен. 1200 страниц «Апреля 17-го» завершают «первое действие», и мы знаем, что остальным четырем действиям – не бывать. Автор сам заявил об этом, а в конце «Апреля» нам предложен и конспект этих четырех уже не предназначенных к рождению «действий».

«Красное колесо» – наверное, первая в мире книга, где осуществленное, сколь оно ни грандиозно, все же меньше, чем неосуществленное. Автор готов допустить, что это поражение. Но оно объяснимо, и объяснения его таковы: объем уже написанного, возраст автора и, главное, – «после апреля обстановка меняется скорее не качественно, а количественно». Другими словами, Февральская революция уже обречена, а «октябрьский переворот уже с апреля вырисовывается как неизбежный...»

Так или иначе, мы можем теперь рассуждать о «Красном колесе» в целом – о структуре, значении, эволюции этого огромного «повествования в отмеренных сроках», разбитого на четыре «узла» и занявшего 6.246 страниц (не считая 134-х страниц конспекта остальных намеченных «узлов»).

Сама идея снабдить читателя кратким резюме возможного продолжения «повествования» – идея странная, и она доказывает, что поэтика «Колеса» не романная, а скорее историософская. Роман не резюмируется. Роман – это мечтание о времени. Входишь в страницу, даже знакомую, и раскрывается перед тобой другое время – время вымышленное, твое и не твое.

Солженицын же выступает в данном случае скорее как историк-архивист. Вот, мол, что есть еще в моем архиве, что я мог бы перед вами развернуть...

**Жорж
НИВА**

– родился в 1935 г. в г.Клермон-Ферран (Франция). Окончил Сорбонну и «Высшую нормальную школу» (Париж). С 1972 – профессор Женевского университета, заведующий кафедрой славистики. Автор книг «О Солженицыне» (1974), «Солженицын» (1980), «Конец русского мифа» (1981), «Конец русского раскола» (1993) и многих статей по проблемам русской культуры. Переводил на французский язык А.Белого, А.Солженицына, А.Синявского. С 1993 г. – член редколлегии «Континента».

Еще рано мне, читателю, написать: «Читая «Красное колесо», — хотя я мог бы написать: «Читая Солженицына», ибо это чтение заняло — с перерывами — двадцать лет моей жизни. Такие объемы, как в «Колесе», тоже требуют от читателя значительного куска его же времени, и за это время и читатель меняется, и автор меняется. Но читатель читает до конца, и даже перечитывает лишь в том случае, если в структуре читаемого массива что-то глубинное отвечает внутренним потребностям его души.

Философ Алэн читал и перечитывал Диккенса, потому что в его книгах он всегда находил одну и ту же близкую ему платоническую структуру, одни и те же взлеты и восхождения, и он очень любил соотносительность диккенсовских персонажей и диккенсовских домов. Так же объяснял Алэн и свою любовь к Стендалю и Бальзаку, которых он тоже читал и перечитывал. Такие романские материи непременно должны соответствовать твоей собственной глубинной духовной структуре.

Солженицын читается — во всяком случае, мною — со все большим трудом. От платонической поэтики романа «В круге первом» до второго тома «Апреля 17-го» его творчество проходит путь, чем-то напоминающий духовную аскезу. Следы прежнего платонизма еще есть, но они уже еле заметны. В «Апреле 17-го» (как и в «Марте»), властвует парадокс: гипертрофия документального и атрофия символического. Это завершение антироманной эволюции.

В свое время я пытался показать строго симметрическую структуру романа «В круге первом». Книга отличается пышной и строгой архитектурой собора; в ней энергия повествования строго канализируется, и над зенитным замком свода видится верное, вневременное.

В «Раковом корпусе» это видение вневременного уже менее сфокусированно: повесть продвигается от кошмара Русанова к злой аллегории зверинца. Но «осколки Вечного» придают скрытый центральный смысл целому.

Поэтика Солженицына на этом первом этапе его творчества имеет вертикальную устремленность. «Архипелаг Гулаг» — хотя это огромный очерковый этюд-повествование о лагере, о горизонтальной зоне, о бесперспективном рабстве человека в ней, — тем не менее тоже построен по законам вертикальной поэтики, то есть устремлению к видению Вечного. И вообще вся первая «глыба» творчества Солженицына структурирована именно так. Хотя рабство видимо торжествует, невидимое и вечное одерживают скрытую победу. У Александра Зиновьева торжествует горизонтальная поэтика, у Шаламова поэтика падения (вертикально вниз), у «первого» Солженицына — поэтика взлета (вертикально вверх). Два главных элемента способствуют этому:

1) скрытая аллегория башни, вознесения, видения Вечного через щель в своде – и

2) свободный диалог, при котором беседующие разделяют свою внутреннюю свободу и взаимным старанием духовно возвышаются. Эта коммуникация душ преодолевает тяжесть рабства, всех горизонтальных и некоммуникативных сил (в этом отношении очень показателен диалог Алеши-баптиста и Ивана Денисовича). Сама ирония способствует этим взлетам – она буквально окрыляет первый массив Солженицына.

В «Красном колесе» поэтика мало-помалу меняется. В первой редакции «Августа» мы еще чувствуем начальную, восходящую поэтику. Хотя Самсонов беспомощен и «потерял нужные слова», он возвышается духовно.

Два доминирующих символа организуют внутреннюю структуру «Августа 14-го». Образ гумна и цепа, идущий как от Евангелия, так и от «Слова о Полку Игореве», раскрывает значение нелепой войны: происходит тайный отбор избранных душ. Цеп Божий больно бьет, но справедлив.

Однако, «вертикальная поэтика» уже здесь подвергается злой мимикрии, саркастической подделке во лже-символике цирка, соответствующей безумию Богрова, убийцы Столыпина, и безумию русской интеллигенции, увлекшейся максимализмом и терроризмом.

Первый символ – религиозный: избранные души страдают и спасутся. Второй – демонический.

«Октябрь 16-го» – по своему темпу – как бы осаживает ритм повествования: все застряло, застыло; и Фронт, и природа, и люди – все как бы в ожидании грозы. Повествование ведется огромными блоками и завершается таинством исповеди. Грешница Зина, любовница донского писателя Ковынева, входит в храм и склоняет голову под епитрахилью.

Мне кажется, что с этого момента в солженицынском мире начинается уход сакральности из космоса, ее замыкание в храме. Раньше весь космос был освящен, теперь же лишь храм. Раньше вся земля была для Солженицына Божья, теперь – лишь островки. Оканчивается том немощью мудреца Варсонофьева («тщетно понять») и обещанием спасения в лоне Церкви («заложено в каждом таинство большее, чем мы предполагаем»).

В результате уже тут обнаруживает себя некая апория, характерная для позднего Солженицына: «тщетно понять» – а он пишет 6.000 страниц, чтобы понять. Утверждается величие таинства, заложенного в каждого человека, а в «Марте» и в «Апреле» люди все меньше ощущают это таинство, они все поверхностнее, трусливее, эгоистичнее.

Она не лукавила, а согрешила, – сказано о Зине. Он хотел добра, а совершил зло, – сказано о Самсонове. Они грешные, но спасутся.

Начиная с «Марта», люди и лукавят, и не хотят добра. Повествование раздробляется до предела, документы съедают ткань повествования. Роль иронии уменьшается, увеличивается стереоскопичность видения. Тот принцип изображения, на котором строился рассказ о палатке в 13-ом корпусе, где Костоготов, Русанов, Поддуев, Демин и Сигбатов – все смотрят друг на друга и мы поочередно видим каждого из них глазами остальных десяти, – этот принцип доводится теперь до крайности. Он подчиняет себе оба главных плана повествования, – и пласт документальный, коллаж исторических фрагментов, «сцены народоправства» и т.д., где одни и те же события или настроения варьируются до бесконечности, и изображение самих исторических протагонистов. Вся Россия становится палатой №13 – Гурно, Корнилов, Керенский, князь Львов, Каменев, Зиновьев, Гучков, Милуков, Гиммер (он же Суханов), Нахамкис (он же Стеклов), Троцкий и еще десятки других исторических персонажей, подобно больным той палаты, смотрят друг на друга, и мы, читатели, непрерывно меняем точку зрения. Диалогические соотношения почти исчезают – преобладает калейдоскопичность, раздробляя наше читательское восприятие истории почти до бесконечности. Потеряно ощущение «вертикальности» истории.

Есть среди этих портретов несколько выдающихся, очень рельефных. В «Апреле» мы получаем петитом портрет Троцкого, и мне кажется, что это первый удавшийся портрет Троцкого, написанный не троцкистом.

Я долго – и даже отчаянно – искал однако в этом лабиринте зеркал точку зрения автора. К моему удивлению, я понял, что ее нет, что она почти исчезла. Каждый раз, когда я ее улавливал, она ускользала. И приходилось приписывать ее одному из персонажей.

Тогда я стал искать общие знаменатели, позволяющие уловить какой-то тезис или тезисы.

Первый тезис сложился так: «разброд», «разложение», «зыбь», «балаган», «как вымело!», «О, как сползло! Сползает!», «все оплевано».

Да, все прежнее как бы вымело. Не узнать!

Один миг – и все подменилось. Не те лица, не те слова, не тот энтузиазм. «Март» показывал и предательство, и энтузиазм. «Апрель» показывает почти один только всеобщий разброд. За сорок дней не произошло никакого очищения – все только засорилось.

Этот тезис до бесконечности варьируется и Милуковым, и Гучковым, и князем Павлом Долгоруковым, и Ковыневым, и Ободовским, т.е. как историческими лицами, так и вымышленными. Интересно, что оба последних используют (на дистанции в 500 страниц) одно и то же слово – «саранча». Этот очевидный намек на книгу Бытия, на египетские язвы тоже встраивается в соответствующий образный ряд:

Торчат «рожи» – Время «подлое» – Буреет на улице «орда» – Тыл гноит Фронт – «Шантрапа» командует офицерам – Повсюду «угодность перед шайкой».

Словом, ловкачи и дрянь лезут наверх, а народ толкует происходящее очень просто: «Теперь все наше». Или: «Будем Еремеевскую ночь делать».

И действительно, – Россия переживает нелепую «Еремеевскую ночь».

Сознания раздваиваются. Люди врут, даже самые честные говорят с оглядкой. И эта оглядка становится общим правилом.

Ковынев заносит в свою записную книжку: «Этой весной напомнила Дону гнев свой и природа – размахнулась на революционный манер!». И добавляет: «Сливаются образы наводнения и революции. И как наводнение, сколько же обломков и мусора нанесет, сколько оставит ям развороченных. Использовать в очерке».

Отметим здесь прием снижения классического образа наводнения (идущего от «Медного Всадника») – до сухой протокольной записи. Революция конспектируется Ковыневым и Солженицыным, и несовременник революции идентифицируется с ее современником. Он собирает «обломки и мусор», и этому собиранию нет конца, хотя все произошло за сорок дней. Как будто справляется панихида сорокового дня. Но и символ панихиды снижается образом наводнения, которое предстает перед нами не грозным разгулом стихии, а скорее каким-то всеобщим засорением.

Лица неузнаваемы: «исказились злобой и жадностью знакомые лица» – не свои люди, а разбойники. Все гадко и оплевано. Хлынули из неизвестности «вылазки». Вылезает сор, гниль, червь.

Ольга с отвращением наблюдает эти «лица, сцены, мусор». И тоже удивляется быстрой перемене: «Те же прежние безответственные и на все готовые солдаты – как они переменились!».

Сам Плеханов чувствует так же. Он размышляет: «С годами мы так меняемся, что не только не узнаем самих себя – своих былых фотографий, своих когда-то записанных мнений».

Эти мысли, как и все в «Апреле», принадлежат отдельным персонажам. Однако они соединяются в общий тезис, варьируются. Время не утрачено, незачем искать его. Оно подло свидетельствует: «все смело», «все сползло». И само время – тоже подлое.

Солженицын – страстный адвокат памяти. Но он же – и неутомимый обвинитель времени. Оно не спасает, а губит. Князь Борис думает объяснить все «эпидемией зла и разрушения», т.е. болезнью. Но ирония автора более ощутима в отношении к этому либералу, чем к марксисту Плеханову и его единоверцам. Не они изменились, а мы сами, мы все...

Давно отмечено амбивалентное отношение Солженицына к женщине. Она в его мире чаще помеха и лишь иногда спасительница

главного героя – мужчины. Во всяком случае, она никогда не в центре.

В «Красном колесе» это еще больше так. В «Апреле» как адмирал Колчак, так и полковник Воротынцев – оба несут бремя своего брака. Воротынцев совершил прелюбодеяние, но вернулся к жене, а жена его, Алина, мучит его без конца подозрениями и истериками, требуя от него «безграничного восхищения». Писатель Ковынев колеблется: позвать к себе на Дон свою любовницу Зину или нет? «В этот бурлеж и правда же Зина никак не вмещается», – думает он.

Женщина мешает мужчине отдаться спасению Руси. Вот храбрый, но измученный Воротынцев возвращается в штаб: «Подходил к штабу. Боже, сколько сил выматывает эта тяготина своим настойчивым чадом, приносит душе расстройство, сказать – не поверят, едва ли не горше общероссийского. Непроглядство»...

Однако тема жены-помехи не может объяснить весь российский развал. Это лишь частная аллегория: рыцари обезоружены своими женами накануне боя. Самсон и Далила. Развал же – повсюду.

Фронт застрял. Идут братания. Тыл развращает Фронт. Тыл становится революционным, чтобы не возвращаться на фронт. Гучкову не удастся противиться демагогии в армии – Великий фокусник Керенский заменяет Гучкова во главе армии и флота.

Воротынцев читает архивы в Ставке, где ему нечего делать. И он получает подтверждение тому, что сам испытывал на Фронте: русская солдатская кровь проливалась зря из-за бездарности нескольких генералов. Он вспоминает кровавый эпизод на речке Взуре (это – одна из сильнейших страниц повествования). «И вот эту всю кровь – мы теперь сами затопчем? Ливанем ее под свинячьи копыта?»

Вопрос о странной лексике, прорывающейся время от времени в речи персонажей, заслуживает отдельного обсуждения. Персонажи «Апреля» порою заговаривают вдруг по Далю и по «Русскому словарю языкового расширения» Солженицына, хотя это очень мало мотивированно, ибо господствующий характер их речи гладко литературный. Отступления похожи скорее на инъекцию собственной авторской энергии в минуту ослабления энергии героев. Эти инъекции придают таинственный блеск и магнетизм тексту, но будучи слабо мотивированы, нарушают общий «реализм» романа, тянут его в сторону средневековой мистерии.

Однако мы несколько отсупили от нашей темы. Стоило бы разобрать каждый портрет. Но это пока невозможно, ограничимся несколькими примерами.

Милюков менее ненавистен автору, менее карикатурен, чем в «Августе». Порою он даже стойчески хмур и значителен. Однако и он, как и многие другие «правые» лидеры, грешит актерством. Он

даже наедине с собой мыслит театральными репликами, говорит французскими лапидарными «историческими словами»: «J'ai trop vaincu», — цедит он после эпизода с его нотой союзникам. Он неизменно думает о будущем историке и о великих предках. Он смотрит в то окно, в которое смотрел Никита Панин в XVIII веке, и мыслит как античный герой: вот Ахеронт бушует под окнами...

Но и Троицкий тоже чеканит по-наполеоновски: «На вас смотрят Века!»

Все играют роль, никто не реагирует на историю непосредственно. Будущее видится им в виде пятого действия.

Все эти актеры-комедианты воображают себя протагонистами. Но и Воротынцев, и Корнилов, и Шульгин жаждут Вождя, а вождя нет. «Нет человека для диктатуры», — думает Шульгин, хотя «наступает еще сегодня твердая власть — может быть, она могла бы спасти Россию? А может быть, уже нет»...

Другими словами, самые смелые умы интуитивно знают, где спасение, но все парализованы некоей драматической немощью. Словно какой-то всеобщий паралич овладевает частными судьбами и общей судьбою нации.

«Боже мой, что делается! помрачались разумом»... Этот крик Воротынцева выражает главный тезис романа. Помрачение разумом заволакивает Россию, замыкает все пути в будущее. Будущего нет в «Красном колесе». Колесо катится только вниз. Произведения первой «глыбы», наоборот, все были устремлены к будущему.

Однако некоторые лучи все же мелькают. Общему растлению противопоставляется некая скрытая сила. Риторике лидеров осаждает трезвая жестокость парадной мудрости. «Свиную щетинку не в кудри вить!». Или: «Одной рукой узла не завяжешь». Или: «Сам рыбак в мережу попал!»

Это — как бы первый вал, первая линия защиты.

Простой солдат Благодарев в «Августе» — верный товарищ полковнику Воротынцеву, и он порой лучше Воротынцева понимает смысл жизни (в сцене похорон полковника Кабанова). Так и здесь — в роли нового «скрытого героя» выступает простой солдат Фрол Горовой — бойкий, звонкоголосый парень. Он отправлен своим полком в Петроград — депутатом солдатского совета. Незнакомые слова ораторов озадачивают его ненадолго — он их записывает, угадывает их смысл, освобождая их от риторического камуфляжа, и переводит на свой язык. «Демократия, это значит новый порядок, как сейчас, без власти; пролетариат это кто сам своими руками работает...; программа это значит, что наметила партия делать».

Это новый, «сниженный» Сологдин — его злит, когда Гучков хвастается своим прошлым: «Да ты про будущее-то лучше скажи». Это типичный герой Солженицына — живой, неказистый, деловой,

подвижный («никогда не был камнем лежачим»). Он – из тех, кого я бы назвал «солженицынскими Сократами» и кого соединяет в его произведениях некий таинственный пунктир. Все они – некрасивы, как и Сократ, но это люди мудрые, деловые и решительные. На них держится остов общества. Воротынцев вспоминает погибшего генерала Павла Плевел: «Такой малорослый, такой некрасивый, такой уверенный и спокойный генерал»...

Среди них, как ни странно, оказывается и Ленин. Ольга смотрит на него, когда он выступает с балкона особняка Кшесинской – вдруг он появился и «засвистал Соловьем-разбойником». Она не любит его, но чувствует, что с Лениным «хоть дохнуло чем-то грязно-настоящим». И она тоже думает о его некрасоте: «Марат был не краше».

Ленин хотя бы не кривит душой, – идет, куда хочет, не лукавит. Здесь еще раз подтверждается некое скрытое почтение Солженицына к своему главному противнику. Самое ужасное для него – это появление лгунов, шулеров, «шантрапы».

Ольга читала французского историка Тэна и знает, что Тэн многое объясняет во Французской революции появлением феномена «улицы». «Улица» становится главным действующим лицом и в «Апреле» – безликая, безответственная толпа.

Однако не только «улица» сама по себе заполняет собою огромное пространство «Марта» и «Апреля», но и дискуссии об «улице». Февральская улица, думает Вера Воротынцева, превратила Петербург в «северные Афины», в республиканскую агору. Атомы общества вдруг перестраиваются, тяготеют друг к другу, и «вот такими атомами и делается история».

Но Афины эти скоро превращаются в Париж сентября 92 года. Звездочет и мудрец-веховец Варсонофьев знает, что «История делается не на митингах». А «северные Афины» были на самом деле – «митинги, митинги».

Так происходит крушение целого, именуемого Россией. Закружились ее «самодвижущиеся части»; и дробление повествования отразило раздробление общества, страны, истории – хаос и «разброд» всеобщий.

Нахамкис размышляет о захвате власти. Как она берется? Раньше – хорошим холодным оружием. Теперь – быстротой словесного изложения? Автор «Формулы поддержки» Временному правительству «постольку – поскольку» удивляется: «власть не взялась»...

Один странный эпизод вносит в «Апрель» абсолютно исключительную ноту мистицизма. Это – «вознесение» Воротынцева над толпой, когда его заставили участвовать в манифестации Первого Мая. Ему стыдно – и вдруг он ощутил как бы «освобождение собственного тела»; «жалкая фигура» – «это был не он, а сам он

взвесился где-то выше воздуха и плыл над этим пьяным шествием...»

Мелькают и еще редкие миги если не катарсиса, то хотя бы временного освобождения, очищения.

Любовь Сани и Ксении образует островок – или крепость, осажденную войной. Момент взаимооткрытия в любви и желание продолжить род, жизнь – нечто священное («словно маленький челночек»).

Бывают и моменты молитвы.

Молится царь: «Господи, Господи, что же готовит Твое Провидение нашей бедной России? Да будет воля Божья над нами»...

Молятся Саня и Ксения в Иверской часовне: «Соедини нас, Мать Божья, прочно и навсегда».

Саня приводит Ксению к «звездочету», у которого он был в самом начале войны. Это один из тех редких мигов, когда Солженицын соединяет разные концы своего «романа» и временное кольцо у него замыкается, а «утраченное время» как будто искупается. «Радуюсь за вас, говорит старик. Дай Бог, чтоб обстоятельства вас не разъединили».

Саня говорит о ситуации в стране:

«Наверное всякое, всякое может повернуться. Ближнее будущее – темно. А то, что мы видим, – печально. Разброд. Все в разные стороны».

Варсонофьев поддакивает и дает ключ: революции «никогда не находили истины». И не истину ищут.

Страна корчится в падучей. Чудо всегда возможно. «Но сколько доносит предание, не посылается чудо тем, кто не трудится навстречу».

Последняя страница восстанавливает потерянный лиризм Солженицына. Его любимцу Воротынцеву (он ведь трудится навстречу чуду) снится его родной Костромской край.

«Если взять чуть левей, восток-северо-восток, и перевалить через леса, взлететь и дальше – расстелется сперва Смоленская. Потом Московская. Потом Владимирская. А там и наша Костромская».

Северо-восток – любимое направление Солженицына. Это путь России к самой себе, от греков в Сибирь. Обратный путь огромной части русской истории. Это географическое видение, диаметрально противоположное гоголевскому видению – за Карпаты, на юго-запад, в сторону мифического Рима...

«Милая, печальная, обделенная сторонешка костромская».

Вот мы и вернулись в колыбель солженицынской поэтики и красоты. Мы опять у Матрены, в этой русской утопии аскезы и лада, которая и есть мистический центр всей первой «глыбы» Солженицына.

Однако эта последняя лирическая нота, на 6248-й странице гигантского повествования, неспособна опрокинуть все прежнее. Лад

ушел. Воцарился балаган. И уже не стоит ни село, ни город, ни страна на праведнике...

Мое заключение – двойное.

Первое: «Красное колесо» – огромное историческое повествование о потере добродетелей. Потеряны те четыре средневековых добродетели, на которых зиждется мир: справедливость, благоразумие, воздержание и мужество. Утеряна *virtus*, на которой строили мир Сенека и Марк Аврелий, погубила аретэ, на которой построен аристотелизм. Исчезла установка на этот знаменитый квадрат *virtutes*, на добрую, доброкачественную жизнь. Нарушено всякое равновесие, в особенности равновесие между излишеством и недостатком в справедливости, в *isotes*, по Аристотелю.

Второе заключение: страшным и гиблым оказался путь Солженицына в поисках утраченной добродетели. Он ее не нашел. Он застрял в дебрях документа и архива.

История «Красного колеса» сама по себе трагична. Трагична потеря ориентира, как будто сам предмет повествования повлек за собой повествователя. Умер романист, умер роман, побледнели смертельно все вымышленные лица. Остался огромный ворох обрывков.

Но и в этом страшном 6248-страничном «крушении» – автор «Красного колеса» и трагичен, и велик. Сама «неудача» этой титанической попытки гипнотизирует читателя. Ибо каждый смутно чувствует, что неудача эта не литературная, не поэтическая, а более глубокая, экзистенциальная.

Бальзак писал госпоже Ганской: «Я пожираю свои мысли», и он ощущал себя Богом, наслаждался своим творчеством.

Солженицына, как мне кажется, пожирают его мысли, и он себя ощущает не Богом, а изгнанным из сада добродетелей изгоем.

«Всякое непомерное движение – есть высшая растрата существования» – писал Бальзак.

Такой безумной растратой была, мне кажется, и вторая половина солженицынского творчества, и сама русская история...

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕЛЕННОЙ

Обзор российской журнальной прозы 1992 года

Давно ли жгучий интерес к литературным новинкам казался нормой? Давно ли писатель находился на авансцене общественных борений и активно участвовал в идейной схватке? Отошло, забылось. Затихли споры о литературе и вокруг нее. О литературе больше не говорят.

Говорят о другом. О том, что общество за несколько лет выговорило все бродившие в нем мысли. Что спорщики устали препираться: наделала синица славы, а моря не зажгла. Говорят, что идеи неуютно почувствовали себя в хаосе жизни. Говорят, что старое прогорело и рухнуло, а новое никак не может начаться и лишь едва-едва намекает о себе. Общество пребывает в замешательстве. И кульминацией этого состояния стал, пожалуй, именно 1992 год — может быть, самый неясный и неопределенный за долгое-долгое время. Битва была выиграна, но дарами победы воспользовались только мародеры. Занавес упал — а зрители так и сидят в зале, не зная, что делать дальше.

Может ли литература внести ясность в разброд житейских впечатлений? Куда-то нас направить, чему-то научить? Да и хочет ли она быть учебником жизни, в стародавних российских традициях?

Уже который год над литературой не висит дамоклов меч цензуры. Никто не принуждает писателя следовать правильным курсом, никто не пугает дисциплинарными взысканиями, никто не «литует» журналы и альманахи. Новые условия литературного быта открыли возможность публикации текстов, писавшихся впрок, без расчета на скорое обнародование. И вот, как симптом смены исторических эпох, эпилогом к советскому периоду нашей жизни, происходит возвращение из небытия имен и сочинений, встреча которых

**Евгений
ЕРМОЛИН**

— родился в 1959 г. в Архангельской области. Окончил факультет журналистики Московского университета в 1981 г. и аспирантуру Института искусствознания. Живет в Ярославле, работает в Ярославском пединституте. Автор ряда литературно-критических и культурологических статей, печатался в «Неве», «Литературном обозрении», «Севере» и др. журналах.

с читателями еще недавно была затруднена или невозможна. Казалось, что свинцовое время так и унесет с собой свои тайны.

Продолжает всплывать из дремучей пучины нелестная правда. Это явление замечательное и – в таких размерах – исторически едва ли не беспримерное.

Минувший год не дал нового качества, но представил вполне убедительное количество журнальных публикаций подобной художественно-мемуарной прозы. Сильное впечатление оставляют новизной жизненного материала и своеобразием личности автора воспоминания крестьянина с Северной Двины Ивана Карпова «По волнам житейского моря» («Новый мир», № 1) и отрывки из мемуаров Абдурахмана Авторханова («Октябрь», № 8-10). В этом ряду – «Злые годы» М.Конисской («Новый мир», № 6), «Татьянин день» Т.Окуневской («Искусство кино», № 8-11), «Родословная» И.Метгера («Нева», № 3), «Кладовка» В.Домогацкого («Новый мир», № 3), «В соблазнах кровавой эпохи» Н.Коржавина («Новый мир», № 7-8), заключительные главы книги «Последний поклон» В.Астафьева («Новый мир», № 2-3), «Невыдуманные рассказы» Г.Бакланова («Знамя», № 9). И еще: «Фронтные дневники» М.Корякова («Знамя», № 5), «Воспоминание о сыне» Н.Е. и З.В.Пестовых, «Письма близким» Н.Н.Пестова («Новый мир», № 9), дневники и письма Д.Хармса («Новый мир», № 2), дневники К.Чуковского («Знамя», № 11), наконец – «Неувядаемый цвет» Н.Любимова («Дружба народов», № 7)...

Российские мемуары, дневники и письма XX века стали с крушением советской империи бесценными свидетельствами, отражающими духовный опыт тех поколений, на долю которых выпало испытание тоталитарной утопией. Здесь по крупницам составляется истинный портрет эпохи, проступают ее лики, написанные очевидцами, свидетелями, участниками. Возникает образ назойливой действительности, притязающей на исключительность и предписанной как директива. Агрессивный, навязчивый мир, где топорчатся амбиции всевластного хама и гуляет топор в руке палача.

В такой стране как-то устраивается человек. Факт его существования, маловажный, в сущности, для режима, создает тем не менее основной конфликт эпохи. Взаимоотношения отстаивающей свою независимость личности и великой державы, посягающей на разум, чувства и силы человека, – вот очевидная и почти неизбежная российская проблема. XX век только заострил ее до предела, что и отразила литература.

С одной стороны, к началу столетия человек в России обрел полную независимость от всяких универсалий. На традицию христианского персонализма наложились влияния нововременного гуманизма и воинствующего индивидуализма, обеспечив пышное цветение культуры, богатой личными инициативами и свершениями.

А с другой – как бы внезапно пробуждается и бунтует древняя роевая тяга. Воскресает архаическая коллективная магия и выходят на сцену традиционные мифо-эпические персонажи. Под модной внешностью научно-социалистических утопий на Руси оживает древний ужас навуходоносоров и ашшурбанипалов.

Вполне созревшая и даже иногда потерявшая какую бы то ни было высшую цель вне себя личность столкнулась на заре XX века с тотальной волей к омассовлению, хотя бы и принудительному. Расцвет культуры был объявлен разбродом и разложением. Суверенитет личности заклеен как антинародный эгоизм. А пока суд да дело, чаша с цикутой уже была наполнена. На языке родных осин – начался сплошной лесоповал. Отдельно стоящие деревья вырубались, стягивались стальным канатом и направлялись на переработку. Ее итогом был бесконечный бумажный рулон, на котором типографский станок Кремля печатал многомиллионный тираж газеты «Правда». Плакат и лозунг, массовая песня и газетная карикатура стали самыми популярными жанрами искусства.

О насилии над гнездящейся в душе свободой, об истреблении привычек вольного самопроявления немало уже сказано в литературе нашего века, в том числе и русской. Коллизия неоригинальна. И все же неизменно берут за живое истории, рассказанные в прозе документа, о попытках отстоять себя, об опытах тихого (а то и громкого) сопротивления, очерки духовного величия и упадка, прозрений и заблуждений.

Человек не хочет ложиться под копирку – еще вчера этот афоризм мог считаться окончательной истиной. Оказалось однако, что не так все просто.

По канонам соцреализма, нормальный человек не мог жить вне коллектива. Оказавшись волей житейских обстоятельств или ввиду своей провинности в одиночестве, он страдал и маялся до тех пор, пока не вливался в «здоровую» общность. Можно было бы считать такую коллизию пропагандистской ловушкой. Но времена переменялись, а сюжет остался.

Сразу в двух журналах опубликована в 92-м году «Книга последних слов» Юза Алешковского («Звезда», № 3, «Октябрь», № 8). Имитируя последние слова подсудимых, автор составляет каталог причудливых и нелепых судеб. Герои Алешковского неожиданно для самих себя выпадают из массы – и предстают перед советским судом, оказываются на виду у всех и в полной изоляции. Их проступки анекдотичны. Они совершаются как будто не в полном сознании, безответственно и бездумно. Оттого мучит не сам проступок, а его следствие – изгойство. Оно обрушивается как кара жестокой судьбы на детски-наивную душу. А судебная процедура делает этот факт зримым. Сама ситуация позволяет оттенить инфан-

тильную тягу некоторых персонажей в анонимность, в роевое целое.

Не чувствуют своей вины и персонажи другого разряда из собрания Алешковского. Но мотив здесь другой: всеобщий бардак, «преступления депутатки Верховного Совета Насридиновой или грузинского секретаря Мжаванадзе», воровство проживающего по соседству директора бани или несправедливость советской власти как таковой. Логика проста: «Ведь если, граждане судьи, даже министры у нас воруют и под расстрел идут, если дочка брежневская под крылышком своего генсека бриллианты у народа хапала, то...мы тоже по-своему химичили и химичить будем».

Монологи Алешковского, возможно, способны вызвать и бодрый смех. Но, прежде всего, «последние слова» заставляют задуматься о порче, случившейся в нашем обществе, о кривизне человеческого лица, на котором лиловет печать системы.

Если человек остается один – он торопится схватиться за ржавый костыль, к которому привязаны все его соседи. Если он бунтует, то это бунт на коленях. По принципу «все воруют, а я чем хуже?». Там и тут срабатывает универсальный механизм судьбы, смазывающий необщее выражение человеческого лица и подверставающий всех и каждого под одну анонимную гребенку.

Не со всяким происходят столь же анекдотичные вещи, какими переполнены истории Алешковского. Но отважно суетясь на поворотах интриги, его советский человек в принципе был, есть и будет – советским. Определяющее здесь, пожалуй, важнее определяемого. «Книга последних слов» – это альбом окаменевших человеческих гримас, выхваченных фонариком насмешника-автора в потемках неподвижной, извечной советской жизни.

И вот уже державы нет. И все пришло в движение. Но вдруг замечаешь, что в литературе сегодняшнего дня многое снова и снова пытается враси в убегающую из-под ног почву. И не в бреду, а наяву вся литература иногда покажется одной большой Книгой Последних Слов, которые договаривает, доборматывает умирающая и воскресающая, как некий древний бог, советская эпоха.

Не имеет смысла сводить всю литературу года к одному-единственному общему знаменателю. Однако стоит выявить вполне, на мой взгляд, очевидную тенденцию к ретроспективному восприятию мира. Вчерашний день нависает еще над нами тяжелой глыбой, отбрасывающей жирную тень. Степень зависимости и средства ее выражения могут при этом быть, конечно, очень разными. Но в том и хитрость, что прошлогодний снег подчас таятся там, где этого меньше всего ожидаешь.

Награды и премии – дело суетное, и все же знаменательно, что Букеровскую премию 1992 года за лучший роман на русском языке получил Марк Харитонов со своим романом «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» («Дружба народов», № 1-2).

Этот роман характерен тем, что в нем пересеклись сразу несколько ключевых смыслов, связанных со спецификой текущего момента в литературе.

Личному опыту забытого провинциального литератора былых времен Милашевича Харитонов придает особое значение. Этот опыт, оказался для современного писателя дороже многого и многого в громогласице мира. Бури времени, социальные потрясения и миражи первой четверти века проверены спокойным взглядом героя, таинственно и незаметно проживающего в отдаленном городке на великом русском просторе.

Кто спорит, есть высокий смысл в возвращении из забвения человеческого опыта, в попытке уловить сквозь вонь и бред десятилетия аромат личности. Роман писался в первой половине 80-х, и в нем нетрудно разглядеть оппозицию автора по отношению к тогдашней казенной версии исторического процесса. Читая о том, как провинциальный преподаватель педвуза Лизавин прилежно реконструирует по истекшим следам давно стorerвшую жизнь Милашевича, ваш покорный слуга к тому же вдруг вспомнил, что чем-то подобным занимался примерно в то же время и он. Все эти обстоятельства в совокупности способны, разумеется, вызвать симпатию к тексту и его автору.

Но по мере того, как в ход у Лизавина идут клочки бумаги, обрывки случайных и неслучайных мыслей, всплывают фразы из забытых книг, сознаешь: герой-то у Харитонова – вымышленный. Милашевич – это не какой-нибудь Тимофеев-Ресовский, повествование о реальной личности которого вызвало в свое время сильный общественный резонанс. А значит, в отличие, скажем от Даниила Гранина, наш романист лишь имитирует исследование. Весь поиск, его ход и результаты, хитроумно придуманы. И это, признаться, как-то разочаровывает, хотя, казалось бы, отчего же? На то и роман, чтобы быть вымыслом...

Дело еще в том, что чего-то важного в Милашевиче недостает. Герой привлекает умом, чудачествами, душевной опрятностью. Но личность в ее отношениях к Богу, к истории, к народу и власти показана непонятно или невразумительно. Внимание застревает на каких-то деталях, на странностях, на совпадениях – и проскальзывает мимо главных проблем.

Застигнутый историческими потрясениями, Милашевич бежит от бурь эпохи, забиваясь в тихий угол. В маленьком мирке партикулярной жизни он отдается случайным вдохновениям и будничным заботам. А время настагает его и в конце концов нехотя добивает. Неутешительный итог. А главное – ведь нам знаком такой человеческий опыт. Это опыт позднего застоя, когда подчас ловил себя на ощущении того, что жизнь зашла в беспросветный тупик,

откуда нет выхода. И вот вопрос: не отождествляет ли исподволь автор социальный маразм 80-х с катастрофической динамикой 10-х и 20-х? И не придуман ли герой как художественная проекция собственных переживаний и обстоятельств автора?

Складывается впечатление, что интерес Харитонов к Милашевичу небескорыстен и таит исповедальный заряд. Неслучайно, должно быть, и в рассказе о жизни Лизавина много параллелей (едва ли не нарочитых) между ним и Милашевичем. Но я не уверен, что возникающее тождество плодотворно. В философии аутсайдеров-провинциалов, удалившихся от шума и бреда времени и тихо шелестящих бумажками в укромной норе, мало духовной глубины и вовсе нет усилia и риска.

Повествование в романе течет неспешно, даже как-то вяло. Слог витиеват, синтаксис переусложнен. Писатель, чувствуется угнезден в тексте, как в щели, обжился – и трудно расставался со своим рукоделием. Но блестящая техника не искупает почти постоянно дающей о себе знать в романе душевной инертности, флегмы.

Возникает ощущение, что Харитонов будто подводит итог эпохе, которая ушла – со своими проблемами, героями, скандалами и комплексами. Изменилась историческая ситуация, в которой призван найти себя человек. Старый герой с его болезненным переживанием собственного отщепенства стал неактуален, прежние психо-социальные связи уже не так сильно волнуют, как вчера. Дадим себе еще раз отчет: что произошло? Произошло то, что порой случается и называется по-русски смутой. Слово неприятное, однако помимо невзгод смута приносит одну несомненную выгоду. Она дает человеку возможность жить сначала. Ему приходится самоопределяться в мире без догм и конвенций. Само время расчищает завалы официоза и казенщины, мертвых схем и фраз, открывая впереди пустое пространство свободного поиска, духовного риска и инициативы.

Свободная личность снова заявляет о себе в полный голос – после того, как ее отпели, похоронили и заклеямили за отрыв от массы и тлетворный индивидуализм. В мире без готовых ответов человеку уже не спрятаться от своей свободы за широкой спиной вождя и учителя. Все поступки совершаются отныне в полной мере ответственно. А значит, снова возвращается героический период истории, период полновесной человечности, нефиктивной свободы, уверенности сознающего себя Я.

Это настолько ново и неожиданно после десятилетий прозябания и рабства, что вызывает тревогу и фрустрацию. Толпа тоскует об Отце – покровителе и защитнике от опасной жизни. Личность взыскует права соучаствовать в таинственных и великих судьбах мироздания. Иными стали и условия существования литературы. Нет больше госзадания мастерам пера. Никто не обозревает в отчетных

докладах достижения словесности, не определяет степень соответствия произведений актуальным задачам коммунистического строительства. Нет и оплаты за старательный, идейно доброкачественный труд. Писатель перестал быть чиновником и не может рассчитывать на служебную карьеру и скромные привилегии. Недавно по телевизору показали репортаж о встречах каких-то писателей, художников лова, с одним «кремлевским горцем». Солидные костюмы, многозначительные взгляды, сановные улыбки... А ощущение – что присутствуешь в музее восковых фигур. Настолько неуместна эта попытка оживить старину, найти в представителе власти опекуна-покровителя.

Вы скажите, что эти изменения касаются только «литераторов-секретарей»? Но ведь и оппозиция режиму, которая давала художнику сильный творческий импульс, в новых условиях себя исчерпала. Отсутствие силового принуждения и цензурных запретов лишило смысла логику андеграунда. Исчерпан и стал атавизмом почтенный, еще вчера вызывавший восторг и трепет опыт общественного и культурного противостояния режиму.

Между тем, далеко не всегда проза фиксирует эти перемены. Вот и чувствуешь себя порой в реанимационной палате, где художник настойчиво оживляет то, что умерло давно (или недавно – все равно), торопится договорить то, что не удалось сказать раньше. Человек в литературе оказался связан реликтовыми застойными комплексами отщепенства, абсентеизма. Но теперь достоинства такого рода более не вызваны необходимостью. Одно дело – бороться с великанами, другое – с ветряными мельницами.

Патина времени легла даже на мемуарные записки скульптора Вадима Сидура «Памятник современному состоянию» («Знамя», № 8-9). Автор создает «миф» своей жизни, составляя перечень впечатлений, воспоминаний, острых уколов враждебной действительности, и переполняет записки ссылками на позавчерашний день, цитатами ушедшей жизни. «Памятник» Сидура оказался надмогильным. Жгучие когда-то чувства остыли в растворе вечности, в атмосфере мемориальной скорби и ритуальных забот. Художник ушел вместе с эпохой и унес свои счеы с режимом на иной суд...

В мемуарных записках мы ценим уже саму честность свидетельских показаний. Но вместе с вымыслом в литературу должны бы войти новый масштаб мысли, иная степень художественных обобщений. К сожалению, пока этого не произошло.

Немало в современной литературе и кроме романа Харитоновна произведений, где в центре действия – персонаж, который определенно близок автору: жизненным опытом, складом личности, мыслями или переживаниями и наблюдениями. Угадывая исповедальный импульс, вспоминаешь, что еще в 60-е годы исповедальный тон свидетельствовал о том, что человек снял с себя мундир, сбросил

спецовку – или хотя бы расстегнул верхнюю пуговицу. Человек уходил от предписаний – и зажил наугад, легко очаровываясь и вдохновляясь по наитию, а не по школьным прописям. Правда, по своему содержанию рефлексии персонажа исповедальной прозы 60-х были обычно банальны и роднили его со многими земляками и одноклассниками. С тех пор много воды утекло. Автор редко стремится теперь к откровенному исповедыванию веры, но опосредует лирические признания бытовой хроникой и эстетическими грезами. Законом становится неопределенная дистанция между фактом и фантазией, между личностью героя и автора. Однако у писателя есть много средств сообщить о своем зримом или незримом присутствии, а у читателя не меньше средств это присутствие опознать.

Если присмотреться, увидишь: в прозе такого рода в той или иной степени оживают старинные сентиментально-романтические комплексы личности, осознающей свою обособленность и исключительность и утверждающей себя. Увы, сегодня здесь мало художественных удач. На этом направлении литература не дает нового убедительного качества. Эта подчас аморфно-глубокомысленная, а в основе всегда наивная проза предлагает довольно поверхностный срез жизненного опыта. Редко воодушевляет пространное и не всегда даже вразумительное повествование, полное мелочной психологии, случайных наблюдений, утомительной правды подробностей... Повествование, где зачастую бесконечно пережевываются беззубыми челюстями застойные социальные комплексы.

Конечно, давно уже вне критики роман Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные» («Наш современник», № 1-9) или, скажем, давние повести Георгия Чулкова «Вредитель» («Знамя», № 1) и Бориса Ямпольского «Знакомый город» («Октябрь», № 1). Можно только запоздало поблагодарить их авторов за свидетельства о жизненных драмах изгоев советского общества. Но вот два бесконечно-монотонных романа плодovitого, как выяснилось, беллетриста Бахыта Кенжеева («Плато»: «Знамя», № 3-5; «Младший брат»: «Октябрь», № 7-9) вполне заслуживают, по-моему, нелестной оценки. Автор то ли продолжительно хоронит свои иллюзии, то ли смакует по глоточку свои околорисидентско-эмигрантские обретения и потери, успевая однако сильно утомить читателя, уже привыкшего к откровенности такого рода. Близка по подходу к жизни беллетристика Бориса Носика («Большие птицы»: «Звезда», № 1; «Человеческий фактор»: «Континент», № 1/70/) и Наума Нима («До петушиного крика»: «Знамя», № 10): оба, между прочим, впечатляют своих героев и читателя сексуальной или тюремной советской экзотикой.

Иван Оганов («Песни об умерших детях»: «Октябрь», № 2; «Опустел наш ад»: «Новый мир», № 5) привлекает внимание тем,

что всегда полон самого искреннего энтузиазма. Постоянное лирическое волнение и прихотливые ассоциации, словесная круговерть и мишурная фразистость, – вот тон и метод Оганова. Провинциальные причуды, «обывательская жизнь маленького человека», странные истории о чудаковатых, ненужных эпохе людях... Но, сказать по правде, быстро устаешь от старомодной стилистической гастрономии Оганова, от его словесного экстаза, приходящего временами в очевидное противоречие с предметом повествования, с духом нашей суровой эпохи. Сентиментальная стихия не в силах захватить и довести до последней точки читателя, ищущего не просто фраз и красок, но и глубокой, оригинальной философии человеческого бытия.

В квазилирических, псевдоисповедальных сочинениях дает о себе знать и сверхмерный нарциссизм, причем увенчание соседствует с развенчанием. Так, молодой герой повести Олега Клинга «Меченые» («Октябрь», № 5), истолкованный как жертва режима, отмечен печатью избраннического отщепенства (так сказать, «герой нашего времени» и «сын века» разом). В романе Юрия Милославского «Укрепленные города» («Дружба народов», № 2) взглядом самолюбленного люмпена раздеты (отчасти буквально) характерные фигуры московского андеграунда 70-х годов и советской алии в Израиле. Клинг возводит бытовые неурядицы и скандалы чуть ли не в степень бунта, Милославский же бунт низводит до бытовой мелочи и грязи. Для одного характерно упорное умствование с астральным оттенком, для другого – систематическое опошление всякой идейности. И уж вовсе ничего не дорого Михаилу Федотову, сочиняющему «ультрасовременную прозу» – «многосерийный автобиографический репортаж». Разнообразно эксплуатируя русско-еврейскую тему в своих «Иерусалимских хрониках» («Нева», № 4), он просто сообщает массу занимательного бреда.

К 60-м годам возвращает и начатая в 10-м номере «Нового мира» публикация «свидетельского» военного романа Виктора Астафьева «Прокляты и убиты». Судя по началу, в концепции своего романа писатель сугубо консервативен. Его кредо – испытанные идеология и поэтика «окопной правды» в тех ее приметах, которые вошли в литературный обиход тридцать с лишним лет назад.

По мере ослабления цензурного гнета эта проза все упорнее говорила о тех военных противоборствах, которые назревали и разрешались по одну сторону линии фронта, в своем стане. Борьба шла между честью и подлостью, между жестокостью и благородством, между отвагой и трусостью. Последние на нашей памяти шаги в этом направлении сделал недавно Вячеслав Кондратьев в повести «Искупить кровью» («Знамя», 1991, № 12).

Астафьев, по всему видно, стремится к беспощадной, последней правдивости, к полноте и густоте хроникального материала.

Герои еще не доехали до фронта, а сколько неожиданной и ожидаемой правды явилось пред очами читателя. Повествование течет свободно и легко, типы простонародья изображены уверенно и ярко. Подлинное открытие – верующий боец. Уже пришлось услышать и такое суждение: это – рассказ о жесточайшем самоистреблении народа... Но здесь рано ставить окончательный диагноз. Можно только заметить, что первым главам при избытке жутких подробностей не хватает, пожалуй, героя, способного к обобщению и преодолению тягостных впечатлений, недостает вообще каких-то противовесов безумию эпохи.

Новые главы покажут, сколь велик замах Астафьева, сможет ли он выразить содержание эпохи во всей полноте. Я не формулирую, конечно, заказ на новую «Войну и мир». Но большой прозе о тектонических, эпохальных сдвигах в судьбе народа не обойтись, думается, без глубокой концепции исторического процесса, без осмысления человеческого удела, судеб России и мира в XX веке.

Тяготеет к жесткой хронике и Олег Ермаков в своем романе «Знак зверя» («Знамя», № 6-7). Его уже называли самым крупным событием года в литературе. Это действительно хорошее начало, однако, с крупными авансами я бы повременил. В романе много картин жизни, но постижение человека идет не вглубь, а вширь. Сама ситуация как будто стирает знаки присутствия личности: экстремальные обстоятельства требуют упрощений как условия нормальной социальной адаптации. Кругом затаившиеся враги, а внутри экспедиционный корпус раздирается конфликтами. Став объектом разносторонней агрессии, личность в итоге оказывается раздавлена средой.

Эта фатальная логика искушает, похоже, не только героев, но и автора, ограничивая его в возможностях. Очевидно, война требует от художника не прямого в ней участия, а некоторого дистанцирования, чтобы раскрыться в новой, неожиданной полноте духовного опыта. Ермаков создает дистанцию – но пока только эстетическую. Он созерцает и пластично изображает все, что видит. На страницы выплеснулось, кажется, все, что накоплено автором, безудержно, с избытком. И вот обидное впечатление: повествование невозможно растянуто, перегружено изобразительными и выразительными подробностями, а предмет его не к месту неизбирательно эстетизирован.

Теперь уже не освободишься от впечатления, что страна, о которой ведет свой рассказ Фазиль Искандер, это – предвоенная Абхазия. Это внелитературное знание как-то осложняет восприятие глав из нового романа Искандера «Человек и его окрестности» («Знамя», № 2,6,11).

Договаривая то, о чем прежде поневоле приходилось умалчивать, писатель свидетельствует о бреде эпохи, воплотившемся во

впечатляющем образе безумного Ленина из Мухуса – бывшего преподавателя вуза, свихнувшегося на чересчур пристальном интересе к личности основоположника. (Вот странная пара к харитоновскому Лизавину!) Психическая болезнь мухуского Ленина подобна болезни эпохи, мира, которым «правит энергия безумцев».

Антипод этой обвальной умалишенности представлен в другом образе романа. В опубликованных фрагментах есть великолепный рассказ об ожидающем мальчике – мальчике, в котором угадывается автор, вспоминающий о горестных семейных драмах 30-х – 40-х годов. Выслан отец, арестован дядя. Вчерашние друзья дома отворачиваются от тебя на улице и не заходят в дом. И только дедушка Вартан из селения Эшеры (Боже мой! окровавленные Эшеры!) навещает зачумленное жилище, платя корзиной фруктов и верностью в исполнении этого добровольного обета за старое, еще дореволюционное добро. «В старике была какая-то правильность, точность. Почти все люди, которые открылись мальчику, размывались или расплющивались, чтобы втиснуться в безопасность. Дедушка Вартан оставался таким, каким был всегда».

Разразилось новое несчастье, арестован другой дядя – и вместе с этим в душе у мальчика разыгрывается острый приступ неуверенности в реальность мира, потерявшего прочность. Только очередной, непрменный приход дедушки Вартана может подтвердить, что мироздание не обернулось зыбким бредом сумасшедшего. Только в старинной, надежной этике сельского деда чудится мальчику что-то спасительное и справедливое среди общего релятивизма и кромешных обманов бытия.

В тот раз дедушка Вартан пришел. Однако как быть теперь, когда духовно цельный, традиционно-эпический герой остался в прошлом? Патриархальная мораль, корнями уходящая в стабильный уклад жизни, сходит на нет вместе с этим укладом. Искандер старается: высматривает в современных людях остаток старинных добродетелей – чести, достоинства, справедливости, верности, простоты... Он любит этих людей и любит писать о них.

Философия Искандера – это философия простой, но надежной солидарности – а эта ценность до конца не отмирает ни в какую эпоху.

Мне думается однако, что перспективы писателя лишены определенности. Странно читать сегодня рассказы, многие герои которых проживают на родине автора, в Абхазии. Проза писателя, склонного отыскивать среди абсурда островки непоколебимого смысла, приходит в связь с сообщениями с театра военных действий, и чудовищная, захлестнувшая Кавказ вспышка ненависти и насилия кажется иногда эпилогом грандиозного искандеровского эпоса «Сандро из Чегема», где автор столь убедительно рассказал о разложении

патриархальных основ жизни, распаде традиционной морали и вырождении органической общности в мафиозные структуры...

Сам процесс публикации романа главами создает впечатление, что автор выскребает по сусекам памяти последние зерна, меж тем как жизнь дописывает за него горькую повесть о конце века, повесть, в финале которой – гекатомба.

Не придется ли автору самому для себя ответить на трагический вопрос об оправдании бытия, из которого ушел дедушка Вартан со своей корзиной, полной отборных фруктов?

Посягательства официоза на создание цельного и непротиворечивого образа мира в последние десятилетия воспринимались обществом довольно критично. Обесценивались идеологические фетиши – вместе с ними обесценивалась и действительность. Она еще не была, как следует, опознана – а уже казалось такой же призрачной, как маркирующие ее пропагандистские понятия. Зыбкость мира для иных художников – не вывод, а предпосылка их творчества. Они, можно сказать, прирожденные агностики.

Окончательный вид это восприятие реальности приняло в последние годы: рухнула прежняя иерархия, а многие термины, объяснявшие худо-бедно мир, умирали едва успев народиться. Пространство заполнилось шумом и гамом. Сталкиваясь с расколотым миром и помраченным сознанием, художник воспринимает неупорядоченную реальность опыта как пространство игры и мистификации. Если не осталось полноценной, онтологически бездефектной действительности, то зато вокруг разбросана масса обломков, обрывков, лоскутков, в равной степени случайных и ненадежных, как весенний лед. Мир распотрошен на части, из которых можно, экспериментируя, составлять пестрые мозаики. Признаки этого процесса в литературе очевидны. Многие аксиомы оказались под вопросом. Каждый сам решает, как ему относиться к самым, казалось бы, надежным вещам. Что, например, можно сказать об отношении писателя к народу? Должен ли художник учить народ и может ли искать в нем опору? В ситуации, когда потерял ясность вопрос о существовании народа как такового, писатель иной раз не торопится с ответом, а то и просто отказывается рассматривать эту проблему.

Неясна и ситуация с языком литературы. И здесь иерархия стилей сильно размыта. Языковая ткань, теряя нормативную определенность, трещит и рвется, а сшивается писателем подчас на живую нитку. Примитивная логика поделила всех писателей на русских и русскоязычных. Следовало бы однако выяснить сначала, что собой представляет сегодня язык, на котором происходит общение людей в нашей стране, как соотносится с «классическим» литературным языком Пушкина, Толстого и Чехова.

Непредвзятые наблюдатели фиксируют возрастающую дистанцию между языком улицы и традиционным языком литературы, вплоть до полного взаимного отчуждения и непонимания. Автор романа «Перцев дом» «Нева», № 5-6) Вячеслав Передельский рассуждает: «Бросьте свои плешивые базары; прекратите толковище о лтязыке и вспомните ту огромную рать, а точнее кодлу, что чалилась и чалится в невиданном глазу мире, в другом пространстве и измерении, где по ночам рыкали и рыкают «воронки» и «столыпины», шуруя из конца в конец по дорогам и рельсам архипелага. Вспомнили? Каков их язык, а? Кто-нибудь изучал? Написал диссертацию? Нет? А зря! Это же целая народность, побольше, чем какие-нибудь нивхи или долганы». Пытаясь дать представление об опыте той «кодлы», которая затем покатится живописной бичующей толпой по страницам романа, автор начинает свой опус сочным пассажем, отражающим лексическую норму своих героев: «Обалденный мой любитель изящной словесности самой читающей страны в мире, если ты когда-нибудь, ну, скажем, в поезде, лежа на мазутном матрасе или на хате, откинув копыта на продавленный диван, в обнимку с тараканом, раскроешь мою телегу, то знай: эта портянка предназначена тебе, твоему шарабану...» – и так далее.

Подобный жаргон настолько типичен, что уже мало кого эпатирует. Старый русский язык, язык великой культуры, богословия, философии, литературы, – был отвергнут тоталитарным режимом вместе со всем строем чувств, моральных привычек и убеждений, доставшихся нам в наследство от дореволюционного прошлого. Постепенно ушли носители прежней культуры, классической русской речи. Старый язык оказался не востребован жизнью, а на смену шел канцелярит для официального общения и язык городских люмпенов – для уличного. Новый народный язык, в последние годы невозбранно льющийся в общественных местах, является оттиском духовного состояния, культурного потенциала масс. И писатель подчас идет за улицей, где культурный и социальный опыт толпы находит нынче выражение в блатной фене и мате. Вот и смешивает приблатненный сказитель у Передельского самые разные снадобья в одном котле – французское с нижегородским, петербургское с магаданским, не заботясь о красоте и стройности. Даже знаки препинания расставлены в тексте произвольно. Возникает непритязательный словесный винегрет, который и отражает, наверное, как лужа небо, то диффузное и неопределенное состояние мира, в коем обитает повествователь. Распотрошенный язык – симптом потерянной реальности. Мнимый мир – это мир, где все возможно – и нет ничего окончательного, ничего абсолютного. Субъективизм здесь узаконен, но закон – относителен.

В литературе игровых моделей дают о себе знать две крайности: полный ежесекундный произвол художника-творца, делающий

совершенно необязательными единство личности в последовательной череде мыслей и чувств, переживаний и поступков, — и предельно жесткая логическая схема, подчиняющая себе мир и человека. Когда свободы слишком много или слишком мало, она перестает ощущаться. Скажем, персонаж может вовсе ее не знать, а автор может не знать никаких ограничений, никаких препон, отчего всякое действие и слово становится эксцессом.

Вот так произволен, тот бесконечный поток речи, который вылился из-под пера Дмитрия Галковского (отрывки из книги «Бесконечный тупик»: «Наш современник» № 1-2, «Новый мир», № 9,11; «Андерграунд»: «Независимая газета», 26-27.11.1992). Немалые запасы ума, эрудиции и наблюдательности пущены автором на одно — на нарциссическое самоудовлетворение. В каждой строке бесчинствует абсолютизовавшее себя, разросшееся до размеров вселенной Я, не сознающее никаких тормозов и запретов. Прямо на глазах читателя происходит подробное и неторопливое самообнажение автора, а рядом тот же автор разоблачает культурных героев, персонажей отечественной истории, отбирая самые звучные имена.

Галковский двулик, как Янус. Или даже многолик. Воспроизведенная на бумаге личность тут же и расслаивается на моментальные реакции, на дробные впечатления и воспоминания. Всякий проблеск сознания, всякая подпольная идея могут здесь обрести словесную форму и отлиться в звонкую фразу. Так — как бы сама собой — складывается книга пестрых мнений, противоречивых суждений, провокационных афоризмов, вызывающе тенденциозных оговорок, злых парадоксов, остроумных перемигиваний.

Найденная автором форма комментариев к комментариям оказывается очень к месту. Она возникает от принципиальной невозможности связать одну эффектную мысль с другой на основе трезвой логики. В следующий момент придет следующая ассоциация — и гибкая, увертливая мысль пойдет в сторону. Сочинения Галковского полны таких зигзагов и в совокупности производят впечатление неудержимо растущего, разбухающего в разные стороны хаоса.

Их автор — артист, воспитавший в себе способность к чрезвычайной мыслительной гибкости. Он может виртуозно разыграть любую партию, пребывая в странствии, итог которого ничем не предопределен. Да и не может быть итога. Есть Бесконечный Тупик как осознанная творческая позиция. Это миллион верст вокруг себя, но вектор движения уходит в дурную бесконечность. Сказать иначе, движение замыкается в порочный круг. Ведь это не искание истины, не стремление к достоверному, а только непринужденная (а подчас и азартная) игра в невесомости.

По-другому строит свою игру Владимир Шаров в романе «Репетиции» «Нева», № 1-2). Это произведение замечательно при-

думанное и тщательно сконструированное. Сам автор здесь сочиняет по жестким принципам, которые он для себя определил.

XVII век: несколько десятков подмосковных крестьян становятся по воле опального, удаляющегося в Новый Иерусалим патриарха Никона актерами. Под руководством приезжего режиссера Сертана они получают постоянные роли героев евангельской истории (христиан, римлян, евреев) и репетируют некое действо, которое служит символическим предуготовлением ко второму пришествию Иисуса Христа. Затем нужда в актерам проходит, и они — все вместе — ссылаются в Сибирь. Однако и там не прекращают своих сакральных репетиций: из поколения в поколение они, в полном согласии с предустановленными ролями, передаваемыми как будто по наследству, играют спектакль, оборачивающийся высокой реальностью.

Правила игры очень строги, поэтому жизнь, подчиненная им, идет точнее, чем часы, пока не появляется некто, бросающий будильник об пол.

В XX веке в репетиции вмешивается новая, советская власть. Автор повествует о том, как старинные элементы игры вступают вдруг в причудливые комбинации с изменившимися обстоятельствами. Иногда кажется, что силы необходимости и неизбежности, определяющие поведение персонажей, начинают ослабевать. Однако чуда не происходит. Свобода в конце концов дается всего лишь одному из многих героев, отказывающемуся от своей роли, — да и то как-то случайно...

Вот тут-то и таится, пожалуй, главная слабость авторской концепции. Автор не смог не только удовлетворительно решить, но даже и точно поставить проблему личной свободы. У него не возникает повода утвердить идею свободы, без которой непредставима евангельская этика. Да и вообще личная свобода у Шарова, как правило, отходит на задний план, уступая в своей значимости судьбе общей, судьбе обезличенной.

Принудительность замысла сказалась в самом важном — в истолковании природы человека. Люди оказываются статистами на театре заранее предписанной им жизни, им вменено следование железной матрице общей судьбы. Роман мифичен, действительность в нем подчиняется принципу вечного возвращения, снова и снова возводит себя к изначальному архетипу. Но вполне очевидно, что после учителей человечества, после пророков и Иисуса Христа такое понимание жизни и человеческой сущности не может уже считаться бесспорным, и не является в конечном счете достоверным.

Правила игры, таким образом, становятся ловушкой, в которую попадает герой (да и автор тоже). Подобное ограничение персонажа в его человеческих возможностях — явление довольно распространенное.

Взамен жесткой логики часто идут в ход причуды и странности, немотивированные гротески заполняют повествование. Повороты судьбы в результате оказываются случайными. Они не определены ни фатальной логикой обстоятельств, ни собственной волей героя. Возникает ощущение, что герой – всего лишь марионетка в руках автора. Захочет капризный автор – и герой проживет, не меняясь хоть вечность. Не захочет – и уже завтра его все забудут.

Примерно так обстоит дело в фантазмагорической антиутопии Виктора Пелевина – повести «Омон Ра» («Знамя», № 5). Автор доводит до абсурда процесс отчуждения человека социальной системой. Система словно бы сходит с ума, возвращаясь к «дологическому сознанию» мифологического типа. Имя не отличают от сущности, идею от вещи, пропагандистский бред становится чуть ли не единственной возможной реальностью. Повесть придумана остроумно, но моему восприятию ее достоинств мешал элемент произвольности в выдумках автора. Все время приходилось ждать каких-то сюрпризов, новых внезапных поворотов. Лишь одной из подобных неожиданностей кажется попытка Пелевина в финале разрубить гордиев узел необходимости и освободить героя. Особой убедительности, духовной логики в этой попытке нет. Как и у Шарова, это – почти случайное событие.

Схожим образом выдумана реальность в «фантастической хронике» Александра Бородини «Парадный мундир кисти Малевича» «Дружба народов», № 9. (Здесь палач сталинского закала вместе со своими жертвами попадает в мир достигнутого бессмертия. В мир, где просто-напросто нельзя умереть: тут же оживают. По-моему, писатель не слил воедино анекдотический план этой ситуации и попытку философского ее осмысления. Интрига в повести есть, а смысла в ней мало. Автор лишает героев способности меняться, они тянут свою старую лямку. Но мотивирован этот рок в основном опять же только авторской волей.

И уж вовсе без всякой философской подоплеки вершит свой авторский произвол Алексей Слаповский в «авантюрном романе» «Я – не Я» «Волга», № 2-6). Простой советский обыватель приобретает способность меняться своей телесной оболочкой с другими людьми. Даже в генсека ему удастся вселиться. Писатель изобретателен, но в хронике метаморфоз отсутствует осмысленная духовная логика. Случай правит миром, а под маской случая скрывается сам Слаповский.

Непринужденная игра с реальностью в литературе свободной от любых обязательств и даже просто от каких-либо серьезных намерений, наверное не хуже, чем литературный рабский труд по госприказу. Появилось много произведений, не ориентированных ни на большие идеи, ни на читателя, некие самоцельные артефакты. Лет десять назад такое творчество можно было считать эстетической

формой бунта против суконного соцреализма. Теперь оно только выражение гедонистической игры, повод для демонстрации явных или мнимых достоинств автора.

Многие художественные эксперименты являются игровыми попытками обвести грубую действительность вокруг пальца. Писатель стремится возместить несовершенство жизни, компенсировать художественными средствами ее грубую, дерюжную простоту, приодеть ее и разукрасить по-своему. Карнавал, полный забав со временем и пространством, устраивает в своей эссенцистической прозе Анатолий Королев (повесть «Голова Гоголя»: «Знамя», № 7). В забавном «романе-клипе» Владимира Зуева «Черный ящик» («Знамя», № 3-4) – почти сплошной частокол из перевранных цитат и стилизованных гримас на темы родной словесности.

Можно вечно странствовать налегке по культурным эпохам и мифам, делая остановки где и когда захочется – а назавтра с утра снова пускаться в путь.

Мечту о дивных райских куцах можно было перенести из географического измерения в историческое. Мечта ушла в будущее, стала социальной утопией. Мы знаем, чем это кончилось. И на пороге XXI века, обжегшись на молоке социальных утопий и экспериментов, дуем на воду. В час, когда уже почти нечем питать наши стремления к великому, не осталось ли только одно – играть в бисер?

В культуре XX века силен был дух эксперимента. Законом творчества стало изведывание возможностей, испытание самых рискованных замыслов, прослеживание логики самых неожиданных фантазий. Это дух игры и мистификации, провокации и шока. Художник свободно относится к культуре былых времен и экзотических народов, воспринимая ее как необъятный резервуар смыслов, приемов и форм, откуда можно невозбранно черпать полными горстями.

Когда сегодня нечто подобное возникает в русской литературе, мы вправе предположить, что отныне она, как то бывало в старопрежние эпохи, вступает в активное взаимодействие с культурой мировой – и следует общим ее закономерностям. Есть, конечно, в нынешних экспериментах привкус ученичества. Но проблема однако состоит еще и в том, какие истины откроются нам в этом разноцветье. Пусть художник сможет допустить и реализовать любую возможность. Важно, однако, что не всякая из возможностей имеет хотя бы косвенное отношение к реальным проблемам человека в мире, к экзистенциальным основам его бытия. А мне хотелось бы настаивать на том, что именно глубина осмысления этих проблем является важнейшим критерием значительности литературного произведения.

Характерна эволюция Михаила Кураева. Когда-то, в «Капитане Дикштейне», ему удалось соединить придуманную интригу

судьбы с трагической правдой истории. Эпохальные обстоятельства загоняли героя в тупик, он лишался всего, что имел, даже имени. Но и в тупике герой не смирялся с «бесчеловечностью» поражения, он находил в себе силы сопротивляться и возможность достойного существования. Эта диалектика свободы и необходимости и волновала в прозе Кураева.

Ныне писатель теряет интерес к законам реальности, отдается свободному полету воображения. Его новое сочинение «Дружбы нежное волнение» («Новый мир», № 8) названо в тексте «записками галерного раба истории». Но история в ее подлинном, трагическом смысле здесь не ночевала. Предмет повествования – казус. Писатель плетет нить интриги из пустяков и несуразностей, опутывает событийную канву обильными рассуждениями и необязательными словопрениями. Но отчего же теперь нисколько не впечатляет искусственность автора?

Игрой, сколь бы она ни была виртуозна, быстро насыщаешься. Это чувствуешь, пытаешься одолеть опусы Королева, Зуева или, скажем, Сосноры («Книга пустот»: «Звезда», № 4, «Летучий Голландец»: «Юность», № 4-5). Оригинальность приедается и становится пустой декоративностью, коль скоро она не связана с постижением бытийных загадок, с прорывом из мира иллюзий к высшей истине. Праздник непослушания подошел к концу. И хочется видеть в прозе меньше случайного или намеренного – и больше обязательного и необходимого для ума и чувства.

К финалу идет сложный роман Александра Солженицына с революцией. Соединение отторжения от нее и замороженности ею определяют тон повествования в гигантском цикле «Красное колесо», с последним романом которого «Апрель семнадцатого» начал нас знакомить «Новый мир» (№ 10-12), а окончание обещано в «Звезде» в 1993 году.

В последние годы широкая аудитория получила столько текстов Солженицына, что наступило, по-моему, некоторое пресыщение. Этот огромный открывшийся в одночасье мир трудно сразу вместить в себя. Однако качество самого романа от этих обстоятельств не зависит. Он – стоит вчитаться – увлекает, засасывает. Читателя обжигает дыхание великой исторической драмы, масштабно воссозданной и осмысленной в романе, действительность которого формируется на грани документа и вымысла, в многократном взаимоотражении разных зеркал эпохи.

Обычно Солженицын обнажает неготовность людей к восприятию и оценке подлинного характера разворачивающейся драмы, несовпадение масштабов – исторического и человеческого. «С ураганом пламени – разговаривали на комнатном языке». Солженицынские портреты исторических деятелей обличают их ограниченность,

предвзятость. Но это, может быть, одна из причин того, что многим персонажам «Красного колеса» не всегда хватает полноты человеческого бытия. Это, главным образом, мужчины в политике – сфере довольно грубой и примитивной по своим запросам. В душах героев далеко не всегда различимы мерцание духовной свободы, персонаж отмечен печатью скучной предопределенности – его общественным положением, политическим реноме. Персонаж несоразмерен не только истории, но и вечности, в свете которой открывается вся глубина человека.

Исключением, может быть, является Воротынцев. Но зато он обычно и пребывает в роли наблюдателя, он бессилён что-то изменить и не может вмешаться в происходящее. Сама логика квазиисторического повествования ограничивает Воротынцева в возможностях, не позволяя встать на путь активной борьбы, деятельного героизма. Как кролик под взглядом удава, остолбенела эпоха и, подобно шапке снега, сползает с горы в пропасть. Альтернативы одна за другой пропускаются, человек влипает в эпоху, «как топор в тесто». Его вовлекает в воронку и несет мощным потоком обстоятельств. Зрелище неутешительное, даже зловещее. Автору легко дается демонстрация предопределенности в событиях минувшей эпохи. И железная поступь Рока слышится на каждой странице.

Рикошетом роман о 1917-м годе, написанный в Вермонте, ударяет по сегодняшнему дню. Возникает переключка, перезвон времен, охваченных брожением и устремленных в непредваренное будущее. Но там, в прошлом, все уже свершилось, и фантастическое настроение, может быть и невольно дающее о себе знать в романе, оправдано всеведением автора, знающего не только начала, но и концы. Предопределенности не было там – нет ее и здесь. И, читая роман, старательно фиксируешь моменты возможных переломов, когда история готова была идти совсем иным путем. А возвращаясь к творческому поиску автора, вдруг подумаешь: может быть, на самом деле предстоящее освобождение писателя от груза великой задачи даст ему возможность более свободно отдаться творческому вдохновению? Весь мир в свидетелях, он выполнил историческую задачу, сказав нам о советском режиме больше многих и многих. Не пришло ли и для него время писать как бы только для себя и Бога?.. Впрочем, все эти вопросы – скорее предварительные догадки, домощенный проект, не претендующий на директивность.

Грандиозная историческая хроника Солженицына, заметим, не единственная в текущей литературе. Вдохновленный, может быть, его опытом, приступил к созданию романа «Лики бессмертной власти» Анатолий Ананьев, добросовестнейший из эпигонов в современной словесности. Первая книга романа, «Царь Иоанн Грозный» («Октябрь», № 3-6), – едва ли не самая объемная проза года.

Подмечая в пространном тексте гуманную тенденцию, удивляешься трудолюбию автора, его терпению и усидчивости. Хватит ли этих качеств у читателя? Не знаю, хотя историческое повествование у нас всегда находило себе аудиторию.

Окружающая действительность сегодня настолько разнообразна и пестра, что можно бы, кажется, ждать писательского ажиотажа вокруг нее. Но литературные опыты, затрагивающие современные темы, немногочисленны. И вот что бросается в глаза: минорный настрой, растерянность и потерянность, не смягчаемые никакими художественными вуалями.

Подумайте, как в советскую эпоху рвался человек на волю, с какой мученической мукой взламывал он изнутри прочный гипс обстоятельств, как проклинал порой окаменевший строй! Представление об этом дают и некоторые публикации года, произведения, написанные давно и недавно, будь то повесть о генерале, которому пришлось делать выбор между служебной карьерой и дочерью, рвущейся к мужу в Израиль (Владимир Максимов, «Как в саду при долине»: «Октябрь», № 6), рассказ о полубезумном «советском Гобсеке», пытавшемся обхитрить чуждую ему эпоху (Алексей Варламов, «Сочельник»: «Новый мир», № 6) или несколько живописных, в разной степени трогательных и жестоких женских историй (Людмила Улицкая, «Сонечка»; «Новый мир», № 7, Нина Садур, «Юг»; «Знамя», № 10, Марина Бернацкая, «Серафима, ангел мой»: «Знамя», № 2 и др.)...

И вот – случилось. Тиран умер, как восклицал, говорят, товарищ Берия над трупом вождя и учителя. Режим рухнул. И что же мы видим?

Маститый Сергей Залыгин в новом своем рассказе «Как-нибудь» («Новый мир», № 4) ищет обобщающей характеристики перемен и устами героя произносит вердикт: жизнь оголилась, предельно упростилась, лишившись «театральности». Очевидно, это означает для автора как раз конец стабильного обихода, распад привычек, еще недавно устойчивых культурных связей и остановку надежных прежде механизмов. Домашняя оппозиционность режиму и культурная оснащенность оказались ненужным атавизмом. Залыгинский герой совершенно подавлен происходящим кризисом простейших основ миропорядка. Хаос проник в дом, в ежедневный быт, вместе с женихом дочери, предприимчивым «хамом», живущим по каким-то другим законам и даже говорящим на другом языке. Автор не оставляет герою другого выбора, кроме как – сдаться, забыть о себе, оцепенеть и тихо доживать свою ненужную жизнь в соответствии с названием рассказа – какнибудь.

Но характерно, что не только герой Залыгина капитулирует перед новой действительностью. Это распространенное явление,

свидетельствующее о серьезных затруднениях человека, попавшего в непривычный мир.

В небольшом романе Людмилы Петрушевской «Время ночь» («Новый мир», № 2) столбом стоит повседневный кошмар жизни, без начала и конца. Средства автора известны: это натуралистический гротеск и психологический парадокс. Но парадоксально и то, что повествование выглядит вполне реалистичным сколком с действительности, оттиском заурядных житейских будней. Человек безысходно блуждает в жутком мире-лабиринте. Он обречен на страдание и одиночество. Герой Петрушевской – это безумный слепок с безумной реальности. Перед нами дневник женщины, которая в мире, где нет ясных ориентиров, права во всем и ни в чем не права, вполне нормальна – и совершенно больна. Писательница уже не раз выводила на обозрение таких персонажей. Вспомним хотя бы героиню рассказа «Свой круг», истязавшую собственного ребенка, чтобы обеспечить ему сносное будущее после своей смерти. На сей раз ужас бытия сгущен еще круче и подан еще масштабнее.

Автор влетает в сеть греха тонкую нить покаяния. Но полная безнадежность финала обесценивает страдальческие порывы героини высь. В прозе Петрушевской угадывается стремление обобщить до предела впечатления бытия. Но, возможно, она становится заложницей своего монологического метода, исповедь персонажа заводит нас в тупик, откуда нет выхода. Это голос, направленный в пустоту, безответное «ау», поневоле переходящее в разговор с собой, в полубезумный бред.

Проза Петрушевской, быть может, как «шоковая терапия» и нужна. Но возможности ее, пожалуй, ограничены. Ибо бред и ужас не могут быть последними истинами человеческого бытия. Они есть свидетельство о духовном изъяне, о вопиющей неполноценности постсоветского человека.

Да, поистине: старое кончилось, новое еще не начиналось в нашей литературе, окаменевшей в недоумении возле хладного трупя империи: то ли оплакивать, то ли проклинать, то ли все же оставить мертвым хоронить своих мертвецов... Зачарованность вчерашним днем лишает художника творческой воли к освоению новой реальности. Иногда складывается впечатление, что он потерял способность к риску, страшится неопределенности и непредустановленности. Конечно, проще жить старым, шлифовать давно освоенную технику письма. Только все равно ведь приходится заново осмысливать свои взаимоотношения с реальностью. Тупиковый опыт не отражает глубинную правду человеческого существования в сегодняшнем мире. И, повторюсь, герой, связанный по рукам и ногам прежним опытом, завтра может не понадобиться.

В давно написанных, а опубликованных лишь сейчас «Записках Жильца» Семена Липкина («Новый мир», № 9-10) само название программного «Жилец» – частный, партикулярный человек, далекий от глобальной стратегии эпохи. Он по традиции или наугад строит свою систему понятий и ценностей – но в XX веке обречен на драматический контакт с ценностями и практикой тоталитарного государства. Липкин последователен в сопоставлении естественных людских забот, традиционных норм добропорядочности, на которых издавна стоит мир, и великого безумия эпохи.

В обычном, нормальном обществе даже небезупречные люди грешат как-то нестрашно. Ну, жадность. Ну, эгоизм. Но и самые завязые грешники не претендуют на то, чтобы директивно подчинить себе весь мир. Такое стремление здесь равнозначно сумасшествию.

Однако в «империи дьявола» простая человечность ежемоментно испытывается давлением универсальных приказов, запретов, угрозой репрессий. Спор с веком почти неизменно оказывается смертельным. И смерть приближается к человеку на предельно короткую, повседневную дистанцию. «Ночью ты бил вшей в землянке, а рассвело – не стало ни тебя, ни твоих вшей».

Мораль, основанная на традициях элементарной житейской порядочности, может вызвать к жизни заботу о гонимых, участие к жертвам века. В своей просторной, вместительной хронике Липкин показывает, как это происходит. Показывает и другие опоры в соскочившем с оси мире. Это – крепнущее сознание личного достоинства, это – глубокая вера в Бога... Тут судьбу героя уже определяет вера в высшее начало бытия – и православный церковный староста Антон Сосновик добровольно идет в еврейское гетто – «ради Христа».

Когда идиллия мирной обывательской жизни обрушивается в абсурд и кошмар, автор декларирует единственный оттуда выход к Богу. При этом Липкин смешивает художественную логику с логикой публицистической, но, как бы то ни было, его «Записки» дают повод осознать, что нашей прозе не хватает сегодня духовного зрения. Читатель часто не в силах отыскать здесь поставленных с новой силой «проклятых вопросов», ощутить весомость и проблемность отношений человека с Богом.

Правда, и липкинская хроника с элементами романа воспитания не вполне убедительно раскрывает духовную логику судьбы. Одна история тянет за собой другую, обо всякой мелочи рассказано увлекательно и подробно, повествование течет плавно, широко расходясь в стороны, к частностям и околичностям. К тому же, главные конфликты в этой прозе назревают вне человеческой души, герой воюет с обстоятельствами. И все же «Записки жильца» дают пищу уму и душе, с бессистемной щедростью приобщая к жизни, в которой человек имеет не только социальный, но и религиозный опыт.

В этом свете сознаешь, чего не хватает, например, в «отрывке из поэмы» в прозе Алексея Цветкова «Просто голос» («Знамя», № 8). Автор тщательнейшим образом воссоздает духовный мир и обиход престарелого римского аристократа времен империи – в форме записок, монолога героя. Цветков, сосредоточившись на личной судьбе, стремится к полному совпадению с персонажем: даже слог – медленный, вязкий, текучий – как будто заражен старческой апатией. Но к чему все эти труды?

Обратим внимание на то, как персонаж формулирует свою задачу: «я... как бы дерзаю овеществить эфемерное и положить эту шкатулку доказательством моего краткого пути из небытия в ничто». Парадокс: жизнь, обрываемая навсегда, ничего не стоит – зачем же о ней так скрупулезно свидетельствовать? Ведь по логике подступающего небытия, всякое уникальное явление теряет смысл и цену. Для исповеди в мире между небытием и ничто – нет места... В опубликованном «отрывке» это противоречие не нашло, пожалуй, ни четкой фиксации, ни какого-то разрешения. Автор доказал свою способность ажурной стилизации, и все.

Место человека в мире – это загадка, которую нужно разгадывать. Человек – не просто агент социальных отношений, человеческая природа глубже поверхностных психических реакций и бытовых привычек. Она имеет отношение к последним тайнам мироздания. Присутствие этих тайн далеко не всегда удается почувствовать в нашей прозе. Тем ценнее, на мой взгляд, опыт Фридриха Горенштейна.

Есть ли у нас сегодня более спорный автор? (Удивительно, как мы обленились и пресытились, если публикации Горенштейна почти не вызвали волнения и отпора, словно бы ничего не случилось. В «Москве» Ю.Архипов брезгливо поджал губы: «слог бедный, фактура натужная, ненависть ко всему русскому и России».)

Горенштейн сочетает в романе «Псалом» («Октябрь», 1991, № 10-12, 1992, № 1-2) чрезвычайно рационализированный подход к действительности с совершенно иррациональными взлетами. Арифметика рассудка сплетается с мистикой интуиций. Это – почва для противоречий, которых и впрямь немало в романе.

Автор решается напомнить об абсолютной реальности, о Господе, – а создает ткань художественного вымысла. Религиозный текст безусловен – художественный текст условен. А Горенштейн их отождествил.

Его главный герой – Дан, Антихрист – посланец Господа, направленный в мир для проклятия и суда. Но ведь это – не реальная личность, а фантом воображения. Писатель на равных сопоставляет Дана с Иисусом Христом, однако что бы вы сказали, если бы и Христос оказался плодом вымысла? Каким стало бы его значение для нас?

Не слишком ли самонадеянно поступает Горенштейн, выдавая свое, человеческое, – за Божье? Но и где та грань, где кончается верное служение, а начинается кощунственный произвол?

Горенштейн дает повод для подозрений в нелюбви к России. А почему? Потому, что выносит приговор целым народам. И при этом подчас упорно исходит из идеи роевой общности, родовой вины.

В частных случаях писатель ищет общее. Неслучайно главы романа названы притчами. Но в этой прозе есть и конкретность личной судьбы. И наказывает Горенштейн отдельных людей. Автор вообще обладает исключительно острым ощущением личности. И если иногда он скажет, что «подлинная Родина человека – это... нация, к которой он принадлежит», то часто оказывается иначе: в истинном смысле человек находит себя только в своих прямых отношениях к Богу. Все прочие отношения и союзы – и неизмеримо менее значимы, и зависимы от этой высшей связи.

А подчас кажется, что Горенштейн вообще не терпит роевого, племенного, и нет для него хороших народов, а есть только личность, верная Богу – или изменившая ему. И все же до конца не ясно, насколько дорога писателю идея человеческой особи, уникальности...

Здесь исток противоречий. Свободный поиск у Горенштейна сталкивается подчас с предвзятостью, с предубежденностью. Он то и дело противоречит сам себе – и знает правду, и не знает ее. И почти неизбежно его роман вызывает встречный ход чувств и размышлений, особенно когда речь заходит об евангельских коллизиях.

Горенштейн суров к человеку, и тут он берет на себя едва ли посильную для человека ответственность. Впору упрекнуть его за гордыню: уж слишком непримирим он к слабости человека, отпавшего от Бога. Но оборотная сторона его жестокости – способность наделить бытие непревратным смыслом. Человек служит Богу – и в этом смысл его существования. А страдания, которых так много в прозе Фридриха Горенштейна, получают объяснение и оправдание как вышняя кара за грехи. (И Россия, согласно выводу писателя, наказана за то, что служила ложной имперской идее, а не Господу.)

Человек без Бога – ничто, но с Богом он – все. А внешние, приводящие обстоятельства – несущественны. И коль скоро человек способен к верности, то писатель вправе чуть ли не директивно утверждать: «Всякая жизнь и всякая судьба, даже горькая жизнь и мучительная судьба, когда она проходит, должна складываться в Псалом». А псалом есть песнь, адресованная Богу.

Получается, что и отдельное, и общее мучение имеют свой смысл. Суров и грозен Бог Горенштейна. Безжалостен и непримирим. Каким-то величественным холодом часто веет со страниц «Псалма». И сечет, сечет Господен бич народы...

Трудно душевно согласиться с таким образом мира, где нет места милости. Да и иные имеем мы свидетельства, хотя с ними не очень-то хочёт считаться писатель. Или не очень-то хотел?

Мне сложно здесь гадать об эволюции художественного мирозерцания Горенштейна. И все же в более поздних его сочинениях появляются новые ноты — это факт.

Минуя повесть 1988 года «Последнее лето на Волге» («Знамя», № 1), выполненную в жанре путевых заметок, хочу сказать о повести 1981 года «Яков Каша» («Дружба народов», № 5-6). Это история жизни «старого стахановца, старого большевика-комсомольца-сталиниста, активиста, атеиста-язычника, антисемита, несчастливового брата нашего». Метко схвачен социальный характер, но он не самоцель. Герой поставлен на пронзительном сквознячке вечности, ее свет размывает жесткий контур типажа. Яков родился и живет не всерьез, «в шутку», ложными целями и задачами — и писатель с необычайной ясностью обнажает эфемерность, случайность, зыбкость жизни без Бога.

Человек, отринув высшее начало, исключив из души тягу вывсь, превращается в метафизическую иллюзию, в фантомальную мнимость. Судьба Якова — трагикомический гротеск, где каждая награда оборачивается наказанием, где единение с массой под фальшивыми лозунгами в итоге приводит к заскорузлomu, безрадостному одиночеству, а возмездие сплетается с искуплением, с прощением, даруемым без заслуги, едва ли не исключительно по воле автора, исполнившего евангельский завет любви к «несчастливому врагу нашему».

Л.Петрушевской удавалось столь же убедительно засвидетельствовать роковую порчу реальности, лишенной изначальных основ солидарности, сочувствия, взаимопомощи. Но житейская жуть у нее отвердевает в каменные гримасы. Все происходящее происходит на плоскости, а ворота к небу заперты на тяжелый амбарный замок. В романе «Время ночь» есть иногда трогательная жалость, но трудно найти милосердие и обетование свыше. Горенштейн же умеет пролить на кошмары социального бытия небесный искупительный свет. Он открывает в человеке, хотя бы от противного, его таинственную глубину, его устремленность к высшему смыслу. В час, когда обесценились все земные святости, писатель говорит о том, что есть еще в мире абсолютный гарант, обеспечивающий надежную опору среди превратных обстоятельств жизни.

Говоря об отражении в словесности современных духовных исканий, не пройдешь мимо романа Александра Иванченко «Монограмма» («Урал», № 2-4). Он написан уверенной рукой, тщательно сконструирован, отшлифован. Это коллаж из комментариев к фотографиям из семейного альбома, житейских сцен — и буддийских

медитаций главной героини. Место действия – советский «городок У. по колена в снегу. Городок У. по колена в бреду».

И вот книга жизни, полная примет современности, книга, в которой много мучительных страниц, обрывается пустотой. Героиня, Лида Черновол, из советской житейщины, из бреда по колена уходит к вневременной и внепространственной истине, в ее чистоту, ее сияние. Она отдается медитативной практике буддизма. Прежнее страдальческое существование тем самым обесценивается, оказывается только иллюзией. И если у Горенштейна избавление от миражей обеспечивается служением Богу, то у Иванченко подлинным фактом становится обретенное тождество Лиды с Шестым патриархом, Ли Ду, а окончательной реальностью – пустота, небытие. Таков оптимистический финал.

Роман имеет характер симптома. Автор подтверждает некоторые наши догадки: и насчет глубокого кризиса духовных основ, на которых традиционно зиждилась культура России, и насчет миражности человеческого существования, сосредоточенного на пяточке бытовых неурядиц. Однако то, что надлежит считать позитивной программой, внушает не меньше сомнений и подозрений.

С нашей точки зрения, о Лиде можно сказать, что она выбросила белый флаг, не сумев справиться со своей свободой, отказавшись от личностного начала. Есть что-то роковое в ее судьбе. Ее влечет некая сила, которая одноименна с авторской волей, но по замыслу, очевидно, восходит к тем религиозным истокам, к которым Иванченко приводит героиню. Лиде предназначено все то, что в итоге с нею свершилось. Она не сама это выбрала. Эта предопределенность противоречит нашему знанию о свободе. Не о той, чисто внешней игре амбиций, а о той, подлинной, которая делает возможными наши решения, о сущностной свободе, дарованной человеку. Иванченко об этой свободе ничего не хочет знать – и по-своему последователен, когда прибегает в романе к поэтике страшилок, с их фатальной логикой судьбы, влекущей персонажа по кругам ада.

Исход лидиной одиссеи слишком многое отменяет не только в ее судьбе, но и во всей истории России, в целом Запада. Легко, наверное, смириться с художественным упразднением брутальной советской реальности. Но можно ли так же легко поставить крест на всей русской истории? И можно ли вовсе пренебречь духовными исканиями западного человека, сосредоточенными вокруг решения проблемы мирового зла? А ведь реальность этого зла в свете лидиной эволюции теряет основу: нет ни добра, ни зла там, где царит пустота...

Если таков был замах Иванченко, то он требует большей убедительности, чем просто художественный вымысел. Не средствами изящной словесности доказываются религиозные теоремы. Даже сама наличность текста романа вступает в странное противоречие с

той истиной небытия, которой увенчано его здание. Роман выглядит существующим, он напечатан в журнале, в то время как на самом деле он не мог состояться. «Говорить, молчать, внимать, не внимать – это неправильное применение разума. (...) Ибо Дхарма – это Пустота», – так ведь сказано в «Монограмме»! Здесь был бы уместен Коран, но никак не пространный роман, производящий впечатление агитационно-пропагандистского пособия для популяризации буддийских идей.

Но автор ставит такую жирную точку в финале, что все недоуменные вопросы теряют адрес. Только и остается, что посетовать на облегченность творческих задач. Лишняя героиню свободы, Иванченко сохранил ее за собой, не отважившись продуктивно разрешить парадокс не только самоупражняющейся лидиной судьбы, но и самоупражняющегося, по логике вещей, текста.

По поводу прозы Иванченко заметим еще вот что: и здесь, и у других авторов в повествовании соединяются воедино картины жизни, публицистические рассуждения, документ или его имитация, философский трактат... Не есть ли такой эклектизм – наиболее очевидный отклик на запрос нового времени: попытка справиться с хаосом бытия путем ассоциации разных способов осмысления реальности? Поиск абсолютного критерия выражается и в апелляции к сакральным писаниям (у Горенштейна, Шарова, Иванченко). Что это: временные затруднения – или знак смены литературной парадигмы, слабость художника – или опыт культурологического обобщения бытия, попытка выразить всю полноту знания? На этот вопрос пока трудно ответить.

В цикле «Апокрифы нового времени» у Юрия Буйды («Октябрь», № 3) есть два рассказа-эпилога к тому, что было и завершилось. Они отчетливо мифологичны, частным событиям здесь придан статус общезначимости, а реальность гротескно искривлена. Из фантастических подробностей складывается образ времени, образ страны и народа. Густой настой быта кипит советскими трихинами.

В рассказе «Отдых на пути в Индию» Буйда доводит до абсурда пропагандистскую ложь газетного официоза образца 1952 года. С эпической невозмутимостью он повествует об экспедиции, снаряженной из Москвы в Индию на теплоходе «Генералиссимус». Быть может, речь идет и о пути в «светлое будущее», в «земной рай», о пути, на котором «нам нет преград», а потому обречен живущий вне истории городок, попавшийся по дороге. При почти единодушном одобрении здесь произойдет форменное опустошение, да и дети горожан уйдут вместе с кораблем, сгинут навсегда. А теплоход найдут безлюдным и проржавевшим в зарослях и иле... Скажите, чем не метафора пережитой нами в XX веке катастрофы?

В другом рассказе, «Чудо о Буянихе», писатель создает эпический образ героини, охраняющей надежный порядок и строй бытия. Буяниха — это языческая Берегиня в человеческой плоти, страж традиций и гарант порядка. Она имеет звания — «Женщина-Вихрь, Царица Базара, Повелительница Облаков и Сновидений, Непорочная Дева, Попечительница Слабых и Убогих, Дева-Богатырша». Куда до нее искандеровскому дедушке Вартану, не претендующему на такую гиперболическую обобщенность. Но и Буяниха смертна. И ее смерть дает возможность осознать, что именно на ней стоял этот мир, искаженный и поврежденный в своих основах, но способный еще держаться на краю пропасти, пока такие люди в стране советской есть...

Да, уходит эпоха с ее драмами и парадоксами. Уходят люди, чья нравственная сила держалась на верности патриархальным традициям, стародавним нормам благоустройства.

Впереди — пространство исторической свободы. Человек отрывается от всего, что его связывало, — но найдет ли он меру и цель жизни, которые позволят выйти к достоверной реальности, за пределы краткого мига между двумя безднами небытия? Сможет ли человек жить и выжить — достойно?

В финальных главах книги «Последний поклон» Виктор Астафьев живописует ужасы нашего бытия и обличает наше вырождение. И вот под конец он пишет: «на вере в чудо, способное заглушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадеежить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего, Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас!»

Ах, это извечное российское упование на чудо! Это разбитое корыто надежд! Этот аккомпанемент исторического капитулянтства. Конечно, не вина Астафьева в том, что проза 92-го года дает мало оснований для оптимизма. Белой вороной здесь выглядит повесть Алексея Варламова «Здравствуй, князь!» («Знамя», № 9). В ней есть что-то освежающее и ободряющее. Все силы темного царства восстают на молодого героя, студента Саввушку. Но благородный, чистый юноша отвергает и сделку с хроническими монстрами КГБ, и соблазны гессевской Касталии. Он уезжает в далекую провинцию, чтобы учить детей, совершать прочие великие подвиги, в то время как его отец, погрязнув в компромиссах и растратившись на интриги, бесславно и поспешно сходит со сцены.

«Вот эти саввушки и есть будущее России», — заметил один критик. И я с ним согласен. Как согласен с тем, что перед нами пока что только ангажированная беллетристика. Но меня мало трогают регулярные сегодня рассуждения о принципиальной независимости литературы от жизни с ее запросами и нуждами, о полной суверенности художника. Вчера в них был смысл. Но когда реальная свобода творчества для писателя обеспечена, все эти слова теряют большую

цену. Литература все-таки не может являться абсолютom. Она была вправе подчиниться или не подчиниться партийной организации — но она не вправе без ущерба для себя отворачиваться от вечных проблем мироздания, отягощенного злом и грехом. Она не должна пренебрегать чаяниями беспокойного духа, рвущегося к истине. Иначе он становится только досужим рукоделием праздных людей.

Литература приходит к осознанию великого значения личности. Но личность в литературе далеко не до конца раскрывает сегодня свой духовный потенциал. Индивидуальный опыт героя прозы часто вызывает жалость, но редко волнует чувством сопричастности, переживанием соучастия в движении к смыслу существования. Персонаж то ленив, то заморочен, то просто не в себе — ему некогда задавать роковые вопросы и отвечать на них. Если в этот мир и приходит истина, то она часто навязывается герою извне.

Парадокс: социальное освобождение, раскабаление выявило чудовищный осадок внутренней несвободы в душе человека. Стальные объятия разомкнулись, но что нам делать с самими собой? Человек в литературе связан — будничной лямкой, социальной ролью, политическим интересом, своей национальностью... Размышляя о литературе, видишь изобилие форм несвободы героя (и автора) — но как мало здесь людей по-настоящему открытых навстречу приливу бытия. Редко кому удается воспринять мир как осмысленное единство. Пока что в лучшем случае мы проходим уроки довольно малоподвижного одиночества.

Есть ли еще нужда в такой прозе? Осталось ли в диком поле, на зловещих руинах империи, где каркает воронье и тявкают шакалы, — место для литературы? Осталось ли еще здесь место и для питомцев империи, и для вечных оппозиционеров, не желающих прощать власти ее преступлений и подлостей и — тем не менее — как оказалось, крепко связанных с прежними формами и идеями (будь то культура одического пафоса, будь то сатира, обличение)?

Нет такого места. Его и литературе, и человеку надо отвоевать, не апеллируя к вчерашним заслугам, не попрекая обывателя за любовь к детективам и мелодраме. Мы начинаем жить заново, без упований на прежний стаж и опыт. Мы выходим навстречу опасной и губительной жизни, имея так мало и так много: возможность выбирать и возможность отвечать за свой выбор. И если мы выбираем слово, то не ради же пустика!

Речь не о церковной десятинах на фронте искусств. Но мне хотелось бы иногда испытать при чтении помимо прочих чувств то особое чувство человеческой солидарности, чувство, которое озаряет потемки бедной жизни, когда двое (почему бы не читатель и писатель?) или трое (писатель, читатель и критик) собираются на просоре вечности, чтобы приобщиться к неподдельной реальности.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «КОНТИНЕНТА»

Давно уже приходила мне в голову мысль написать – в полумемуарном, полуследователъском роде – о публицистике «Нового мира» второй половины 60-х годов, к чему по щедрости судьбы я оказался причастен. При теперешнем историческом беспамятстве, на почве которого буйно цветет уже новая мифологизация нашей истории, это, пожалуй, не было бы лишним. Но, взятая в целом, это слишком большая тема, и нужен, по слову Твардовского, «запас покоя, чтоб ей отдаться без помех». Однако 25-летие «пражской весны» побуждает положить на бумагу одно более локальное воспоминание. Адресую его журналу, который, предоставив свои страницы многим из бывших «новомирских» авторов (А. Солженицын, В. Гроссман, В. Некрасов, В. Войнович, Н. Коржавин, В. Корнилов и др.) возродил и развил в 70-е, в условиях бесцензурной печати, ту литературную традицию и те тенденции в публицистике, за которые подвергся разгрому журнал Твардовского. Тем более, что именно в «Континенте» мы в былые годы читали о задавленной

советскими танками «пражской весне» то, что глубоко отвечало нашим собственным чувствам и мыслям.

Быть может, кто-нибудь еще сумеет в полной мере передать, как мы, люди 60-х годов, воспринимали август 68-го, вторжение советских войск в Чехословакию. Это была наша боль, наш стыд, наше отчаяние. Имена А. Дубчека, О. Черника, Й. Смирковского заслонили для нас в ту пору самые лучшие отечественные имена; переснятая откуда-то фотография Яна Палаха, мальчика-самоубийцы из Праги, висела тогда во многих московских домах как образ нашей вины и орудие самоистязания. Но ни единым словом нельзя было даже намекнуть на эти чувства в открытой печати, симулировавшей «единодушное одобрение» преступной акции брежневского руководства и столь же единодушную ненависть к «проискам антисоветских сил». Статья в «Новом мире», о которой я хочу рассказать, была в этом смысле едва ли не единственным исключением. Она — выразительный пример того, как в условиях жесточайшей цензуры, достигшей в ту пору верха изоляции, журнал Твардовского умудрялся говорить своему многотысячному читателю очень и очень многое из того, что было нужно сказать.

Одним из главных приемов эзопова языка тогдашней «новомирской публицистики» была аллюзия: острая современная тема обсуждалась на каком-нибудь отдаленном, политически нейтральном материале, камуфлировалась реалиями иных эпох и стран. И хотя цензура в свою очередь тоже научилась распознавать этот прием и в числе ее запретительных знаков появилась оригинальная формула «неконтролируемый подтекст», все же ей далеко не всегда удавалось ухватиться за изобретательность злокозненного журнала. Сильно мешало ей то обстоятельство, что значительную часть своих «вылазок» публицисты «Нового мира» совершали в невиннейшем жанре рецензии, пересказывая и цитируя какую-то недавно вышедшую и, следовательно, должным образом «залитованную» книгу. Ведь не запрещать же одобрительное изложение того, что сами только что разрешили! Так было и в данном случае.

Первая «пристрелка» к теме состоялась в рецензии-

коротышке за подписью «Э. Р.» (инициалы кандидата технических наук Э. М. Рабиновича) на книгу польского автора Зенона Косидовского «Когда солнце было богом» (№4, 1969). В качестве центрального рецензент извлек из книги рассказ «об одном из первых в истории политических реформаторов Урукагине, который сверг власть жрецов и провел в Лагаше (Месопотамия. – Ю. Б.) реформы в пользу трудящихся. Хотя Урукагина и не думал посягать на установившийся социальный строй, его «либеральные реформы вызвали среди рабовладельческой аристократии остальных шумерских городов сильнейшую тревогу». В результате царь города Уммы «внезапно напал на Лагаш, опустошил его, а Урукагину... вероятно взял в плен и убил» – прямая параллель с подвигами «рабовладельческой аристократии» Москвы, Берлина, Варшавы, Будапешта и Бухареста, внезапно напавшей на «либеральную» Прагу и не остановившейся перед арестом законных руководителей суверенного государства, судьба которых некоторое время была неизвестна.

Но это был, понятно, лишь краткий сигнал «другичитателю». Случай высказаться гораздо серьезнее и шире представился год спустя, когда издательство «Международные отношения» выпустило книгу Е. Б. Черняка «Жандармы истории (Контрреволюционные интервенции и заговоры)». Рецензию на нее написал харьковский литературовед Л. Г. Фризман, в то время активно сотрудничавший с нашим отделом. Наиболее ярким фактом его сотрудничества была статья «Ирония истории», остановленная цензурой, а затем и Агитпропом ЦК по обвинению все в том же «неконтролируемом подтексте». В ней усматривался – и, надо признать, вполне справедливо – намек на то, что октябрьский переворот повторил участь многих прежних революций – несовпадение результатов с исходными намерениями участников. Поскольку редакция отказалась дать замену этой и еще двум задержанным статьям по отделу публицистики, майский номер «Нового мира» вышел в августе и в уменьшенном на 1/3 объеме. После этой многомесячной тяжбы имя автора было, конечно, памятно нашим надзирателям, и уже поэтому они обязательно сделали бы на рецензии стойку, при-

шлось придумывать ему очередной псевдоним.

Дело происходило в начале 1970 года. В Чехословакии добывают «ревизионистов». Вот характерные заглавия тогдашних статей в органе ЦК КПЧ – газете «Руде право» (воспроизвожу по сборнику «Правда торжествует» (!), выпущенному в 1971 году Политиздатом): «Маска сброшена. И. Пеликан исключен из КПЧ», «Как формировался право-оппортунистический центр в Брно», «Карта, которая была и будет бита», «Кому принадлежал Эдуард Гольдштюккер» и т. п. А у нас? Вовсю работает злое постановление апрельского пленума ЦК КПСС 1969 года, предусматривающее «чистку» в средствах массовой информации. Изгоняют с работы «подписантов». В ноябре того же года исключен из Союза писателей А. И. Солженицын. Наконец, февраль 70-го – разгром «Нового мира», что означало завершение реставрации тоталитарной диктатуры в нашей стране.

В этих условиях уже было недостаточно только выражать отношение к августовскому злодеянию 1968 года: важно было решить, что делать дальше, а для этого осмыслить новую историческую ситуацию, проанализировать вероятное воздействие бандитских действий Кремля на ход общественного развития как там, в задавленной нашими танками стране, так и здесь. Вот этому, главным образом, и была посвящена статья Д. Александрова (Л. Фризмана) «Походы бесславные и бесплодные», несколько выдержек из которой позволю себе привести.

«Очень важным и сложным является вопрос о результатах интервенций, об их влиянии на последующий ход исторического процесса. Е. Черняк подходит к его решению с учетом всего многообразия анализируемого в книге материала и его диалектической противоречивости. Он не оставляет без внимания «той роли, которую сыграла интервенция в торможении темпов общественного прогресса. Это замедляющее действие проявлялось и во временной реставрации отживших политических и общественных порядков, и в таком же временном предотвращении их крушения», а также о том, что «интервенция во многом способствовала победе более консервативного из возможных

вариантов общественного развития и зигзагообразного пути исторического процесса...» Вместе с тем автор убедительно доказывает, что «ни в один из исторических периодов интервенционизм не приводил к достижению своих главных целей, а то, чего удавалось добиться, по сути дела перечеркивалось сравнительно скоро, в дальнейшем процессе общественного развития».

Чуть дальше это общее соображение конкретизируется, заодно обрастая узнаваемыми подробностями.

«Конечно, можно указать немало случаев, когда «реакционное безумие, заранее обреченный бунт против законов истории, какими являются контрреволюционные интервенции», приводили к быстрой и, казалось, легко добытой победе. Это случалось в ситуациях, когда военное превосходство интервентов было подавляющим (! — Ю. Б.), когда мощь интервентов поддерживалась внутренней контрреволюцией, готовой сотрудничать с иноземцами против революционных устремлений собственного народа».

Тогдашний читатель легко мог подставить сюда имена высокопоставленных чехословацких коллаборационистов, знакомых ему по частным похвальным упоминаниям в нашей прессе: В. Билян, Д. Кольдер, О. Швестка, А. Индра и др.

«Но конечные итоги подобных нашествий были вовсе не те, к которым стремились их вдохновители. Во-первых, «реакционная интервенция разоблачает антинациональный характер ее союзника — внутренней контрреволюции». Во-вторых, «иностранный вмешательство вызывает новое расслоение в реакционном лагере, способствует отходу от него тех элементов, узкоклассовый эгоизм которых не подавил окончательно патриотические чувства и которых останавливает перспектива соучастия в национальной измене...». Наконец, действия интервентов помимо их воли способствуют обогащению политического опыта масс, пониманию непреходящих ценностей революции, отторгнутых у них иностранными штыками, а сопротивление интервентам, пусть даже недолгое и безуспешное, закаляет силы народа, готовит его к новой, победоносной борьбе».

Это — о том, что происходит (будет происходить!)

там, где демократическая революция оказалась пресечена, задушена благодаря «братской помощи» соседей-рабовладельцев. Это был наш тайный привет чехам, наше «товарищ, верь!». Но поверить, заново собраться с духом важно было и нам самим. А для этого оценить ситуацию и в форме исторических воспоминаний попытаться заглянуть в будущее.

«Далекими от желаемых обычно оказывались и те последствия, которые имели контрреволюционные вторжения для самих стран-интервентов. «Контрреволюционная интервенция, – говорит Е. Черняк, – в конечном счете, всегда противоречила и вредила национальным интересам страны, которая ее осуществляла, укрепляя, пусть временно, позиции реакционных сил, замедляла общественный прогресс или способствовала утверждению особо мучительного для народных масс пути развития... Однако в истории нередко возникали ситуации, когда участие в контрреволюционных интервенциях противоречило государственным интересам, даже в том смысле, в каком они понимались господствующими классами». Так, для Испании XVII века платой за интервенционную политику оказалась утрата положения великой державы и превращение ее во второразрядное государство».

Там, где материала книги не хватало для продолжения мысли, «Д. Александров» к месту вспоминает о критической стороне своих рецензентских обязанностей.

«Не получил в книге Е. Черняка сколько-нибудь полного освещения и вопрос о воздействии интервенций на передовые общественные слои в странах, предпринимавших вторжение. Между тем опыт истории свидетельствует, что интервенции не раз приводили к размежеванию в рядах внутренней оппозиции, отношение к вторжению являлось лакмусовой бумажкой для выявления подлинной революционности. Псевдооппозиционные круги в такие моменты клонились к сближению с властями, поддерживая их в борьбе против «внешнего» врага, а действительно прогрессивные силы под влиянием того саморазоблачения реакции, которым неизменно являлась интервенция, глубже, чем когда-либо, осознавали меру своей исторической ответственности».

сти, расставались с иллюзиями, становились непримиримее, бескомпромисснее, решительнее противостояли насильям и произволу».

Так оно и будет в последующие 15 лет: одни пойдут в «патриоты», и власти раскроют им свои объятия, другие – в диссиденты, во внешнюю и внутреннюю эмиграцию. Да и вообще, как видим, анализ и прогноз, заключенный в этих выдержках, вполне подтвердился дальнейшим ходом событий.

Еще два слова в заключение.

Статья Л. Фризмана пошла в набор не позднее марта 1970 года. Уже месяц как по негласному решению ЦК «Новый мир» был обезглавлен, разгромлен (см. об этом: «Октябрь», № 11, 1990): смещена и заменена благонадежными людьми преобладающая часть редколлегии, с резким заявлением протеста ушел Гвардовский. Но рядовые сотрудники редакции еще оставались на своих местах и вели последние, арьергардные бои – уже на два фронта, пытаясь напоследок «протащить» то, что считали наиболее важным. По разделу публицистики – наряду со статьей гонимого тогда М. Я. Гефтера, с «рецензией» Г. С. Лисичкина, обосновывавшего крамольную мысль о необходимости рынка, с очерком писателя-вологжанина А. В. Петухова о трагической судьбе вепсов, малого северного народа, уже в послевоенные годы лишенного родины (так и не удалось его напечатать), вместе с повестью В. Быкова «Сотников», помещенной в той же книжке журнала, и явилась в некотором смысле нашим завещанием.

Ю. БУРТИН

*сотрудник редакции «Нового мира» в 1967-1970 гг.,
редактор раздела «Политика и наука».*

*В Центре по изучению религий
Вышли в свет книги постоянных авторов
«КОНТИНЕНТА»:*

*Антоний митрополит Сурожский
«Беседы о вере и Церкви» (1991),*

*Христос Яннарас
«Вера Церкви. Введение в православное
богословие». Перевод с греческого (1992).*

*Оливье Клеман
«Истоки. Богословие отцов древней Церкви»
Перевод с французского. (1993).*

Книги можно заказать по адресу:

107071 Москва а/я 426.

*Редакция журнала «Континент»
благодарит за содействие
Эдуарда Молчанова
Игоря Царькова*

*Журнал «Континент»
не ведет коммерческой деятельности
и издается только благодаря помощи спонсоров.*

*Распространители и оптовики
могут приобрести партии тиража
по себестоимости издания.*

*По вопросам подписки и приобретения
журнала «Континент»
обращайтесь по тел. (095) 928-97-42.*

Художник *М. Кудрявцева*

Сдано в набор 04.03.93. Подписано к печати 10.03.93. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,06. Уч.-изд. л. 17,78. Тираж 10 000 экз. Заказ 3630. Цена договорная.

Компьютерный оригинал-макет изготовлен в издательстве «Литература и политика»

107066, Москва, Доброслободская, 6. Телефон: (095) 265-01-07.

Издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Адрес редакции журнала «Континент»: 101854, Москва, Чистопрудный бульвар, 8. Телефон: 928-97-42.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Российском государственном информационно-издательском центре «Республика». Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

К
